

ТЕРРИ

ПРАТЧЕТТ

Премия ННН

РОКОВАЯ
МУЗЫКА

РЕКО

Annotation

Из подцикла о Смерти. В главной роли его внучка Сюзан. Что делать Вселенной, если Смерть внезапно покинул свой пост и вся система начинает разваливаться? Впрочем, Вселенная выкрутится. Не впервой. А вот что делать тебе, если тебя зовут Сюзан Сто Гелитская, тебе 16 лет, ты воспитана в строжайших правилах Логике и Здравомыслия, терпеть не можешь все сверхъестественное, и в данный момент летишь по небу на лошади по имени Бинки, с косой в руках и Смертью Крыс в качестве советника, выполняя работу невесты куда запропастившегося дедушки? -----
----- Привет... э-э... Анк-Морпорк! Это музыка, в которой звучит глас Рока, внимайте сейчас, не то потом будет поздно! Она вытащит вашу душу, вытряхнет, как коврик, и повесит сушиться на забор! Она сведет с ума весь Незримый Университет, заставив волшебников сшить себе кожаные мантии и перекрасить стены спален в черный цвет! Она породит гитарную эпидемию в Анк-Морпорке и устроит в Гад-парке самый Бесплатный Фестиваль, что когда-либо видел Плоский мир! Для справки: это еще не все проблемы. Смерть тем временем опять пошел в народ...

- [Терри Пратчетт](#)
 - [Предыстория](#)
 - [Чем все закончилось?](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
-

Терри Пратчетт

Роковая музыка

Предыстория

Это повесть о том, что было. А вот что было до того, как все случилось...

...Однажды Смерть Плоского мира — по понятным ему одному причинам — спас жизнь маленькой девочке. Ту девочку он привел в свой дом между измерениями, где позволил ей вырасти до шестнадцати лет — поскольку считал, что подростки доставляют меньше хлопот, чем малыши, из чего мы делаем следующий вывод: можно быть бессмертной антропоморфической сущностью и тем не менее ошибаться в простейших, так сказать, смертных вопросах...

...Позднее он взял себе ученика по имени Мортимер, или, сокращенно, Мор. Между Изабель и новым учеником Смерти мгновенно возникла взаимная неприязнь, но все мы прекрасно знаем, чем заканчиваются подобные отношения. В качестве заместителя Мрачного Жнеца Мор потерпел сокрушительное поражение, приведшее к некоторому искажению Реальности и поединку между Смертью и его бывшим учеником. И в поединке этом Мор опять-таки потерпел поражение...

...Однако Смерть — все по тем же, понятным лишь ему одному, причинам — сохранил Мору жизнь, вернув его и Изабель обратно в реальный мир.

Никому не известно, с чего вдруг Смерть заинтересовался человеческими существами, с которыми работал на протяжении долгих лет. Вероятно, причиной тому обычное любопытство. Даже самый опытный крысолов рано или поздно начинает искренне интересоваться крысами, которых прежде беспощадно уничтожал. Впрочем, можно сколь угодно долго наблюдать за крысами, записывать каждую подробность их жизней, но так и не понять, каково это на самом деле — бегать по лабиринту.

Впрочем, если верно утверждение о том, что простое наблюдение изменяет объект наблюдения^[1], значит, наблюдатель тем более должен измениться.

Мор и Изабель поженились.

И у них родился ребенок.

А еще это повесть о сексе, наркотиках и Музыке, В Которой Слышится Глас Рока.

Э-э...

...Ну, одно из трех — не так уж и плохо, правда?

Конечно, это каких-то жалких тридцать три процента, но все ведь могло быть куда хуже.

Чем все закончилось?

А закончилось все одной темной дождливой ночью. Карета, проломив хлипкую, по сути дела бесполезную, ограду, падает с обрыва. Кувыркаясь в воздухе, она достигает далекого дна ущелья — пересохшего русла реки, — где и рассыпается на части.

Госпожа Ноно нервно перебирала бумаги. Вот сочинение. Шестилетней девочки.

«Што мы делали на каникулах: На каникулах я костила у дедушки, у нево есть большая белая лошадь и сад, чорный-причорный. Мы ели яйца и чипсы».

Вспыхивает вытекшее из каретных фонарей масло, раздается взрыв, и из клубов едкого дыма — трагедия тоже подчиняется законам жанра — выкатывается горящее колесо.

А вот картинка. Которую нарисовала девочка в возрасте семи лет. Сплошные черные тона. Госпожа Ноно недовольно фыркнула. Щеботанский колледж для молодых барышень закупал самые дорогие карандаши. Разумеется, всех цветов и оттенков. Но девчонка словно назло выбрала черный.

Последний из угольков с тихим треском щелкает, затухает, и воцаряется тишина.

И тут появляется наблюдатель.

— ДА. Я МОГ ЧТО-НИБУДЬ СДЕЛАТЬ, — бросает он кому-то, скрывающемуся во тьме.

После чего уезжает на лошади прочь.

Госпожа Ноно снова зашуршала бумагами. Она чувствовала себя абсолютно сбитой с толку, она нервничала — впрочем, подобным образом вел бы себя любой нормальный человек, столкнувшийся с этой девчонкой. Обычно бумаги успокаивали ее. Они — сама надежность, на них всегда можно положиться.

Но этот несчастный случай...

Госпожа Ноно не в первый раз оказывалась в такой ситуации. Когда

руководишь большим пансионом, время от времени приходится сталкиваться со всякого рода неприятными известиями. Родители многих девочек частенько уезжают за границу, дела могут быть самыми разными, но зачастую большие деньги чреваты встречами со всякими неприятными людьми.

И госпожа Ноно знала, как вести себя в подобных случаях. Это больно, но не смертельно. Сначала — потрясение, слезы, а затем все постепенно рассасывается. Люди умеют справляться с такого рода новостями. В человеческий мозг заложен специальный сценарий, предусматривающий подобные случаи. И жизнь продолжается.

Но эта девочка была абсолютно спокойна. И подчеркнуто *вежлива*. Кошмарный ребенок! О нет, госпожа Ноно не была лишена сочувствия — несмотря на то что всю свою жизнь посвятила делу образования, — однако ж есть приличия, которые нужно блюсти... Госпожа Ноно точно знала, как следует вести себя в подобных ситуациях, но эта девчонка никак себя не вела, поэтому управительница *слегка* волновалась.

— Э... наверное, тебе хочется побыть одной, поплакать? — подсказала госпожа Ноно, пытаясь направить ход событий в нужное русло.

— А это поможет? — спросила Сьюзен.

Госпоже Ноно это помогло бы. Определенно помогло бы.

— Кажется, ты не до конца поняла то, что я тебе сказала?... — только и смогла вымолвить она.

Девочка долго смотрела на потолок, словно пытаясь решить в уме сложную алгебраическую задачу.

— Я работаю над этим, — наконец отозвалась она.

Она как будто все знала заранее — и заранее все для себя решила. Потом госпожа Ноно попросила учителей присмотреть за Сьюзен, но услышала в ответ, что сделать это будет довольно трудно, поскольку...

В дверь кабинета госпожи Ноно кто-то постучал — нерешительно, словно не хотел, чтобы стук был услышан. Управительница отвлеклась от воспоминаний и усилием воли вернулась в настоящее.

— Войдите.

Дверь распахнулась.

Сьюзен всегда приближалась бесшумно. Это отмечали все учителя. «Жуть какая-то, — говорили они. — Она возникает перед тобой, когда ты меньше всего ожидаешь этого».

— А, Сьюзен, — кивнула госпожа Ноно, и по ее лицу, как нервный тик по пугливой овце, пробежала улыбка. — Присаживайся, прошу тебя.

— Конечно, госпожа Ноно.

Госпожа Ноно переложила пару бумажек с места на место.

— Сьюзен...

— Да, госпожа Ноно?

— С сожалением вынуждена отметить, что тебя снова не было на уроках.

— Я вас не понимаю, госпожа Ноно.

Управительница наклонилась вперед. Конечно, ребенок пережил такое потрясение, однако... в этой девочке было что-то откровенно неприятное. Сьюзен блестяще успевала, но только по предметам, которые ей нравились. Настоящий алмаз — сплошные острые грани и холод внутри.

— Ты опять... за свое? — спросила она. — Ты же обещала, что прекратишь эти глупости.

— Госпожа Ноно?

— Ты снова становилась невидимой?

Сьюзен покраснела. Как и госпожа Ноно, правда та — в меньшей степени. «Совершенно нелепая ситуация, — возмущенно подумала управительница. — Мне-то что краснеть? И... О нет...»

Она несколько раз недоуменно моргнула.

— Да, госпожа Ноно? — сказала Сьюзен буквально за мгновение до того, как госпожа Ноно окликнула:

— Сьюзен?

Госпожа Ноно содрогнулась. Про это учителя тоже рассказывали. Иногда Сьюзен отвечала на вопросы прежде, чем их задавали...

Управительница попыталась взять себя в руки.

— Ты ведь все еще здесь?

— Конечно, госпожа Ноно.

Совершенно нелепая ситуация...

«Невидимость здесь ни при чем, — твердо сказала себе госпожа Ноно. — Просто... она умеет становиться незаметной. Эта девчонка... Она... Но с кем я...»

Управительница перевела дыхание и сосредоточилась. Именно на такой случай она составила памятную записку, которую прикрепила к личному делу девочки.

«Ты разговариваешь со Сьюзен Сто Гелитской, — прочитала госпожа Ноно. — Постарайся не забыть об этом».

— Сьюзен? — наконец отважилась позвать она.

— Да, госпожа Ноно?

Сосредоточившись, госпожа Ноно снова увидела сидящую перед ней Сьюзен. А приложив еще немножко усилий, она даже услышала голос

девочки. Тут главное было избавиться от навязчивого впечатления, что она, госпожа Ноно, в кабинете одна.

— Боюсь, у госпожи Гурец и госпожи Греггс есть к тебе ряд претензий, — с трудом выдавила она.

— Я посещаю все занятия, госпожа Ноно.

— Наверное, так. Госпожа Изменна и госпожа Штамп говорят, что ты не пропускаешь ни одного их урока.

По этому поводу в учительской не раз вспыхивали споры.

— А все потому, что тебе нравятся логика и математика и не нравятся уроки по языку и истории?

Госпожа Ноно снова попыталась взять себя в руки. Девочка никак не могла покинуть кабинет. Чутьочку воображения, и...

— Не знаю, госпожа Ноно, — раздался едва слышный голос.

— Сьюзен, ты меня крайне огорчаешь. Ведь...

Госпожа Ноно замолчала, потом оглядела кабинет, бросила взгляд на записку, прикрепленную к пачке бумаг, вроде бы даже прочла ее, после чего, мгновение поколебавшись, скомкала листок бумаги и бросила в корзину для мусора. Взяв со стола ручку, госпожа Ноно некоторое время смотрела в пустоту, а затем занялась проверкой школьных счетов.

Вежливо выждав некоторое время, Сьюзен тихонько выскользнула из кабинета.

Определенные события должны происходить раньше других. Боги играют судьбами людей, но сначала нужно расставить на доске все фигуры и найти кости.

В маленьком гористом государстве Лламедос шел дождь. В Лламедосе всегда шел дождь. Дождь был основной статьей экспорта Лламедоса. Тут даже располагались знаменитые дождевые рудники.

Дион сидел под вечнозеленым деревом скорее по привычке, нежели в надежде укрыться от дождя. Вода капала с иголок, ручейками стекала по ветвям — дерево служило своего рода концентратором влаги. Иногда на голову начинающего барда шлепались целые комья дождя.

Ему было восемнадцать, он был исключительно талантлив и совершенно не знал, что делать со своей жизнью.

Он настроил арфу, свою новую прекрасную арфу, и сейчас смотрел на дождь, капли которого стекали по его щекам, смешиваясь со слезами.

Боги *обожают* таких персонажей.

Говорят, боги, желая уничтожить человека, сначала лишают его разума. На самом же деле боги вручают такому человеку некое подобие

шашки с дымящимся фитилем и надписью «Динамитная компания Акме». Так гораздо интереснее и значительно быстрее.

Сьюзен слонялась по воняющим хлоркой коридорам. Ее не особо беспокоило, что подумает госпожа Ноно. Ее никогда не беспокоило, что думают другие. Сьюзен сама не знала, как так выходит, что люди забывают о ней, стоит ей того пожелать. А на ее вопросы никто не отвечал, почему-то все очень смущались, когда она затрагивала эту тему.

Некоторые учителя словно не видели ее. И Сьюзен это вполне устраивало. Обычно она брала с собой в класс книгу и спокойно читала, пока другие ученики изучали основные статьи клатчского экспорта.

Арфа была поистине прекрасной. Таким инструментом мог бы гордиться любой мастер: ничего не отнимешь, ничего не прибавишь — в общем, настоящий шедевр. Человек, создавший его, не утруждал себя всякими завитушками и позолотой, и правильно: на этой арфе любые украшения выглядели бы кощунственными.

А еще арфа была новой — достаточно необычный факт, ведь в основном арфы были старыми. Старыми не в том смысле, что с инструментами плохо обращались, нет, просто... Иногда нужно заменить корпус или гриф, натянуть новые струны, ничего страшного, но сама арфа от этого не молодеет. Опытные барды утверждают, что чем старше арфа, тем лучше, однако старики вечно говорят что-нибудь подобное.

Дион щипнул струну. Нота повисла в воздухе и медленно стихла. Арфа была новенькой, блестящей, но звенела как колокольчик. А как она будет звучать, скажем, лет этак через сто?!

Чепуха все это, сказал отец. В земле наше будущее, а не в каких-то там нотах.

И это было лишь началом...

Потом он сказал еще что-то, а потом Дион что-то сказал, и мир вдруг изменился, стал новым, неприятным, потому что сказанные слова обратно не веротишь.

«Ты ничего не понимаешь! — сказал Дион. — Старый дурак! Я посвящу свою жизнь музыке! И очень скоро люди заговорят обо мне как о величайшем музыканте всех времен!»

Глупые слова... Как будто настоящего барда заботит мнение других людей. Нет, судить его могут только те, кто всю жизнь слушает музыку, живет ею, то есть другие барды.

Но тем не менее слова были произнесены. А если слова произнести с

нужным чувством и богам в этот самый момент нечем больше заняться, то вселенная может вдруг измениться соответственно твоей воле. Слова имеют власть над миром.

Будь осторожен в своих желаниях, ведь неизвестно, кто может их услышать.

Или что.

А вдруг нечто, плывущее по вселенной, услышит слова, сказанные в нужный момент не тем человеком, и решит сменить свой курс?...

Далеко-далеко, в суматошном Анк-Морпорке, по голой стене пробежали искры, и...

...Возникла лавка. Лавка старых музыкальных инструментов. И никто не заметил ее появления. Всем казалось, что она была тут всегда.

Смерть сидел и смотрел в пустоту, подперев костлявый подбородок руками.

Альберт на цыпочках, стараясь не шуметь, приблизился к хозяину.

В особо созерцательные моменты, а сейчас был именно такой момент, Смерть не переставал удивляться поведению своего слуги.

«ОСОБЕННО УЧИТЫВАЯ РАЗМЕРЫ КОМНАТЫ...» — добавил он про себя.

...Которая была бесконечной — ну, или настолько бесконечной, что ее размеры теряли значение. На самом деле кабинет был площадью в милю. Честно говоря, неплохие результаты для комнаты. Обычные люди называют такое бесконечностью.

Создавая свой дом, Смерть кое-что напутал. Временем и пространством нужно управлять, а не подчиняться им. Так что внутренние размеры были заданы с размахом. Он забыл сделать дом больше снаружи, чем внутри. То же самое с садом. Изучив данные вопросы несколько внимательнее, Смерть отчасти начал понимать роль, которую люди придавали цветам в отношении таких концепций, как, допустим, розы. Тем не менее он создал их черными. Ему вообще нравился черный цвет. Прекрасно гармонирует со всеми цветами. Рано или поздно он идет всем.

Но все известные ему люди, а таковых было немного, как-то странно реагировали на невообразимые размеры комнат — они их просто не замечали.

Взять, к примеру, Альберта. Открылась огромная дверь, вошел Альберт, осторожно неся чашку на блюдце...

...И в следующее мгновение оказался у края *относительно* небольшого ковра, окружавшего письменный стол Смерти. Смерть уже

отчаялся понять, каким образом Альберт так быстро пересекает разделяющее их пространство, как вдруг до него дошло, что для его слуги этого пространства просто не существует...

— Я принес настой ромашки, хозяин, — сказал Альберт.

— ГМ-М?

— Хозяин?

— ИЗВИНИ. ЗАДУМАЛСЯ. ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?

— Настой ромашки.

— Я ДУМАЛ, РОМАШКУ ДОБАВЛЯЮТ В МЫЛО.

— Можно добавить в мыло, можно в чай, хозяин, — сказал Альберт.

Он встревоженно посмотрел на своего господина. Альберт неодобрительно относился ко всяким созерцательным настроениям. Размышления вообще ни к чему хорошему не приводят, а размышления Смерти — тем более.

— КАКОЙ ПОЛЕЗНЫЙ ЦВЕТОК. ОЧИЩАЕТ СНАРУЖИ, ОЧИЩАЕТ ИЗНУТРИ.

Смерть снова опустил подбородок на ладони.

— Хозяин? — немного погодя окликнул Альберт.

— ГМ?

— Он остынет, хозяин.

— АЛЬБЕРТ...

— Да, хозяин?

— Я ТУТ ПОРАЗМЫСЛИЛ...

— Хозяин?

— ВОТ ЕСЛИ ЧЕСТНО, ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО? Я СЕРЬЕЗНО — ЗАЧЕМ?

— О-о... Э-э... Не могу знать, хозяин.

— Я НЕ ХОТЕЛ ЭТОГО, АЛЬБЕРТ. И ТЕБЕ ЭТО ПРЕКРАСНО ИЗВЕСТНО. ТЕПЕРЬ Я ПОНИМАЮ, ЧТО ОНА ИМЕЛА В ВИДУ. И ВИНОВАТЫ ТУТ НЕ ТОЛЬКО КОЛЕНИ.

— О ком ты говоришь, хозяин?

Никакого ответа.

На пороге кабинета Альберт оглянулся. Смерть пристально смотрел в пространство. Никто не умеет смотреть так, как он.

То, что ее не видели, большой проблемы не представляло. Сюзен куда больше волновало то, что видела *она*.

Во-первых, сны. Конечно, сны — это не более чем... сны. Сюзен знала, что современная наука считает сны изображениями, которые были отброшены за ненадобностью, пока мозг сортировал события прошедшего

дня. Но ей было бы куда спокойнее, если бы эти самые события хоть раз включали в себя парящих белых лошадей, огромные мрачные комнаты и безумное количество черепов.

Это что касается снов. Но она видела не только сны. Например, она так никому и не рассказала о странной девушке, появившейся в спальне в ту ночь, когда Ребекка Шнелль положила под подушку выпавший зуб. Девушка смахивала на молочницу и была совсем не страшной, несмотря на то что с легкостью проходила сквозь мебель. Что-то звякнуло. На следующее утро зуб исчез, а Ребекка разбогатела на пятидесятипенсовую монету.

Такие штуки Сьюзен терпеть не могла. Она, разумеется, слышала всякие глупые сказки о зубной фее, которые рассказывают умственно отсталые родители своим детишкам. Но из этих сказок вовсе не следует, что зубная фея действительно существует! Что Сьюзен действительно презирала, так это подобные глупости. За что подвергалась гонениям со стороны режима госпожи Ноно.

Впрочем, нельзя сказать, что режим этот был таким уж строгим. Госпожа Эвлалия Ноно и ее коллега госпожа Перекрест основали колледж, когда им в головы пришла поразительная идея, состоявшая в следующем: в связи с тем, что девочкам до замужества все равно делать нечего, они вполне могут заняться образованием.

В мире было великое множество школ, но всеми руководили либо различные церкви, либо Гильдии. Церковное образование госпожа Ноно не одобряла по вполне логичным причинам, а единственными Гильдиями, считавшими обучение девочек стоящим делом, были Гильдия Воров и Гильдия Белошвеек. Тогда как мир — это огромное и крайне опасное место, и девочкам не помешает выйти в него с надежными знаниями геометрии и астрономии под корсетом. Госпожа Ноно искренне верила, что между девочками и мальчиками особой разницы нет.

По крайней мере, разницы, заслуживающей внимания.

Или той, о которой, по мнению госпожи Ноно, стоило бы упоминать.

Таким образом, она верила в поощрение логического мышления и развитие пытливого ума у вверенных ее заботам девушек, что, с точки зрения житейской мудрости, можно было сравнить с охотой на аллигаторов в картонной лодке в богатый на утопленников сезон.

Например, когда она с дрожащим от возбуждения острым подбородком читала лекцию о подстерегающих в городе опасностях, в трехстах пытливых, логично настроенных умах сразу же возникали следующие мысли: 1) что данные опасности следует испытать при первой же

возможности, 2) а откуда, собственно, об этих опасностях знает сама госпожа Ноно? Высокая ограда с острыми шипами не представляла собой особого препятствия для юного ума, наполненного знаниями тригонометрии, и здорового тела, натренированного занятиями фехтованием, художественной гимнастикой и закаленного холодными ваннами. Госпожа Ноно умела выразить свои мысли так, что любая опасность казалась крайне *интересной*.

Ну а что касается той загадочной полуночной посетительницы... Через некоторое время Сьюзен решила, что все случившееся ей просто пригрезилось. Это было наиболее логичным объяснением. По части логики со Сьюзен мало кто мог сравниться.

Как говорится, каждый человек что-то ищет.

Как раз сейчас Дион искал, куда бы ему податься.

Деревенская телега, подвезшая его на последнем отрезке пути, грохоча, удалялась по полю.

Он посмотрел на дорожный столб. Одна стрелка указывала на Щеботан, вторая — на Анк-Морпорк. Он знал только то, что Анк-Морпорк — большой город, правда, построенный на известняке и потому не представлявший интереса для друидов, которые встречались среди родственников Диона. При себе у юноши было три анк-морпоркских доллара с мелочью. Не слишком крупная сумма для Анк-Морпорка.

О Щеботане ему было известно лишь то, что город этот находится на побережье. Тракт на Щеботан выглядел не слишком наезженным, в то время как дорога на Анк-Морпорк была вся изрыта глубокими колеями.

Конечно, разумнее всего было бы отправиться в Щеботан, чтобы, так сказать, прочувствовать жизнь города. Сначала стоило бы познакомиться с тем, как мыслят типичные городские жители, — прежде чем отправиться в Анк-Морпорк, который, по слухам, был самым большим городом на Плоском мире. Разумнее было бы найти в Щеботане работу, скопить немного денег. И вообще, стоит научиться ходить, прежде чем начать бегать.

Вот что подсказывал Диону здравый смысл. Внимательно его выслушав и взвесив все «за» и «против», начинающий бард уверенно зашагал по дороге, ведущей в Анк-Морпорк.

Внешним видом Сьюзен очень напоминала одуванчик, который вот-вот разлетится. Колледж одевал учениц в свободные шерстяные платья-халаты темно-синего цвета, скрывавшие тело от шеи до щиколотки, то есть

в практичную, здоровую одежду, привлекательную, как обои. Линия талии проходила где-то на уровне колен. Тело Сьюзен начинало заполнять платье в соответствии с древними правилами, о которых неохотно и вскользь упоминала госпожа Перекрест на уроках по биологии и гигиене. Девочки уходили с ее занятий со смутным ощущением, что в мужья им придется брать кролика. (Сьюзен уходила с ее занятий со смутным ощущением, что висевший в углу картонный скелет напоминает ей какого-то очень близкого родственника...)

Волосы девочки заставляли людей оборачиваться и смотреть ей вслед — они были чисто белыми, за исключением одной черной прядки. По школьным правилам все ученицы должны были носить две аккуратные косички, но упрямые волосы Сьюзен так и норовили вырваться из ленточек и уложиться в прическу произвольной формы, похожую на ту, что носила знаменитая Медуза^[2].

Кроме того, у Сьюзен было родимое пятно — если его можно так назвать. Оно появлялось только когда девочка краснела, и прочерчивало щеку тремя бледными линиями, как будто после пощечины. Когда же Сьюзен злилась, а злилась она достаточно часто, учитывая полнейшую тупость окружающего ее мира, эти полосы просто пылали.

Теоретически сейчас шел урок литературы. Сьюзен ненавидела литературу, поэтому, подперев голову ладонями, читала «Логику и Парадокс» Вольда.

Вполуха она слушала, чем занимается класс.

Вовсю обсуждалась какая-то поэма о бледно-желтых нарциссах.

Очевидно, поэт очень сильно любил эти цветы.

Сьюзен относилась к подобным вещам достаточно равнодушно. В конце концов, они живут в свободной стране, и человек, если ему так хочется, может сколько угодно любить бледно-желтые нарциссы. Но тратить на подобные любовные излияния больше страницы — это настоящее преступление, которое следует жестоко пресекать.

Она снова опустила голову и продолжила свое образование, которому, по ее мнению, школа только мешала.

А неокрепшие умы продолжили препарировать воображение поэта.

Кухня была тех же колоссальных размеров, что и прочие помещения. В ней могла заблудиться и сгинуть целая армия поваров. Далекие стены терялись в тених, а печная труба, поддерживаемая покрытыми сажей цепями и обрывками сальных канатов, исчезала во мраке на высоте примерно четверти мили от пола. Свое свободное время Альберт проводил

на выложенном плиткой клочке, на котором размещались кухонный шкаф, стол и плита. И кресло-качалка.

— Когда человек спрашивает: «Зачем все это?», с ним явно не все в порядке, — сказал Альберт, скручивая сигаретку. — А когда он это говорит, я не знаю, что и думать. Опять на него нашло...

Единственный, кроме Альберта, обитатель кухни согласно кивнул. Рот его был полон.

— Сначала у него появилась дочка, — продолжал Альберт. — Не в том смысле, что появилась, а... ну, ты понимаешь. Потом ему в череп пришла идея взять себе подмастерье. Вынь да положь ему ученика, чем он других хуже?! Ха! И что из этого вышло? Ничего, кроме неприятностей. Кстати, ты, если вдуматься... тоже одна из его причуд. Не хотел тебя обидеть, — быстро добавил он, вспомнив, с кем разговаривает. — У тебя все прекрасно получается. Ты отлично справляешься.

Очередной кивок.

— Он все понимает как-то не так, вот в чем беда. Помнишь, что было, когда он узнал про Ночь Всех Пустых и этого, Санта Хрякуса? Мы же все расхлебывали. Запихивали дуб в котел, делали колбаски из бумаги, обед из свинины и все такое прочее. А он сидел в бумажной шляпе и все спрашивал: «ВЕСЕЛО, ПРАВДА?» Я сделал ему маленькое пресс-папье, а он подарил мне кирпич.

Альберт поднес сигаретку к губам. Она была мастерски скручена. Только истинный мастер способен скрутить настолько тонкую самокрутку, что табака в ней практически нет.

— Кстати, очень хороший кирпич. Я до сих пор его храню.

— ПИСК, — отозвался Смерть Крыс.

— Вот тут ты попал в яблочко, — согласился Альберт. — Вернее, попал бы, если бы у нас на кухне яблоки были. Самое важное он всегда упускает из виду. И чего он не умеет, так это забывать.

Он с такой силой всосал самокрутку, что на глаза его навернулись слезы.

— Если честно, зачем все это?... Да уж!

Чисто по человеческой привычке он взглянул на кухонные часы, хотя они не ходили с того самого момента, как Альберт принес их сюда.

— Обычно в это время он уже дома, — нахмурился он. — Приготовлю-ка поднос. Интересно, где это он задерживается?

Святой человек, скрестив ноги и положив руки на колени, сидел под священным деревом. Глаза его были закрыты — с закрытыми глазами

проще сосредоточиться на Бесконечности, — а из одежды на нем была только набедренная повязка — таким образом он демонстрировал свое пренебрежение мирскими вещами.

Перед ним стояла деревянная чаша.

Спустя какое-то время он вдруг понял, что за ним наблюдают, и приоткрыл один глаз.

В нескольких футах от него сидела странная, размытая фигура. И эта фигура... кому-то она явно принадлежала — а как иначе? И еще, у фигуры совершенно точно был внешний вид — всякий человек как-то да выглядит. Фигура была приблизительно... вот такого роста, в общем, она определено...

— ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ.

— Да, сын мой? — откликнулся святой человек, наморщив лоб. — Э-э, ты ведь мужеского пола?

— ТЕБЕ МНОГОЕ ОТКРЫТО, ОДНАКО И Я В ЭТОМ ПРЕУСПЕЛ.

— Неужели?

— МНЕ СКАЗАЛИ, ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ ВСЕ.

Святой человек открыл второй глаз.

— Таинство существования заключается в пренебрежении земными связями, отвергании химеры материальных благ и поиске единения с Бесконечностью, — изрек он. — И убери свои поганые лапы от моей чаши для пожертвований.

Внешний вид просителя вызывал у святого человека какую-то неясную тревогу.

— Я ВИДЕЛ БЕСКОНЕЧНОСТЬ, — сказал незнакомец. — НИЧЕГО ОСОБЕННОГО.

Святой человек опасливо оглянулся.

— Не говори ерунды, — сказал он. — Ты не мог видеть Бесконечность, потому что она *бесконечна*.

— И ВСЕ-ТАКИ Я ЕЕ ВИДЕЛ.

— Хорошо... И как же она выглядит?

— ОНА СИНЯЯ.

Святой человек неловко поежился. Все шло не так, как надо. Обычно следовал быстрый экскурс в Бесконечность, затем — многозначительный кивок в сторону чаши для пожертвований, и проситель уходил довольный.

— Она черная, — пробормотал он.

— НЕТ, — возразил незнакомец. — ЭТО ЕСЛИ СМОТРЕТЬ СНАРУЖИ. НОЧНОЕ НЕБО — ДА, ОНО ЧЕРНОЕ. НО ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ПРОСТРАНСТВО, КОСМОС. А БЕСКОНЕЧНОСТЬ — СИНЯЯ.

— Ты, гляжу, все знаешь. Просвети меня тогда, какой звук получится, если хлопнуть одной ладонью? — язвительно осведомился святой человек.

— ЗВУК «ХЛ». А ВТОРАЯ ЛАДОНЬ ДОБАВЛЯЕТ «ОП».

— Ага! Вот здесь ты ошибаешься! — радостно воскликнул святой человек, наконец почувствовав под ногами твердую землю. Он торжествующе взмахнул костлявой рукой. — Никакого звука, видишь?

— ТЫ НЕ ХЛОПАЕШЬ, А ПРОСТО МАШЕШЬ РУКОЙ.

— Напротив, я именно что хлопаю. Но использую не обе ладони, а всего одну. Ладно, допустим, бесконечность — синяя, но какого именно оттенка?

— ТЫ ПРОСТО ПОМАХАЛ РУКОЙ, — упорствовал незнакомец. — НЕ СЛИШКОМ-ТО ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД. ОТТЕНКА УТИНОГО ЯЙЦА.

Святой человек бросил взгляд на гору. Приближалась группа людей. Несли они нечто очень похожее на миску с рисом, и в их волосы были вплетены цветы.

— Послушай, сын мой, — торопливо произнес святой человек. — Что тебе нужно? У меня мало времени.

— ТЫ МОЖЕШЬ ОДОЛЖИТЬ ЕГО У МЕНЯ.

— Чего ты от меня хочешь?

— ОТВЕТЬ, ПОЧЕМУ ВСЕ ПРОИСХОДИТ ТАК, КАК ПРОИСХОДИТ.

— Ну...

— ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ?

— Э-э... знаю. Но это великая тайна, которую нельзя разглашать. Таков порядок вещей.

Некоторое время незнакомец пристально смотрел на святого человека. Тот даже поежился — ему показалось, что его голова вдруг стала прозрачной.

— ТОГДА Я ЗАДАМ ТЕБЕ БОЛЕЕ ПРОСТОЙ ВОПРОС: КАК ЛЮДИ ЗАБЫВАЮТ?

— Забывают что?

— ЧТО УГОДНО. ВСЕ.

— Это... э-э... происходит автоматически.

Предполагаемые последователи уже показались из-за поворота. Святой человек торопливо схватил свою чашу.

— Предположим, — сказал он, — это твоя память. — Он помахал чашей. — В нее помещается ровно столько, видишь? Если добавляется что-то новое, старое переливается через край и...

— ЭТО НЕПРАВДА. Я ПОМНЮ ВСЕ. АБСОЛЮТНО ВСЕ. ДВЕРНЫЕ РУЧКИ. ИГРУ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА НА ВОЛОСАХ. ЗВУК СМЕХА. ШАГИ. ВСЕ ДО МЕЛЬЧАЙШИХ ПОДРОБНОСТЕЙ. СЛОВНО ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ВЧЕРА. СЛОВНО ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ЗАВТРА. ВСЕ. ПОНИМАЕШЬ?

Святой человек озадаченно почесал блестящую лысую голову.

— Вообще-то, — наконец сказал он, — насколько мне известно, существует несколько способов забыть абсолютно все. Можно вступить в Клатчский иностранный легион, можно выпить воды из какой-то там речки, которая неизвестно где протекает, а можно прибегнуть к помощи алкоголя.

— АГА.

— Но алкоголь истощает тело и отравляет душу.

— ЗВУЧИТ НЕПЛОХО.

— Учитель?

Святой человек раздраженно повернулся. Последователи прибыли.

— Одну минуту, я разговариваю с...

Незнакомец исчез.

— О учитель, мы прошли много миль, дабы... — начал было последователь.

— Заткнись, а?

Святой человек вытянул руку, держа ладонь вертикально, и несколько раз взмахнул ею, что-то бормоча про себя.

Последователи переглянулись. Такого приема они не ожидали. Наконец их вожак отыскал в себе каплю мужества и вновь обратился к святому:

— Учитель...

Святой человек развернулся и врезал ему по уху. Раздался звук, определенно напоминающий «хлоп».

— Ага! Понятно! — завопил святой. — Итак, чем могу быть по...

Он вдруг замолчал. Некоторое время назад его уши уловили некое странное слово, и наконец извилистыми путями оно добралось до его мозга.

— «Люди»! Что он этим хотел сказать?

Погруженный в собственные мысли, Смерть приблизился к огромной белой лошади, пасущейся на склоне холма и мирно созерцающей окрестности.

— УХОДИ, — велел он.

Лошадь настороженно посмотрела на него. Она была значительно

разумнее других лошадей, хотя это не такое уж великое достижение. Казалось, она понимала, что с хозяином происходит что-то неладное.

— А ТЕПЕРЬ МНЕ ПОРА, — сказал Смерть. — НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ МЕНЯ, ВОЗМОЖНО, НЕ БУДЕТ.

И он исчез.

Дождь в Анк-Морпорке не шел, что явилось большим сюрпризом для Диона.

Но еще больше его удивило то, как быстро у него закончились деньги. Он уже лишился трех долларов и двадцати семи пенсов.

А лишился он их потому, что положил в миску перед собой — так охотник ставит подсадную утку, чтобы привлечь уток настоящих. Однако уже через мгновение он опустил взгляд на чашу и никаких денег там не увидел.

Люди приходят в Анк-Морпорк в поисках богатства. К сожалению, многие другие люди ищут там того же.

И вообще, местных жителей абсолютно не интересуют барды, пусть даже завоевавшие ветку памелы и почетную арфу на каком-то там музыкальном фестивале в Лламедосе.

Дион отыскал на одной из площадей свободное местечко, настроил инструмент и начал играть. Никто не обращал на него внимания, некоторые прохожие толкали его, чтобы он не мешал им спешить по своим крайне неотложным делам... но кто-то, впрочем, задержался, чтобы опустошить его чашу. А потом, когда Дион уже начал было подумывать, что, приехав сюда, совершил большую ошибку, к нему подошли двое стражников.

— Да нет, Шнобби, это арфа, — сказал один из них, некоторое время понаблюдав за музыкантом.

— Это лира.

— Да я готов поклясться, что это... — Толстый стражник вдруг нахмурился и опустил взгляд. — Сволочь ты, Шнобби. Тебе лишь бы поспорить. Ты, наверное, с самого своего рождения ждал того дня, когда кто-нибудь скажет: «Это — арфа», а ты сможешь возразить: «Нет, это лира»...

Дион перестал играть. Продолжать в таких условиях было просто невозможно.

— На самом деле это — арфа, — сказал он. — Я выиграл ее...

— Ты, верно, из Лламедоса? — спросил толстый стражник. — Твой акцент — я сразу определил. Очень музыкальные люди, эти ламедийцы.

— Говорят, как будто камней в рот набрали, — буркнул тот, которого

назвали Шнобби. — Эй, приятель, а у тебя лицензия-то есть?

— Лицензия? — переспросил Дион.

— Знаешь, парни из Гильдии Музыкантов очень трепетно относятся к своим лицензиям, — сказал Шнобби. — И если застукают тебя без лицензии, то возьмут твой инструмент и засунут его тебе в...

— Перестань, — перебил другой стражник. — Зачем так пугать паренька?

— В общем, нелицензированным флейтистам туго приходится, — заключил Шнобби.

— Но музыка свободна, как воздух, как небо! — воскликнул Дион.

— Только не в Анк-Морпорке. Можешь мне поверить, дружище, — хмыкнул Шнобби.

— Я никогда не слышал ни о какой Гильдии Музыкантов, — пожал плечами Дион.

— Она находится на аллее Латунных Крышек, — подсказал Шнобби. — Хочешь стать музыкантом, вступай в Гильдию.

Дион привык следовать правилам. Ламедийцы — очень законопослушные граждане.

— Я немедленно отправлюсь туда, — заверил он.

Стражники проводили его взглядами.

— А чего он в ночной рубашке-то бродит? — удивился капрал Шноббс.

— Это — настоящее одеяние барда, Шнобби, — возразил сержант Колон. — В Лламедосе почти все — барды.

— Сколько, по-твоему, он протянет, сержант?

Колон неопределенно взмахнул рукой, как будто тщательно взвешивал все факторы.

— Два-три дня, — наконец рискнул он высказать догадку.

Они свернули за угол Незримого Университета и зашагали по Задворкам — узкой пыльной улочке, по которой почти никто не ходил, на которой почти никто не торговал и которая поэтому очень нравилась стражникам, любившим засесть в каком-нибудь укромном местечке, чтобы перекурить и в очередной раз обсудить сложное устройство окружающего мира.

— Ты знаешь, что такое лосось, сержант? — спросил Шнобби.

— Допустим, я слышал о такой рыбе.

— Так вот, ломтики этого самого лосося продают в банках...

— Допустим, это мне понятно.

— Это и мне понятно, но почему все банки одинакового размера? Лосось, он ведь везде разный — к хвосту сужается и становится тоньше, а у башки — наоборот.

— Интересный вопрос, Шнобби. Лично я думаю...

Стражник вдруг замолчал и уставился на дом на противоположной стороне улицы. Капрал Шноббс посмотрел туда же.

— Эта лавка... — сказал сержант Колон. — Вон та лавка, видишь?... Она и вчера там была?

Шнобби внимательно осмотрел облупившуюся краску, маленькое покрытое грязью окно, покосившуюся дверь.

— Конечно, — кивнул он. — Судя по всему, она была здесь *всегда*. Долгие *годы*.

Колон пересек улицу и попытался стереть со стекла грязь. Внутри он разглядел неясные очертания каких-то предметов.

— Ну да, конечно, — пробормотал он. — Просто... Я имею в виду, а *вчера* она тоже была здесь долгие годы?

— Ты в порядке, сержант?

— Пошли, Шнобби, — сказал Колон и зашагал прочь так быстро, как только мог.

— Куда, сержант?

— Все равно куда, лишь бы подальше отсюда.

В темных нагромождениях товара что-то почувствовало их уход.

Дион уже имел возможность насладиться красотой зданий, принадлежащих Гильдиям, — величественным фасадом Гильдии Наемных Убийц, роскошными колоннами Гильдии Воров, дымящейся, но тем не менее производящей *глубокое* впечатление ямой на том месте, где до вчерашнего дня находилась Гильдия Алхимиков. Поэтому он испытал некоторое разочарование, обнаружив, что Гильдия Музыкантов занимает не целое здание, а всего лишь две убогие комнатки над парикмахерской.

Он сел в приемной с коричневыми стенами и стал ждать. На противоположной стене висело объявление, которое гласило: «Ради Твоего Удобства и Комфорты ТЫ НЕ БУДИШЬ КУРИТЬ». Дион не курил ни разу в жизни. Лламедос — слишком сырая страна, и курильщикам там приходится несладко. Но сейчас ему вдруг захотелось попробовать.

Кроме него в приемной находились тролль и гном. Он чувствовал себя несколько неловко, потому что они все время таращились на него.

— Ты случаем не из этих, как их, эльфисов, поклонников эльфов? — наконец спросил гном.

— Я? Нет.

— А похож. Судя по волосам.

— Совсем не похож. Честно.

— Тогда откуда ты? — спросил тролль.

— Из Лламедоса, — ответил Дион и уставился в пол.

Он знал, как тролли и гномы поступают с людьми, заподозренными в связях с эльфами. Гильдия Музыкантов могла бы многому у них научиться.

— Что это у тебя? — спросил тролль, глаза которого были закрыты двумя квадратиками темного стекла в проволочной оправе, державшейся на ушах.

— Арфа.

— И ты на ней играешь?

— Да.

— Значит, ты — друид?

— Нет!

Воцарилась тишина, пока тролль собирался с мыслями.

— В этой рубашке ты похож на друида, — проворчал он наконец.

Гном погано хихикнул.

Тролли не любят друидов. Любые разумные существа, привыкшие проводить большую часть жизни в неподвижном, похожем на скалу состоянии, вряд ли будут в восторге, когда другие разумные существа сначала протащат их добрых шестьдесят миль на валках, после чего расставят по окружности и закопают по колено в землю. Как правило, такое обращение несколько раздражает.

— В Лламедосе все так одеваются, — возразил Дион. — Я — бард! Я не друид. И я терпеть не могу всякие булыжники!

— Ого! — тихонько произнес гном.

Троль смерил Диона с головы до ног неторопливым, внимательным взглядом.

— Вижу, ты недавно в этом городе? — спокойно произнес он.

— Только что прибыл, — откликнулся Дион.

«До двери я добежать не успею, — подумал он. — Сейчас из меня котлету сделают».

— Тогда вот тебе бесплатный совет. Совет — бесплатный, то есть я даю его тебе бесплатно, даром. В этом городе «булыжниками» иногда называют троллей. Это очень плохое название, и троллей так называют только очень глупые люди. Если ты назвал тролля «булыжником», будь готов к тому, что тебе придется потратить некоторое время на поиски собственной головы. Тем более если ты своими ушами похож на эльфа.

Совет даю бесплатно потому, что ты — бард и такой же сочинитель музыки, как я.

— Хорошо! Спасибо! Да! — облегченно закричал Дион.

Он схватил арфу и сыграл несколько нот. Это несколько разрядило атмосферу. Всем известно, что эльфы полностью лишены музыкальных способностей.

— Лава Купорос, — представился тролль, протягивая нечто массивное с пальцами.

— Дион Селин, — сказал Дион. — И никакого отношения к перетаскиванию камней я не имею!

Маленькая узловатая ладонь протянулась к Диону с другой стороны. Он провел взглядом по руке и увидел, что она принадлежит гному, слишком маленькому даже для гнома. На коленях у того лежала большая бронзовая труба.

— Золто Золтссон, — представился гном. — Ты играешь только на арфе?

— На чем угодно со струнами, — ответил Дион. — Но арфа — королева инструментов!

— А я дую во что угодно, — сказал Золто.

— Правда? — спросил Дион и попытался добавить что-нибудь вежливое: — Наверное, ты очень популярен...

Тролль поднял с пола огромный кожаный мешок.

— А я играю вот на этом, — сказал он.

Из мешка выкатились несколько круглых камней. Лава поднял один из них и щелкнул по нему пальцем.

— *Бам*, — пропел камень.

— Музыка из камней? — удивился Дион. — И как вы ее называете?

— Мы называем ее «ггруухауга», — сказал Лава, — что означает «музыка, добытая из камней». А иногда мы зовем ее «музыка, в которой слышится глас Рока».

Камни были самых разных размеров и все точно настроены высеченными на поверхности бороздками.

— Можно попробовать? — спросил Дион.

— Конечно.

Дион выбрал небольшой камень и щелкнул по нему пальцем.

— *Боп*, — гулко отозвался камень.

— *Бин*, — пропел камень поменьше.

— И что ты с ними делаешь? — спросил Дион.

— Стучу ими друг о друга.

— А потом что?

— То есть?

— Что ты делаешь, после того как постучишь ими друг о друга?

— Стучу снова, — сказал прирожденный барабанщик Лава.

Тут дверь, ведущая во внутреннюю комнату, приоткрылась, и в щели показалась какая-то остроносая физиономия.

— Вы все вместе? — осведомилась физиономия.

Река, одна капля воды из которой напрочь лишала человека памяти, существовала на самом деле.

Правда, многие люди считали, что эта река — Анк, воду из которого можно было не только пить, но и резать на ломтики и жевать. Глоток воды из Анка действительно мог лишить человека памяти — или, по крайней мере, привести к таким последствиям, о которых человеку никогда не захочется вспоминать.

Но, повторимся, река, лишаящая человека памяти, в самом деле существовала. Правда, была одна загвоздка. Никто не знал, где эта река находится, потому что все те, кто натыкался на нее, как правило, сильно страдали от жажды.

Смерть решил поискать забвения в другом месте.

— Семьдесят пять долларов? — переспросил Дион. — Только за то, чтобы играть музыку?

— Двадцать пять долларов — регистрационный взнос, плюс двадцать процентов от предполагаемого будущего гонорара, плюс пятнадцать долларов — обязательное добровольное пожертвование в пенсионный фонд, — пояснил управляющий делами Гильдии господин Клеть.

— Но у нас нет столько денег!

Управляющий пожал плечами, словно бы говоря, что в мире, конечно, много проблем, но именно эта не имеет к нему никакого отношения.

— Быть может, мы расплатимся после того, как начнем играть? — предложил Дион. — Скажем, через недельку или две...

— Играть музыку разрешается только членам Гильдии, — отрезал господин Клеть.

— Но мы не можем стать членами Гильдии, пока не начнем играть, — вмешался Золто.

— Это верно, — весело откликнулся господин Клеть. — Хат-хат-хат.

Это был странный смех, совершенно безрадостный и какой-то птичий. А еще он очень шел своему владельцу — господин Клеть смахивал на

некое наряженное в костюм древнее существо, чей генетический материал извлекли из куска янтаря.

Лорд Витинари поощрял развитие Гильдий. Именно они являлись теми шестернями, благодаря которым работал часовой механизм хорошо управляемого города. Капля масла здесь... палка в колесо там... и в целом механизм работает.

И порождает таких типов, как господин Клеть, — точно так же компост порождает червей. Впрочем, управляющий делами Гильдии Музыкантов не был таким уж плохим человеком... ведь крысы, которые, как известно, разносят чуму... нельзя сказать, что они *плохие* животные.

Всю свою жизнь, не щадя сил и живота, господин Клеть трудился во благо общества. В мире существует множество дел, которые нужно делать, но делать которые очень не хочется, — и люди, как правило, весьма благодарны тем, кто выполняет за них такую работу. Например, ведет протоколы. Обновляет списки членов Гильдии. Регистрирует. *Систематизирует.*

Сначала господин Клеть добросовестно работал на Гильдию Воров, хотя сам вором не был — в обычном значении этого слова. Потом вакантным оказался достаточно высокий пост в Гильдии Шутовских Дел и Баламутства. И наконец, господин Клеть стал управляющим дел Гильдии Музыкантов.

Официально эту должность должен был занимать музыкант. Поэтому господин Клеть предусмотрительно запасся расческой и бумажным листком. Однако его приняли без прослушивания — до того Гильдией управляли настоящие музыканты, следовательно, список членов не велся, взносов почти никто не платил и организация задолжала несколько тысяч долларов (плюс проценты за просрочку) троллю Хризопразу.

Когда господин Клеть открыл первую запущенную бухгалтерскую книгу, его охватило ни с чем не сравнимое глубокое и чудесное чувство. С того момента он ни разу не оглядывался назад. Взор его был постоянно устремлен *вниз*. Несмотря на то что у Гильдии были свой президент и совет, у нее теперь появился еще и господин Клеть, который вел протоколы, обеспечивал, чтобы все проходило гладко, и язвительно посмеивался про себя. Такова действительность, какой бы странной она ни казалась: когда люди наконец сбрасывают с себя ярмо тирании и берут управление в собственные руки, обязательно появляется, как гриб после дождя, господин Клеть.

Хат-хат-хат... Господин Клеть смеялся обратно пропорционально комизму ситуации.

— Но это же полная чепуха!

— Добро пожаловать в прекрасный мир экономики, — ответил господин Клеть. — Хат-хат-хат.

— А если мы все-таки не вступим в Гильдию? — поинтересовался Дион. — Что будет? Вы конфискуете наши инструменты?

— Для начала, — сказал управляющий делами Гильдии. — А потом, в некотором роде, вернем их вам. Хат-хат. Кстати... ты случаем не из эльфисов?

— Семьдесят пять долларов! Это же грабеж! — воскликнул Дион, когда они вышли на вечерние улицы.

— Это больше чем грабеж, — поправил его Золто. — Я слышал, Гильдия Воров взимает только проценты.

— К тому же тебя принимают в действительные члены Гильдии со всеми вытекающими льготами, — проворчал Лава. — И пенсию дают. И раз в год оплачивают тебе поездку в Щеботан.

— Музыка должна быть *свободной и бесплатной*, — стоял на своем Дион.

— Что будем делать? — спросил Лава.

— У кого-нибудь есть деньги? — осведомился Золто.

— У меня доллар, — сказал Лава.

— У меня несколько пенсов, — сказал Дион.

— Значит, по крайней мере, мы прилично поужинаем, — кивнул Золто. — Вот здесь.

Он указал на вывеску.

— «Буравчик. Шахтная Кулинария», — прочитал Лава. — Все для гномов, да? Я слышал о «буравчиках», это вроде такие пирожные. А еще червешель и все прочее?

— Теперь здесь троллю еду тоже готовят, — возразил Золто. — Отбросим этнические разногласия ради общей прибыли. Пять сортов угля, семь сортов кокса и золы, отложения, от которых слюнки потекут. Тебе понравится.

— А гномий пирог тут дают? — спросил Дион.

— Тебе нравится наш хлеб? — не поверил Золто.

— Обожаю, — признался Дион.

— Что? *Настоящий* гномий хлеб? Ты уверен?

— Конечно, вкусный и хрустящий.

Золто пожал плечами.

— Вот теперь я тебе действительно верю, — сказал он. — Ни один

эльф не может любить гномий хлеб.

В заведении почти никого не было. Из-за стойки на них смотрел гном в переднике, доходившем до самых подмышек.

— Жареная крыса есть? — спросил Золто.

— Лучшая жареная крыса в городе, — сказал Буравчик.

— Отлично. Поддай-ка нам четырех жареных крыс.

— И настоящий гномий пирог, — добавил Дион.

— И немного кокса, — настойчиво произнес Лава.

— Вам головы или лапки?

— Четырех жареных крыс.

— И немного кокса.

— Кетчуп к крысам нужен?

— Нет.

— Ты уверен?

— Никакого кетчупа.

— И немного кокса.

— И два яйца вкрутую, — сказал Дион.

Все как-то странно посмотрели на него.

— Ну и что? Просто я люблю яйца вкрутую.

— И немного кокса.

— И два яйца вкрутую.

— И немного кокса.

— Семьдесят пять долларов, — произнес Золто, когда они уселись за стол. — Сколько будет три раза по семьдесят пять?

— Много, — сказал Лава.

— Больше двухсот долларов, — сказал Дион.

— Я двухсот долларов и не видел никогда, — покачал головой Золто. — Ну, то есть наяву, не во сне.

— Мы найдем деньги? — спросил Лава.

— Музыкой мы ничего не заработаем, — ответил Дион. — Законы Гильдии. Если тебя поймут, то возьмут твой инструмент и засунут его тебе в... В общем, флейтистам приходится несладко, — добавил он, припомнив слова стражника.

— Ну, тромбонисту тоже не позавидуешь, — заметил Золто, посыпая перцем крысу.

— И домой вернуться нельзя... — продолжал Дион. — То есть... мне домой возвращаться нельзя. Если я вернусь, то всю оставшуюся жизнь буду ворочать монолиты, как и мои братья. Их только каменные круги интересуют.

— А если я вернусь домой, — сказал Лава, — мне опять придется гонять дубиной всяких друидов.

Оба осторожненько, как можно незаметнее отодвинулись друг от друга.

— Значит, мы будем играть там, где Гильдия нас не найдет, — бодро заявил Золто. — Найдем какой-нибудь клуб...

— Здесь хватает дыма, — сказал Лава.

— Я имею в виду ночной клуб, — пояснил Золто.

— Наверное, ночью здесь дыма еще больше.

— Одно я знаю точно, — продолжил Золто, меняя тему разговора, — в городе хватает уютных местечек, где не любят платить налоги Гильдиям. Выступим пару-тройку раз и без проблем заработаем денег.

— Мы трое? Вместе? — спросил Дион.

— Конечно.

— Но мы играем абсолютно разную музыку, — напомнил Дион. — Вряд ли у нас что получится. Ну, то есть гномы слушают свою музыку, тролли — свою, а люди — свою. Мы что, возьмем все это и смешаем? Нет, это будет ужасно.

— Мы хорошо друг с другом ладим, — пожал плечами Лава, поднимаясь, чтобы взять со стойки соль.

— Мы же музыканты, — кивнул Золто. — И этим отличаемся от обычных людей.

— Вот именно, — подтвердил тролль.

Лава сел.

Что-то хрустнуло.

Лава встал.

— О, — сказал он.

Дион протянул руку и медленно, очень бережно поднял со скамьи обломки арфы.

— О, — повторил Лава.

Издав печальный звук, скрутилась струна. Они словно наблюдали, как умирает котенок.

— Я выиграл ее на знаменитом фестивале в Лламедосе, — сказал Дион.

— А склеить ее нельзя? — спросил, помолчав, Золто.

Дион покачал головой.

— В Лламедосе не осталось никого, кто мог бы починить ее...

— Да, но на улице Искусных Умельцев...

— Извините, правда извините, не понимаю, как она там оказалась.

— Ты не виноват...

Дион тщетно пытался соединить два обломка. Но музыкальный инструмент отремонтировать нельзя. Она вспомнил, что об этом говорили старые барды. У инструмента есть душа. У каждого. Когда инструмент ломается, душа покидает его, улетает, словно птица. После ремонта остается обычная вещь, состоящая из дерева и струн. Она будет играть, неискушенный слушатель даже ничего не заподозрит, но... С таким же успехом можно сбросить в пропасть человека, потом сшить его и попытаться оживить.

— Гм... Может, купим тебе другую? — предложил Золто. — На Задворках... есть отличная лавка, которая продает всякие музыкальные инструменты...

Он вдруг замолчал. На Задворках действительно есть хорошая лавка музыкальных инструментов. Она *всегда* там была.

— На Задворках, — повторил он, убеждая больше себя, чем Диона. — Мы ее там обязательно найдем. На Задворках. Да. Уж и не припомню, сколько лет она там...

— Такой инструмент мы не купим, — грустно промолвил Дион. — Чтобы создать нечто подобное, мастер должен просидеть две недели под водопадом, завернувшись в шкуру вола, — и это еще до того, как он притронется к дереву.

— Зачем?

— Не знаю. Таков обычай. Он должен очистить свой разум от всего, что может отвлечь его внимание.

— Ну, купим что-то другое, — решительно сказал Золто. — Обязательно подыщем тебе что-нибудь. Иначе какой из тебя музыкант?

— Но у меня совсем нет денег, — ответил Дион.

Золто похлопал его по плечу.

— Это неважно, — успокоил он. — Зато у тебя есть друзья! Мы поможем тебе! А с помощью друзей ты...

— Но мы истратили все, что у нас было, на еду, — перебил его Дион. — У нас нет больше денег.

— Это крайне пессимистический взгляд на жизнь, — упрекнул Золто.

— Да, конечно, но денег у нас действительно нет.

— Я что-нибудь придумаю, — успокоил Золто. — Я — гном. О деньгах нам известно все. Я все знаю о деньгах — это практически мое второе имя.

— Довольно *длинное* у тебя второе имя.

Уже почти стемнело, когда они подошли к лавке, находившейся рядом с Незримым Университетом. Это было нечто среднее между магазинчиком музыкальных инструментов и ростовщической норой — в жизни каждого музыканта случаются моменты, когда он вынужден заложить свой инструмент, если хочет набить свой желудок и переночевать не на улице.

— Ты когда-нибудь что-нибудь здесь покупал? — спросил Лава.

— Нет... насколько я помню, — ответил Золто.

— Закрыто, — сказал Лава.

Золто забарабанил в дверь. Послышались шаркающие шаги, дверь скрипнула, и в щели показалось худая старческая мордочка.

— Э-э, госпожа, мы хотели бы приобрести инструмент, — сказал Дион.

Один глаз и половина рта осмотрели его с головы до ног.

— Ты случаем не эльфис?

— Нет, госпожа.

— Тогда входите.

Лавку освещала пара тускло горящих свечей. Старуха поспешила скрыться за прилавком, откуда принялась внимательно наблюдать за поздними покупателями, пытаясь выявить признаки того, что они хотят зверски убить ее в постели.

Трио медленно двинулось вдоль груд товара. Казалось, ассортимент лавки состоял сплошь из залогов, хранящихся здесь в течение вот уже нескольких веков. Музыканты частенько испытывают недостаток в средствах. Кстати, это является одним из определений настоящего музыканта. Тут были боевые рога. Тут были лютни. Тут были барабаны.

— Ненужный хлам, — едва слышно произнес Дион.

Золто сдул пыль с одной из труб и поднес ее к губам. Раздавшийся звук походил на глас пережаренной фасоли.

— Кажется, внутри лежитдохлаямышь, — сообщил он, заглянув в трубу.

— С ней все было в порядке, пока ты в нее не подул, — проскрипела старуха.

В другом конце лавки со звоном посыпались на пол тарелки.

— Э-э, прошу прощения, — сказал Лава.

Золто открыл крышку инструмента, абсолютно незнакомого Диону. Под крышкой оказался ряд клавиш. Золто пробежался по ним короткими пальцами, издав серию печальных, едва слышных звуков.

— Что это? — шепотом спросил Дион.

— Клавесин, — ответил гном.

— Нам может пригодиться?

— Вряд ли.

Дион выпрямился. Ему показалось, что за ним кто-то следит. Старуха, разумеется, не спускала с них глаз, но чувствовалось что-то еще...

— Бесполезно, — громко сказал он. — Ничего здесь нет.

— Эй, что это было? — воскликнул Золто.

— Я сказал, что...

— Я что-то слышал.

— Что?

— Вот и сейчас, снова!

За их спинами что-то затрещало, раздалась серия глухих ударов. Это Лава, достав контрабас из-под груды пюпитров, попытался сыграть на нем какую-то мелодию.

— Всякий раз, когда ты говоришь, раздается какой-то странный звук, — сообщил Золто. — Ну-ка, скажи что-нибудь.

Дион замялся, как замялся бы любой другой человек, который всю жизнь разговаривал себе и вдруг услышал: «Ну-ка, скажи что-нибудь».

— Дион? — сказал он.

Вум-вум-вум.

— Это доносится...

Уа-уа-уа.

Золто отбросил в сторону пачку древних нот. За ней оказалось кладбище музыкальных инструментов: барабан без кожи, ланкрские волынки без труб и один маракас, предназначенный, вероятно, для продвинутого в области дзена танцора фламенко.

И что-то еще.

Гном вытащил инструмент из груды хлама. Он отдаленно напоминал гитару, вырубленную из куска старого дерева тупым каменным зубилом. Несмотря на то, что гномы, как правило, не играют на струнных инструментах, Золто знал, как выглядит гитара. Предполагается, что она должна быть похожа на женщину, если, конечно, ваш идеал — это женщина, у которой нет ног, зато есть длинная шея и много ушей.

— Дион? — позвал он.

— Да?

Вауауаум.

Звук напоминал натужный скрежет пилы, работающей на износ. У инструмента было двенадцать струн, но корпус был цельным, а не полым, он скорее служил просто рамой, на которую натянули струны.

— Она резонирует в ответ на звуки, — сказал Золто.

— Но...

Ваум-уа.

Золто прижал струны ладонью и подозвал к себе друзей.

— Мы находимся совсем рядом с Университетом, — прошептал он. — Волшебство просачивается наружу. Общеизвестный факт. Может, ее заложил какой-нибудь волшебник? Но дареной крысе в зубы не смотрят. Ты умеешь играть на гитаре?

Дион побледнел.

— Ты имеешь в виду... какие-нибудь народные мотивы?

Он взял инструмент в руки. Народная музыка в Лламедосе не приветствовалась, а всякие народные песенки безжалостно искоренялись. Считалось, что мужчина, наткнувшийся чудесным майским утром на прекрасную деву, должен действовать так, как посчитает нужным, и нет никакой нужды подробно описывать его действия. К гитарам в Лламедосе относились неодобрительно, считая игру на них слишком... легкой.

Дион тронул струны. Они издали звук, абсолютно не похожий на слышанные им прежде; казалось, он исчезал в грудах старых инструментов, прятался там некоторое время, порождая странное эхо, — и возвращался, обогащенный дополнительными гармониками. По спине юноши пробежали неприятные мурашки. Но... чтобы стать пусть даже *самым плохим* музыкантом в мире, все равно нужен какой-нибудь инструмент.

— Ну что, решили? — спросил Золто.

Он повернулся к старухе.

— И это называется музыкальный инструмент? А где вторая половина?

— Золто, я... — начал было Дион.

Струны задрожали под его ладонью. Старуха посмотрела на странную гитару.

— Десять долларов, — сказала она.

— Десять долларов? *Десять долларов?!* — воскликнул Золто. — Да эта рухлядь двух монет не стоит!

— Верно, — согласилась старуха. — Двух монет она точно не стоит.

Хозяйка лавки даже немного повеселела, правда, как-то гнусно, словно ей не терпелось вступить в бой, который будет вестись не на жизнь, а на смерть.

— Это же седая древность, — продолжал Золто.

— Антиквариат.

— Эй, госпожа, да ты звук послушай! На что это похоже?

— Очень сочный звук. Такую работу сейчас днем с огнем не сыщешь.

— Это потому, что дураков не осталось покупать подобное барахло!

Дион снова взглянул на инструмент. Струны дрожали сами по себе. Они были голубоватыми и казались какими-то размытыми, будто постоянно вибрировали.

Он поднес инструмент к губам и шепнул:

— Дион.

Струны что-то тихо промурлыкали.

Только сейчас он заметил некую странную меловую пометку. Она была почти не видна и ничего особенного собой не представляла. Просто кто-то чиркнул мелом... Как будто вывел цифру «1».

А Золто тем временем развлекался вовсю. Считается, что в области финансовых переговоров лучше гномов никого нет — и остротой ума и нахальством они уступают лишь сухоньким старушкам. Дион попытался сосредоточиться на том, что происходит.

— Хорошо, хорошо, — произнес Золто, — значит, договорились?

— Договорились, — ответила старуха. — Только не надо плевать на ладонь, прежде чем пожать мне руку. Это несколько негигиенично.

Золто повернулся к Диону.

— Вроде все удачно закончилось.

— Послушай, я...

— Двенадцать долларов есть?

— Что?!

— По-моему, я неплохо сторговался, а, как думаешь?

За их спинами что-то рухнуло, и появился Лава с парой тарелок под мышкой, кативший перед собой огромный барабан.

— Я же сказал, у меня совсем нет денег! — прошипел Дион.

— Да, но... все говорят, что у них нет денег. Это разумно. Не будешь же ты ходить повсюду и кричать, что у тебя карманы доверху набиты. Ты имеешь в виду, у тебя действительно нет денег?

— Да!

— Даже двенадцати долларов?

— Да!

Лава бросил барабан, тарелки и пачку нот на прилавок.

— Сколько за все? — спросил он.

— Пятнадцать долларов, — ответила старуха.

Лава тяжело вздохнул и выпрямился. На мгновение его взгляд затуманился, потом тролль резко врезал себе в челюсть. Пошарив пальцем во рту, он достал...

Дион таращился, ничего не понимая.

— Дай-ка посмотреть, — сказал Золто и выхватил из безвольных пальцев Лавы какой-то камешек. — Эй! Да в нем никак не меньше пятидесяти карат!

— Это я не возьму, — твердо заявила старуха. — Брать то, что побывало во рту у тролля?!

— Может, ты и яйца не ешь? — осведомился Золто. — Всем известно, что зубы троллей — чистые алмазы.

Старуха выхватила у него зуб и внимательно рассмотрела камешек при свете свечи.

— Если бы я отнес его на Ничегоподобную улицу, — сказал Золто, — тамошние ювелиры отвалили бы за него монет двести, не меньше.

— А здесь он стоит пятнадцать долларов, — парировала старуха.

Алмаз бесследно исчез где-то в складках ее одежды, и она широко улыбнулась.

— Вообще не надо было ей платить. Забрали бы все и ушли. И почему мы так не сделали? — горько спросил Золто, когда они вышли на улицу.

— Потому что она бедная, незащищенная старая женщина, — ответил Дион.

— Именно! Именно это я и имел в виду!

Золто посмотрел на Лаву.

— И у тебя полная пасть таких камешков?

— Ага.

— Я должен домовладельцу всего за два месяца...

— Даже не думай, — спокойно произнес тролль.

Позади с треском захлопнулась дверь.

— Эй, выше нос, парни! — воскликнул Золто. — Завтра я найду нам работу. Можете не сомневаться. В этом городе я всех знаю. Нас трое... а это уже *группа*.

— Но мы даже не репетировали ни разу, — попытался возразить Дион.

— Репетировать будем в процессе, — парировал Золто. — Добро пожаловать в мир профессиональных музыкантов.

Сьюзен не слишком хорошо разбиралась в истории. Она казалась ей чрезвычайно скучным предметом. Занудные людишки постоянно совершали одни и те же идиотские поступки. Где смысл? Один король как две капли воды походил на другого.

Класс изучал очередное восстание, в результате которого крестьяне хотели перестать быть крестьянами, и в связи с тем, что знать победила,

перестали быть крестьянами *очень быстро*. Вот если бы они удосужились научиться читать и приобрели кое-какие книжки по истории, то знали бы о весьма сомнительном преимуществе кос и вил в бою против мечей и арбалетов.

Сьюзен рассеянно слушала, пока скука полностью не завладела ею, после чего достала свою книгу и сделалась невидимой для мира.

— ПИСК!

На полу рядом с партой появилась крошечная фигурка, очень похожая на скелет крысы в черной мантии и с крошечной косой в лапках.

Сьюзен снова углубилась в чтение. Таких тварей на свете нет. Это она знала точно.

— ПИСК!

Она снова опустила взгляд. Привидение никуда не девалось. Вчера на ужин подавали тосты с сыром. Насколько ей было известно из тех же книжек, поздний прием пищи иногда провоцирует подобные видения.

— Тебя не существует, — сказала она. — Ты просто кусочек сыра.

— ПИСК?

Убедившись, что внимание девушки привлечено, крысopodobное существо достало крошечные песочные часы на серебряной цепочке и настойчиво указало на них.

Вопреки всем доводам разума, Сьюзен наклонилась и подставила руку. Существо быстро вскарабкалось ей на ладонь — лапки, словно маленькие булавки, царапали кожу — и выжидающе уставилось на Сьюзен.

Сьюзен поднесла странного гостя к лицу. Хорошо, пусть это плод ее воображения. Тем не менее относиться к таким симптомам следует очень серьезно.

— Если ты сейчас скажешь что-нибудь о своих бедных лапках и усиках, — тихо предупредила она, — я спущу тебя в туалет.

Крыса покачала черепом.

— Ты настоящий?

— ПИСК. ПИСКПИСКПИСК...

— Послушай, — терпеливо промолвила Сьюзен, — по-грызуни я не говорю. На уроках по современным языкам мы изучаем клатчский, и я знаю только как сказать: «Верблюд моей тети исчез в мираже». А кроме того, если ты действительно плод моего воображения, то мог бы принять... более приятное обличье.

Скелет, даже такой маленький, — зрелище не из приятных, пусть даже у него открытое лицо и вечная улыбка. Но чувство... нет, скорее, воспоминание уже начало просыпаться где-то внутри ее разума, и Сьюзен

начинала понимать, что крысоподобное существо не только реально, но и находится на ее стороне. Ощущение было очень странным. На ее стороне обычно находилась только она сама.

Крыса, явившаяся из мира мертвых, некоторое время смотрела на Сьюзен, а потом, зажав косу в зубах, прыгнула на пол и куда-то заспешила между партами.

— У тебя лапок-усиков и тех нет, — сказала Сьюзен. — Я имею в виду, настоящих.

Скелет крысы прошел сквозь стену.

А Сьюзен яростно вгрызлась в Парадокс Делимости Ноксуза, наглядно демонстрировавший невозможность падения с бревна.

Тем же вечером дома у Золто они устроили репетицию. Жилище гнома находилось на Федрской улице, позади сыромятни, и здесь вездесущие уши Гильдии Музыкантов вряд ли могли их услышать. Крошечная комнатуха была тщательно вымыта и свежевыкрашена. Она просто сияла чистотой. В гномьих домах не бывает ни тараканов, ни других вредителей. По крайней мере, пока хозяин в состоянии держать в руках сковороду.

Дион и Золто сидели и смотрели, как Лава колотит по своим камням.

— Ну как? — спросил он, закончив партию.

— А еще что-нибудь ты можешь? — чуть подумав, спросил Дион.

— Это же камни, — терпеливо объяснил тролль. — Из них больше ничего не извлечешь. Только «боп-боп-боп».

— Гм-м. Можно я попробую? — спросил Золто. Он расположился за разложенными кругом камнями и некоторое время просто смотрел на них. Затем поменял несколько камней местами. Достал из ящика для инструментов пару молотков и, примериваясь, постучал по одному из камней.

— Ну, хорошо, начнем... — неуверенно произнес он.

Бамбам-бамБАМ.

Струны лежавшей рядом с Дионом гитары отозвались звоном.

— Это оллрайт, мама, — заключил Золто.

— Что? — не понял Дион.

— Не обращай внимания, так, обычная музыкальная присказка, — пояснил Золто. — Типа «я не вижу ваших рук».

— Не понял?

Бам-бам-а-бамбам, бамБАМ.

— А ты подпрыгни, — посоветовал Лава.

Дион, не отрываясь, смотрел на камни. В Лламедосе ударные

инструменты не поощрялись. Барды говорили, что палкой по камню или полому бревну любой дурак стучать может. Это — не музыка. А еще — тут они обычно переходили на шепот — во всем этом есть что-то *животное*.

Гитара тихонько гудела. Казалось, она вбирает в себя все звуки из окружающего воздуха.

На юношу вдруг нахлынуло странное ощущение, что в камнях, по которым можно стучать, скрыты неограниченные возможности.

— А можно теперь я? — спросил он.

Он взял в руки молотки, гитара откликнулась едва слышным звоном струн.

Через сорок пять секунд он опустил молотки. Чуть позже смолкло эхо.

— А зачем ты в самом конце треснул меня по шлему? — осторожно спросил Золто.

— Извини, — виновато ответил Дион. — Меня немного занесло. Я принял тебя за тарелки.

— Звучало несколько... необычно, — признал тролль.

— Музыка... из камней, — промолвил Дион. — Нужно только дать ей свободу, выпустить на волю. И тогда в ней зазвучит глас Рока. Музыка есть во всем, нужно только суметь ее найти.

— А мне можно попробовать? — спросил Лава и неуклюже расположился за камнями.

А-бам-боп-а-ри-боп-а-бим-бэм-бум.

— Что ты с ними сделал? — удивился он. — Они стали звучать как-то... дико.

— А мне нравится, — заявил Золто. — Так намного лучше, чем прежде.

Ту ночь Дион провел между маленькой кроватью Золто и огромной каменной грудой Лавы. Заснул он почти сразу — стоило ему лечь, как буквально через минуту он храпел.

Струны лежавшей рядом гитары подпевали ему.

Убаюканный их едва слышным гулом, Дион совсем забыл о своей арфе.

Сьюзен проснулась. Кто-то дергал ее за ухо. Она открыла глаза.

— ПИСК?

— О нет...

Она села на кровати, все остальные девушки мирно спали. Окно было открыто — в школе поощрялось потребление свежего воздуха, особенно учитывая тот факт, что потреблять его можно было в огромных количествах

и совершенно бесплатно.

Скелет крысы вскочил на подоконник и, убедившись в том, что девушка заметила его, скрылся в ночи.

Таким образом, Сьюзен было предложено два пути: снова заснуть или последовать за крысой.

Второй вариант она всегда считала откровенно глупым. Так поступали главные героини всяких сентиментальных книжек. После чего оказывались в каком-нибудь идиотском мире, заселенным придурковатыми гоблинами и говорящими животными. И вообще, эти девчонки-героини были такими жалкими... Они просто позволяли событиям случаться и расхаживали по страницам книги, непрерывно повторяя: «О, силы небесные», вместо того чтобы, как и подобает всякому цельному разумному существу, организовать свою жизнь быстро и надлежащим образом.

Впрочем, если хорошенько подумать, во втором варианте есть некая привлекательность... В мире слишком много неуверенности — вот в чем беда. А Сьюзен сама непрерывно повторяла, что разобраться со всем этим беспорядком должны люди, подобные ей.

Она накинула халат, забралась на подоконник и, чуть помедлив, спрыгнула на клумбу.

Крошечный силуэт крысы пробежал по озаренной лунным светом лужайке и скрылся где-то за конюшнями. Сьюзен двинулась следом, но, дойдя до угла, остановилась, почувствовав себя слегка продрогшей и совсем не слегка идиоткой. Но тут крыса вернулась, волоча какой-то предмет, больше себя самой по размерам и напоминавший комок старых тряпок.

Скелетообразная крыса обошла сверток и несколько раз пнула его.

— Ну хорошо, *хорошо!*

Сверток открыл один глаз, который некоторое время безумно вращался, пока не остановился на Сьюзен.

— Предупреждаю, — сказал сверток, — слово на букву «Н» я говорить не буду.

— Э-э, что? — не поняла Сьюзен.

Сверток перевернулся, принял вертикальное положение и расправил два грязных крыла. Крыса сразу перестала его пинать.

— Я ведь ворон, не так ли? — произнес бывший сверток. — Одна из немногих птиц, умеющих разговаривать. А люди, стоит им только увидеть меня, сразу начинают твердить: «О, так ты ворон, значит? А ну-ка, скажи нам слово на букву „Н“...» А все этот поэт со своим воображением. Он и представить себе не мог, что мы, вороны, знаем не одно слово и даже не

два...

— ПИСК.

— Хорошо, хорошо. — Ворон взъерошил перья. — Вот это вот существо — Смерть Крыс. Заметила косу, капюшон, да? Смерть Крыс. Большая шишка в крысином мире.

Смерть Крыс поклонился.

— Большую часть времени проводит под амбарами и в прочих местах, куда люди обычно ставят тарелки с отрубями и хорошей порцией стрихнина, — продолжил ворон. — Очень добросовестный работник.

— ПИСК.

— Да, но что ему нужно от меня? — не поняла Сьюзен. — Я ведь не крыса.

— И это очень предусмотрительно с твоей стороны, — сказал ворон. — Послушай, я ведь ни на что не напрашивался, понимаешь? Сплю себе мирно на своем черепе, и вдруг кто-то хватить меня за ногу. А будучи птицей оккультной, как и подобает всякому порядочному ворону...

— Прости-прости, — перебила его Сьюзен. — Я понимаю, все это не более чем сон, но должна же я понять, что происходит. Ты спал на своем черепе?

— Ну, не на моем собственном черепе, — поправился ворон. — На чьем-то.

— На чьем именно?

Глаза ворона бешено завращались. Ему никак не удавалось сфокусировать взгляд обоих глаз в одной точке. Сьюзен едва сдерживалась, чтобы не закрутиться вместе с глазами ворона.

— Откуда я знаю? Их ведь не приносят с ярлыками. Обычный череп. Послушай, я работаю на волшебника, поняла? Сажу на черепе весь день в его конторе и каркаю на людей...

— Зачем?

— Потому что каркающий ворон на черепе является столь же неотъемлемой частью *modus operandi* волшебника, как заплывшие воском свечи и старое чучело аллигатора на потолке. Ты что, совсем ничего не знаешь? Мне казалось, это все знают, кто хоть что-то о чем-нибудь знает. Да нормальный волшебник скорее откажется от зеленой дряни, булькающей в колбах, чем от сидящего на черепе и каркающего на людей ворона...

— ПИСК!

— Послушай, людям все следует объяснять постепенно, — устало произнес ворон. Один его глаз снова обратился в сторону Сьюзен. — М-да,

никакой изысканности, правда? Но крысы не задаются философскими вопросами, тем более крысы мертвые. Как бы то ни было, я единственное известное ему существо, которое умеет разговаривать...

— Люди тоже умеют разговаривать, — перебила Сьюзен.

— Да, конечно, — согласился ворон, — но суть, или, так сказать, ключевое отличие, состоит в том, что люди не предрасположены к тому, чтобы их посреди ночи будила скелетообразная крыса, которой вдруг приперло иметь переводчика. Кстати, люди его не видят.

— Но я же его вижу!

— Ага, вот тут ты ткнула пальцем в суть, в мозг кости, если так можно выразиться.

— Послушай, — сказала Сьюзен, — просто хочу предупредить, ничему этому я не верю. Не верю в то, что существует Смерть Крыс в мантии, да еще и с косой наперевес.

— Но он стоит прямо перед тобой!

— Это еще не причина, чтобы в него поверить.

— Вижу, ты получила *настоящее* образование, — кисло заметил ворон.

Сьюзен пристально посмотрела на Смерть Крыс. В его глазницах тлели таинственные голубые огоньки.

— ПИСК.

— Все дело в том, — продолжил ворон, — что он снова ушел.

— Кто?

— Твой... дедушка.

— Дедушка Лезек? Но куда он мог подеваться? Он же давно умер.

— Твой... э-э... *другой* дедушка, — намекнул ворон.

— У меня нет...

Откуда-то из глубины снова всплыли неясные воспоминания. О лошади... О комнате, полной шепотов... О странного вида ванне... О полях пшеницы...

— Вот так всегда. Вот что бывает, когда детям пытаются дать образование, вместо того чтобы просто сказать им правду, — покачал головой ворон.

— Я думала, мой *другой* дедушка тоже... умер, — неуверенно произнесла Сьюзен.

— ПИСК.

— Крыса говорит, что ты должна пойти с ней. Это очень важно.

В воображении Сьюзен возник образ похожей на карающую валькирию госпожи Ноно. Какая *глупость*...

— Нет, только не это, — запротестовала девочка. — Уже почти полночь, а завтра у нас экзамен по географии.

Ворон удивленно открыл клюв.

— Ушам своим не верю, — сказал он.

— Ты действительно считаешь, что я послушаюсь какую-то костлявую крысу и говорящего ворона? Я немедленно возвращаюсь домой!

— Никуда ты не вернешься, — возразил ворон. — Да ни один человек, в котором бурлит хоть капелька крови, не откажется от такого. Ты же ничего не узнаешь, если сейчас уйдешь. Разве что получишь образование.

— У меня совсем нет *времени!* — воскликнула Сьюзен.

— А, время... — протянул ворон. — Что есть время? Не более чем привычка. И оно не фундаментальное свойство мира — для тебя.

— Но как такое может...

— А вот это тебе и предстоит выяснить.

— ПИСК.

Ворон возбужденно запрыгал на месте.

— Можно я скажу? Можно? — закричал он и даже сумел наконец сфокусировать оба глаза на Сьюзен.

— Твой дедушка... — начал было он. — Он... самый... настоящий... взаправдашний... Сме...

— ПИСК!

— Когда-нибудь она все равно узнает, — возразил ворон.

— Смерд? Мой второй дед происходит не из благородного семейства? И вы подняли меня среди ночи только для того, чтобы сообщить это известие?!

— Я не говорил, что твой дедушка смерд, — возразил ворон. — Я хотел сказать, что он — С...

— ПИСК!

— Ну, хорошо, будь по-твоему!

Два странных существа ввязались в долгий спор друг с дружкой, а Сьюзен тем временем потихоньку отступала.

Потом она подобрала подол и бросилась прочь через двор и влажную от росы лужайку. Окно все еще было открыто. С трудом забравшись на карниз и ухватившись за подоконник, она подтянулась и нырнула в окно спальни. После чего Сьюзен легла на кровать и закрылась с головой одеялом...

Чуть позже она поняла, что, сбежав, поступила не совсем разумно. Но менять что-либо было уже поздно.

Ей снились лошади, кареты и часы без стрелок.

— Думаешь, мы перегнули палку?
— ПИСК? «С...» ПИСК?
— А ты как хотел? Чтобы я вот так, запросто взял и выложил ей, что ее дедушка — Смерть? Вот так просто? А где такт, где понимание ситуации? Людям нравится драма.
— ПИСК, — многозначительно заметил Смерть Крыс.
— У крыс все по-другому.
— ПИСК.
— Ладно, хватит на сегодня, — сказал ворон. — К твоему сведению, вороны не относятся к ночным животным. — Он почесал клюв лапой. — Кстати, ты занимаешься только крысами или мышами, хомяками, ласками и прочими мелкими тварями тоже?
— ПИСК.
— А полевками? Как насчет полевок?
— ПИСК.
— Обалдеть. Никогда бы не подумал. Значит, ты еще и Смерть Полевок? Поразительно, и как ты везде успеваешь?
— ПИСК.
— Понял, понял.

Есть люди дня, а есть создания ночи.

Тут нельзя забывать, что созданием ночи просто так не станешь; от того, что вы ночь-другую не поспите, крутизны и загадочности у вас не прибавится. Для перехода из одной категории в другую требуется нечто большее, нежели плотный грим и бледная кожа.

И наследственность в этом деле имеет далеко не последнее значение.

Ворон вырос в далеком Анк-Морпорке, на постоянно осыпающейся, увитой плющом Башне Искусства, нависшей над Незримым Университетом. Вороны от природы птицы очень разумные, а периодические утечки университетской магии, которая имеет тенденцию усиливать всякие аномальные черты, довершили дело.

Имени у ворона не было, животные обычно не обращают внимания на подобные условности.

Волшебник, который считал себя владельцем птицы, называл ворона Каркушей — не обладая чувством юмора, он, подобно большинству людей, обделенных этой чертой, искренне гордился наличием того, чего у него в действительности не было.

Ворон долетел до дома волшебника, ввалился в открытое окно и

устроился на привычном месте, то есть на черепе.

— Бедное дитя, — сказал он.

— Такова доля твоя, — многозначительно отозвался череп.

— Впрочем, не могу ее упрекнуть. Она честно пытается быть нормальной, — продолжил ворон.

— Ага, — согласился череп. — Я всегда говорил: думать надо, пока голова на плечах. Потом будет поздно.

Хозяин зернохранилища в Анк-Морпорке решил, что пора принять самые экстренные меры. Смерть Крыс слышал, как возбужденно лают терьеры. Ночь обещала быть напряженной.

Вообще, описать мыслительный процесс Смерти Крыс достаточно сложно. Трудно даже утверждать, что этот процесс у него в черепе происходит. Однако в данный момент Смерть Крыс испытывал определенные сомнения по поводу правильности своего решения привлечь к переговорам ворона. Но люди всегда считали слова такими важными...

Крысы не отличаются способностью предвидеть будущее — разве что в общем смысле. И в этом самом общем смысле Смерть Крыс был очень, очень встревожен. Он не ожидал столкнуться с такой штукой, как образование.

На следующее утро Сьюзен даже не пришлось становиться невидимой. Экзамен по географии касался в основном флоры равнины Сто [3], основных статей экспорта равнины Сто [4] и фауны равнины Сто [5]. Предмет не составлял особого труда, главное тут было запомнить общий знаменатель. Девочки должны были раскрасить карту. Использовался в основном зеленый цвет. На обед подавали «Пальцы Мертвеца» (читай — сосиски) и Пудинг с Глазными Яблоками (с обычными маленькими яблочками) — здоровый противовес урокам физкультуры.

Уроки физкультуры относились к компетенции Железной Лили, которая, по слухам, брилась, поднимала гантели зубами и подбадривающие крики которой, когда она носилась вдоль боковой линии, сводились к фразам типа: «А ну, схватили мяч, бабы!»

Когда начиналась физкультура, госпожа Ноно и госпожа Перекрест предпочитали наглухо задраивать окна. Госпожа Ноно яростно изучала логику, а госпожа Перекрест в одеянии, напоминающем, по ее мнению, тогу, усиленно занималась аритмикой в спортивном зале.

Своими успехами в спорте Сьюзен могла поразить кого угодно. По крайней мере, в некоторых его видах — к примеру, в хоккее на траве и лапте. Главное, чтобы игра была связана с размахиванием палкой. Тут

Сьюзен поражала как в прямом смысле слова, так и в переносном. Вид приближающейся к воротам Сьюзен, в глазах которой горела дьявольская расчетливость, заставлял любого вратаря усомниться в надежности защитных доспехов и броситься на землю, а тем временем мяч, летящий на высоте пояса, со свистом врывался в ворота.

Тот факт, что ее не приглашали ни в одну из команд, несмотря на то что она, согласно общему мнению, играла лучше всех в школе, являлся, как считала сама Сьюзен, еще одним подтверждением общей и повальной глупости человечества. В команды брали даже толстых девчонок с прыщами. Она так и не смогла найти логичного объяснения подобной несправедливости.

Сьюзен не раз объясняла другим девочкам, насколько хороша она в игре, охотно демонстрировала свое мастерство и постоянно подчеркивала, как это глупо — не приглашать ее в команду. Однако по какой-то необъяснимой причине брать ее в игру наотрез отказывались.

В общем, вместо занятий физкультурой она отправилась на официально разрешенную прогулку. Такая альтернатива была возможной — при условии что девочки гуляли не одни. Обычно они ходили в город и покупали несвежую рыбу с чипсами в вонючей лавочке на улице Трех Роз — жареная пища считалась госпожой Ноно крайне вредной для здоровья, поэтому покупалась при первой же возможности.

Девочки должны были прогуливаться группами по три, и не менее. Опасность, как предполагала госпожа Ноно, не может подстерегать группу, состоящую из более чем двух девушек.

И вряд ли какая опасность могла грозить группе, в которую входили принцесса Нефрита и Глория, дочь Тога.

Сначала, когда в школу обратились с просьбой принять на учебу дочь самого настоящего тролля, владелицы колледжа для девочек испытывали некоторые сомнения, но отец Нефриты был королем целой горы, а заполучить в ученицы настоящую принцессу — это крайне престижно для любого учебного заведения. Кроме того, как заметила госпожа Ноно в беседе с госпожой Перекрест, нужно искренне поощрять стремление таких существ стать настоящими людьми, тем более что король просто душка, даже и не помнит, когда он в последний раз кого-то ел. Принцесса Нефрита страдала слабым зрением, что освобождало ее от долгого пребывания на солнечном свете и плетения кольчуг на уроках труда.

Ну а Глории запретили ходить на физкультуру потому, что она слишком угрожающе размахивала топором. Госпожа Ноно как-то имела смелость заметить, что топор не кажется ей дамским оружием, даже если

речь идет о гномах, на что Глория резонно возразила, что топор достался ей в наследство от бабушки, которая владела им всю свою жизнь и чистила каждую субботу, даже если ей не доводилось пускать его в ход. Что-то в манере Глории сжимать топорище заставило сдаться даже госпожу Ноно. В качестве выражения доброй воли Глория отказалась от шлема, но оставила бороду. В правилах поведения ничего не говорилось о том, что девушкам запрещается носить бороду в фут длиной, тем более если она заплетена в косички и увита лентами фирменных цветов школы.

Удивительно, но в этой странной компании Сьюзен чувствовала себя вполне уютно, чем заслужила сдержанное одобрение госпожи Ноно, которая заметила, что Сьюзен — просто душка. Сьюзен была поражена до глубины души, она и представить себе не могла, что кто-то, кроме как в сентиментальных книжках, употребляет слово «душка».

Девушки шли по буковой аллее вдоль игрового поля.

— Не понимаю я этой физкультуры, — сказала Глория, наблюдая за толпой запыхавшихся девушек, что носились взад-вперед по площадке.

— У троллей есть такая игра, — откликнулась Нефрита. — Называется «ааргруха».

— И как в нее играют? — поинтересовалась Сьюзен.

— Ну... у человека отрывают голову и гоняют ее специальными, сделанными из хрусталя башмаками, пока не забьют гол или голова не лопнет. Правда, теперь в нее не играют, — добавила она поспешно.

— Я так и думала, — кивнула Сьюзен.

— Наверное, утерян секрет изготовления башмаков, — заметила Глория.

— Думаю, если бы в нее еще играли, кто-нибудь типа Железной Лили бегал бы вдоль боковой линии и орал: «А ну-ка, схватили голову, бабы!» — сказала Нефрита.

Некоторое время они шли молча.

— Вряд ли она бы так орала, — осторожно произнесла Глория.

— Кстати, — перебила Сьюзен, — вы ничего странного не замечали?

— Ты о чем? — спросила Глория.

— Ну, скажем... крыс, — намекнула Сьюзен.

— Как раз крыс я тут не видела, — ответила Глория. — Хотя искала их повсюду.

— Я имею в виду... странных крыс — пояснила Сьюзен.

Они поравнялись с конюшнями. Как правило, в конюшнях содержались две лошади, которых впрягали в школьную карету, плюс временные постояльцы — те лошади, с которыми девушки, поступившие в

школу, наотрез отказывались расставаться.

Есть на свете девушки, которые под угрозой лютой смерти не способны навести порядок в собственной спальне, зато готовы с оружием в руках сражаться за право весь день убирать навоз в какой-нибудь жуткой конюшне. Этого Сьюзен не понимала. Она ничего не имела против лошадей, но совершенно не разбиралась в уздечках, стремянах и прочей сбруе. Кроме того, она долго не могла понять, почему лошадей измеряют в ладонях, когда существуют всем понятные дюймы. Впрочем, понаблюдав некоторое время за девушками в бриджах, она сделала вывод, что им просто не под силу справиться с таким сложным прибором, как линейка.

— Хорошо, — сказала она. — А как насчет воронов?

Кто-то дунул ей в ухо.

Она резко обернулась.

В центре двора стояла белая лошадь, смахивающая на плохой спецэффект. Она была слишком яркой. Она вся светилась. Она казалось единственным реальным существом в мире бледных теней. Она была просто гигантской по сравнению с пухлыми лошадками, обычно стоявшими в денниках.

Рядом с ней суежилась пара девушек в бриджах. В них Сьюзен узнала Кассандру Лисс и леди Сару Благост, исключительно похожих друг на друга своей любовью ко всем четвероногим существам, которые кричат «и-го-го», и отвращением ко всему остальному, а также способностью смотреть на окружающий мир зубами и произносить слово «о» так, словно в нем как минимум четыре гласных.

Белая лошадь тихонько заржала и уткнулась мордой в ладонь Сьюзен.

«Ты — Бинки, — подумала она. — Я тебя знаю. Я на тебе каталась. Кажется, ты... ты принадлежишь мне».

— Кста-а-ати, — сказала Сара, — чья эта лошадь?

Сьюзен огляделась.

— Что? Моя? Да... наверное, моя.

— О-о-о-о? Она стоя-а-а-ала в деннике рядом с Буркой. А я и не зна-а-ала, что у тебя есть лошадь. Зна-а-аешь, тебе нужно получить разрешение госпожи Ноно.

— Это подарок, — неуверенно произнесла Сьюзен. — От... кое-кого...

Гиппопотам воспоминаний сонно заворочался в болоте сознания. Она сама не могла понять, почему сказала то, что сказала. Уже много лет она не вспоминала о дедушке. До последней ночи.

«Я помню конюшню, — подумала она. — Такую большую, что даже стен не видно. Как-то раз я каталась на тебе. Кто-то держал меня, чтобы я

не упала. Но с такой лошади упасть нельзя. Если она сама того не захочет».

— О-о-о-о. А я и не зна-а-а-ала, что ты едешь верхом.

— Я... когда-то ездил.

— Зна-а-а-ешь, нужно платить. За то, что держишь ту-у-ут лошадь, — сказала Сара.

Сьюзен ничего не ответила. Почему-то она была уверена, что нужная сумма уже заплачена.

— А у тебя не-е-ет сбруи, — заметила Сара.

Тут Сьюзен не сдержалась.

— А мне она и не нужна.

— О-о-о-о, едешь *без седла*, да-а-а? А правишь чем, уша-а-ами?

— Наверное, на сбрую у нее денег не хватило, — вставила Кассандра Лисс. — А ты, гномиха, чего уставилась? Это моя лошадь! Кончай на нее глазеть!

— И ничего я не глазею, — смутилась Глория.

— А то я не вижу, как у тебя слюни текут, — огрызнулась Кассандра.

По булыжникам быстро простучали каблучки, и Сьюзен одним прыжком вскочила на спину лошади.

Она окинула взглядом замерших в изумлении девушек, после чего оглянулась в сторону расположенной сразу за конюшнями тренировочной площадки. Там были установлены препятствия — простые жерди, положенные на бочки.

Лошадь, хотя Сьюзен даже пальцем не шевельнула, вдруг развернулась и рысью проследовала на площадку, направляясь к самому высокому препятствию. Потом возникло ощущение стремительно высвобождающейся энергии, затем — мгновенное ускорение, и препятствие промелькнуло где-то далеко внизу...

Бинки плавно затормозила и остановилась, переступая с копыта на копыто.

Девушки, видимо, лишившись дара речи, молча таращились на Сьюзен.

— А так и должно быть? — наконец спросила Нефрита.

— В чем дело? — удивилась Сьюзен. — Никогда не видели, как прыгает лошадь?

— Видели, — произнесла Глория медленно и осторожно, как будто боялась, что от звука ее голоса вселенная вдруг возьмет да и разлетится на мелкие кусочки. — Но все дело в том, что лошади обычно опускаются на землю.

Сьюзен посмотрела вниз.

Какой приказ следует отдать, чтобы лошадь снова вошла в контакт с землей? До сих пор в подобных командах общество любителей верховой езды не нуждалось.

Первой обрела дар речи Сара Благост.

Сьюзен была порядком ошеломлена — она, можно сказать, впервые в жизни испытала настоящий страх, — но абсолютная глупость высказанных Сарой слов мгновенно вернула ей нечто похожее на прежнее благоразумие.

— Ты заста-а-авила лошадь прыгнуть, а потом... — Девушка резко замолчала.

— Вот-вот, — кивнула Сьюзен. — По-моему, летающие лошади — не та вещь, о которой стоит всем рассказывать.

— И все равно та-а-акое поведение нарушает правила школы, — пробормотала Сара.

Сьюзен завела белую лошадь в свободный денник и начала чистить ее бока скребком. В кормушке с сеном что-то громко зашуршало, Сьюзен показалось, что там мелькнула белая кость.

— Крысы поганые, — вернулась в реальный мир Кассандра. — Развелись тут. Но госпожа Ноно уже приказала садовнику разложить по конюшне яд, я сама слышала.

— Сколько хорошей еды пропадет, — грустно отозвалась Глория.

Тут, похоже, в мозгу Сары зародилась какая-то мысль.

— Послу-у-ушайте! — вдруг воскликнула она. — Не могла же эта лошадь висеть в воздухе! Лошади ведь так не умеют!

— Стало быть, нам всем померещилось, — ответила Сьюзен.

— Она просто зависла, — сказала Глория. — Вот и все. Как в баскетболе^[6]. Ничего другого и быть не могло.

— Да.

— Так все и было.

— Да.

Человеческий разум обладает уникальной способностью к

восстановлению. Разуму троллей и гномов свойственна та же черта. Сьюзен удивленно смотрела на своих подруг. Висящую в воздухе лошадь видели все без исключения, но эти воспоминания тут же были тщательно спрятаны в самых далеких глубинах подсознания, а ключ в замке сломан.

— Кстати, — сказала она, не сводя глаз с кормушки, — никто из вас не знает, в этом городе есть волшебник?

— Я придумал, где мы будем играть! — радостно сообщил Золто.

— Где? — спросил Лава.

Золто рассказал.

— В «Залатанном Барабане»? — переспросил Лава. — Но там же топорами кидаются.

— Зато мы будем в полной безопасности. Члены Гильдии туда не суются.

— Да, конечно, потому что Гильдия теряет там своих членов. Вернее, их *члены* теряют там свои члены.

— Мы получим пять долларов, — сказал Золто.

Троль замаялся.

— Пять долларов мне совсем не помешают, — согласился он.

— Третья часть от пяти долларов, — поправил его Золто.

Лава нахмурился.

— Это больше или меньше пяти долларов?

— Послушайте, нас хоть заметят! — воскликнул Золто.

— А я не хочу, чтобы меня заметили в «Барабане», — упорствовал Лава. — Совсем не хочу. Оказавшись там, лучше спрятаться за что-нибудь и носа не высовывать — если хочешь покинуть этот трактир живым.

— Нам нужно что-нибудь сыграть, — не сдавался Золто. — Что угодно. А новый владелец трактира без ума от всяческих развлечений.

— У них, кажется, был однорукий бандит.

— Да, но его арестовали.

Одной из основных достопримечательностей Щеботана были цветочные часы. И часы эти были особенными.

Все лишние воображения городские власти во всей множественной вселенной сооружают цветочные часы согласно простому принципу: берут громадный часовой механизм, маскируют его пошлой клумбой, а цифры высаживают миленькими цветочками^[7].

Часы Щеботана, напротив, представляли собой круглую клумбу, усаженную двадцатью четырьмя видами цветов, тщательно отобранными

согласно их способности открывать и закрывать бутоны в строго определенное время...

Когда Сьюзен пробегала мимо, лепестки пурпурного ползунка раскрывались, а цветы мэриных губок закрывались. Примерно половина одиннадцатого.

Улицы были пустынные. Люди, приезжающие в Щеботан в поисках приятного времяпрепровождения, предпочитали поскорее покинуть эти места. Щеботан был настолько респектабельным городом, что даже собаки тут спрашивали разрешения, прежде чем поднять ногу, причем в строго отведенных для этого местах.

Вернее, улицы были *почти* пустынные. Сьюзен казалось, что она слышит за своей спиной чей-то быстрый топоток, но ее преследователь двигался так быстро и прятался так умело, что разглядеть можно было лишь намек на какую-то неопределенных очертаний тень.

Возле улицы Трех Роз Сьюзен замедлила шаг.

Глория сказала, что волшебник живет именно здесь, где-то неподалеку от рыбной лавки. Знать о волшебниках ученицам колледжа было не положено. В личной вселенной госпожи Ноно волшебники занимали крайне низкое место.

В сгустившейся темноте переулок выглядел весьма зловеще. Тусклый свет факела, горящего в середине улочки, придавал теням еще более угрожающий вид.

Но тут Сьюзен заметила, что к стене одного из домов приставлена лестница и по ней явно собирается подняться какая-то девушка, облик которой показался Сьюзен неуловимо знакомым.

На звук шагов Сьюзен девушка обернулась, и лицо ее озарилось радостной улыбкой.

— О, привет, — сказала она. — Доллар не разменяешь?

— Э-э, что?

— Очень нужна пара монет по полдоллара. Такая такса. Но можно и медяками.

— Гм... Извини, вряд ли я смогу чем-нибудь тебе помочь. Мне выдают всего пятьдесят пенсов в неделю.

— Проклятье. Ладно, обойдусь как-нибудь.

Насколько могла судить Сьюзен, девушка была не из тех, что зарабатывают на жизнь в темных переулках. Она была крепкой и... чистой и походила, скорее, на медсестру, из тех, что помогают пациентам, возмнившим, будто бы они теперь навсегда прикованы к постели.

И было что-то очень, очень знакомое в ее облике...

Девушка вытащила из кармана платья клещи, поднялась по лестнице и скрылась в одном из окон.

Сьюзен овладели сомнения. Девушка вела себя по-деловому, но по собственному опыту, хоть и достаточно ограниченному, Сьюзен знала, что люди, взбирающиеся ночью по лестницам, — это Злодеи, которых Решительным Девушкам следует задерживать. Она уже собралась было отправиться на поиски ближайшего стражника, как вдруг в другом конце переуллка открылась дверь.

Из нее вывалились двое мужчин в обнимку и веселыми зигзагами направились к главной улице. Сьюзен тихонько отошла в сторону. Что-что, а оставаться незамеченной она действительно умела.

Мужчины прошли сквозь лестницу.

Либо мужчины были не совсем материальны — однако издаваемые ими звуки говорили об обратном, — либо что-то было не в порядке с лестницей. Но девушка ведь поднялась по ней...

...А теперь спускалась, что-то торопливо пряча в кармане.

— Ангелочек даже не проснулся, — сказала она.

— Извини? — не поняла Сьюзен.

— У меня не было пятидесяти пенсов, — продолжала девушка, с легкостью забросив лестницу на плечо. — Но правила есть правила. Пришлось взять еще один зуб.

— Что-что?

— Все проверяется, понимаешь. Если количество зубов не совпадет с количеством истраченных долларов, меня ждут большие неприятности. Впрочем, ты сама знаешь, каковы правила.

— Какие правила?

— Я не могу всю ночь стоять тут с тобой и болтать. У меня еще шестьдесят посещений.

— Почему я должна знать о каких-то там правилах? Кого ты посещаешь? И зачем?

— Детей, конечно. А детей нельзя разочаровывать. Представь их лица, когда они поднимут подушки и ничего там не найдут.

Лестница. Клещи. Зубы. Деньги. Подушки...

— Только не думай, что я поверю, будто бы ты — та самая зубная фея, — с подозрением произнесла Сьюзен.

Она дотронулась до лестницы. Лестница показалась ей достаточно прочной.

— Не та самая, а просто зубная фея, — ответила девушка. — Странно, что ты этого не знаешь.

— Почему странно? — спросила Сьюзен, но девушка уже скрылась за углом.

— Потому, — раздался голос за ее спиной. — Потому что только посвященный способен видеть посвященного.

Она обернулась. В небольшом открытом окне сидел ворон.

— Лучше зайди в дом, — сказала птица. — В таких переулках можно встретить кого угодно.

— Кое-кого я уже встретила...

Рядом с дверью на стене дома висела бронзовая табличка. Которая тут же сказала Сьюзен, что тут проживает...

— К.В. Сырвар, доктор медицины (Незримый Университет), бакалавр магии, бакалавр финансов.

Впервые в жизни Сьюзен услышала, как говорит металл.

— Элементарный фокус, — небрежно заметил ворон. — Она почувствовала, что ты смотришь на нее, и...

— К.В. Сырвар, доктор медицины (Незримый Университет), бакалавр магии, бакалавр финансов.

— ...Заткнись... Просто толкни дверь.

— Но она заперта.

Склонив голову на бок, ворон смерил ее глазками-бусинками.

— И тебя это останавливает? Хорошо, сейчас принесу ключ.

Через мгновение он вернулся и бросил на булыжную мостовую огромный железный ключ.

— А волшебник дома?

— Дома? Да, конечно. Храпит, как зверь.

— А я думала, волшебники по ночам не спят!

— Только не этот. В девять часов чашка какао, и через пять минут весь мир для него исчезает.

— Но я же не могу просто так войти в чужой дом!

— Почему? Ты же пришла ко мне. Как бы там ни было, мозг данного предприятия — я. А он просто носит смешную шляпу и размахивает руками.

Сьюзен повернула ключ.

Внутри было тепло. Комната была битком набита обычными волшебными атрибутами: горн, рабочий стол, заставленный колбами и заваленный свитками, книжный шкаф, полки которого прогибались под весом книг, с потолка свисало чучело аллигатора, тут и там стояли заплывшие воском свечи, на столе на черепахе сидел ворон.

— Не удивляйся, — сказала птица. — Все это ты можешь найти в

каталогах. И заказать по почте. Думаешь, свечи сами так заплыли? Над каждой не меньше трех дней работал опытный специалист.

— Все ты придумываешь, — уверенно произнесла Сьюзен. — Черепа по каталогам не продаются.

— Ну, тебе виднее, — хмыкнул ворон. — Ты ведь у нас образованная.

— Что ты хотел сообщить мне прошлой ночью?

— Гм? — переспросил ворон.

Клюв его сразу приобрел виноватый вид.

— Самый настоящий... Взаправдашний... И так далее...

Ворон озадаченно почесался.

— Понимаешь ли... На самом деле я не должен был говорить тебе это. Мне нужно было просто предупредить тебя о лошади. Но меня понесло. Кстати, лошадь появилась?

— Да!

— Так залезь на нее.

— Уже залезала. Таких лошадей не существует. У настоящих лошадей проблем с приземлением не бывает.

— Госпожа, лошадь более настоящую, чем эта, нужно еще поискать.

— И я знаю, как ее зовут! Я уже каталась на ней! Раньше!

Ворон вздохнул, вернее, издал клювом звук, похожий на вздох.

— Что ж, тогда залезай на лошадь и вперед. Он выбрал тебя.

— Вперед — это куда?

— А вот этого мне знать не положено. Ты должна сама все выяснить.

— Предположим, я полная дура и ничего не понимаю... Не мог бы ты хотя бы намекнуть, что произойдет?

— Ну... ты книжки читала? Наверное, не одну и не две. А ты никогда не читала о детях, которые оказывались в далеком волшебном царстве, где их ждали разные приключения, гоблины и все такое прочее?

— Конечно читала, — мрачно произнесла Сьюзен.

— Вот тебе и намек...

Сьюзен взяла пучок какой-то волшебной с виду травы и покрутила его в руках.

— Кстати, на улице я встретила девушку, которая заявила, будто бы она — та самая зубная фея.

— Ты что-то путаешь. Той самой быть не может. Я лично знаю трех зубных фей, а их, наверное, больше.

— Но зубных фей не существует. Я имею в виду... Не знаю. Я думала, это детские сказки. Как и Песочный человек или, скажем, Санта-Хрякус^[8].

— Глядите-ка! — воскликнул ворон. — А наш тон немного изменился!

И куда только подевалась твоя уверенность? Ты уже не говоришь: «Такого не может быть», а предпочитаешь: «Не знаю».

— Но всем же известно... То есть я хочу сказать, что существование старика с бородой, раздающего детям сосиски и требуху на День Всех Пустых, противоречит всякой логике.

— В логике я ничего не понимаю. Никогда ее не изучал, — заявил ворон. — По-моему, жить на черепе не совсем логично, однако я ведь на нем живу.

— И Песочного человека, который бродит повсюду и сыплет в глаза детям песок, чтобы они заснули, — его тоже не может быть, — продолжила Сьюзен, однако уже не столь уверенным голосом. — Сам подумай, таскать на спине мешок с песком — замучишься ведь.

— Возможно, возможно.

— Ну, мне пора, — сказала Сьюзен. — Ровно в полночь госпожа Ноно проверяет спальни.

— И сколько в школе спален? — поинтересовался ворон.

— Около тридцати.

— И ты веришь, что она проверяет все спальни ровно в полночь, но не веришь в Санта-Хрякуса?

— Все равно мне пора, — покачала головой Сьюзен. — Гм. Спасибо тебе.

— Запри за собой дверь, а ключ брось в окно.

В комнате было тихо, только потрескивали угли в камине.

— Ох уж эти современные дети... — сказал череп немного погодя.

— Лично я считаю, что во всем виновато образование, — откликнулся ворон.

— О да, — согласился череп. — Избыток знаний очень опасен. Куда опасней, чем недостаток. Я, когда еще был живым, всем об этом говорил.

— И когда же такое было?

— Не помню. Кажется, я был тогда достаточно осведомленным человеком. Учителем или философом... или кем-то еще навроде. А сейчас лежу на столе, и на меня гадит птица.

— Очень аллегорично, — заметил ворон.

Сьюзен не знала, что такое сила веры — об этом ей никто не рассказывал. И уж тем более никто не рассказывал ей о том, какие штуки способна вытворять сила веры в комбинации с высоким волшебным потенциалом и крайне низким индексом реальности, которые присущи Плоскому миру.

Вера создает пустое место. Которое обязательно должно быть заполнено.

И это вовсе не означает, что вера отвергает логику. Например, всем очевидно, что Песочный человек носит свой песок в маленьком мешочке.

На Плоском мире Песочному человеку не нужно заботиться о пополнении запасов песка.

Была почти полночь.

Сьюзен прокралась в конюшню. Нельзя же оставлять тайну нераскрытой!

В присутствии Бинки остальные постояльцы конюшни вели себя тихо. Большая белая лошадь светилась в темноте.

Сьюзен сняла с крюка седло, но по некоторому размышлению повесила его обратно. Какая разница — с седла тоже можно свалиться. И уздечка тут все равно что руль на камне.

Она открыла воротца, ведущие в денник. Обычно лошади не любят пятиться, ведь то, чего они не видят, для них просто не существует. Но Бинки сама вышла из денника, после чего приблизилась к большому чурбану, с которого девушки залезали на лошадиные спины, и выжидающе посмотрела на Сьюзен.

Сьюзен взобралась на Бинки. Сидеть на ее спине было все равно что сидеть на столе.

— Ну, хорошо, — прошептала она. — Только я в это все равно не верю.

Бинки опустила голову и заржала. Выйдя во двор, она рысью направилась в сторону игрового поля. У ворот она перешла на галоп и резко свернула к школьной ограде.

Сьюзен закрыла глаза.

Она почувствовала, как напряглись мышцы под бархатной шкурой, а потом лошадь поднялась над оградой и взмыла высоко в воздух.

Позади, на беговой дорожке, секунду или две пламенели следы от копыт.

Пролетая над школой, Сьюзен увидела, как в одном из окон загорелся свет. Госпожа Ноно отправилась в свой ночной обход.

«Меня ждут большие неприятности», — подумала Сьюзен.

А затем она подумала: «Я сижу на лошади, которая летит в ста футах над землей и несет меня в какую-то таинственную, наверняка волшебную страну, заселенную гоблинами и говорящими животными. Каких еще неприятностей можно ожидать?...

Кроме того, разве школьные правила запрещают летать на лошадях? Что-то не припомню там такой статьи».

Щеботан исчез позади, и мир развернулся узором темноты, пронизанной серебряным лунным светом. Внизу мелькали озаренные луной шахматные клетки полей, огоньки ферм. Мимо проносились рваные облака.

Слева возвышалась белая стена Овцепикских гор, справа простиралась зеркальная поверхность Краевого океана, украшенная лунной дорожкой. Ветра не было, как не было ощущения скорости — просто мелькает земля внизу да слегка покачивается спина Бинки.

А потом словно кто-то полил ночь расплавленным золотом. Облака расступились, и внизу раскинулся Анк-Морпорк — город, в котором опасностей было больше, чем могла себе представить даже госпожа Ноно.

Свет факелов освещал лабиринт улиц, в котором Щеботан мог не только затеряться, но и быть ограбленным и сброшенным в реку.

Бинки легко скользила над крышами домов. До Сьюзен доносился уличный шум, она даже различала отдельные голоса — но все это сливалось в общее мерное гудение большого, похожего на улей города. Мимо проплывали окна верхних этажей, освещенные изнутри свечами.

Лошадь спустилась ниже, нырнула в дымный городской воздух, легко коснулась земли и рысью поскакала по темному переулку, в конце которого остановилась. Сьюзен увидела закрытую дверь с освещенной факелом вывеской:

«САДЫ КАРРИ

Кухня. Пастароним Заход Васпрещен. Эй, Тибе Гаварят».

Бинки, казалось, чего-то ждала.

Сьюзен ожидала увидеть более экзотический пункт назначения.

Она знала, что такое «карри». В школе иногда давали на обед карри, только все девочки называли это блюдо «Дрянью с Рисом». Рис был желтым, и в нем периодически попадались дряблые изюмины и горошины.

Бинки заржала и ударила копытом.

Щелкнул запор, в верхней половине двери открылась небольшая дверца, и на огненном кухонном фоне мелькнуло чье-то лицо.

— О-о-о-о-о, не-е-е-е-ет! Бинкор-р-р!

Дверца захлопнулась.

Видимо, таким образом Сьюзен велели чего-то ждать.

Переминаясь с ноги на ногу, Сьюзен увидела вывешенное на стене

меню. В нем была масса ошибок: в меню любого ресторана, претендующего на звание народного и популярного, должны быть ошибки — чтобы посетитель чувствовал свое превосходство. Названий большинства блюд она не знала. А в целом меню было вот таким:

«Карри с Овощем — 8 пенсов

Карри с Горька-Сладкими Свиными Шарами — 10 пенсов

Карри с Кисла-Сладким Рыбим Шаром — 10 пенсов

Карри и Мсяо — 10 пенсов

Карри и Известное Мсяо — 15 пенсов

Добавка карри — 5 пенсов

Картофель Фри — 4 пенса

Ешь Сдесь, Либо Тащи Куда Хошь».

Вдруг дверца снова раскрылась, на небольшой полочке появился коричневый пакет из предположительно, но не обязательно водонепроницаемой бумаги. Потом дверца опять захлопнулась.

Сьюзен осторожно протянула руку. Запах из пакета говорил о том, что содержимое можно потреблять в полевых условиях, не подразумевающих использования металлических столовых приборов. А полдник был так давно...

Тут Сьюзен вдруг вспомнила, что у нее совсем нет денег... но, с другой стороны, никто о них и не спрашивал. Однако конец света наступит именно тогда, когда люди забудут о личной ответственности.

Она наклонилась и постучала в дверцу.

— Прошу прощения... Может, я могу для вас что-нибудь сделать?...

Из-за двери донеслись панические крики и грохот, словно с полдюжины людей попытались спрятаться под одним столом.

— О, как мило. Большое спасибо, — вежливо откликнулась Сьюзен.

Бинки медленно тронулась с места. На сей раз внезапного всплеска мышечной энергии не последовало, лошадь поднялась в воздух осторожно, словно в прошлом уже была наказана за то, что что-то разлила.

Сьюзен попробовала карри на высоте семисот футов над землей. И, воровато оглянувшись по сторонам, словно кто-то мог следить за нею, бросила одноразовую тарелку вниз.

— Странно... — пробормотала она. — И это все? Ты везла меня в такую даль, чтобы угостить этой дрянью?

Земля внизу понеслась быстрее, Сьюзен поняла, что лошадь идет уже полным галопом, а не рысью. Опять напряглись мышцы...

...И небо на мгновение взорвалось ярко-синей вспышкой.

А далеко позади, невидимые для всех, потому что сам свет замер в смятении, не понимая, что произошло, в воздухе загорелись следы лошадиных копыт.

А потом появился зависший в пространстве пейзаж.

Небольшой приземистый домик, окруженный садом, поля и далекие горы. Бинки пошла медленнее.

Но все было как-то... двумерно. Когда лошадь развернулась и начала заходить на посадку, пейзаж превратился в простую поверхность, тонкую пленку существования, нанесенную на небытие.

По идее, лошадиные копыта должны были легко прорвать эту пленку, но вместо этого раздался звонкий хруст гравия.

Бинки обогнула дом и вошла на конный двор, где и остановилась.

Сьюзен осторожно спрыгнула с ее спины. Земля под ногами была вполне твердой. Девушка наклонилась и нерешительно копнула гравий — под которым обнаружила все тот же гравий.

Зубная фея собирает выпавшие детские зубы — известный факт. Но все прочие люди, увлекающиеся собиранием частей человеческих тел, преследуют весьма сомнительные цели. Все это делается для того, чтобы нанести человеку какой-либо вред либо подчинить его своей воле. В таком случае зубные феи должны контролировать не меньше половины детского населения Плоского мира. И живут они, наверное, в замках, построенных из гнилых детских зубов.

А Санта-Хрякус, должно быть, обитает высоко в горах, в страшном доме, больше похожем на скотобойню, и стены жилища Деда Кабана увешаны сосисками, кровяными колбасами и окрашены мерзкой кроваво-красной краской.

Что свидетельствует о *стиле*. Достаточно скверном, но тем не менее стиле.

Но тут стиль отсутствовал как класс.

Сьюзен обошла дом, который показался ей не больше среднего особнячка. Да, кто бы тут ни жил, вкус у него явно отсутствовал.

Наконец она наткнулась на входную дверь. Черную, с дверным молотком в виде омеги.

Сьюзен протянула руку, однако дверь распахнулась сама.

Открывшийся глазам Сьюзен зал по размерам намного превосходил дом, его содержащий. Где-то вдалеке маячила лестница как раз подходящей ширины, чтобы станцевать на ней чечетку в финальной сцене мюзикла.

С перспективой тут было совсем плохо. Стены, высящиеся далеко-далеко, в то же самое время выглядели так, будто их нарисовали в воздухе всего в пятнадцати футах от вас. Судя по всему, строитель дома отмел расстояние как ничего не значащую величину.

У одной из стен стояли огромные часы, тиканье которых, казалось, заполняло весь колоссальный зал.

«Здесь есть одна комната... — подумала Сьюзен. — Я помню... Это комната шепотов».

В зал выходили несколько дверей, разделенные широкими простенками. Или узкими — если смотреть с другой стороны.

Она попыталась подойти к ближайшей из них, однако, сделав несколько неуверенных шагов, поняла, что ее усилия тщетны. Впрочем, ей все же удалось достигнуть цели, но для этого пришлось запомнить направление, после чего закрыть глаза и двигаться на ощупь.

Дверь одновременно была обычного человеческого размера и колоссально большой. Резные наличники состояли из черепов и скрещенных костей.

Сьюзен распахнула дверь.

В этой комнате мог поместиться небольшой город.

Центр был устлан небольшим ковром, не больше гектара. Сьюзен понадобилось несколько минут, чтобы добраться до его края.

Это была комната внутри комнаты. На небольшом возвышении стояли массивный письменный стол и обитое кожей вращающееся кресло. Подставка в виде четырех слонов, стоящих на черепашьем панцире, несла на себе точное подобие Плоского мира. Несколько книжных шкафов были беспорядочно забиты стопками огромных томов, словно владелец кабинета слишком часто работал с книгами, чтобы расставлять их по порядку. Неподалеку от письменного стола в воздухе висело окно. Но между краем ковра и стенами большой комнаты не было ничего, кроме пола, — да и полом такое не назовешь. Он не был вымощен камнем, не был сделан из дерева. Ступая по нему, Сьюзен не слышала звука своих шагов. Это была просто поверхность в строго геометрическом смысле этого слова.

На ковре Сьюзен увидела знакомый узор из черепов и скрещенных костей.

Ковер тоже был черным. Тут все было либо черным, либо черным с сероватым оттенком. Лишь иногда можно было рассмотреть намек на темно-лиловый или темно-синий, как океанская бездна, цвет — но только намек.

Вдалеке, у самых стен комнаты (так сказать, метакомнаты),

виднелось... нечто. Это нечто отбрасывало замысловатые тени, впрочем, слишком далекие, чтобы их можно было рассмотреть.

Сьюзен поднялась на возвышение.

Что-то странное присутствовало в окружающих ее предметах. Конечно, в окружающих ее предметах все было странным, но эта странность — она крылась в самой природе предметов. В то время как была другая странность — поверхностная, обычная, странность на человеческом уровне. Все предметы были немножко неправильными, словно их сделал человек, не совсем понимавший их назначение.

На немыслимых размеров столе стояло пресс-папье — но оно было частью стола, словно срослось с ним. Ящики представляли собой лишь выпуклые участки дерева — их невозможно было открыть. Тот, кто сделал этот стол, *видел* письменные столы, но ничего в них не понимал.

Было даже своего рода настольное украшение, представлявшее собой свинцовую плиту, с одной стороны которой опускалась нить с блестящим металлическим шариком на конце. Если вы поднимали шарик, а затем отпускали его, он ударялся о плиту с глухим стуком, один раз.

Кожа на сиденье кресла слегка растянулась, образовав углубление. Такого рода углубления образуются, когда кто-то проводит в кресле долгие часы.

Сьюзен взглянула на корешки книг. Названия были написаны на самых разных языках, которых она не понимала.

Она проделала обратный долгий путь, вышла в зал и открыла следующую дверь. В ее сознании уже начинали брезжить смутные подозрения.

Она попала в еще одну огромную комнату, заставленную от пола до скрытого облаками потолка стеллажами. На каждой полке стояли песочные часы.

Песок, пересыпавшийся из прошлого в будущее, заполнял комнату похожим на прибой звуком, состоявшим из миллиардов шорохов.

Сьюзен рассеянно двинулась между стеллажами. Она словно бы шла сквозь толпу.

Ее взгляд привлекло движение на одной из полок. В большинстве песочных часов песок выглядел непрерывной серебристой линией, а в этих прямо на ее глазах линия исчезла. Последняя песчинка упала в нижнюю колбу.

Часы с легким хлопком исчезли.

Через мгновение на их месте появились, тихонько звякнув, другие часы. Возникла тоненькая струйка песка...

Нечто подобное происходило на всех стеллажах. Старые песочные часы исчезали, а на их местах появлялись новые.

Об этом она откуда-то знала.

Сьюзен взяла с одной полки часы и, задумчиво прикусив губу, начала их переворачивать...

— ПИСК!

Сьюзен резко обернулась. Смерть Крыс сидел на полке за ее спиной и укоризненно грозил пальцем.

— Ладно, ладно, — ответила Сьюзен и поставила часы обратно.

— ПИСК.

— Я еще не закончила осмотр.

Сьюзен направилась к двери, Смерть Крыс потрусил следом.

Третья комната оказалась...

...Ванной.

Сьюзен задумалась. В таком доме вполне уместны песочные часы, тут кажутся обычными узоры из черепов и скрещенных костей, но она никак не ожидала увидеть здесь огромную фаянсовую ванну, стоявшую, подобно трону, на возвышении, с гигантскими бронзовыми кранами и выцветшей синей надписью как раз над кольцом для цепочки, гласившей: «Ч.Г. Твалет и Сын, Моллимогская улица, Анк-Морпорк».

Как не ожидала увидеть резинового утенка. Желтого.

Как не ожидала увидеть мыло стильного костяного цвета, правда, похоже, им никто ни разу не мылся. Зато рядом лежало оранжевое мыло, которым определенно кто-то пользовался, — от него остался лишь маленький обмылок. А пахло оно примерно так же, как и то отвратительное средство, которым чистят школьные коридоры.

Ванна, несмотря на гигантские размеры, была предметом вполне человеческим. Вокруг сливного отверстия виднелись коричневатые трещинки, кран слегка подтекал. Но остальное было придумано все тем же человеком, абсолютно не разбиравшимся в санитарии, — так же как он не разобрался в письменных столах.

На вешалке могла заниматься гимнастикой целая команда атлетов, а черные полотенца, сросшиеся с вешалкой, больше походили на терки. Очевидно, тот, кто все же пользовался ванной, вытирался другим полотенцем, бело-синим, местами прохудившимся от долгого употребления, с загадочными буквами «МАРПИБШАМ».

Рядом с ванной комнатой располагался туалет, в котором стоял гордый унитаз с фризом из голубовато-зеленых цветочков на смывном бачке — еще один яркий пример фаянсового мастерства «Ч.Г. Твалета с Сыном». И опять

же, как в случае с ванной и мылом, все говорило о том, что это помещение создал один человек... а потом пришел кто-то еще и добавил детали. Кто-то действительно разбирающийся в сантехнике. Кто-то понимающий, что полотенца должны быть мягкими, что они должны вытирать людей и что мыло должно пениться.

Сьюзен не ожидала увидеть ничего подобного, но когда она это все-таки увидела, у нее возникло отчетливое ощущение, будто с чем-то похожим она когда-то уже сталкивалась.

Лысое полотенце вдруг упало с вешалки и быстро побежало по полу, но, тут же остановившись, явило на свет Смерть Крыс.

— ПИСК!

— Ну, хорошо, хорошо, — устало сказала Сьюзен. — Куда мне идти?

Смерть Крыс протрусил к открытой двери и скрылся в холле.

Сьюзен последовала за ним к очередной двери, повернула очередную ручку.

За дверью оказалась еще одна огромная комната, содержащая в себе комнату поменьше. Далеко в темноте виднелся крошечный участок освещенных плиток, на котором угадывались стол, несколько стульев, кухонный шкаф...

...И еще кто-то. За столом сидела согорбленная фигура. Осторожно приблизившись, Сьюзен услышала, как по тарелке звякают нож и вилка.

Старик ужинал, причем шумно. Отправляя в рот вилку за вилкой, он одновременно разговаривал сам с собой. Наиярчайший пример дурного воспитания и плохих манер.

— Я, что ли, виноват?! — (Брызги изо рта.) — Я был против с самого начала, но нет, он все равно ушел! — (Поднимает со стола кусок вылетевшей изо рта сосиски.) — Не может он, видите ли, оставаться в стороне. А я ему и говорю: в какой же ты стороне, ты ж в самой гуще! — (Накалывает на вилку что-то непонятное, но жареное.) — Так нет ведь, это его не устраивает! — (Брызги, размахивание вилкой.) — Чрезмерные увлечения до добра не доводят, да, да, я ему так и сказал: втянешься, говорю, все, обратной дороги не будет, — (секундный перерыв на создание бутерброда с яичницей и кетчупом), — но нет...

Сьюзен двинулась в обход лежавшего на полу ковра. Старик не обращал на нее никакого внимания.

Смерть Крыс взбежал по ножке стола и устроился на ломтике жареного хлеба.

— А, это ты.

— ПИСК.

Старик торопливо огляделся.

— Где? Где?!

Сьюзен ступила на ковер. Старик вскочил так стремительно, что даже уронил стул.

— А *ты* кто такая?

— Тыкать в человека беконом невежливо.

— Я задал тебе вопрос, девушка!

— Я — Сьюзен. — Этого ей показалось недостаточно, и она добавила:
— Герцогиня Сто Гелитская.

Сморщенное лицо старика сморщилось еще больше, когда он попытался осмыслить услышанное. Наконец до него дошло.

— О нет! — завопил он, вскидывая руки и обращаясь к комнате в целом. — В довершение всех бед только этого не хватало! Последний гвоздь в крышку гроба!

Он ткнул пальцем в Смерть Крыс, который машинально отшатнулся.

— Пронырливый грызун! Твоих лап дело? Чую крысиный запах!

— ПИСК.

Старик перестал грозить пальцем Смерти Крыс и повернулся к Сьюзен.

— Кстати, как тебе удалось пройти сквозь стену?

— Что-что? — Сьюзен машинально отступила. — Сквозь какую-такую стену?

— Сквозь вот эту! Что вот это по-твоему? Клатчский мираж? — Старик шлепнул ладонью по воздуху.

Грузно повернулся гиппопотам воспоминаний...

— ...Альберт, — неуверенно произнесла Сьюзен. — Тебя ведь зовут Альберт?

Альберт ударил себя по лбу.

— Все хуже и хуже! Что ты ей наговорил?

— Он ничего не говорил, кроме «ПИСК», а я понятия не имею, что это значит. Но... э-э... тут ведь нет никакой стены, только...

Альберт рывком выдвинул ящик.

— Смотри! — резко велел он. — Молоток, верно? Гвоздь, верно? Смотри дальше.

Одним ударом он вогнал гвоздь в воздух на высоте около пяти футов от пола, на линии, где заканчивалась кухонная плитка.

— Стена, — констатировал Альберт.

Сьюзен осторожно протянула руку и дотронулась до гвоздя. Тот показался ей немного липким и словно заряженным статическим

электричеством.

— Гм, а по-моему, на стену совсем не похоже, — сказала она.

— ПИСК.

Альберт бросил молоток на стол. Сьюзен вдруг поняла, что Альберт вовсе не маленький, как сначала ей показалось. Наоборот, он был достаточно высок, правда ходил как-то кривобоко, ссутулившись, — примерно так перемещаются лаборанты по имени Игорь, помогающие всяким полусумасшедшим профессорам.

— Все, сдаюсь, — сказал он и снова погрозил пальцем, но теперь уже Сьюзен. — Я *предупреждал* его, что ничего хорошего из этого не выйдет. Так разве он меня послушал? Фьюить — и нет его, а теперь заявляется какая-то стрекозунья-попрыга... Эй, ты куда подевалась?

Альберт принялся хватать руками воздух, как будто пытался поймать невидимку, а Сьюзен тем временем направилась к кухонному столу.

На столе стояла табакерка и лежала доска для резки сыра. И связка колбасок. Никаких вам свежих овощей. Госпожа Ноно не раз наставляла девочек, мол, жаренная пища — это вредно, нужно есть побольше овощей, что способствует Укреплению Организма. Многие неприятности она объясняла именно Отсутствием Должного Питания. Альберт выглядел настоящим воплощением всех этих неприятностей, особенно сейчас, когда носился по кухне и хватал руками воздух.

Сьюзен уселась на стул, и Альберт в очередной раз пролетел мимо.

Но сразу остановился, словно его посетила некая мысль, и быстро прикрыл ладонью один глаз. Потом очень медленно повернулся. Видимый глаз отчаянно щурился, обыскивая кухню.

Наконец слезящийся от напряжения глаз сфокусировался на стуле.

— Неплохо, — произнес Альберт едва слышно. — Очень неплохо. Итак, ты здесь. Тебя привели лошадь и крыса. Вот дурни. Неужели они думают, это все решит?

— Решит что? — переспросила Сьюзен. — И кстати, никакая я не эта, прыга... — добавила она.

Альберт молча смотрел на нее.

— Хозяин тоже так умел, — сказал он наконец. — Это было частью его работы. Ты, наверное, уже давно обнаружила в себе эти способности? Не хочешь, чтобы тебя видели, щелк — и никто тебя не замечает! Здорово, правда?

— ПИСК? — встрял Смерть Крыс.

— Что? — не понял Альберт.

— ПИСК.

— Он просил передать, — устало промолвил Альберт, — что стрекозунья-попрыга — это ничего обидного не значит, просто присказка. Он решил, что ты могла не так меня понять.

Сьюзен сгорбилась на стуле.

Альберт придвинул другой стул и сел рядом.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Подумать только, — Альберт закатил глаза. — И когда ж тебе исполнилось шестнадцать?

— На следующий год после пятнадцати, конечно. Ты что, совсем глупый?

— Подумать только, как быстро летит время, — покачал головой Альберт. — А тебе вообще известно, почему ты здесь оказалась?

— Нет... но, — Сьюзен замялась, — наверное, это как-то связано с... с тем, что... я вижу то, что другие люди не видят, а еще я встретила кое-кого из детской сказки, и я знаю, я была здесь прежде... и все эти черепа, кости...

Костлявый, похожий на стервятника Альберт склонился над ней.

— Какао хочешь? — спросил он.

Какао очень отличалось от той горячей коричневой воды, которую подавали в школе. В какао Альберта плавало масло. Кроме того, чашку пришлось чуть потрясти, прежде чем она согласилась расстаться с содержимым.

— Твои мама и папа, — сказал Альберт, глядя на Сьюзен, на лице которой выросли роскошные усы, хоть и шоколадные, — они ведь наверняка... что-то тебе объясняли?

— Нет, — помотала головой Сьюзен. — Но нам все объясняла госпожа Перекрест. На уроках биологии. Только неправильно.

— Я имел в виду, неужели они ничего не рассказывали тебе про твоего дедушку?

— Я кое-что вспоминаю. Но сначала я должна увидеть. Так было с ванной, с тобой...

— Видимо, твои родители решили, что лучше будет оставить все как есть, — задумчиво промолвил Альберт. — Ха! Но все было предначертано! Они боялись, что это случится, и это случилось! И ты вполне *созрела*, чтобы узнать главное!

— О, все это я уже знаю, — уверила его Сьюзен. — Пестики, тычинки, кролики и так далее.

Некоторое время Альберт тупо смотрел на нее.

— Послушай, я должен рассказать тебе кое о чем, но тут нужен тактичный подход...

Сьюзен вежливо сложила руки на коленях и приготовилась слушать.

— Видишь ли, — сказал Альберт, — твой дедушка — Смерть. Понимаешь? Смерть, такой скелет в черной мантии... Ты каталась на его лошади, и этот дом принадлежит ему. Просто... он ушел. Чтобы все обдумать или еще зачем-то. А тебя, насколько я понимаю, засосало сюда вместо него. Это все наследственность. Возникло пустое место, оно должно быть заполнено, а ты уже взрослая и отвечаешь всем требованиям. Кстати, мне это нравится ничуть не больше, чем тебе.

— Смерть, — произнесла Сьюзен без всякого выражения. — Ну, не могу сказать, что я не подозревала об этом. Как Санта-Хрякус, Песочный человек и всякие там зубные феи?

— Да.

— ПИСК.

— И ты думаешь, я в это поверю? — спросила Сьюзен, смерив Альберта самым презрительным взглядом из всего своего арсенала.

Альберт в ответ попытался воззриться на нее, но только его арсенал, судя по всему, опустел еще много лет назад.

— Меня совершенно не волнует, во что вы верите, а во что — нет, мадам, — наконец бросил он.

— Ты действительно имеешь в виду ту костлявую фигуру с косой?

— Да.

— Послушай, Альберт, — произнесла Сьюзен тоном, которым обычно обращаются к слабоумным, — даже если «Смерть» существует, хотя достаточно нелепо наделять человеческими качествами одну из функций организма, никто *ничего* унаследовать от него не может. Я все знаю о наследственности. Она касается рыжих волос и всего такого. Ты получаешь их от других людей. А получить что-либо от... всяких сказок и мифов невозможно.

Смерть Крыс вспрыгнул на разделочную доску и попытался миниатюрной косой отрубить себе кусочек сыра.

Альберт откинулся на спинку стула.

— Я помню, как ты в первый раз здесь появилась, — промолвил он. — Он постоянно задавал вопросы, понимаешь? Ему было интересно. Ему нравятся дети. Он достаточно часто их видит, однако не для того, чтобы узнать лучше... если ты понимаешь, что я имею в виду. Твои родители были против, но однажды пришли сюда с тобой, на ужин с чаем, поддались на его просьбы. Они, конечно, были против, думали, что ты испугаешься и

будешь кричать не переставая. Но *ты...* ты не стала плакать. Ты смеялась. Своим поведением едва не напугала отца до смерти, прости невольную игру слов. Они приходили еще пару раз, опять-таки по его просьбе, но потом испугались последствий, твой папа настоял на своем, и на этом все закончилось. По сути дела, он был единственным человеком, который смел спорить с моим господином. Тебе тогда было годика четыре.

Сьюзен, задумавшись, подняла руку и коснулась бледных полос на щеке.

— Хозяин рассказывал, что тебе дали очень современное воспитание. — Альберт презрительно усмехнулся. — Основанное на строгой логике. Тебя учили, что все старое — глупо. Не знаю... может, твои родители просто пытались уберечь тебя от... всяких дурацких мыслей и поступков...

— Я каталась на огромной лошади, — вдруг сказала Сьюзен. — Потом мылась в ванне в огромной ванной комнате.

— Ты заляпала мылом весь дом, — кивнул Альберт. Его лицо изобразило некое подобие улыбки. — Даже здесь было слышно, как смеялся хозяин. Он сделал тебе качели. По крайней мере, попытался. Не прибегая ко всякому там волшебству, своими руками.

Сьюзен сидела, а в ее голове просыпались, зевали и раскрывались воспоминания.

— Я помню ванную комнату... Память возвращается ко мне.

— Она никуда не уходила. Просто закрылась на время.

— Он ничего не понимал в сантехнике. Кстати, что значит «МАРПИБШАМ»?

— «Молодежная Ассоциация Реформистов — Поклонников Ихор-Бел-Шамгарота, Анк-Морпорк». Я у них останавливаюсь, когда навещаю на Плоский мир за чем-нибудь вроде мыла.

— Но тебя никак не отнесешь к молодежи, — вырвалось у Сьюзен.

— Знаешь, пока что меня оттуда не выгоняли, — сварливо отрезал Альберт.

Сьюзен почему-то не усомнилась в правдивости его ответа. Что-то в Альберте говорило о силе и выносливости, а его тело походило на сжатый кулак.

— Он мог создать что угодно, — как будто про себя произнесла Сьюзен, — но некоторых вещей он не понимал. Например, сантехнику.

— Вот именно. Пришлось тащить водопроводчика из Анк-Морпорка, ха, тот сначала заявил, что может приступить к работе только в четверг на следующей неделе, но с хозяином так не разговаривают. Кстати, никогда не

видел, чтобы водопроводчик работал так быстро. А потом хозяин заставил его все забыть. Он любого мог заставить забыть. Любого, кроме...

Альберт вдруг замолчал и нахмурился.

— Впрочем, с этим придется смириться, — сказал он чуть погодя. — Но, кажется, у тебя есть *право*. Ты, наверное, устала. Можешь остаться здесь. Комнат хватит.

— Нет, мне нужно туда, обратно! Если к утру я не вернусь в школу, у меня будет куча неприятностей и...

— Здесь существует только то Время, которое приносят с собой люди. События сменяют одно другое. Бинки отвезет тебя именно в тот момент, из которого забрала, если ты того хочешь. А пока можешь погостить у нас.

— Ты сказал, что образовалась дыра и меня в нее засосало. Что ты имел в виду?

— Тебе стоит чуток поспать, — ответил Альберт.

Смены дня и ночи здесь не существовало, и сначала, только появившись здесь, Альберт испытывал некоторое неудобство. Клочок земли, на котором стоял особняк Смерти, заливал яркий свет, однако небо было темным и усеянным звездами. Смерть так и не понял, в чем смысл разбиения Времени на сутки, и устраивал смену дня и ночи, только когда к нему наезжали гости с Плоского мира.

Постепенно Альберт привык и теперь ложился в постель, лишь вспомнив, что неплохо было бы и поспать.

Сейчас он сидел у свечи и смотрел в пространство.

— Она помнит ванную, — пробормотал он. — Знает о том, чего видеть не могла. И рассказать ей об этом никто не мог. Ей передалась его память. Она *созрела*.

— ПИСК, — заявил Смерть Крыс. По ночам ему нравилось сидеть у огня.

— Когда в прошлый раз он ушел, было много проблем. Люди перестали умирать, — сказал Альберт. — А в этот раз они умирать не перестали. И лошадь сама пошла за ней. Пустое место было заполнено.

Альберт смотрел в темноту. В возбужденном состоянии он непрестанно что-то пережевывал или посасывал, словно пытался достать засевший кусочек пищи из дупла зуба. Вот и сейчас он издавал звуки, будто испорченный парикмахерский фен.

Он уже и не помнил свою молодость. Много тысяч лет прошло, а ему до сих пор семьдесят девять. Время в доме Смерти было ресурсом многократного использования.

Впрочем, он смутно осознавал, что детство — достаточно хлопотный период жизни, особенно в последней своей части. Лезут всякие неприятные прыщики, тело будто бы живет собственной жизнью. И.о. Смерти — не лучшая должность для этого возраста.

Но суть, ужасная и неотвратимая, состояла в том, что *кто-то* должен был исполнять эту работу.

Смерть — это общественная должность. Нельзя быть Смертью от сих до сих. Тут все как при монархии.

Если ты — подданный монарха, стало быть, твоей жизнью управляет монарх. Все время, то есть постоянно. Спишь ты или бодрствуешь. Чем бы вы (ты и монарх) ни занимались.

Таковы общие условия ситуации, правила игры, если хотите. Королева не приходит в твоё жилище, не хватает стул и пульт дистанционного управления телевизором и не сообщает тебе, что у её величества пересохло в горле и неплохо бы её величеству выпить чайку. Нет, монархия — это как гравитация. Единственная разница — при монархии кто-то должен сидеть на самом верху. Особо напряженной работы тут не требуется. Но этот кто-то должен там быть. Просто *быть*.

— Она? — спросил Альберт.

— ПИСК.

— Сомневаюсь, — покачал головой Альберт. — Я думаю, она сломается. Точно сломается. Нельзя быть смертным и бессмертным одновременно. Это противоречие разорвет тебя пополам. Мне почти жаль её.

— ПИСК, — согласился Смерть Крыс.

— А ведь это ещё не самое плохое, — продолжал Альберт. — Подожди, вот когда к ней *действительно* вернется память...

— ПИСК.

— Слушай, — сказал Альберт. — Отправляйся-ка ты на поиски. Причем *немедленно*.

Сьюзен проснулась и огляделась по сторонам. Интересно, сколько времени?

Рядом с кроватью стояли часы, потому что Смерть знал, что они должны там стоять. Часы были щедро изукрашены всякими черепами, костями, омегами — и не работали. Работających часов в доме не было, за исключением тех, что стояли в холле. Остальные, оказываясь в царстве Смерти, мгновенно впадали в уныние и останавливались, либо у них мгновенно кончался завод.

Комната Сьюзен выглядела так, словно в ней еще вчера кто-то жил. На туалетном столике лежали расчески и какие-то разрозненные предметы косметики. На вешалке за дверью висел халат с кроликом на кармане. Однако впечатление было бы куда более приятным, если бы это был действительно кролик, а не его скелет.

Сьюзен покопалась в ящиках. Вероятно, эта комната принадлежала ее матери. Тут было слишком много вещей розового цвета. Сьюзен ничего не имела против розового цвета в умеренных количествах, но здесь его было просто засилье, поэтому она надела старое школьное платье.

Она решила, что самое главное сохранять спокойствие. Логическое объяснение всегда найдется, даже если его придется придумать.

— ПИШК.

Скребнув когтями, на туалетный столик приземлился Смерть Крыс. Потом он вытащил из челюстей крошечную косу.

— Думаю, — медленно произнесла Сьюзен, — мне пора возвращаться домой, но все равно спасибо.

Смерть Крыс кивнул и снова прыгнул.

Опустился он на самом краю розового ковра и быстро побежал по темному полу.

Когда Сьюзен сошла с ковра, грызун остановился и одобрительно кивнул. Ей снова показалось, будто бы она выдержала какое-то очередное испытание.

Она последовала за Смертью Крыс в холл, оттуда — в дымную пещеру кухни. Там, склонившись над плитой, стоял Альберт.

— Доброе утро, — сказал он скорее по привычке, чем в качестве подтверждения времени суток. — Хочешь жареного хлеба с колбасой? Потом будет каша.

Сьюзен посмотрела на шипевшую в огромной сковороде массу. Это было зрелище не для пустого желудка, хотя оно вполне могло сделать его таковым. А трагическая судьба яиц, попадавших в руки Альберта, заставляла слезы наворачиваться на глаза.

— А у тебя мюсли нет? — спросила она.

— Это такой сорт колбасы? — ожидая подвоха, спросил Альберт.

— Это орехи и крупа.

— А в них есть жир?

— Нет, насколько мне известно.

— Как же тогда их жарить?

— Их и не надо жарить.

— И это ты называешь *завтраком*!

— Завтрак не обязательно должен быть жареным, — нравоучительно промолвила Сьюзен. — Вот ты упомянул кашу, ее ведь тоже не нужно жарить...

— Почему нет?

— А вареное яйцо?

— Кипячение убивает не всех микробов и...

— СВАРИ МНЕ ЯЙЦО, АЛЬБЕРТ.

Вскоре эхо от ее слов стихло. «Ничего себе у меня голосок появился», — подумала Сьюзен.

Половник выпал из руки Альберта и со звоном упал на плиточный пол.

— Пожалуйста, — добавила Сьюзен.

— Ты говоришь, совсем как он.

— Впрочем, не трудись. — У нее заболела челюсть. Новый голос испугал ее сильнее, чем Альберта. В конце концов, это ведь был ее рот. — Я хочу домой. Мне пора возвращаться.

— Ты и так дома, — возразил Альберт.

— Здесь? Но это не мой дом!

— Да? А что написано на больших часах?

— «Слишком Поздна», — машинально ответила Сьюзен.

— А где находятся ульи?

— В саду.

— Сколько у нас тарелок?

— Семь, — вырвалось у Сьюзен, прежде чем она успела заткнуть себе рот.

— Видишь? По крайней мере часть тебя находит этот дом знакомым.

— Послушай... — Сьюзен попыталась воззвать к благоразумию, надеясь в этот раз на большой успех. — Возможно, он действительно существует... ну, этот, ты понимаешь, но во мне нет ничего особенного... То есть...

— Да? А почему лошадь тебя знает?

— Пусть знает, я — нормальная девушка...

— Нормальные девочки не получают в подарок на трехлетие набор «Барби катается на Бинки»! — рявкнул Альберт. — Но твой отец не позволил тебе в него играть, чем очень расстроил хозяина. А он так старался.

— Я имею в виду, что я — обычный ребенок и...

— Послушай, обычные дети получают на день рождения ксилофон. А не просят дедушку снять рубашку!

— Ну и что с того?! Я же не виновата, что у меня такой дед! Это

нечестно!

— Правда? Да что ты говоришь? — произнес Альберт мрачно. — Ну, иди, пожалуйста кому-нибудь! Скажи вселенной, что это нечестно, а то вдруг она не знает. Она наверняка тебя поймет. «О? — скажет она. — Что ж, хорошо, извини, что побеспокоила, ты свободна».

— Это сарказм! Как ты смеешь так со мной разговаривать? Ты — простой слуга.

— Правильно. Как и ты. Поэтому на твоём месте я бы приступил к работе. Грызун тебе поможет. Он в основном занимается крысами, но принцип тот же.

Некоторое время Сьюзен сидела с широко открытым ртом.

— Я ухожу, — выпалила она наконец.

— А я тебя и не задерживаю.

Сьюзен выбежала через чёрный ход, преодолела громадный двор, пронеслась мимо жернова — и оказалась в саду.

— Ха! — воскликнула она.

Если бы кто-нибудь посмел сказать Сьюзен, что у Смерти есть дом, она бы назвала такого человека сумасшедшим или, того хуже, идиотом. Но если бы ей предложили вообразить, как должен выглядеть подобный дом, то соответствующим ситуации чёрным карандашом она нарисовала бы нечто высокое, с башнями и бойницами, похожее на готический замок. Дом выглядел бы зловещим, ему бы подходил целый ряд слов, заканчивающихся на «ций», типа «нависающий» и «ужас наводящий». Она представила бы тысячи окон. Заполнила бы небо летучими мышами. Добилась бы *величественности*.

Чего бы она не могла себе представить, так это обычного коттеджа. С таким безвкусным садом. И лежащим у входной двери ковриком с надписью «Дабро Пожаловаться».

Сьюзен всегда окружала себя неприступными стенами здравого смысла. Однако сейчас эти стены начали таять, как соль на мокром ветру, и её это *злило*.

У неё был другой старый дедушка, его звали Лезек, и он жил на ферме, настолько бедной, что даже тамошним воробьям приходилось ползать на коленях в поисках какой-нибудь завалящей крошки. Насколько она помнила, Лезек был приятным стариканом, правда несколько робким, особенно в присутствии её отца.

А мать про своего отца рассказывала, что тот...

Почему-то Сьюзен никак не могла вспомнить, что именно рассказывала ей мать. С родителями вечно так — произнося кучу слов, они

умудряются ничего толком не сообщить. Иногда у нее даже складывалось впечатление, что отца у матери просто нет.

А сейчас Сьюзен предлагали поверить, что он знаменит именно тем, что был всегда.

Она словно бы обрела очень полезного родственника.

Вот если бы, скажем, он был богом... Леди Одилия Жолоб из пятого класса постоянно хвастала тем, что ее прапрабабушку некогда соблазнил сам Слепой Ио, принявший вид вазы с маргаритками, что делало саму Одилию чем-то-вроде-как-бы-частично-полубогиней. А еще Одилия говорила, что ее мать частенько пользовалась этим, чтобы заполучить столик в каком-нибудь ресторане. Но заявление о том, что ты являешься близкой родственницей Смерти, вряд ли произведет должное впечатление. Скорее всего, тебе не дадут места даже рядом с кухней.

Но если происходящее с ней — это всего-навсего сон, то чем она рискует? Ведь рано или поздно она проснется и... Впрочем, в это она тоже не верила. Сны такими не бывают.

Дорожка шла мимо конюшни, огибала огород, чуть ныряла вниз, а дальше начинался сад, в котором росли деревья с черными листьями. На ветках висели блестящие черные яблоки. Немного в сторонке стояли несколько белых ульев.

И все это она уже видела. Раньше.

Одна яблоня очень, очень отличалась от всех остальных.

Сьюзен остановилась, чтобы разглядеть дерево повнимательнее, и тут на нее нахлынули воспоминания.

Она вспомнила... Тогда она была уже достаточно взрослой, чтобы понять, насколько глупой с точки зрения логики была сама затея, а он стоял рядом и, переминаясь с ноги на ногу, ждал, как она отреагирует...

Старые уверенности уходили, на смену им приходили новые.

Теперь она по-настоящему осознала, кто у нее дедушка.

Посетители «Залатанного Барабана» в основном увлекались традиционными играми, такими как домино, дарты, а также «Оглуши-Ограбь». Новый владелец решил поднять престиж заведения. Впрочем, «вверх» было единственно возможным направлением развития, поскольку ниже падать было некуда.

При входе в таверну был установлен Замечатель Правды — трехтонное чудовище с водяным приводом; принцип действия прибора основывался на последнем изобретении Леонарда Щеботанского. Впрочем, идея оказалась не слишком удачной. Капитан Моркоу из Городской Стражи,

за открытым улыбчивым лицом которого скрывался острый как игла ум, тайком заменил старые вопросы новыми, например такими: «Где вы находились вечером пятнадцатого, уж не рядом ли со складом бриллиантов Вортинга?» или «Кто был третьим соучастником ограбления винокурни Джимкина Пивомеса на прошлой неделе?», и успел арестовать троих посетителей, прежде чем люди поняли, в чем, собственно, дело.

Владелец пообещал поставить взамен другую машину, которая якобы будет играть песенки, если в нее бросишь монетку. Библиотекарь, один из завсегдатаев таверны, уже запасался мелочью.

В глубине таверны находилась небольшая сцена. Владелец как-то попробовал выпустить на нее стриптизершу, но лишь однажды. Увидев в первом ряду невинно улыбавшегося огромного орангутана с кошельком, полным однопенсовых монет, в одной руке и бананом — в другой, бедная девушка предпочла спастись бегством. Еще одна Гильдия, работающая в сфере развлечений, занесла «Барабан» в свой черный список.

Нового владельца звали Гибискус Дунельм (в чем он виноват не был). И он честно пытался сделать из «Барабана» классное веселое заведение. Даже поставил рядом с входом полосатые зонтики.

Он опустил взгляд на Золто.

— Так вас всего трое?

— Да.

— Я же плачу целых пять долларов! Ты сказал, у тебя большая группа.

— Лава, поздоровайся с хозяином таверны.

— Согласен, — Дунельм машинально попятился, — группа действительно большая. Что ж, начинайте. Думаю, стоит исполнить несколько песенок, известных каждому. Чтобы создать атмосферу.

— Атмосферу?

Дион оглядел «Барабан». Это слово было ему знакомо, но в подобном заведении оно сначала теряло смысл, а потом терялось само. В столь ранний час в таверне было всего три или четыре посетителя, и, судя по всему, музыка их не интересовала.

Пока Лава расставлял свои камни, Дион рассматривал задник сцены. Тот явно пережил некие бурные события.

— Ерунда, немного сочных фруктов, пара-другая залежавшихся яиц, — пытался подбодрить их Золто. — Людям иногда хочется немного пошалить. По-моему, волноваться из-за этого не стоит.

— А я из-за этого и не волнуюсь, — откликнулся Дион.

— Я так и думал.

— Я волнуюсь из-за вот этих следов. От топоров и стрел. Золто, мы ведь даже не репетировали! По крайней мере, как надо!

— Но ты умеешь играть на гитаре?

— Да, вроде да.

Он пробовал. Играть на гитаре было нетрудно. На самом деле на ней было невозможно играть плохо. Каких бы струн он ни касался, гитара в точности повторяла мелодию, звучавшую у него в голове. Она была материальным воплощением мечты начинающего музыканта — инструментом, на котором не надо было учиться играть. Он помнил, как впервые коснулся струн арфы, надеясь услышать такие же звуки, какие обычно извлекали старые барды. А в ответ послышалось нестройное бречание. О таком инструменте, как эта гитара, он мог только мечтать...

— Значит, так, — сказал гном. — Репертуар только самый известный. «Посох волшебника», «Песенка про ежика». Все такое. Людям нравятся игривые стишки.

Дион осмотрел таверну. Посетителей прибавилось. Но внимание его привлек огромный орангутан, который придвинул свой стул поближе к сцене и положил перед собой мешок с фруктами.

— Золто, — сказал он. — За нами наблюдает обезьяна.

— Ну и что? — не понял Золто.

— Это же обезьяна.

— Запомни на будущее: это ПРИМАТ. А мы в Анк-Морпорке, здесь и не такое бывает.

Золто снял шлем и достал из него что-то наподобие котомки.

— А зачем тебе авоська? — поинтересовался Дион.

— Фрукты есть фрукты. Знаешь, как говорится? Мотовство до нужды доведет. Если будут бросать яйца, постарайся их поймать.

Дион перебросил через плечо ремень гитары. Он хотел поделиться с товарищем своими странными ощущениями — но что он мог сказать? Что играть на этой гитаре совсем нетрудно?

«Надеюсь, на свете есть бог музыкантов», — подумал Дион.

И такой бог действительно был. Вернее, таких богов было множество, по одному на каждый музыкальный стиль. Ну, или почти на каждый. Но той ночью помочь юноше мог только Рег — бог клубных музыкантов, которому сейчас было не до того, поскольку он вынужден был следить еще за тремя выступлениями одновременно.

— Готовы? — спросил Лава и взял в руки молотки.

Они кивнули.

— Начнем, пожалуй, с «Посоха волшебника», — сказал Золто. — Это

их разогреет.

— Ладно, — согласился тролль и начал считать по пальцам: — Раз, два... раз, два, три, много.

Первое яблоко прилетело через семь секунд и было ловко поймано Золто, который даже не сбился с такта. Но первый банан подло увернулся и воткнулся ему в ухо.

— Продолжайте играть! — прошипел гном.

Дион подчинился, хотя его накрыл град апельсинов.

Сидевший в первом ряду орангутан пошерудил в мешке и достал из него очень большую дыню.

— Груш не видите? — спросил, переводя дыхание, Золто. — Я очень люблю груши.

— Вижу мужика с метательным топориком!

— А топорик хороший?

В стене рядом с головой Лавы задрожала стрела.

Было три часа ночи. Сержант Колон и капрал Шноббс почти пришли к выводу, что кто бы ни намеревался захватить Анк-Морпорк, сегодня ночью этого он делать не будет. А в караулке так уютно потрескивает огонь...

— Может, оставить записку? — предложил Шнобби, согревая пальцы дыханием. — Как ты думаешь? Типа, приходите завтра.

Он поднял взгляд. Под арку ворот ступила одинокая лошадь. Белая, с мрачным седоком в черном.

Они даже не подумали окликнуть: «Стой, кто идет?» Ночные стражники патрулировали улицы в достаточно необычное время суток, поэтому они привыкли видеть то, что обычные смертные, как правило, не видят.

Сержант Колон почтительно коснулся ладонью шлема.

— Вечер добрый, ваша светлость.

— Э... ДОБРЫЙ ВЕЧЕР.

Стражники проводили всадника взглядом.

— Какой-то бедняга дождался, — наконец констатировал сержант Колон.

— Но признай, он очень предан своему делу, — откликнулся Шнобби. — Ни выходных тебе, ни отдыха. Весь в заботах о людях.

— Да.

Стражники уставились в бархатную мглу.

«Что-то тут не так...» — подумал сержант Колон.

— Кстати, а как его зовут? — вдруг спросил Шнобби.

Они снова уставились во мглу. Потом сержант Колон, который так и не понял, что именно его озадачило, переспросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, как его зовут на самом деле?

— Смерть, — пожал плечами сержант. — Так и зовут. Смерть. Это его полное имя. А ты думал, Смерть — это фамилия? А полное имя что-нибудь типа... *Кейт* Смерть?

— Почему бы и нет?

— Он просто Смерть, и все тут.

— Да нет, это — его *работа*. А как его называют друзья?

— Какие еще друзья?

— Ладно, проехали.

— Пойдем лучше выпьем горячего рома.

— По-моему, ему бы очень пошло что-нибудь благозвучное, величественное... Допустим, Леонард.

Сержант Колон еще раз вспомнил этот голос. Так вот что его удивило! Всего на мгновение...

— Старее, наверное, — сказал он. — Мне вдруг показалось, что ему подошло бы что-нибудь вроде... Сьюзен.

— Слушай, они со мной поздоровались. Значит, меня видно? — спросила Сьюзен, когда лошадь уже повернула за угол.

Смерть Крыс высунул голову из ее кармана.

— ПИСК.

— Думаю, без того ворона нам не обойтись, — задумчиво промолвила Сьюзен. — Ты не обижайся... Вроде бы я уже начинаю тебя понимать, только вот никак не разберу, что ты говоришь...

Бинки остановилась рядом с большим особняком, расположенным чуть в стороне от дороги. Дом был несколько вычурным, на нем было слишком много фронтонов и средников, что говорило о его знатном происхождении. Такой дом мог построить для себя богатый купец, добившийся респектабельности и почувствовавший необходимость вложить во что-нибудь несправедливо нажитые доходы.

— Мне это совсем не нравится, — сказала Сьюзен. — Кроме того, вряд ли у меня что получится. Я же обычный человек. Я ем, хожу в туалет и все такое прочее. Я не могу так просто вламываться в дома и убивать людей.

— ПИСК.

— Хорошо, хорошо, об убийстве тут речи не идет. И все равно,

воспитанные люди так не поступают.

Вывеска у двери гласила: «Вход Для Обслуги Расположен Взади Дома».

— А я тоже считаюсь обслуживающим персо...

— ПИСК!

В нормальных условиях Сьюзен ни за что не задала бы подобный вопрос. Она всегда считала себя человеком, перед которым открыты все двери.

Смерть Крыс быстро промчался по дорожке и вошел сквозь дверь.

— погоди! Я же не умею так...

Сьюзен осмотрела дверь. На самом деле она это умела. Умела проходить сквозь двери. Перед глазами возникли новые воспоминания. В конце концов, это всего лишь дерево. Через пару сотен лет оно сгниет. С точки зрения бесконечности его просто не существует. Мало что способно соревноваться с бесконечностью.

Она сделала шаг. Толстая дубовая дверь показалась ей не плотнее тени.

Горюющие родственники стояли на коленях вокруг кровати, на которой, почти невидимый среди подушек, лежал морщинистый старик. В его ногах, совершенно не обращая внимания на скорбные завывания, валялся крупный, очень толстый рыжий кот.

— ПИСК.

Сьюзен посмотрела на песочные часы. В нижнюю колбу упали последние несколько песчинок.

Смерть Крыс на цыпочках прокрался за спину спящего котяры и отвесил ему увесистый пинок. Животное проснулось, повернуло голову, в ужасе прижало уши и быстренько смоталось с одеяла.

— СН-СН-СН, — подленько хихикнул Смерть Крыс.

Один из скорбящих, худолицый мужчина, поднял взгляд на усопшего.

— Все, — сказал он. — Старик покинул нас.

— А я думала, придется торчать здесь весь день, — ответила женщина рядом с ним, вскакивая на ноги. — Видел, как сбежал этот гнусный кот? Животные сразу же чувствуют. Это называется шестое чувство.

— СН-СН-СН.

— Проходи, не стесняйся, — сказал труп и сел. — Ты где-то рядом, я знаю.

Сьюзен было известно понятие «дух», но она никак не ожидала, что дух выглядит вот так. Она и не думала, что духи точь-в-точь похожи на живых людей. Обычно при упоминании духов ей рисовались бледные

силуэты, кружащие в воздухе, но старик, сидевший на кровати, выглядел вполне материально, разве что его окружал какой-то синий ореол.

— Сто семь лет минуло, — прошамкал старик. — Ты, наверное, заждался. Да где же ты?

— Э... ЗДЕСЬ.

— Женщина? — удивился старик. — Так-так-так.

Размахивая лапами призрачной ночной рубашки, он скользнул с постели, но вдруг что-то бросило его назад, словно бы кончилась некая цепь. В некотором роде так оно и было. Тонкая синяя линия по-прежнему связывала старика с брэнной оболочкой.

Смерть Крыс подпрыгивал на подушке, отчаянно размахивая косой.

— О, прошу прощения, — извинилась Сьюзен и взмахнула косой.

Издав высокий хрустальный звон, синяя линия оборвалась.

Вокруг них по-прежнему бродили скорбящие родственники. Впрочем, как только старик скончался, заунывные причитания разом смолкли. Худолицый мужчина шарил под тюфяком.

— Ты только посмотри на них, — язвительно фыркнул старик. — Бедный дедушка, на кого же ты нас покинул, мы здесь, а ты там, ты там, а мы здесь, кстати, куда этот старый козел запрятал свое завещание? И это мой младший сын. Если, конечно, открытку раз в год, на День Всех Пустых, можно назвать сыном. А жену его видишь? С улыбкой в форме помойной волны. А ведь она еще не худший вариант. Тоже мне родственнички... Я прожил столько исключительно из вредности.

Какая-то парочка нырнула под кровать. Весело звякнул фарфоровый горшок. А старик скакал за их спинами и яростно гримасничал.

— Даже не надейтесь! — клокотал он. — Хе-хе! В кошачьей корзинке, вот где лучше поищите. Все свои деньги я завещал коту!

Сьюзен огляделась. Кот настороженно следил за ними из-за умывальника.

Наверное, следует как-то отреагировать на происходящее...

— Э-э... Ты... ты поступил с ним... очень по-доброму.

— Ха! Шелудивая тварь! Все тринадцать лет только и делал, что спал, гадил и ждал, когда в очередной раз ему дадут пожрать. За всю свою сытую жизнь и получаса не побегал за бабочками. Впрочем, когда завещание наконец найдется, все несколько изменится. Он станет самым богатым и шустрым котом на свете...

Голос постепенно стих. Потом исчез его владелец.

— Какой ужасный старик, — сказала Сьюзен. Она опустила взгляд на Смерть Крыс, который пытался строить рожи коту.

— Что с ним будет?

— ПИСК.

Один из скорбящих, уже нисколько не церемонясь, вытащил из письменного стола ящик и вывалил все его содержимое на пол. Кота начала бить крупная дрожь.

Сьюзен шагнула сквозь стену.

Облака позади Бинки бурлили и клубились.

— Что ж, все прошло не так уж плохо. Никакой крови и всего такого. К тому же он был старым и не очень приятным типом.

— Стало быть, все в порядке? — На ее плечо опустился ворон.

— А ты что здесь делаешь?

— Смерть Крыс пообещал, что подкинет. У меня назначена очень важная встреча.

— ПИСК.

Из седельной сумки высунулся Смерть Крыс.

— Мы что тут, извозом занимаемся? — холодно осведомилась Сьюзен.

Смерть Крыс пожал плечами и протянул ей жизнеизмеритель.

Сьюзен прочла выгравированное на стекле имя:

— Вольф Вольфссонссонссонссон? Явно пупземельное имечко.

— ПИСК.

Цепляясь за гриву Бинки, Смерть Крыс вскарабкался на лошадиную голову и занял наблюдательный пост между ушей. Его мантия гордо развевалась на ветру.

Бинки легким галопом скользила над полем брани. Война была не полномасштабной, скорее это была межплеменная распря. Никаких тебе армий — сражавшиеся представляли собой две группки людей; некоторые сидели на лошадях и, так уж получилось, принадлежали только к одной из сторон. Все были одеты примерно в одинаковые шкуры и впечатляющие доспехи из кожи, и Сьюзен никак не могла взять в толк, каким образом они отличают своих от чужих. Сражавшиеся громко орали и размахивали наудачу огромными мечами и боевыми топорами — с другой стороны, любой человек, которого тебе удавалось ударить, мгновенно становился твоим врагом, так что все в конечном итоге уравнивалось. В общем, демонстрируя чудеса невероятно глупого героизма, люди мерли как мухи.

— ПИСК.

Смерть Крыс настойчиво тыкал пальцем вниз.

— Тпру... Приземляемся.

Бинки опустилась на небольшой пригорок.

— Э... Умница, — похвалила Сьюзен и достала из чехла косу. Лезвие мгновенно ожило.

Отыскать души погибших не составило особого труда. Друзья и прежние враги сами покидали поле боя и рука об руку направлялись в ее сторону, шумно веселясь и распевая песни.

Сьюзен слезла с лошади и сосредоточилась.

— Э-э... — протянула она. — Я ИЩУ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА. ЕГО ЗОВУТ ВОЛЬФ, И ЕГО УБИЛИ.

За ее спиной Смерть Крыс закрыл голову лапками.

— Э... ПОСЛУШАЙТЕ!

Никто не обращал на нее внимания. Воины проходили мимо и выстраивались в очередь на краю поля, словно ожидая чего-то.

Она не обязана была уби... заниматься ими всеми. Альберт попытался объяснить ей смысл, но потом воспоминания сами всплыли в ее голове. Нужно обработать лишь нескольких самых важных в историческом аспекте личностей, а все остальные последуют за ними автоматически; главное создать порыв.

— Тебе не хватает напористости, — подсказал устроившийся на камне ворон. — Это беда всех деловых женщин. Вам не хватает настойчивости.

— А ты зачем сюда явился?

— Это же поле боя, верно? — осведомился ворон. — После битвы на поле боя должны появляться вороны. — Его свободно вращающиеся глаза закатились. — Иначе столько питательной протоплазмы пропадет.

— Ты имеешь в виду, что всех их съедят?

— Это и называется круговоротом жизни, — объяснил ворон.

— Ужас, — покачала головой Сьюзен. Черные птицы уже кружили в небе.

— На самом деле ничего ужасного тут нет, — возразил ворон. — А на десерт, так сказать, лошади.

Одна воюющая сторона, если ее можно было так назвать, спасалась бегством с поля боя, вторая с азартом за ней гналась.

Птицы опускались на землю, готовясь приступить — Сьюзен взглянула на небо — к раннему, но сытному завтраку. Глазунья подана. Кошмар какой.

— Ты лучше пойди поищи своего парня, — подсказал ворон. — А то, глядишь, опоздает он.

— Опоздает куда?

Глаза ворона снова закатились.

— Ты вообще изучала мифологию? — поинтересовался он.

— Нет. Госпожа Ноно говорит, что все это придумки невежественных варваров и поэтому никакой литературной ценности они не несут.

— Будь я проклят. Это уже никуда не годится. Ладно, ничего. Скоро сама все увидишь. Ну, мне пора. — Ворон взлетел. — Обычно я стараюсь пристроиться поближе к голове.

— А мне что...

И тут она услышала пение. Голос налетел с неба, как сильный порыв ветра. Достаточно неплохое меццо-сопрано.

— Хай-йо-то! Хо! Хай-йо-то! Хо!

А потом появилась женщина на лошади (чем-то эта лошадь напоминала Бинки). Определенно женщина. Очень много женщины. Настолько много, что если бы ее стало чуть больше, то было бы уже две женщины. Дама была одета в кольчугу и начищенный нагрудник размера этак двадцатого, а на голове у нее красовался шлем с рогами.

Собравшиеся души погибших возбужденно заорали, а лошадь перешла на галоп, готовясь зайти на посадку. За первой женщиной в небе появились еще шестеро воинственного вида особ женского пола.

— Вечная история, — хмыкнул ворон и взмахнул крыльями. — То одну никак не дождешься, то все семеро разом заявятся.

На глазах у пораженной Сьюзен всадницы подхватили по погибшему воину и тут же снова взмыли в воздух. Достигнув высоты всего в несколько сотен ярдов, женщины вдруг пропали, но почти мгновенно появились снова и помчались вниз за новыми пассажирами. Очень скоро установилась хорошо организованная челночная перевозка.

Через минуту или две одна из женщин подъехала к Сьюзен и достала из нагрудника свиток пергамента.

— Эй, ты! Тут значит какой-то Вольф, — сказала она деловым тоном, которым всадники обычно обращаются к обычным пешеходам. — Вольф Счастливчик...

— Э... Я не знаю... То есть Я НЕ ЗНАЮ, КОТОРЫЙ ИЗ НИХ ВОЛЬФ, — беспомощно произнесла Сьюзен.

Женщина в шлеме наклонилась. Что-то в ее облике показалось Сьюзен знакомым.

— Ты что, новенькая?

— Да. Я хотела сказать: «ДА».

— Так не стой здесь как истукан. Найди его быстренько и тащи сюда. Давай, шевелись.

Сьюзен затравленно огляделась и наконец увидела его. Он стоял

совсем неподалеку. Моложавого вида мужчина, окруженный мерцающим синим светом, сразу выделялся среди остальных павших воинов.

Сьюзен поспешила к нему, взяв косу наизготовку. Синяя линия соединяла воина с его бывшим телом.

— ПИСК! — завопил Смерть Крыс, нетерпеливо подпрыгивая и отчаянно жестикулируя.

— Большой палец левой руки вверх, правая рука согнута в запястье, размахнись хорошенько! — заорала рогатая бабища.

Сьюзен взмахнула косой. Линия тренькнула.

— А что случилось? — спросил Вольф и посмотрел вниз. — Это ведь я лежу? — Он медленно огляделся. — И *там*. И вон *там*. И...

Он поднял взгляд на рогатую всадницу и явно повеселел.

— Клянусь Ио! — воскликнул он. — Так это правда? Валькирии отнесут меня во дворец Слепого Ио, где меня ждут нескончаемый пир и пьянка?

— Меня... то есть МЕНЯ НЕ СПРАШИВАЙ, — ответила Сьюзен.

Валькирия наклонилась и легко закинула воина на лошадь поперек седла.

— Просто лежи спокойненько, будешь молодцом, — сказала она и повернулась к Сьюзен, окинув девушку задумчивым взглядом. — У тебя случаев не сопрано? — спросила она.

— Что-что?

— Детка, ты петь умеешь? Нам бы не помешало еще одно нормальное сопрано. А то слишком много меццо-сопрано развелось.

— К сожалению, у меня нет способностей к музыке.

— Ну, что ж. Просто подумала, а вдруг?... Ладно, мне пора. — Она откинула голову. Огромный нагрудник раздулся. — Хай-йо-то! Хо!

Лошадь встала на дыбы и галопом умчалась в небо. Вскоре она превратилась в крошечную мигающую точку, после чего совсем скрылась в облаках.

— Что это было? — спросила Сьюзен.

Захлопали крылья, и на голову покойного Вольфа уселся ворон.

— Понимаешь, эти ребята верят, что если они падут в бою, то огромные, жирные, горланиющие во все горло бабищи унесут их в какой-то гигантский зал для пиршеств, где они будут вечно нажираться до беспамятства, — сообщил ворон и подчеркнуто громко рыгнул. — Полная глупость на самом деле.

— Но ведь именно это только что и произошло!

— Все равно глупость. — Ворон осмотрел поле боя, на котором

остались только павшие и вороны. — Какие бессмысленные потери. Ты только посмотри. Какие ужасные, бессмысленные потери.

— О да!

— Я хотел сказать, в меня уже не лезет, а сколько еще осталось совсем не тронутых. Надо бы поискать какой-нибудь мешок.

— Но это же мертвые тела!

— Вот именно!

— Что ты ешь?

— Не волнуйся ты так. — Ворон торопливо отскочил назад. — Тут на всех хватит.

— Это отвратительно!

— Я их не убивал.

Сьюзен сдалась.

— Кстати, она была очень похожа на Железную Лили, — задумчиво проговорила она, направляясь к терпеливо поджидавшей лошади. — На нашу учительницу физкультуры. И говорила она так же.

Сьюзен живо представила себе толпу щебечущих валькирий, гоняющихся по небу. *«А ну, схватили воина, вы, полубморочные неженки...»*

— Конвергентная эволюция, — произнес ворон. — Так частенько случается. Помню, я читал где-то, у обычного осьминога глаза такие же, как у людей, за исключением... Кав!

— Ты собирался сказать: «За исключением вкуса», да?

— Нишево подобнова, — невнятно пробормотал ворон.

— Уверен?

— Пожалуйста, отпусти мой клюф.

Сьюзен разжала руку.

— Отвратительно, просто отвратительно, — буркнула она. — Значит, вот такая у него работа? Неужели у него не было выбора?

— ПИСК.

— А если они не заслуживали Смерти?

— ПИСК.

Смерть Крыс сумел растолковать ей жестами, причем достаточно понятно, что в таком случае умерший может обратиться к вселенной и попробовать доказать, что на самом деле Смерти он не заслужил. И тогда вселенная должна была принять решение и сказать: «О, правда? Ну, хорошо. Тогда можешь продолжать жить». Набор жестов получился крайне лаконичным и всеобъемлющим.

— Значит, будучи могущественным Смертью, мой дедушка позволял

всему идти своим чередом? Вместо того чтобы творить добро? Но это же глупо.

Смерть Крыс покачал черепом.

— Кстати, а этот Вольф — он хоть за правое дело сражался?

— Трудно сказать, — ответил ворон. — Он был васунгом, а другие — бергундами. По-моему, все началось с того, что несколько веков назад бергунд похитил васунгскую женщину. А может, все наоборот было. В общем, пострадавшая сторона напала на вражескую деревню, устроила небольшую резню. А потом другая сторона напала на другую деревню и устроила другую резню. После такого, как ты понимаешь, возникает некоторая взаимная неприязнь.

— Ну, хорошо, — устало произнесла Сьюзен. — Кто следующий?

— ПИСК.

Смерть Крыс вскочил на луку седла, наклонился и, поднатужившись, выволок из сумки очередные песочные часы. Сьюзен прочла надпись.

«Дион Селин».

Ей показалось, что мир под ее ногами разверзся и она летит в пропасть.

— Но я *знаю* это имя, — сказала она.

— ПИСК.

— Я откуда-то его помню. Это очень важно. Он... важен...

Над Клатчской пустыней висела огромная, похожая на каменный шар луна.

Хотя, честно говоря, пустыня не заслуживала такого впечатляющего зрелища.

Она была лишь частью окружавшего Великий Неф и Безводный океан пояса пустынь, которые постепенно становились все суше и жарче. И никто никогда даже не вспомнил бы о ней, если бы люди, очень похожие на управляющего делами Гильдии Музыкантов, не пришли сюда и не составили подробные карты данной части пустыни, проведя по ним безобидную пунктирную линию, разделяющую Клатч и Гершебу.

До того судьбоносного момента д'рыги — различные жизнерадостно воинственные кочевые племена — бродили по пустыне совершенно свободно. После появления вышеописанной линии они периодически становились то клатчскими, то гершебскими д'рыгами, наделенными правами и обязанностями граждан этих государств, особенно правом платить столько налогов, сколько из них можно было выжать, и участвовать в войнах с народами, о которых они никогда не слышали. Таким образом,

благодаря обычной пунктирной линии Клатч оказался в состоянии войны с Гершебой и д'рыгами, Гершеба — в состоянии войны с д'рыгами и Клатчем, а сами д'рыги стали воевать со всеми подряд, включая самих себя, и немало развлекались при этом, поскольку на языке д'рыгов слово «чужеземец» означало то же самое, что и «цель, в которую метишься из лука».

Форт тоже был наследием той пунктирной линии.

Он представлял собой темный прямоугольник, высящийся на фоне серебристых песков. Звуки, доносившиеся оттуда, сообщали всем желающим о том, что внутри кто-то безжалостно терзает аккордеон: мелодия вроде бы уже начинала зарождаться из беспорядочных нот, однако после нескольких тактов сбивалась, после чего все повторялось снова.

Кто-то постучался в дверь форта.

Спустя некоторое время донесся пронзительный скрип. Распахнулось маленькое смотровое окно.

— Да, оффенди?

— ЭТО КЛАТЧСКИЙ ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН?

Лицо щуплого мужчины разом лишилось всякого выражения.

— А, — сказал он. — Сложный вопрос. Погоди-ка.

Окошко закрылось. Из-за двери донесся шепот жаркого обсуждения. Окошко открылось снова.

— Да, похоже, что мы — это... Как ты его назвал? Да, да, понял... Клатчский Иностранный Легион. Да. Что тебе нужно?

— Я ХОТЕЛ БЫ ВСТУПИТЬ.

— Вступить? Куда?

— В КЛАТЧСКИЙ ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН.

— А где это?

Снова донесся шепот.

— О да, извини. Да. Это мы.

Дверь распахнулась. Незнакомец вошел. К нему тут же подскочил легионер с нашивками капрала на рукаве.

— Я должен доложить... — Глаза его остекленели. — ...Ну, этому... знаешь... такой начальник... с тремя нашивками... На языке вертится, никак не вспомнить.

— СЕРЖАНТУ?

— Именно. — Капрал вздохнул с облегчением. — Назови свое имя, солдат.

— Э...

— На самом деле, ты не обязан его называть. Ведь это... как его...

— КЛАТЧСКИЙ ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН?

— ...Именно... Люди вступают сюда... чтобы... это... когда с твоим сознанием... ну, понимаешь... всякие штуки, что с тобой происходили... их раз — и нету...

— ЧТОБЫ ЗАБЫТЬ?

— Именно. Меня зовут... — Снова пустое выражение лица. — Погоди минутку, ладно?

Он посмотрел на рукав.

— Капрал... — неуверенно произнес он. Потом ему в голову пришла свежая идея, он расстегнул ворот камзола, вывернул шею и, прищурившись, посмотрел на ярлык.

— Капрал... «М»? Такое может быть?

— СОМНЕВАЮСЬ.

— Капрал... Только Ручная Стирка?

— ВЕРОЯТНО, НЕТ.

— Капрал... Хлопок?

— ВОТ ЭТО ВОЗМОЖНО.

— Отлично. Добро пожаловать в... этот...

— КЛАТЧСКИЙ ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН...

— Точно. Жалованье — три доллара в неделю плюс весь песок, который ты сможешь съесть. Надеюсь, песок тебе нравится?

— ПОХОЖЕ, О ПЕСКЕ ТЫ НЕ ЗАБЫВАЕШЬ.

— Поверь мне, о нем ты тоже не сможешь забыть, — с горечью произнес капрал.

— Я НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ЗАБЫВАЮ.

— Как ты сказал, тебя зовут?

Незнакомец промолчал.

— Это и неважно, — наконец промолвил капрал Хлопок. — В...

— В КЛАТЧСКОМ ИНОСТРАННОМ ЛЕГИОНЕ?

— ...Именно там... мы даем тебе *новое* имя. И ты все начинаешь заново.

Он позвал другого солдата:

— Легионер?...

— Легионер... э... у... э... Размер Номер 15, сэр.

— Точно. Забирай этого... человека и выдай ему... — Он раздраженно защелкал пальцами. — ...Ну, ты знаешь... такую штуку... одежду, все ее носят... песочного цвета...

— ОБМУНДИРОВАНИЕ?

Капрал заморгал. По какой-то совершенно необъяснимой причине в

плавающим, булькающим месиве, в которое превратился его разум, постоянно всплывало слово «кость».

— Точно, — кивнул он. — Э... Надеюсь, ты — настоящий мужик, легионер, потому что срок службы у нас — двадцать лет.

— ЗВУЧИТ МНОГООБЕЩАЮЩЕ.

— Полагаю, закон не запрещает мне посещать заведения, где торгуют спиртным? — спросила Сьюзен, когда на горизонте опять появился Анк-Морпорк.

— ПИСК.

Они снова летели над городом. По улицам и площадям сновали крошечные фигурки людей. «Ха! — подумала Сьюзен. — Они и не догадываются, что я здесь, над ними». Внезапно она почувствовала свое превосходство. Люди внизу могли мыслить только на земном уровне, о земных делах. Она словно бы смотрела на муравьев.

Она всегда знала, что не похожа на других. Более тонко чувствовала мир, тогда как большинство людей идут по жизни, закрыв глаза и установив мыслительный процесс на режим «медленное кипение». Как приятно чувствовать себя непохожей на других... Это чувство окутывало ее теплым плащом.

Бинки опустилась на грязную, скользкую набережную. Вокруг деревянных свай хлюпала река.

Сьюзен соскользнула с лошади, взяла косу и вошла в «Залатанный Барабан».

Внутри бесчинствовала толпа. Посетители «Барабана» придерживались демократического подхода к агрессивности. Это означало, что никто не должен уйти обиженным. Трио музыкантов играло препаршиво и потому являлось хорошей целью, но все равно то и дело в зале возникали яростные стычки — в основном из-за того, что кое-кто был поражен направленными неверной рукой метательными снарядами, кое-кто не дрался с самого утра, а кое-кто просто пытался добраться до двери.

Сьюзен без труда отыскала Диона. Паренек стоял на сцене с выражением ужаса на лице. За его спиной высился тролль, из-за спины которого выглядывала гномья голова.

Она посмотрела на песочные часы. Осталось всего несколько секунд...

Дион был довольно привлекательным молодым человеком — если, конечно, вам нравятся кудрявые темноволосые юноши. А еще он смахивал на эльфа.

И она его знала.

Она испытывала жалость к Вольфу, но тот, по крайней мере, погиб в честном (или нечестном) бою. А Дион стоял на обычной сцене. Не самое подходящее место, чтобы встретить Смерть.

«Я стою с косой и песочными часами в руках и жду, когда кто-то умрет. Он немного старше меня, и... Нет, я не должна вмешиваться. Как глупо. Я уверена, что видела его... раньше...»

В «Барабане» обычно не убивали музыкантов. Посетители бросали топоры и пускали стрелы из арбалетов, но делали это с открытой душой, исключительно смеха ради. Специально никто не целился — даже тот, кто еще мог сфокусироваться на мушке. Ведь куда веселее смотреть, как твоя цель пытается увернуться.

Огромный рыжебородый детина улыбнулся Лаве и вытащил из нагрудного патронташа небольшой метательный топор. В троллей можно сколько угодно бросать топоры — все равно отскакивают.

Но Сьюзен поняла, что случится. Топор отскочит от тролля и убьет Диона. На самом деле ничьей вины тут не будет. Скажем, в том же море случаются куда большие неприятности. И в Анк-Морпорке они тоже случаются, только куда чаще.

Он ведь не хотел его убивать. Как глупо. И нечестно. Кто-то должен вмешаться...

Она протянула руку, собираясь перехватить топор.

— ПИСК!

— Заткнись!

Уау-у-у-ум.

Дион застыл в позе дискобола, а звучный аккорд заполнил собой шумный зал.

Гитара звенела как железная балка, которую в полночь уронили на пол в библиотечном зале. Из дальних углов возвращалось эхо, обогащенное дополнительными гармониками.

То был водопад звука, похожий на разрыв выпущенной в Ночь Всех Пустых ракеты, каждая падающая искра которой взрывается снова...

Пальцы юноши тронули струны, прозвучали еще три аккорда. Метатель топора опустил руку. Это была музыка, которая не только сбежала, но ограбила по пути банк. Это была музыка с засученными рукавами и расстегнутым воротником, она улыбалась, поднимала приветственно шляпу и крала у вас бумажник.

Это была музыка, которая проникает сразу в ноги, не нанося визита господину Мозгу.

Троль поднял молотки, тупо посмотрел на камни и начал отбивать

ритм. Гном сделал глубокий вдох и извлек из трубы глубокий трепещущий звук.

Люди застучали ладонями по столам. Орангутан окаменел с восторженной улыбкой, словно банан застрял у него поперек рта.

Сьюзен посмотрела на часы, от которых зависела жизнь юноши.

В верхней колбе совсем не осталось песка, но там мерцало что-то синее.

Сьюзен почувствовала, как острые когтистые лапки пробежали по ее спине и вцепились в плечо.

Смерть Крыс тоже взглянул на часы.

— ПИСК, — сказал он очень тихо.

Сьюзен еще не вполне овладела языком крыс, но тем не менее поняла, что это был крысиный вариант «ого».

Пальцы юноши танцевали по струнам, но рождающийся звук не имел ничего общего с тем, как звучит лютня или арфа. Гитара визжала, будто ангел, который вдруг понял, почему он оказался не на той стороне. На струнах плясали искры.

Дион стоял с закрытыми глазами и прижимал к себе гитару, как солдат, исполнивший команду «на грудь!». Было непонятно, кто на ком играет.

Но музыка по-прежнему заливала зал.

На библиотекаре вся шерсть встала дыбом, и на конце каждого волоска сверкала яркая искорка.

Музыка заставляла пинать стены и подниматься в небо по огненным ступеням. Заставляла вывернуть на максимум все ручки, щелкнуть всеми выключателями, вставить пальцы в розетку вселенной и посмотреть, что будет дальше. Она заставляла выкрасить стены спальни в черный цвет и развесить на них плакаты.

Ритмичный гул музыки проходил сквозь дрожащее тело библиотекаря и заземлялся.

Волшебники, сидевшие в углу, наблюдали за происходящим с широко раскрытыми ртами.

А ритм шагал по залу от тела к телу, пощелкивая пальцами и презрительно скривив губы.

ЖИВАЯ МУЗЫКА. Музыка, в которой слышится глас Рока, необузданная и дикая...

Наконец-то свободна! Она прыгала из головы в голову, влезала в уши и проникала в мозжечок. Некоторые люди были более восприимчивы к ней... ближе к ритму...

Прошел час.

Библиотекарь, опираясь на костяшки пальцев, трусил сквозь утренний мелкий дождик, а голова его по-прежнему разрывалась от музыки.

Он добежал до лужаек Незримого Университета и направился в Главный зал, размахивая над головой руками и с трудом сохраняя равновесие.

А потом он замер.

Лунный свет, проникавший в зал сквозь огромные окна, освещал то, что аркканцлер всегда называл «нашим могучим органом» — к величайшему смущению остальных профессоров.

Несколько ярусов труб занимали всю стену. В полумраке они выглядели как колонны, а еще напоминали сталагмиты, выросшие в какой-то чудовищно древней пещере. Пульт органиста с тремя гигантскими клавиатурами и сотнями кнопок для специальных звуковых эффектов почти терялся среди всего этого величия.

Орган использовали нечасто, только во время важных городских событий или Волшебных вечери^[9].

Однако библиотекарь, ответственный за качание органных мехов, считал, что инструмент способен на большее.

Взрослый орангутан весьма смахивает на дружелюбную кучу старых ковриков, но вместе с тем он обладает силой, которая легко заставит человека той же весовой категории наестся такими ковриками до отвала. Заметив, что рычаг раскалился чуть ли не докрасна, а воздушные резервуары начали попукивать и посвистывать через отверстия для заклепок, библиотекарь перестал качать мехи и одним движением перелетел в кресло органиста.

Все сооружение тихонько гудело от огромного, едва сдерживаемого давления.

Библиотекарь сцепил пальцы и хрустнул костяшками, что прозвучало достаточно впечатляюще, особенно если учесть количество суставов на пальцах орангутана.

Он поднял руки.

Замер.

Опустил руки и до отказа выдвинул регистры «Гласа Человеческого», «Гласа Божьего» и «Гласа Дьявольского».

Стон органа стал более настойчивым.

Он поднял руки.

Замер.

Опустил руки и до отказа выдвинул все остальные регистры, включая двенадцать ручек, помеченных вопросительным знаком, и две с истершимися надписями на разных языках, предупреждавшими о том, что трогать эти ручки ни в коем случае нельзя, никогда, ни при каких обстоятельствах.

Он поднял руки.

Ноги он поднял тоже и расположил их над некоторыми самыми опасными педалями.

Закрыв глаза.

Посидел немного в задумчивой тишине, как пилот-испытатель на звездном корабле «Мелодия», готовый наконец вскрыть конверт с заданием.

Позволил вызывающему дрожь воспоминанию о музыке заполнить голову, пробежать по рукам до кончиков пальцев. И его руки опустились.

— Что это было? Что случилось? — твердил Дион.

Возбуждение до сих пор щекотало его босые ступни и носилось вверх-вниз по позвоночнику.

Они сидели в крошечной тесной конурке, расположенной позади стойки.

Золто снял свой шлем и тщательно протер его внутри.

— Никогда бы в такое не поверил! Четырехдольный такт, размер две четверти и мелодия с ведущим басом!

— А что это такое? — спросил Лава. — Что значат все эти слова?

— Ты же музыкант, — укоризненно произнес Золто. — Чем, по-твоему, ты занимался?

— Лупил молотками по камням, — признался прирожденный барабанщик Лава.

— А твое соло? — удивился Дион. — В середине, вот это: *бамбах-бамбах-бамбамБАХ...* Как ты понял, что нужно сыграть именно так, а не иначе?

— Просто в тот момент нужно было играть именно так, — сказал Лава.

Дион посмотрел на гитару и осторожно положил ее на стол. Она продолжала играть *для себя*, словно мурлыкала кошка.

— Это не нормальный инструмент. — Он погрозил гитаре пальцем. — Я просто стоял, ничего не делал, и вдруг она стала играть сама по себе!

— Наверное, раньше она принадлежала какому-нибудь волшебнику, как я уже говорил, — сказал Золто.

— Вряд ли, — возразил Лава. — Лично я не знаю ни одного

волшебника с музыкальным слухом. Музыка и волшебство несовместимы.

Все посмотрели на гитару. Дион еще ни разу не слышал об инструменте, который умел бы играть самостоятельно, — за исключением легендарной арфы Пуста Кармна, которая начинала петь при приближении опасности. Но то было очень давно, когда еще водились драконы. Поющие арфы и драконы хорошо подходят друг к другу. Но куда поющие арфы точно не вписываются, так это в город, которым правят Гильдии.

Распахнулась дверь.

— Парни, это было... поразительно! — восторженно воскликнул Гибискус Дунельм. — В жизни не слышал ничего подобного! А завтра вечером сможете выступить? Получите еще пять долларов.

Золто сосчитал монеты.

— Мы четыре раза выходили на бис.

— Что ж, можете пожаловаться своей Гильдии, — ухмыльнулся Гибискус.

Музыканты посмотрели на деньги. Последний раз они ели двадцать четыре часа назад, так что монеты выглядели достаточно соблазнительно. В Гильдии, конечно, ставки выше. Но двадцать четыре часа — это много, очень много.

— Ладно, — согласился Гибискус, — если выступите завтра, я повышу ставку до... шести долларов. Ну, что скажете?

— Вау, — восхитился Золто.

Наверн Чудакулли подскочил на кровати, потому что сама кровать тоже подскочила.

Итак, это случилось!

Его решили прикончить.

В последнее время волшебники крайне редко прибегали к главному способу продвижения по университетской служебной лестнице. Раньше это продвижение происходило, когда умирал кто-нибудь вышестоящий, вследствие чего человек, который обычно обеспечивал эту кончину, поднимался на одну, а то и на две ступеньки вверх. Однако Чудакулли был крупным мужчиной, держал себя в форме и обладал, как в этом могли убедиться три последних соискателя должности аркканцлера, отличным слухом. Претенденты были лишены сознания при помощи мощного удара лопаты и вывешены из окна за лодыжки; кроме того, как выяснилось чуть позже, у них в двух местах были сломаны руки. А еще все знали, что Чудакулли спит с двумя заряженными арбалетами под подушкой. Впрочем, человеком он был незлобивым, так что дело обошлось бы лишь

простреленным ухом. Скорее всего.

Сейчас в Университете выживали только самые терпеливые, умеющие ждать.

Чудакулли критически оценил ситуацию и понял, что первое впечатление было ошибочным.

То, что он считал убийственными чарами, на самом деле таковым не являлось. Это был просто звук, который заполнил всю комнату, от пола до потолка.

Чудакулли надел шлепанцы и вышел в коридор, где уже бродили остальные преподаватели и сонными голосами спрашивали друг у друга, что за чертовщина тут происходит. На головы снежным бураном сыпалась штукатурка.

— Кто устроил весь этот грохот? — заорал Чудакулли.

В ответ он услышал нестройный хор нечленораздельных ответов и увидел много пожиманий плечами.

— Что ж, придется самому все выяснить, — прорычал аркканцлер и решительно направился к лестнице, остальные поплелись следом.

Он шагал, не сгибая коленей и локтей, — верный признак того, что аркканцлер пребывал сейчас в самом дурном настроении.

Музыканты не произнесли ни слова, пока возвращались из «Барабана», и молчали до самой кулинарии Буравчика. Они молчали, пока стояли в очереди, а потом произнесли только следующее:

— Так... нам нужно... один кватре-крысенти с тритонами и без чили, клатчское жаркое с двойной порцией салями и четыре страты без уранита.

После чего сели за стол и стали ждать. Гитара мурлыкала четырехнотный мотивчик. Они старались не думать о ней. Старались думать о чем-нибудь другом.

— Наверное, мне стоит сменить имя, — сказал наконец Лава. — Ну, то есть... Лава... Разве это имя для музыкального бизнеса?

— И как же теперь тебя звать? — поинтересовался Золто.

— Думаю... может... только не смейтесь... что-то вроде... Утес?

— Утес?

— Настоящее тролльское имя. Очень каменное. Скалистое. И звучит, — попытался оправдать свой выбор Утес, урожденный Лава.

— Ну... Да... Но... Как бы... Утес? Не знаю никого по имени Утес, кто бы надолго задержался в нашем бизнесе.

— Это уж всяко лучше, чем Золто.

— Я был и остаюсь Золто, — решительно сказал Золто. — А Дион

остаётся Дионом, верно?

Дион посмотрел на гитару. «Что-то не так, — подумал он. — Я ведь почти не касался ее. Я только... И я так устал... я...»

— Не уверен, — устало произнес он. — По-моему, Дион тоже не совсем подходящее имя, какое-то оно не такое... — Он замолчал и широко зевнул.

— Дион? — позвал его Золто.

— Гм-м? — откликнулся тот.

Там, на сцене, он чувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Ерунда какая-то... И рассказать он ничего не может. «Я стоял на сцене и чувствовал, что на меня кто-то смотрит...» Его товарищи отнеслись бы к нему с сочувствием...

— Дион? — снова позвал Золто. — Почему ты все время щелкаешь пальцами?

Юноша опустил взгляд.

— Правда?

— Да.

— Просто задумался. Мое имя... оно не подходит к этой музыке.

— А кстати, что оно значит на нормальном языке? — спросил Золто.

— Весь мой род носит фамилию *Селин*, — Дион решил не обращать внимания на оскорбление древнего ламедийского языка. — По-ламедийски это значит «падуб».

Он немного подождал, но его товарищи, чьи предки больше знали о видах камней, нежели о флоре Плоского мира, никак не отреагировали.

— Падуб — это каменный дуб, — продолжал Дион. — Только они растут в Лламедосе, все остальное гниет.

— Не хочу тебя обижать, — встрял новоявленный Утес, — но, по-моему, Дион Селин звучит как-то... *по-женски*.

— Мои родители рассказывали мне, что в детстве я очень любил петь. Особенно по ночам. И всех будил... — задумчиво сказал Дион. — Будил... Буди... Бадди?

— Бадди? — сказал Золто. — По-моему, это еще хуже, чем Утес.

— А мне кажется, — возразил юноша, — звучит очень даже неплохо.

Золто пожал плечами и достал из кармана горсть монет.

— У нас осталось чуть больше четырех долларов, — возвестил он. — И я знаю, как мы должны с ними поступить.

— Мы отложим их. Чтобы заплатить членский взнос Гильдии Музыкантов, — догадался новоиспеченный Бадди.

Золто задумчиво уставился в пространство.

— Нет, — возразил он. — Мы еще плохо звучим. То есть все было здорово, очень... *необычно*. — Он посмотрел на Диона-Бадди. — Но кое-чего не хватает.

Золто снова смерил Бадди, урожденного Диона, пронзительным взглядом.

— Ты в курсе, что тебя всего колотит? — осведомился он. — Ты ерзаешь на стуле, словно у тебя в штанах муравьи.

— Не могу удержаться. — Он очень хотел спать, но ритм не отпускал его, бился у него в голове.

— Я тоже заметил, — сказал Утес. — Когда мы шли сюда, ты все время подпрыгивал. — Он заглянул под стол. — И ты отбиваешь ритм ногами.

— И постоянно щелкаешь пальцами, — добавил Золто.

— Не могу не думать о музыке, — признался Бадди. — Ты прав. Нам нужен... — Он забарабанил пальцами по столу. — Звук, похожий на... пам-пам-пам-Пам-пам...

— Ты имеешь в виду клавишные?

— Клавишные?

— В Опере, на другом берегу реки, есть одна новомодная штука, пианино называется... — задумчиво произнес Золто.

— Да, но она не подходит для нашей музыки, — покачал головой Утес. — На пианинах обычно играют всякие толстые мужики в напудренных париках.

— Я полагаю, — сказал Золто, украдкой бросив взгляд на Бадди, — Ди... Бадди как-нибудь приспособит его для нас. Решено, нам нужно пианино.

— Я слышал, эта штукавина стоит целых четыреста долларов, — ответил Утес. — Тут никаких зубов не хватит.

— Я не имел в виду «купить», — ухмыльнулся Золто. — Мы его... позаимствуем. На время.

— Это называется воровством, — сказал Утес.

— Совсем нет, — горячо возразил гном. — Мы же вернем его. Сразу как закончим.

— О, тогда все в порядке.

Поскольку Бадди не был ни барабанщиком, ни троллем, он сразу уловил в доводах Золто некий логический изъян. И всего несколько недель назад он бы честно сказал, что обо всем этом думает. Но тогда он был странствующим бардом, играющим на друидских жертвоприношениях, примерным пареньком, который не пил, не ругался и не водился с дурными

компаниями.

А сейчас ему позарез нужно было это пианино. Да, звук будет в самый раз.

Он щелкал пальцами в такт своим мыслям.

— Но у нас некому на нем играть, — напомнил Утес.

— Вы достаете пианино, а я — пианиста, — пообещал Золто.

Они то и дело посматривали на гитару.

Волшебники в полном составе прибыли к органу. Воздух вокруг инструмента вибрировал и колыхался.

— Что за жуткий шум! — закричал профессор современного руносложения.

— Не знаю! — крикнул в ответ декан. — А музыка ничего, запоминается!

Синие искры бегали по трубам органа. У пульта управления всей содрogaющей конструкции восседал библиотекарь.

— А кто качает мехи? — заорал главный философ.

Чудакулли заглянул за орган. Рукоятка насоса опускалась и поднималась без посторонней помощи.

— Этого я не потерплю, — пробормотал он. — Где угодно, но не в моем Университете. Это *ХУЖЕ СТУДЕНТОВ*.

Он поднял арбалет и выпустил стрелу прямо в главные мехи.

Раздался продолжительный визг в тональности ля, после чего орган взорвался.

События следующих нескольких секунд были воссозданы во время обсуждения в магической, где обычно собирались преподаватели, чтобы выпить чего-нибудь покрепче или, в случае казначея, теплого молока.

Профессор современного руносложения клялся и божился, что шестидесятичетырехфутовая труба-грависсима улетела в небо на столбе пламени.

Заведующий кафедрой беспредметных изысканий и главный философ сказали, что, когда они нашли библиотекаря, торчащего вверх ногами в фонтане на Саторской площади, далеко за пределами Университета, тот постоянно твердил «у-ук» и глупо улыбался.

Казначей сообщил, что у него на кровати прыгали и резвились обнаженные молодые девушки, но казначей постоянно их видел, особенно если долго не выходил на свежий воздух.

Один декан ничего не сказал.

Его глаза остекленели.

Искры бегали по волосам.

Он думал о том, разрешат ли ему выкрасить спальню в черный цвет.

...Ритм звучал и звучал...

Жизнеизмеритель Диона стоял в центре огромного письменного стола. Смерть Крыс задумчиво расхаживал вокруг и едва слышно попискивал.

Сьюзен тоже смотрела на жизнеизмеритель. Песок в верхней колбе закончился, ни крупинки не осталось, но сейчас ее заполняло нечто другое, загадочная субстанция бледно-синего цвета. Неистово клубясь, как встревоженный дым, она неспешно перетекала в нижнюю колбу.

— Ты когда-нибудь что-нибудь подобное видел? — спросила Сьюзен.

— ПИСК.

— Я тоже.

Сьюзен встала. Сейчас, немножко попривыкнув, она начала понимать, что тени, пляшущие на стенах, вполне материальны и являются составной частью дома. На лужайке перед особняком стоял планетарий. Эти призрачные тени почему-то вызвали воспоминания именно о нем, хотя Сьюзен понятия не имела, какие звезды и какие галактики он показывает. Тени казались ей проекциями предметов, слишком странных даже для этого странного измерения.

Она хотела спасти жизнь пареньку — и ее желание было правильным. В этом она не сомневалась. Только увидев его имя, она сразу поняла... поняла, что это очень важно. Сьюзен унаследовала часть памяти, раньше принадлежавшей Смерти. Она не могла знать этого паренька, но, быть может, ее дед был знаком с ним. Эти имя и лицо засели в ее сознании настолько глубоко, что все остальные мысли теперь кружились вокруг них по орбите.

Но она не успела вмешаться. Что-то опередило ее.

Она поднесла жизнеизмеритель к уху.

И вдруг поняла, что топает ногой в такт какой-то мелодии.

И вдруг поняла, что далекие тени пришли в движение.

Соскочив с ковра на настоящий пол, она бросилась к границам комнаты, к ее стенам.

Тени выглядели так, как выглядела бы математика, если бы вдруг стала материальной. Огромные графики... изображающие неизвестно что. Стрелки, похожие на часовые, но высотой с большое дерево, медленно прорезали воздух.

Смерть Крыс вскарабкался ей на плечо.

— Полагаю, ты понятия не имеешь, что происходит?

— ПИСК.

Сьюзен кивнула. Когда приходит должный срок, крысы умирают. Они не пытаются обмануть Смерть и вернуться из мертвых. Крыс-зомби не существует. Крысы знают, когда приходит время поднять лапки.

Она снова посмотрела на часы. Паренек — как правило, именно так все девочки называют представителей противоположного пола на несколько лет старше их самих — взял аккорд на гитаре (или что там у него было в руках), и история исказилась. Или сдвинулась. Или как-то переменялась. Не только она, но что-то еще не желало его смерти.

Было два часа ночи. Шел дождь.

Констебль Детрит из Ночной Стражи Анк-Морпорка охранял здание Оперы. Этому подходу к выполнению своих должностных обязанностей он научился у сержанта Колона. Если тебя посреди ночи застигает проливной дождь, иди и охраняй что-нибудь большое, с удобными широкими карнизами. Сержант Колон придерживался подобной политики уже долгие годы, и в результате не была украдена ни одна анк-морпоркская достопримечательность^[10].

Событиями ночь была небогата. Примерно час назад с неба упала шестидесятичетырехфутовая органная труба. Детрит, конечно, осмотрел воронку — но можно ли отнести произошедшее к преступной деятельности? Кроме того, лично он всегда считал, что органные трубы появляются на свет именно таким образом.

А последние пять минут из Оперы доносились какой-то глухой грохот и звон. Этот факт Детрит отметил и зафиксировал, но ничего не предпринял. Ему не хотелось выставиться дураком перед товарищами. В театре Детрит ни разу не был, а потому не знал, какие звуки там считаются нормальными в два часа ночи.

Парадная дверь распахнулась, и через порог, скособочась, перелез некий предмет странной формы. Передвигался он довольно странно — несколько шагов вперед, два шага назад — и, кроме того, разговаривал сам с собой.

Детрит опустил взгляд. Он увидел... по меньшей мере семь ног самых разных размеров, и только четыре из них были со ступнями. Он неуклюже подошел к ящику и постучал по боковой стенке.

— Эй, эй! Это что такое? — произнес он, старательно выговаривая слова.

Ящик остановился.

— Мы — пианино, — откликнулся он.

Детрит обдумал услышанное. Он не знал, что такое рояль.

— А пианино умеет ходить? — спросил он.

— Но у него... у нас же есть ноги, — весьма логично ответило пианино.

Детрит вынужден был согласиться с этим доводом.

— Но сейчас середина ночи, — вспомнил он.

— Даже пианино должно когда-нибудь отдыхать, — заявило пианино.

Детрит почесал затылок. Это звучало вполне разумно.

— Ну... тогда хорошо.

Пианино дернулось, спустилось по мраморным ступеням и скрылся за углом.

По дороге оно продолжало разговаривать само с собой.

— Как думаешь, сколько у нас времени?

— Должны успеть добраться до моста. Он недостаточно умен, чтобы быть барабанщиком.

— Но он — стражник.

— Ну и что?

— Утес?

— Да?

— А если нас поймают?

— Он не может помешать нам. Нас послал сам Золто.

— Верно.

Некоторое время пианино молча шлепало по лужам, а потом спросило у себя:

— Бадди?

— Да?

— Почему я это сказал?

— Что именно?

— Ну, что нас послал сам... этот... Золто.

— Э-э... Один гном велел нам пойти и притащить рояль, а его зовут Золто, наверное поэтому ты и...

— Да, конечно. Все верно... но... он мог нам помешать. Ну, послал нас какой-то там гном, что с того?

— Может, ты немного устал?

— Может, — с благодарностью согласилось пианино.

— Как бы там ни было, нас действительно послал сам Золто.

— Ага.

Золто сидел в своей комнатке и не сводил глаз с гитары.

Она перестала играть сразу, как только ушел Бадди, хотя, если наклониться поближе к струнам, можно было расслышать тихий звон.

Он очень осторожно протянул руку и коснулся...

Было бы слишком мягко назвать раздавшийся звук просто неблагозвучным. Это было рычание, и у него были когти.

Золто торопливо отодвинулся. Хорошо, хорошо. Это инструмент Бадди. Инструмент привыкает к человеку, который играет на нем много лет, — но не до такой же степени, чтобы кусать всех, кроме своего хозяина?! Кроме того, Бадди не владел гитарой и дня.

У гномов существовала древняя легенда о знаменитом Роге Фургла, который, почувствовав приближение опасности, сразу начинал гудеть. А еще он абсолютно таким же образом реагировал на брюкву.

Была также анк-морпоркская легенда о каком-то там древнем барабане, хранящемся во дворце патриция или еще где-то, который должен начать бить в себя, если в город по Анку попытается войти неприятельский флот. Правда, за последние пару столетий эта легенда лишилась всей своей прежней популярности — частично потому, что наступил Век Разума, но также потому, что никакой неприятельский флот не смог бы войти в город по Анку, если бы только не пустил перед собой толпу людей с лопатами.

И у троллей была своя подобная легенда — о каких-то камнях, которые в морозные ночи...

Суть в том, что волшебные инструменты — не такое уж редкое явление.

Золто снова протянул руку к гитаре.

Юд-Адуд-адуд-ду.

— Ладно, ладно.

В конце концов, та старая музыкальная лавка находится рядом с Университетом, а утечки магии все же имеют место — что бы там ни говорили волшебники: мол, говорящие крысы и шагающие деревья являются всего лишь статистическими случайностями... Однако то, что видел перед собой Золто, нисколько не походило на волшебство. Это было значительно древнее. Это было похоже на музыку.

Может, все-таки стоит убедить Ди... Бадди вернуть инструмент в лавку и взять себе нормальную гитару?...

С другой стороны, шесть долларов — это шесть долларов. И это ведь только начало.

Кто-то забарабанил в дверь.

— Кто там? — спросил Золто.

Пауза между вопросом и ответом была достаточно продолжительной, чтобы догадаться самому.

— Утес? — подсказал Золто.

— Да. У нас тут пианино.

— Так заносите.

— Пришлось отломать ножки, оторвать крышку и еще пару частей, а так он в порядке.

— Я же сказал, заносите.

— Дверь слишком узкая.

Бадди, поднимавшийся по ступеням следом за троллем, услышал треск дерева.

— Попробуй еще раз.

— Вот так, отлично.

Вокруг двери появилась дыра, напоминавшая по форме рояль. Рядом стоял с топором в руках Золто. Бадди обвел взглядом валявшиеся на лестнице обломки.

— Что ты делаешь? — воскликнул он. — Это же не твоя стена!

— Да? А это — не твое пианино.

— Но нельзя же так запросто прорубать дыры в стенах...

— Что важнее? — в ответ спросил Золто. — Какая-то стена или идеальное звучание?

Бадди задумался. Одна часть его думала: «Как нелепо, это ведь всего лишь музыка». А вторая часть тоже думала, но более резко: «Как нелепо, это ведь всего лишь стена». А весь вместе он сказал:

— Ну, если ты так ставишь вопрос... как там насчет того, кто будет играть на пианино?

— Я же сказал, что знаю, где его найти.

«С ума сойти, я прорубил дыру в собственной стене! — пораженно думала крошечная часть гнома. — А ведь я столько дней приколачивал эти чертовы обои!»

Альберт обнаружился в конюшне. Он что-то делал с лопатой и тачкой.

— Все прошло нормально? — спросил он, увидев на полу тень Сьюзен.

— Э... Да... Кажется.

— Приятно это слышать, — сказал Альберт, не поднимая головы, и с грохотом опустил в тачку очередную лопату.

— Только вот... произошло кое-что, по-моему, не совсем обычное...

— Неприятно это слышать.

Альберт взялся за ручки тачки и покатил ее по направлению к саду.

Сьюзен знала, как нужно поступить. Она должна была извиниться, а потом оказалось бы, что у сварливого Альберта золотое сердце, и они стали бы друзьями, он помог бы и все-все рассказал, и...

И она почувствовала бы себя глупой девчонкой, которая ни с чем не может справиться без чьей-либо помощи.

Нет.

Она вошла в конюшню, где Бинки исследовала содержимое ведра.

В Щеботанском колледже для молодых барышень всячески поощрялись уверенность в собственных силах и логическое мышление. Родители послали ее туда именно по этой причине.

Они сочли, что наиболее разумным будет изолировать ее от неустойчивой стороны мира. Но в сложившихся обстоятельствах это было примерно столь же разумным, как, допустим, ничего не рассказывать человеку о самообороне, чтобы на него никто никогда не напал.

Незримый Университет привык к эксцентричности своей профессуры. Однако обычный человек получает представление о нормальности, постоянно сравнивая себя со своим окружением, а если его окружают сплошь волшебники, то спираль развития может стремиться только вниз. Библиотекарь был орангутаном, и никто этому не удивлялся. Профессор эзотерических наук проводил столько времени за чтением в помещении, которое казначей называл «самой маленькой комнатой в Университете»^[11], что получил от своих коллег прозвище Доцент Сортирной Лингвистики, которое настолько за ним закрепилось, что фигурировало даже в официальных документах. В нормальном обществе казначей считался бы более оторванным, чем почтовая марка под ливневым дождем. Декан посвятил семнадцать лет жизни написанию трактата «Использование Слога „Инк“ в Ливитационных Заклинаниях Раннего Спутанного Периода». Аркканцлер, регулярно использовавший Главный зал для своих упражнений по стрельбе из арбалета и дважды подстреливший казначея, считал всех профессоров совершенно опсихевшими, что бы это ни значило. «Свежего воздуха вам не хватает», — говорил он. «Слишком много сидите в помещении. Мозг гниет», — говорил он. Но чаще всего просто орал: «Ложись!»

Никто из преподавателей, кроме аркканцлера и библиотекаря, рано не вставал. На завтрак они собирались, если собирались вообще, ближе к полудню. Волшебники выстраивались у буфета, поднимали крышки огромных супниц и морщились от каждого резкого звука. Чудакулли любил

обильные, жирные завтраки и особенное предпочтение отдавал полупрозрачным сосискам с мелкими зелеными крапинками, которые, очевидно, были какими-то пряными травами (по крайней мере, все на это очень надеялись). В связи с тем, что правом выбора меню обладал аркканцлер, некоторые наиболее привередливые волшебники вообще перестали ходить на завтрак и вынуждены были довольствоваться только ленчем, обедом, полдником, ужином и случайными легкими закусками.

Тем утром в Главном зале было, как всегда, немногочленно. А еще здесь гуляли сильные сквозняки. После вчерашнего происшествия с органом в крыше образовалась огромная дыра.

Чудакулли отложил вилку.

— Так, кто это делает? — грозно спросил он. — Признавайтесь немедленно!

— Что делает? — уточнил главный философ.

— Топают ногой.

Волшебники переглянулись. Декан с идиотским видом таращился в пространство.

— Декан? — позвал его главный философ. Левая рука декана застыла рядом с головой.

Правая ритмично перебирала что-то в районе почек.

— Не знаю, чем он там занят, — произнес Чудакулли, — но, по-моему, это крайне негигиенично.

— Думаю, он играет на банджо, аркканцлер. На невидимом банджо, — высказал свое мнение профессор современного руносложения.

— Что ж, по крайней мере, никому не мешает, — кивнул Чудакулли. Он поднял взгляд на дыру в крыше, сквозь которую в зал проникал непривычный дневной свет. — Кстати, никто библиотекаря не видел?

Орангутан был занят.

Он спрятался в одном из подвалов библиотеки, который обычно использовал в качестве мастерской для ремонта книг. Здесь стояли несколько прессов и гильотин, а также верстак, заваленный разными баночками с всякими мерзкими веществами, из которых он варил переплетный клей. На стенных полках хранились косметические средства музы литературы, недоступные пониманию обычных людей.

С собой библиотекарь захватил книгу. На ее поиски ушло несколько часов.

В библиотеке хранились не только волшебные книги, прикованные цепями к полкам и чрезвычайно опасные. Здесь также содержались совершенно обычные книги, напечатанные на простой бумаге мирскими

красками. Впрочем, было бы ошибочным считать их совершенно безопасными только потому, что при их чтении в небе не вспыхивают фейерверки. Чтение таких книг иногда приводит к куда более опасным последствиям — фейерверки вспыхивают в мозгу у читателя.

Например, огромный том, лежавший сейчас перед библиотекарем, содержал избранные рисунки Леонарда Щеботанского — талантливого художника и сертифицированного гения, мысли которого улетали в самые дальние края, откуда неизменно возвращались с диковинными сувенирами. В книгах Леонарда было много набросков: котят, водостоков, а также жен влиятельных анк-морпоркских торговцев, написание портретов которых давало художнику средства к существованию. Но Леонард был гением, причем крайне чувствительным к всякого рода чудесам света; поля его книг неизменно содержали массу на первый взгляд бессмысленных зарисовок того, чем в тот момент были заняты мысли ученого: огромных машин с водяным приводом для обрушения городских стен на головы врага, осадных орудий нового типа для поливания неприятеля горящим маслом, пороховых ракет для осыпания опять же неприятеля горящим фосфором и прочих изобретений Века Разума.

И было на этих полях еще кое-что. Библиотекарь заметил рисунок, когда в прошлый раз пролистывал книгу. Странно, подумал он тогда, как тут очутилось *это* ^[12]?

Его волосатые пальцы быстро переворачивали страницы. А... Вот...

Да, о ДА.

...И оно заговорило с ним на языке Ритма...

Аркканцлер удобно расположился за своим любимым бильярдным столом.

От казенного письменного стола он давным-давно избавился. Бильярдный стол гораздо удобнее. С него ничего не падает, в лузах можно хранить кучу всяких безделушек, а когда Чудакулли становилось скучно, он сметал со стола все бумаги, чтобы заложить пару эффектных карамблей ^[13]. Возвращением бумаг обратно на стол он себя не утруждал. Из богатого личного опыта аркканцлер знал: действительно важные вещи никогда не записываются, потому что о самом важном люди всегда помнят и не отстанут от тебя, пока не добьются своего.

Он взял ручку и задумчиво сунул ее в рот.

Наверн Чудакулли работал над мемуарами. Пока что он придумал только название: «Вдоль По Анку С Орбалетом, Удачкой И Посахом С

Нехилым Набалдашником».

«Нимногие знают, — написал он, — что река Анк засилена агромным количеством рыбных арганизмов...»^[14]

Он отбросил ручку и помчался по коридору в кабинет декана.

— Это *что* такое? — взревел он.

Декан аж подскочил.

— Это... это... это — гитара, аркканцлер, — пробормотал декан, поспешно отступая под натиском аркканцлера. — Я только что ее купил.

— Это я *вижу*. И *слышу*. Но что ты тут пытаешься *изобразить*?

— Я... э-э... пытался сыграть... э... соло. — Декан помахал перед лицом Чудакулли плохо отпечатанными нотами.

Аркканцлер выхватил книгу у него из рук.

— «Самомучитель для Начинающих Гитарников Блерта Фендера», — прочел он вслух. — «Дабей Успех в Игре за 3 Легких Урока и 18 Тяжелых». Гм, ничего не имею против гитар: аромат цветов в воздухе, подглядывание за молодыми девами майским утром и все такое прочее, но это была не *игра*. Это был *шум*. А что должно *было* получиться, смею спросить?

— Отрывок в пентатонном диапазоне ми с использованием мажорной септимы в качестве проходного тона.

Аркканцлер уставился на открытую страницу.

— Но здесь говорится: «Урок Один: Эта Струны».

— Гм, гм, гм, понимаешь, я чуточку забежал вперед, — застенчиво ответил декан.

— Ты никогда не отличался пристрастием к музыке, декан, — сказал Чудакулли. — И это было одной из твоих положительных черт. Откуда такой внезапный интерес... кстати, а *что это* у тебя на ногах?

Декан опустил взгляд.

— Мне *показалось*, что ты стал выше, — с подозрением произнес Чудакулли. — Ты что, стоишь на паре досок?

— Это просто... толстые подошвы, — пробормотал декан. — Гномы... они придумали, по-моему... не знаю... нашел в шкафу... Садовник Модо говорит, настоящая манная каша.

— По мне, так он прав.

— Это такой эластичный материал для подошвы, — уныло протянул декан.

— Э... прошу прощения, аркканцлер...

В дверях стоял казначей. Из-за него выглядывал грузный краснолицый мужчина.

— В чем дело, казначей?

— Гм... этот господин, у него...

— Я насчет вашей обезьяны, — перебил его мужчина.

Чудакулли мгновенно повеселел.

— Да?

— Очевидно... э-э... библиотекарь сты... снял колеса с телеги этого господина, — продолжал казначей, который как раз сейчас переживал очередную жесточайшую депрессию.

— Ты уверен, что это был библиотекарь? — спросил аркканцлер.

— Толстый, рыжая шерсть, говорит «у-ук».

— Он. Ну надо же. Интересно, на что ему сдались эти колеса? Но, знаешь, есть такая поговорка... пятисотфунтовая горилла спит где захочет.

— А трехсотфунтовая обезьяна может вернуть мне мои колеса? — стоял на своем возница. — Предупреждаю, если я не получу назад свои колеса, у вас будут большие неприятности.

— Неприятности? — уточнил Чудакулли.

— Да, и не думайте, что вам удастся меня напугать. Я не боюсь волшебников. Все знают правила, вы не имеете права использовать магию против гражданских лиц. — Мужчина наклонился к Чудакулли и поднял кулак.

Чудакулли щелкнул пальцами. Налетел порыв ветра, потом кто-то квакнул.

— Я всегда считал это скорее указанием, — мягко сказал он. — Казначей, отнеси эту лягушку на клумбу, а когда он снова станет самим собой, дай десять долларов. Десяти долларов хватит?

— Квак! — поспешила согласиться лягушка.

— Отлично. А теперь кто-нибудь объяснит мне наконец, что происходит?

Где-то внизу раздался грохот.

— Почему мне кажется, что это не тот ответ, которого я ждал? — спросил Чудакулли у мира в целом.

Слуги накрывали столы для ленча. Обычно это занимало много времени. В связи с тем что волшебники относились к принятию пищи крайне серьезно и оставляли после себя жуткий беспорядок, столы постоянно либо накрывали, либо убирали, либо занимали. Только на раскладку приборов уходила уйма времени. Каждому волшебнику требовалось девять ножей, тринадцать вилок, двенадцать ложек и одна трамбовка, не считая бокалов для вина.

Волшебники часто прибывали в зал гораздо раньше времени, назначенного для очередного приема пищи. На самом деле зачастую они

даже не уходили. Вот и на этот раз за столом сидел волшебник.

— По-моему, это современный руноплет, — поднял брови Чудакулли.

Профессор держал в каждой руке по ножу. Перед ним стояли солонка, перечница, горчица и подставка для печенья. Рядом лежали две массивные крышки от супниц. Он отчаянно молотил по ним ножами.

— Чего он тут развлекается? — с недоумением осведомился Чудакулли. — Кстати, декан, кончай притоптывать.

— Клевый ритм, — откликнулся декан.

— Я тебя сейчас так клюну... — зловеще пообещал Чудакулли.

Профессор современного руносложения сосредоточенно хмурился. На деревянной столешнице со звоном подпрыгивали вилки. Ложка, взлетев от скользящего удара в воздух, закрутилась и воткнулась казначею в ухо.

— Что он себе позволяет?

— Ай!

Волшебники столпились вокруг профессора современного руносложения. Тот не обращал на них ни малейшего внимания. По его бороде ручьем тек пот.

— Он только что разбил графин.

— Боль все не проходит.

— Некисло зажигает! — воскликнул декан.

— Как бы водой заливать не пришлось, — откликнулся главный философ.

Чудакулли выпрямился и поднял руку.

— Так, может, кто-нибудь по поводу перца сострит? Или соуса? Напоминаю, есть еще соль. Давайте, давайте, не стесняйтесь. Мне просто интересно, есть ли разница между профессорами нашего Университета и толпой идиотов?

— Ха-ха-ха, — нервно засмеялся казначей, потирая ухо.

— Это был не риторический вопрос.

Чудакулли выхватил ножи из рук профессора современного руносложения. Некоторое время тот молотил по воздуху пустыми руками, а потом словно проснулся.

— О, привет, аркканцлер. Есть проблемы?

— Ты что сейчас делал?

Профессор посмотрел на стол.

— Он синкопировал, — подсказал декан.

— Я? Никогда!

Чудакулли нахмурился. Он был толстокожим добродушным человеком с тактичностью кувалды и примерно таким же чувством юмора, но тупым

он не был. Он знал, что волшебники сродни флюгерам или, скажем, канарейкам, которых шахтеры используют для того, чтобы обнаружить скопление газа. Волшебники по своей природе очень чувствительны ко всякого рода сверхъестественности. Если должно было случиться нечто странное, оно первым делом случалось с волшебниками. И они мужественно встречали опасность лицом к лицу. Или, подобрав мантии, делали ноги.

— Почему все вдруг стали такими музыкальными? — осведомился Чудакулли. — В самом плохом смысле этого слова, конечно.

Он обвел взглядом собравшихся волшебников, после чего опустил глаза.

— И я вижу, манная каша пользуется популярностью в нашем Университете!

Волшебники несколько удивленно посмотрели на свои ноги.

— Ничего себе, то-то мне показалось, что я стал выше! — воскликнул главный философ. — Хотя, вообще-то, я на диете.

— Для волшебника надлежащей обувью являются остроконечные туфли или добротные прочные башмаки, — нравоучительно поднял палец Чудакулли. — А если у вас на ногах что-то странное, значит, вы во что-то вляпались.

— Это манная каша, — попытался возразить декан, — она такая мягкая, идешь, как пружинишь...

Чудакулли тяжело задыхался.

— *Когда ваша обувь сама собой меняется...* — прорычал он.

— Это значит, что в нашу жизнь пришло волшебство? — закончил главный философ.

— Ха-ха, очень смешно, главный философ! — одобрил декан.

— Не знаю точно, что происходит, — произнес Чудакулли низким спокойным голосом, — но если вы все немедленно не заткнетесь, вас ждут большие неприятности.

Он пошарил в карманах, после нескольких неудачных попыток вытащил карманный чудометр и воздел его высоко над головой. В Университете всегда имел место довольно высокий фоновый уровень магии, но сейчас стрелка замерла на отметке «все в порядке». А потом вдруг закачалась, как метроном.

Чудакулли поднял чудометр еще выше, чтобы его видели все.

— Что это такое? — спросил он.

— Такт четыре четверти? — неуверенно предположил декан.

— Музыка — это вам не волшебство! — воскликнул Чудакулли. — Не

сходите с ума! Музыка — это бренчание, стучание и...

Он вдруг замолчал.

— Никто не хочет мне ничего рассказать? — подозрительно осведомился он.

Волшебники нервно переминались с ноги на ногу в своих замшевых ботинках.

— Ну, — наконец осмелился главный философ, — на самом деле вчера вечером... я, то есть мы... проходили мимо «Залатанного Барабана» и...

— Мы просто гуляли, — перебил его профессор современного руносложения. — А честным гулякам позволяется заглядывать в лицензированные заведения, торгующие спиртными напитками. В любой час дня или ночи. Есть даже такой закон.

— И откуда же вы гуляли? — спросил Чудакулли.

— Из «Виноградной Горсти».

— Но это же буквально за углом.

— Да, но мы... немного притомились, вот и...

— Хорошо, хорошо, — произнес Чудакулли голосом человека, который знает, что если осторожно потянуть за нить дальше, то можно размотать весь клубок. — Библиотекарь тоже был с вами?

— О да.

— Продолжай.

— Ну, и там была эта музыка...

— Такая бренчащая, — вставил главный философ.

— А какой ритм... — вспомнил декан.

— Она была...

— ...Такая...

— ...В некотором роде...

— ...Ну, такая, что проникает под кожу и пускает там пузырьки, — закончил декан. — Кстати, ни у кого нет черной краски? Я просто обыскался.

— Под кожу, — пробормотал Чудакулли и почесал подбородок. — Ничего себе. Понятненько... Стало быть, это опять просочилось, да? Влияние Извне и все такое прочее... А вы помните, что случилось, когда господин Хонг открыл на месте старого храма на Дагонской улице рыбный ресторан? А эти движущиеся картинки — что, забыли? Я, кстати, с самого начала выступал против *них*. А проволочные штучки на колесах? М-да, в этой вселенной больше дырок, чем в щевотанском сыре. Итак...

— В ланкрском сыре, — подсказал главный философ. — Это в нем дырки. А в щевотанском — только синие прожилки.

Чудакулли многозначительно посмотрел на него.

— Не знаю, лично я ничего угрожающего не заметил... — сказал декан и вздохнул.

Ему было семьдесят два, а музыка заставила его снова почувствовать себя семнадцатилетним. Декан не помнил то время, когда ему было семнадцать, наверное тогда он был очень занят. Но музыка заставила его почувствовать себя так, как, по его мнению, должен чувствовать себя семнадцатилетний, — то есть будто бы он надел себе под кожу раскаленную докрасна майку. Вот бы услышать ее еще разок...

— Кажется, сегодня они снова будут выступать, — с надеждой произнес он. — Мы могли бы пойти послушать. Чтобы узнать побольше на тот случай, если эта музыка действительно представляет угрозу нашему обществу, — добавил он поспешно.

— Ты абсолютно прав, декан, — согласился профессор современного руносложения. — Это наш гражданский долг. Мы — первая линия сверхъестественной обороны города. А что, если из воздуха вдруг полезут всякие отвратительные Твари?

— Да, и что тогда? — поинтересовался заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— Ну, мы, по крайней мере, будем на месте.

— Да? И это здорово, правда ведь?

Чудакулли свирепым взглядом обвел своих подчиненных. Двое из них непроизвольно притоптывали. Некоторые дергались, правда едва заметно. Казначей, к примеру, постоянно дергался, но он по природе своей был задерганным человеком.

«Канарейки... — подумал Чудакулли. — Или громоотводы...»

— Ладно, — неохотно согласился он. — Мы пойдем. Но постараемся не привлекать к себе внимание.

— Конечно, аркканцлер.

— И выпивку каждый покупает себе сам.

— О.

Капрал (как ему наконец удалось выяснить) Хлопок бодро отдал честь отвечающему за оборону форта сержанту, который в данный момент пытался бриться.

— Проблемы с новым рекрутом, сэр, — доложил он. — Не подчиняется приказам.

Сержант кивнул, после чего тупо уставился на зажатый в руке предмет.

— Это бритва, сэр, — пришел на помощь капрал и продолжил: — Постоянно несет какую-то чушь. «ПОКА НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ» и так далее.

— А ты не пробовал зарыть его по шею в песок? Обычно помогает.

— Это немного... гм... как это... ну, это еще очень неприятно... буквально минуту назад помнил... — Капрал раздраженно защелкал пальцами. — Как это... Жестоко, вот как. Мы людей... в яму... не сажаем.

— Это все на благо.... — Сержант бросил взгляд на ладонь, на которой было написано несколько слов. — Иностранного легиона.

— Так точно, сэр. Слушаюсь, сэр. Но он какой-то странный. Все время сидит, никуда не ходит. Мы его прозвали Костлявым Биллом, сэр.

Сержант озадаченно таращился на отражение в зеркале.

— Это ваше лицо, сэр, — подсказал капрал.

Сьюзен критически рассматривала себя.

Сьюзен... Не слишком удачное имя. Конечно, не совсем плохое, как, скажем, у той бедняжки из четвертого класса, которую зовут Йод. Или взять эту, как ее, Найджеллу — такие имена, как правило, означают «Ой, а мы хотели мальчика». Нет, имя Сьюзен просто очень скучное. Сьюзен. Сью. Старая добрая Сью. Человек с таким именем умеет делать бутерброды, постоянно попадает впросак и без ума от соседских детишек.

Но разве королеву или, допустим, богиню так назовут?

И ведь не сократишь никак. Можно, конечно, переименоваться в Сюзи, и все будут считать, что ты зарабатываешь на жизнь танцами на столе. А можно кое-что изменить, кое-что добавить, и получится Сюзанна, этакое имя с удлинителем. Ничем не лучше Сары, в которое так и напрашивается второе «р».

Хоть внешность не настолько подвела. Тут кое-какие усилия приложить можно.

Одеяния Смерти. Может, они и *традиционные*, но... сама Сьюзен таковой себя не считала. Впрочем, каковы альтернативы? Старое школьное платье или одно из розовых творений матери? Мешковатая школьная форма обладала достоинством (и в то же время успешно прятала все достоинства своей хозяйки), а также, по мнению госпожи Ноно, надежно защищала от искушений плоти, но... для Запредельной Реальности как-то чересчур серо.

С другой стороны, все розовое — тоже не выход.

Впервые в истории вселенной Смерть думала, что бы ей надеть.

— Погоди-ка, — сказала Сьюзен своему отражению. — Я... я ведь могу создавать все, что захочу, верно?

Она протянула руку и подумала: «Чашка». Появилась чашка с узором из черепов и скрещенных костей, вьющимся вдоль ободка.

— Ага, — кивнула Сьюзен. — С розами у нас напряженка. Не соответствуют обстановке, да?

Она поставила чашку на туалетный столик и постучала по ней пальцем. Чашка вполне материально зазвенела.

— Ну, ладно, — продолжала она. — Только обойдемся без сентиментальности и вычурности. Никаких черных кружев, которые носят всякие идиоты, пишущие стихи в темных комнатах и одевающиеся как вампиры, хотя на самом деле по жизни они ярые вегетарианцы.

Фасоны платьев один за другим возникали в ее воображении. Она понимала, что черный цвет является единственно возможным, но решила остановиться на чем-нибудь практичном, без оборок и рюшей. Склонив голову, Сьюзен критически осмотрела себя.

— А может, немножко кружев совсем не помешает?... — задумчиво промолвила она. — И... более облегающий корсаж. Да.

Она довольно кивнула своему отражению. Обычная Сьюзен такое платье никогда бы не надела, но, видимо, это выходила наружу базовая связанность, которая долгое время пряталась где-то внутри ее.

— Очень рада, что ты есть, — сказала Сьюзен. — Иначе я бы сошла с ума. Ха-ха.

А потом она отправилась навестить деду... Смерть.

Было только одно место, где он мог находиться.

Золто тихонько, стараясь не шуметь, проник в библиотеку Незримого Университета. Гномы с уважением относятся к высшему образованию — просто им не приходилось испытывать его на своей шкуре.

Он уважительно подергал за мантию проходившего мимо студента.

— Я правильно попал? Здесь ведь всем заведует обезьяна? — спросил он. — Огромная такая, толстая лохматая обезьяна с ладонями на две октавы?

Волшебник, вернее, аспирант с бледным, одутловатым лицом, смерил Золто надменным взглядом, характерным для подобного типа людей.

Обучение в Незримом Университете особым весельем не отличалось. О веселье приходилось заботиться самому, поэтому студенты радовались любому удобному случаю. Лицо начинающего волшебника расплылось в широкой невинной улыбке.

— О да, конечно, — кивнул он. — Полагаю, в данный момент обезьяна находится в своей мастерской в подвале. Но ты должен быть крайне

осторожен, когда будешь обращаться к ней.

— Правда?

— Да, да! Не забудь спросить: «Эй, господин Обезьяна, банан хочешь?» — подсказал студент и подозвал пару своих коллег. — Я ведь верно говорю? Обращайся к ней именно так: «господин Обезьяна».

— О да, — подтвердил второй студент. — И чтобы она не разозлилась, на всякий случай почеши у себя под мышками. Это ее успокаивает.

— И не забудьте поуукать, — добавил третий студент. — Ей это нравится.

— Большое спасибо, — поблагодарил Золто. — А как мне ее найти?

— Мы тебе покажем, — вызвался первый студент.

— О, вы очень добры.

— Не стоит благодарности. Всегда рады помочь.

Волшебники проводили Золто к лестнице, уходящей в тоннель. Свет просачивался сквозь редкие зеленые стекла, вставленные в пол верхнего этажа. Иногда Золто слышал приглушенные смешки за своей спиной.

Библиотекарь сидел на полу в длинной комнате с высокими потолками. Перед ним были разбросаны совершенно непонятные и, казалось бы, несовместимые предметы: колесо от телеги, обломки деревяшек, кости, трубки, стержни, куски проволоки. Судя по всему, многие горожане сейчас с удивлением рассматривали свои разломанные насосы и огромные дыры в заборах, гадая, что за странный ураган пронесся по Анк-Морпорку. Библиотекарь задумчиво жевал конец трубы и разглядывал всю эту кучу хлама.

— Вот он, — указал один из студентов и подтолкнул Золто в спину.

Машинально сделав несколько шагов вперед, гном услышал за спиной взрыв хохота. Он постучал библиотекаря по плечу.

— Прошу прощения...

— У-ук?

— Эти ребята только что назвали тебя обезьяной, — сказал Золто, ткнув пальцев в сторону двери. — На твоём месте, я заставил бы их извиниться.

Раздался какой-то металлический скрип, за которым последовали торопливые шаги улепетывающих волшебников.

Библиотекарь согнул трубу без видимых усилий.

Золто подошел к двери и выглянул в тоннель. На каменном полу лежала основательно потоптанная остроконечная шляпа.

— А было весело, — ухмыльнулся он. — Если бы я просто спросил, как найти библиотекаря, они ответили бы: «Отвали, мерзкий гном». К

таким людям нужно знать подход.

Он вернулся и присел рядом с библиотекарем. Примат изогнул трубу еще раз, но уже в другой плоскости.

— Что ты делаешь? — спросил Золто.

— У-у-ук, у-у-ук, У-УК!

— Мой кузен Модо работает здесь садовником, — сообщил Золто. — Он сказал, ты классно играешь на клавишных. — Гном посмотрел на сжимающие трубу ладони. Они были огромными. А еще их было целых четыре штуки. — И, кажется, он не ошибся.

Орангутан взял кусок бревна и попробовал его на вкус.

— Мы подумали, что ты не откажешься побренчать на рояле вместе с нами в «Барабане» сегодня вечером, — продолжал Золто. — Со мной, Утесом и Бадди.

Библиотекарь покосился на него карим глазом, потом взял кусок доски и стал играть на ней как на гитаре.

— У-ук?

— Именно так, — подтвердил Золто. — Тот самый парень с гитарой.

— И-ик.

Библиотекарь сделал сальто назад.

— У-у-к, у-ук, у-ука, у-ука, У-У-Ук-а У-УК!

— Вижу, ты уже вошел в ритм, — одобрил Золто.

Сьюзен оседлала лошадь и отправилась в путь.

За садом Смерти начинались пшеничные поля, их золотой блеск был единственным цветовым пятном на пейзаже. Смерти не очень удалась трава (черная) и яблони (черные, с блестящими черными яблоками), но всю глубину цвета, не выраженную где-либо еще, он выразил в полях. Они переливались волнами, как будто качаясь на ветру, вот только ветра не было.

Сьюзен никак не могла взять в толк, чем ему так приглянулись поля.

А еще была тропинка. Она шла по полям примерно с полмили, а потом внезапно исчезала. Словно кто-то доходил только до этого места, там останавливался и смотрел.

Добравшись до конца тропинки, Бинки остановилась, после чего осторожно развернулась, стараясь не потревожить ни единого колоска.

— Не знаю, как это делается, — прошептала Сьюзен, — но ты должна это уметь. И ты *знаешь*, куда я хочу попасть.

Ей показалось, что лошадь кивнула. Альберт говорил, что Бинки — обыкновенная лошадь из плоти и крови, но, наверное, нельзя в течение

нескольких сотен лет возить на своей спине Смерть и ничему не научиться. Во всяком случае, морда у Бинки была очень умная.

Бинки двинулась рысью, перешла на галоп. Потом небо вспыхнуло и погасло, всего один раз.

Сьюзен, честно говоря, ожидала большего. Сверкающих звезд, взрыва всех цветов радуги... но только не этой жалкой вспышки. Это путешествие на семнадцать лет назад не слишком-то ее впечатлило.

Пшеничные поля исчезли. Сад остался примерно таким же. Появились странно подстриженные кусты и пруд, в котором плавали рыбы скелетики. Повсюду толкали тачки и размахивали крошечными косами существа, которые в обычном мире вполне сошли бы за гномов-садовников, а тут это были веселые скелеты в черных мантиях. Вообще, мало что изменилось.

Конюшни, впрочем, немного отличались. Прежде всего тем, что там уже стояла одна Бинки.

Она тихо заржала, когда Сьюзен ввела ее в свободное стойло рядом с ней самой.

— Уверена, вы поладите, поскольку хорошо знаете друг дружку, — сказала она.

Интересно, получится ли то, что она задумала? Должно получиться, просто обязано. Время — это то, что происходит с другими людьми.

Она проскользнула в дом.

— НЕТ. МНЕ НЕЛЬЗЯ ПРИКАЗАТЬ, МЕНЯ НЕЛЬЗЯ ЗАСТАВИТЬ. Я БУДУ ДЕЛАТЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО СЧИТАЮ ПРАВИЛЬНЫМ.

Сьюзен прокралась вдоль полок с жизнеизмерителями. Никто ее не заметил. Если вам выпала возможность увидеть такую схватку, вряд ли вы обратите внимание на неясную тень, перемещающуюся на заднем плане.

Ей об этом не рассказывали. Родители посчитали это ненужным. Твой отец мог быть учеником Смерти, а мать — его приемной дочерью, но, став Родителями, они сразу забывают столь малозначительные подробности. Не бывает молодых Родителей. Сначала люди просто существуют, а потом бац — и становятся Родителями.

Она приблизилась к концу полок.

Смерть навис над ее отцом... вернее, поправила она себя, юношей, который *станет* ее отцом.

На его щеке ярко горели три следа от удара Смерти. Сьюзен поднесла ладонь к бледным пятнам на своей щеке.

Но это не может передаваться по наследству.

По крайней мере... у нормальных людей...

Ее мать — девушка, которая *станет* ее матерью, — прижалась спиной

к колонне. «А с годами она похорошела, — подумала Сьюзен. — По крайней мере, ее вкус изменился в лучшую сторону». Она мысленно одернула себя. Рассматривать одежду? *В такой момент?*

Смерть стоял над Мором с мечом в одной руке и жизнеизмерителем Мора в другой.

— ТЫ ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЕШЬ, КАК МНЕ ЖАЛЬ, ЧТО ПРИХОДИТСЯ ЭТО ДЕЛАТЬ, — сказал Смерть.

— Может, и имею, — ответил Мор.

Смерть поднял взгляд и посмотрел прямо на Сьюзен. Его глазницы на мгновение полыхнули синим светом. Сьюзен попыталась вжаться в тень.

Он перевел взгляд на Мора, потом на Изабель, опять посмотрел на Сьюзен, потом снова на Мора. И засмеялся.

И перевернул песочные часы.

И щелкнул пальцами.

С легким хлопком сжавшегося воздуха Мор исчез. За ним исчезли Изабель и все остальные.

И воцарилась тишина.

Смерть очень осторожно поставил песочные часы на стол и некоторое время смотрел в потолок.

— АЛЬБЕРТ? — наконец окликнул он. Из-за колонны появился Альберт.

— БУДЬ ЛЮБЕЗЕН, ПРИНЕСИ МНЕ ЧАШКУ ЧАЯ.

— Да, хозяин. Хе-хе, неплохо ты с ним разобрался...

— СПАСИБО.

Альберт поспешно умчался в направлении кухни.

— ДУМАЮ, ТЕБЕ МОЖНО ВЫХОДИТЬ.

Сьюзен подчинилась.

Смерть был семи футов ростом, а выглядел и того выше. Сьюзен смутно помнила, как кто-то носил ее на плечах по темным комнатам, но в ее воспоминаниях это был человек, худой, костлявый, но человек. Интересно, с чего она это взяла?

То, что стояло сейчас перед ней, совсем не походило на человека. Смерть был высоким, величественным и ужасным. «Он может всячески противиться правилам, — подумала Сьюзен, — но это не сделает его человеком. Он — хранитель врат мира. Бессмертный по определению. Конец всего сущего.

Мой дед.

Или будет таковым. Есть. Был».

Яблоня... Почему-то Сьюзен постоянно вспоминала об одной яблоне в

саду. Смотрела на эту фигуру, а думала о яблоне. Хотя эти образы казались абсолютно несовместимыми.

— ТАК-ТАК-ТАК. ЗНАЕШЬ, А В ТЕБЕ МНОГО ОТ МАТЕРИ, — сказал Смерть. — И ОТ ОТЦА.

— Откуда ты знаешь, кто я такая?

— У МЕНЯ УНИКАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ.

— Ты меня помнишь? Но меня ведь даже еще не зачали...

— Я ЖЕ СКАЗАЛ: УНИКАЛЬНАЯ. ТЕБЯ ЗОВУТ...

— Сьюзен, но...

— СЬЮЗЕН? — переспросил он. — ОНИ СДЕЛАЛИ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ, ПРАВДА?

Он опустил в свое кресло, скрестил пальцы и посмотрел поверх них на Сьюзен.

Она в ответ тоже посмотрела ему прямо в глазницы.

— СКАЖИ МНЕ, — чуть погодя промолвил Смерть, — Я БЫЛ... БУДУ... Я ХОРОШИЙ ДЕД?

Сьюзен задумчиво прикусила губу.

— Но разве, ответив, я не создам парадокс?

— ТОЛЬКО НЕ В НАШЕМ С ТОБОЙ СЛУЧАЕ.

— Ну... у тебя костлявые колени.

Смерть молча смотрел на нее.

— КОСТЛЯВЫЕ КОЛЕНИ?

— Извини.

— ТЫ ПРИШЛА, ЧТОБЫ СКАЗАТЬ МНЕ ОБ ЭТОМ?

— Тебя не хватает... там. Я выполняю твои обязанности. Альберт очень волнуется. А сюда я пришла, чтобы все выяснить. Я не знала, что мой отец... работал на тебя.

— РАБОТАЛ. ПРАВДА НЕ СЛИШКОМ УСПЕШНО.

— Что ты с ним сделал?

— ПОКА ЧТО ИМ НИЧЕГО НЕ УГРОЖАЕТ. И Я РАД, ЧТО ВСЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ. НАЛИЧИЕ РЯДОМ ЛЮДЕЙ НАЧАЛО ОКАЗЫВАТЬ ВЛИЯНИЕ НА МОИ ОЦЕНКИ. ДА, АЛЬБЕРТ...

На краю ковра появился Альберт с чайным подносом в руках.

— ЕЩЕ ОДНУ ЧАШКУ, БУДЬ ДОБР.

Альберт огляделся по сторонам, но Сьюзен не заметил. Если вы способны остаться невидимыми для госпожи Ноно, то с любым другим человеком легко справитесь.

— Как прикажешь, хозяин.

— ИТАК, — сказал Смерть, когда смолкли шаркающие шаги

Альберта, — МЕНЯ ПОТЕРЯЛИ. И ТЫ УНАСЛЕДОВАЛА СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС. ТЫ?

— Я этого совсем не хотела! Меня нашли лошадь и крыса!

— КРЫСА?

— Э... По-моему, это еще *случится*.

— АХ ДА, ПОМНЮ. НО МОЮ РАБОТУ ВЫПОЛНЯЕТ ЧЕЛОВЕК? КОНЕЧНО, С ТЕХНИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭТО ВОЗМОЖНО... И ВСЕ ЖЕ — ПОЧЕМУ?

— Думаю, Альберт что-то знает, но он уходит от ответа.

Снова появился Альберт с чашкой на блюдце в руке. С видом человека, которого разыгрывают и который это понял, он подчеркнуто громко подставил ее на стол перед Смертью.

— Больше ничего не нужно, хозяин?

— СПАСИБО, АЛЬБЕРТ. БОЛЬШЕ НИЧЕГО.

Альберт снова удалился, но медленнее, чем обычно, и постоянно оглядываясь.

— Он совсем не изменился, да? — заметила Сьюзен. — Ну разумеется, в этом и заключается тайна твоего дома...

— А КАК ТЫ ОТНОСИШЬСЯ К КОШКАМ?

— Что-что?

— К КОШКАМ. ОНИ ТЕБЕ НРАВЯТСЯ?

— Они... довольно милые, — осторожно ответила Сьюзен. — Но кошка — это всего лишь кошка.

— ШОКОЛАД, — перебил ее Смерть. — ТЫ ЛЮБИШЬ ШОКОЛАД?

— Иногда с ним можно переборщить.

— В ЭТОМ ТЫ НА ИЗАБЕЛЬ СОВСЕМ НЕ ПОХОЖА.

Сьюзен кивнула. Любимым тортом матери был «Шоколадный геноцид».

— А ТВОЯ ПАМЯТЬ? У ТЕБЯ ХОРОШАЯ ПАМЯТЬ?

— Да... я многое помню. Как быть Смертью. Как все должно работать. Послушай, ты сказал, что *помнишь* о крысе, но это же еще не произош...

Смерть встал и подошел к модели Плоского мира.

— МОРФИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС, — промолвил он, не глядя на Сьюзен, — ПРОКЛЯТЬЕ. ЛЮДИ ЭТОГО ТАК И НЕ ОСОЗНАЛИ. ГАРМОНИКИ ДУШИ. ОТ НИХ ЗАВИСИТ МНОГОЕ.

Сьюзен достала жизнеизмеритель Диона. Голубой дым продолжал струиться из верхней колбы в нижнюю.

— А ты не мог бы объяснить мне вот это?

Смерть резко развернулся.

— Я НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ УДОЧЕРЯТЬ ТВОЮ МАТЬ.

— Но ты ее все-таки удочерил.

Смерть пожал плечами.

— ЧТО ЭТО У ТЕБЯ?

Он взял жизнеизмеритель Диона-Бадди и поднес к глазам.

— А. ИНТЕРЕСНО.

— Да, дедушка, но что это значит?

— НИ С ЧЕМ ПОДОБНЫМ МНЕ ВСТРЕЧАТЬСЯ НЕ ПРИХОДИЛОСЬ, НО, ДУМАЮ, ТАКОЕ ВОЗМОЖНО. В ОПРЕДЕЛЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ... ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО... В ЕГО ДУШЕ ЖИВЕТ НЕКИЙ РИТМ... ДЕДУШКА?

— Ритм? А я думала, это всего лишь такой оборот, иносказание, что ли. Кстати, что плохого в дедушке?

— С ДЕДОМ Я БЫ ЕЩЕ СМИРИЛСЯ. НО ДЕДУШКА... А ЧТО ДАЛЬШЕ? ДЕДУСЯ? НО, ВОЗВРАЩАЯСЬ К ЭТОМУ ЖИЗНЕИЗМЕРИТЕЛЮ, Я ПОЛАГАЛ, ТЫ ВЕРИШЬ В ЛОГИКУ. ИНОСКАЗАНИЕ ТОЖЕ МОЖЕТ СООТВЕТСТВОВАТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Смерть помахал жизнеизмерителем.

— НАПРИМЕР, ЧАСТО ГОВОРЯТ: ТЕМНО ХОТЬ ГЛАЗ КОЛИ. ВИДЕЛ Я ТАКУЮ ТЕМНОТУ. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НИЧЕГО НЕ ВИДИШЬ. НО ЧЕГО Я НЕ МОГУ ВЗЯТЬ В ТОЛК — ЗАЧЕМ ГЛАЗА-ТО ВЫКАЛЫВАТЬ?...

Смерть вдруг замолчал.

— *СНОВА Я ЗА СВОЕ!* — воскликнул он. — КАКОЕ МНЕ ДЕЛО ДО ТОГО, ЧТО ЗНАЧИТ КАКАЯ-ТО ФРАЗА? ИЛИ КАК ТЫ МЕНЯ НАЗЫВАЕШЬ? ОБЩЕНИЕ С ЛЮДЬМИ ЗАТУМАНИВАЕТ МЫШЛЕНИЕ, ПОВЕРЬ МНЕ. НИКОГДА НЕ УВЛЕКАЙСЯ ЭТИМ.

— Но я — человек.

— А НИКТО И НЕ ГОВОРИЛ, ЧТО БУДЕТ ЛЕГКО. ПРОСТО НЕ ДУМАЙ. *НЕ ЧУВСТВУЙ.*

— Ну, тебе лучше знать, — резко ответила Сьюзен.

— ВОЗМОЖНО, В НЕДАВНЕМ ПРОШЛОМ Я ПОЗВОЛИЛ СЕБЕ ИСПЫТАТЬ НЕКИЕ ЧУВСТВА, — продолжал Смерть. — НО Я МОГУ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ НИХ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ.

Он снова поднес к глазам жизнеизмеритель.

— ЗАБАВНО... Я ЗАМЕЧАЛ, ЧТО МУЗЫКА, ЯВЛЯЯСЬ ПО СВОЕЙ ПРИРОДЕ БЕССМЕРТНОЙ, СПОСОБНА ПРОДЛИТЬ ЖИЗНЬ ТОМУ, КТО ТЕСНО С НЕЙ СВЯЗАН. НАПРИМЕР, ВСЕ ЗНАМЕНИТЫЕ

КОМПОЗИТОРЫ ОТЧАЯННО ЦЕПЛЯЮТСЯ ЗА ЖИЗНЬ. А ВЕДЬ НЕКОТОРЫЕ БЫЛИ ГЛУХИ КАК ПРОБКИ, КОГДА Я ПРИХОДИЛ К НИМ. ВИДИМО, КАКОМУ-ТО БОГУ ЭТО ПОКАЗАЛОСЬ ОЧЕНЬ ЗАБАВНЫМ. — Смерть очень неплохо изобразил презрение. — ШУТКА В ИХ СТИЛЕ ^[15].

Он поставил часы на стол и щелкнул про ним костяным пальцем.

— Вауууммммииии-чиди-чиди-чиди, — пропели часы.

— У НЕГО НЕ ОСТАЛОСЬ ЖИЗНИ. ТОЛЬКО МУЗЫКА.

— Музыка захватила его?

— МОЖНО И ТАК СКАЗАТЬ.

— Продлила ему жизнь?

— ЖИЗНЬ РАСТЯЖИМА. ТАКОЕ СЛУЧАЕТСЯ. НЕ ЧАСТО. И ОБЫЧНО ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ТРАГИЧЕСКИ, НЕСКОЛЬКО ТЕАТРАЛЬНО. НО ЭТО — НЕ ЧЕЛОВЕК. ЭТО — МУЗЫКА.

— Он играл на каком-то инструменте со струнами, похожем на гитару...

Смерть резко повернулся к ней.

— ПРАВДА? ГМ...

— Это важно?

— СКОРЕЕ... ИНТЕРЕСНО.

— Я должна что-то знать?

— НЕТ. ПРОСТО Я КОЕ-ЧТО ВСПОМНИЛ. НИЧЕГО ОСОБЕННОГО... ДРЕВНИЕ МИФЫ. НО ВСЕ РЕШИТСЯ САМО СОБОЙ. МОЖЕШЬ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ.

— Как так само собой?

— СКОРЕЕ ВСЕГО, В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ОН УМРЕТ.

Сьюзен уставилась на жизнеизмеритель.

— Но это ведь ужасно!

— У ТЕБЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ С ЭТИМ МОЛОДЫМ ЧЕЛОВЕКОМ?

— Что? Нет! Я и видела-то его всего один раз!

— И ВАШИ ВЗГЛЯДЫ НЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ В ЗАПОЛНЕННОМ ЛЮДЬМИ ЗАЛЕ? НИЧЕГО ПОДОБНОГО НЕ БЫЛО?

— Нет! Конечно нет!

— ТОГДА ПОЧЕМУ ЭТО ТЕБЯ БЕСПОКОИТ?

— Потому что он ва... он — человек, вот почему, — сказала Сьюзен и сама себе удивилась. — Просто я не могу понять... разве можно так обращаться с живыми людьми? — добавила она, запинаясь. — В общем... Не знаю.

Смерть наклонился так, что его череп оказался на уровне ее лица.

— ЛЮДИ ГЛУПЫ И ПОНАПРАСНУ РАСТРАЧИВАЮТ СВОИ ЖИЗНИ. НЕУЖЕЛИ ТЫ ЭТОГО ЕЩЕ НЕ ЗАМЕТИЛА? РАЗВЕ ТЫ НЕ СМОТРЕЛА С ЛОШАДИ НА ГОРОД? ПРАВДА ОН ПОХОЖ НА МУРАВЕЙНИК, ПОЛНЫЙ СЛЕПЫХ СОЗДАНИЙ, КОТОРЫЕ СЧИТАЮТ СВОЙ МЕЛКИЙ ЗЕМНОЙ МИРОК РЕАЛЬНЫМ? ТЫ ВИДИШЬ ОСВЕЩЕННЫЕ ОКНА, И ТЕБЕ ХОЧЕТСЯ ДУМАТЬ, ЧТО ЗА НИМИ СКРЫВАЕТСЯ ВЕЛИКОЕ МНОЖЕСТВО ИНТЕРЕСНЫХ ИСТОРИЙ И СОБЫТИЙ, ХОТЯ ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТАМ, ЗА ОКНАМИ, НЕТ НИЧЕГО, КРОМЕ МЕЛОЧНЫХ ТУПЫХ ДУШОНОК, ПОЖИРАТЕЛЕЙ ПИЩИ, НАЗЫВАЮЩИХ СВОИ ИНСТИНКТЫ ЧУВСТВАМИ. ОНИ ДУМАЮТ, ИХ НИЧТОЖНЫЕ ЖИЗНИ БОЛЕЕ ЗНАЧИМЫ, ЧЕМ ДУНОВЕНИЕ ВЕТЕРКА.

В глазах Смерти ярко полыхал синий огонь. Ей показалось, что ее поглощает какая-то бездна.

— Нет, — прошептала Сьюзен. — Нет... Я никогда так не думала.

Смерть резко выпрямился и отвернулся.

— НО ВООБЩЕ ЭТО ПОМОГАЕТ.

— Но в том, как люди умирают, нет никакого смысла! — воскликнула Сьюзен. — Это же хаос! Где справедливость?!

— ХА.

— А ты? Ты ведь вмешался! Спас моего отца!

— Я ПОСТУПИЛ ГЛУПО. ИЗМЕНЕНИЕ СУДЬБЫ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА СПОСОБНО ИЗМЕНИТЬ ВЕСЬ МИР. Я ПОМНЮ ЭТО. ЗАПОМНИ И ТЫ.

Смерть по-прежнему не поворачивался к Сьюзен.

— Не понимаю, почему мы не имеем права вмешиваться?! Ведь мир станет от этого только лучше!

— ХА.

— Или ты боишься изменить мир?

Смерть повернулся. И, взглянув на него, Сьюзен попятилась.

Он медленно направился к ней, а голос его превратился в шипение:

— И ТЫ ПОСМЕЛА СКАЗАТЬ ЭТО МНЕ? ТЫ, НАРЯДИВШАЯСЯ В КРАСИВОЕ ПЛАТЬЕ, ПОСМЕЛА СКАЗАТЬ ЭТО МНЕ? ТЫ? ТЫ ЛЕПЕЧЕШЬ ОБ ИЗМЕНЕНИИ МИРА? ЧТО, НЕ МОЖЕШЬ НАЙТИ В СЕБЕ СМЕЛОСТЬ И ПРИНЯТЬ ВСЕ КАК ЕСТЬ? ЗНАТЬ, КАК СЛЕДУЕТ ПОСТУПИТЬ, И ПОСТУПАТЬ СООТВЕТСТВЕННО, НЕВЗИРАЯ НИ НА ЧТО... ДА ЕСТЬ ЛИ ХОТЬ ОДИН ЧЕЛОВЕК В ЭТОМ МИРЕ, КОТОРЫЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОНИМАЕТ, ЧТО ТАКОЕ ДОЛГ?

Его пальцы конвульсивно сжимались и разжимались.

— Я ВЕЛЕЛ ТЕБЕ ЗАПОМНИТЬ... ДЛЯ НАС ВРЕМЯ — ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ МЕСТО. ОНО РАССРЕДОТОЧЕНО. ЕСТЬ ТО, ЧТО ЕСТЬ, И ТО, ЧТО БУДЕТ. ИЗМЕНЯЯ ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ, ТЫ НЕСЕШЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВНЕСЕННЫЕ ТОБОЙ ИЗМЕНЕНИЯ, А ОНА СЛИШКОМ ТЯЖЕЛА.

— Это всего лишь оправдание!

Она долго смотрела на высокую фигуру, после чего развернулась и зашагала из комнаты прочь.

— СЬЮЗЕН?

На полпути она остановилась, но оборачиваться не стала.

— Да?

— У МЕНЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО... КОСТЛЯВЫЕ КОЛЕНИ?

— Да!

Вероятно, это был первый на Плоском мире чехол для пианино, и сделали его из ковровой дорожки. Утес легко забросил инструмент на плечо, а в другую руку взял мешок с камнями.

— Не тяжело? — спросил Бадди.

Утес покачал пианино, словно взвешивая его.

— Немного, — ответил он. Под ним заскрипели половицы. — А обязательно было вытаскивать из него все эти части?

— Так нужно, — вмешался в разговор Золто. — Это как... с каретой. Чем больше частей снимаешь, тем быстрее она едет. Пошли.

Они вышли из дома. Бадди старался не привлекать к себе внимание — насколько может не привлекать к себе внимание человек в компании с гномом, приматом и троллем, тащившим в мешке рояль.

— Это как карета, — повторял Утес, пока они шли в «Барабан». — Большая черная карета с ливером.

— С ливером? — переспросил Бадди. Он уже начинал привыкать к своему новому имени.

— Ну, со щитами и всем таким.

— А, с ливреей.

— И с этим тоже.

— А вот если бы у тебя была куча золота, Золто, что бы ты сделал? — спросил Бадди.

Гитара в чехле едва слышно отзывалась на звуки его голоса.

Золто задумался. Он хотел сказать, что для гнома весь смысл обладания кучей золота заключается в обладании кучей золота. Причем это

золото не должно «работать», как иногда говорится; для полного гномьего счастья достаточно, чтобы оно было самым обычным золотым золотом.

— Не знаю, — откликнулся он наконец. — Никогда не думал, что у меня может появиться куча золота. А ты? Чего ты хочешь?

— Готов поклясться, я бы стал самым знаменитым музыкантом в мире.

— Такие клятвы опасны, — заметил Утес.

— У-ук.

— Но разве не того же хочет каждый артист?

— Знаю из личного опыта и могу поделиться им с вами, — встрял Золто, — что каждый настоящий артист хочет, действительно *хочет*, чтобы ему заплатили.

— И стать знаменитым, — не сдавался Бадди.

— Вот насчет этого не скажу, — пожал плечами Золто. — Трудно быть знаменитым и живым. Лично я хочу играть музыку каждый день, а в конце дня слышать: «Спасибо, было очень здорово, возьмите деньги, как насчет завтра, в это же время?»

— И все?

— Мне вполне достаточно. Мне хотелось бы, чтобы люди говорили: «Нам нужен хороший трубач, эй, найдите-ка Золто Золтссона!»

— По-моему, скучно.

— А мне нравится, когда скучно, потому что это бывает долго.

Они подошли к боковому входу в «Барабан» и вскоре очутились в комнатухе, в которой воняло крысами и уже выпитым пивом. Из бара доносились приглушенные голоса.

— Похоже, народу собралось немало, — заметил Золто.

К ним трусцой подбежал Гибискус:

— Так, ребята, вы готовы?

— погоди, — сказал Утес. — Мы еще не обсудили гонорар.

— Я же сказал «шесть долларов», а вы чего ожидали? Вы — не из Гильдии, восемь долларов — это ставка Гильдии.

— Мы и не собирались просить у тебя восемь долларов, — возразил Золто.

— Вот и хорошо.

— Мы согласны на шестнадцать.

— Шестнадцать? С ума сошли! Это же двойная ставка Гильдии!

— Но там собралась целая толпа, — указал Золто. — Уверен, ты продашь много пива. Впрочем, мы можем вернуться домой.

— Эй, эй, давай все обсудим, — засуетился Гибискус и, обняв Золто за плечи, отвел его в угол.

Бадди смотрел, как библиотекарь изучает пианино. Никогда прежде он не видел, чтобы музыкант пробовал инструмент на вкус. Потом орангутан открыл крышку и принялся осматривать клавиши. Потом ударил по нескольким из них.

Довольно потирая руки, вернулся Золто.

— Ну все, я договорился, — объявил он. — Ха!

— Сколько? — спросил Утес.

— Шесть долларов! — ответил Золто.

Все промолчали.

— Извини, — наконец промолвил Бадди. — Мы ждали, что ты нам назовешь какое-нибудь число с окончанием «надцать».

— Я оставался твердым и непреклонным, — гордо сказал Золто. — Он понижал ставку не больше чем по два доллара за раз.

Согласно некоторым религиозным учениям, вселенная началась со слова, песни, танца или музыкальной пьесы. Знаменитые Слушающие монахи Овцепикских гор, настолько отточившие свой слух, что легко определяли значение карты по звуку, с которым она ложилась на стол, — эти монахи поставили перед собой очень трудную задачу: отделить от всяких едва уловимых вселенских шумов и окаменелого эха самые первые звуки.

Так вот, согласно их уверениям, в самом Начале Всего Сущего было очень шумно.

Однако люди с наиболее чутким слухом (те, кто чаще других выигрывает в покер), умеющие расслышать эхо, что гуляет в аммонитах и янтаре, клялись и божились, будто бы они слышали звуки, возникшие много раньше.

Эти звуки были словами: «Раз, два, три, четыре».

Но самый лучший слушальщик, посвятивший всю свою жизнь исследованию базальта, заявил, что ему удалось расслышать то, что было еще до этого.

На вопрос о том, что же это были за звуки, он ответил, что, ему кажется, в самом-самом Начале Всего Сущего кто-то произнес: «Раз, два».

Никто никогда не интересовался, что потом произошло со звуком, давшим рождение вселенной, — если такой звук, конечно, существовал. Это — мифология, и тут неуместно задавать подобные вопросы.

Ну а Чудакулли верил, что все возникло случайно или, как в случае с деканом, назло.

Старшие волшебники еще ни разу не посещали «Залатанный

Барабан», будучи, как говорится, при исполнении. В тот день все они осознавали, что находятся здесь в не вполне понятном официальном качестве, а потому вели себя сдержанно. Вокруг них образовалось свободное пространство, но не слишком большое, так как в «Барабане» было необычно многолюдно.

— Тяжелая здесь атмосфера, — заметил Чудакулли, оглядевшись. — О, вижу, тут снова подают «Настоящий Эль». Принесите-ка пинту «действительно странного турботского».

Волшебники напряженно наблюдали за тем, как он осушает бокал. Анк-морпоркское пиво обладало собственным, неповторимым вкусом, который, вероятно, придавала ему местная вода. Некоторые люди считали его похожим на мясной бульон, но были неправы. Мясной бульон обычно холоднее.

Чудакулли с довольным видом облизнул губы.

— Мы-то точно знаем, из чего делается настоящее анк-морпоркское пиво, — сказал он.

Волшебники дружно кивнули. Они это точно знали и потому предпочитали пить джин с тоником.

Чудакулли огляделся. Обычно в это время в «Барабане» уже начиналась парочка драк или по меньшей мере легкая поножовщина. Сейчас же со всех сторон слышались только тихие разговоры; все посетители не сводили глаз с небольшой сцены в дальнем конце помещения, на которой, впрочем, ничего особенного не происходило. Теоретически сцену закрывал занавес, на самом деле являвшийся старой простыней. Из-за которой доносились глухие удары.

Волшебники сидели довольно близко к сцене. Волшебникам вообще, как правило, достаются самые хорошие места. Чудакулли показалось, что до него доносятся приглушенные голоса. Неясные тени, виднеющиеся за простыней, что-то яростно обсуждали.

— Он спросил, как нас зовут.

— Утес, Бадди, Золто и библиотекарь. Я думал, он знает.

— Да нет, нам нужно придумать общее название.

— А это обязательно?

— Что-нибудь типа «Веселых Трубадуrows».

— У-ук!

— «Золто и Золтоетки»?

— Да? А может, «Утес и Утесетки»?

— У-у-ук, у-ук. У-у-ук у-ук?

— Нет, нам нужно другое название. Музыкальное.

- Как насчет «Золота»? Хорошее гномье название.
- Не годится. Нужно другое.
- Тогда «Серебро».
- У-ук!
- Вряд ли нам стоит называться именами, которые ассоциируются у людей с тяжелым металлом, Золто.
- Да что мы так головы-то ломаем? Мы просто группа людей, которые играют музыку.
- Нет, название — это очень важно.
- У нас особенная гитара. Может, назовемся «Группой, В Которой На Гитаре Играет Бадди»?
- У-у-ук.
- Нет, как-то глупо.
- Э... «Группа, В Музыка Которой Слышится Глас Рока»?
- Это уже лучше, а короче?
- Вселенная затаила дыхание.
- «Рок-Группа»?
- Мне *нравится*. Коротко и грязновато, точь-в-точь я.
- У-ук.
- Но мы должны дать название музыке.
- Рано или поздно она сама назовется.

Чудакулли оглядел бар.

В противоположном конце зала бродил Себя-Режу-Без-Ножа Достабль — самый выдающийся бизнесмен-неудачник Анк-Морпорка. Он злонамеренно пытался продать кому-то сосиску в тесте, что было явным признаком краха очередного стопроцентно верного и выгодного коммерческого предприятия. Достабль возвращался к сосискам только в том случае, если во всех остальных своих начинаниях терпел неудачу^[16].

Достабль бесплатно помахал Чудакулли рукой.

За соседним столиком сидел один из вербовщиков Гильдии Музыкантов Губошлеп Шпиц в сопровождении пары коллег, чьи познания в музыке ограничивались исполнением партии ударных инструментов на человеческих черепах. Выражение решимости на его лице говорило о том, что он пришел сюда не ради собственного удовольствия; скорее, судя по злобному виду Шпица и его коллег из Гильдии, они пришли сюда ради удовольствия других людей, за которое тем придется хорошенько заплатить.

Чудакулли заметно повеселел. Вечер обещал быть более веселым, чем он ожидал.

Рядом со сценой стоял еще один столик. Сначала взгляд аркканцлера безразлично скользнул по нему, но, тут же затормозив, вернулся.

За столиком сидела девушка, одна. Конечно, в «Барабане» часто можно было увидеть девушек. В том числе одиноких. Обычно они приходили сюда, чтобы перестать быть одинокими.

Станным было другое. Вокруг этой девушки никого не было, несмотря на то, что скамейки рядом были битком забиты посетителями. «А она довольно привлекательна. Если, конечно, вам нравятся тощенькие... — подумал Чудакулли. — Как же таких называют? Сорванками — что-то вроде...» Девушка была одета в черное, модного чахоточного фасона платье с кружевами. На плече у девушки сидел ворон.

Почувствовав на себе взгляд Чудакулли, она повернула голову — и исчезла.

Более или менее.

Но он же, в конце концов, был волшебником. У него даже глаза заслезились от того, как она то появлялась, то исчезала.

Ах да, краем уха он слышал, что в городе видели зубных фей. Это, видимо, одна из них. Феи тоже люди, должны же быть у них выходные.

Тут его внимание отвлекло какое-то движение на столе. Мимо промчался Смерть Крыс, тащивший чашку арахиса.

Чудакулли повернулся к волшебникам. Декан так и не снял свою остроконечную шляпу, лицо его как-то странно блестело.

— Декан, тебе, похоже, жарко, — заметил Чудакулли.

— Уверю, аркканцлер, мне приятно и прохладно, — возразил декан, в то время как с его бровей начал моросить мелкий дождик.

Профессор современного руносложения подозрительно приняхался.

— Тут кто-то жарит бекон? — осведомился он.

— Сними шляпу, декан, — посоветовал Чудакулли. — Сразу полегчает.

— Этот запах напоминает мне о Доме Взаимного Удовлетворения, что содержит госпожа Лада, — заметил главный философ.

Все с удивлением воззрились на него.

— Просто однажды проходил мимо, — быстро добавил философ.

— Эй, руноплет, сними-ка с декана шляпу, — велел Чудакулли.

— Уверю...

Шляпа слетела с головы декана. Из-под нее вывалилось что-то высокое, жирное и такое же остроконечное.

— Декан, — произнес после долгой паузы Чудакулли, — что ты сделал со своими волосами? Они похожи на пику спереди и на утиную zhора,

простите мой клатчский, сзади. И все это к тому же блесит.

— Мамблмамблмамбллавандамамбл, — угрюмо пробормотал декан.

— Что-что?

— Я сказал, что это — лавандовое масло, — громко произнес декан. — Кстати, некоторые из нас считают такой стиль сейчас очень модным. Твоя основная проблема, аркканцлер, состоит в том, что ты совсем, совсем не понимаешь людей нашего возраста!

— Ты имеешь в виду... всех тех, кто на семь месяцев старше меня?

На сей раз декан замялся.

— А я о чем? — наконец выдавил он.

— Кстати, старина, ты слушаем пилюли из сушеных лягушек не принимаешь? — поинтересовался Чудакулли.

— Конечно нет, они же для душевнобольных! — воскликнул декан.

— Ага, вот и я говорю...

Занавес поднялся, вернее, рывками сдвинулся в сторону.

«Рок-Группа» прищурилась в свете факелов.

Никто не аплодировал. С другой стороны, никто ничего не бросал, что по стандартам «Барабана» являлось сердечным приветствием.

Чудакулли увидел высокого кудрявого юношу, сжимавшего в руках нечто похожее на недоделанную гитару или побывавшее в жестокой схватке банджо. Рядом стоял гном с трубой, похожей на боевой рог. Позади, за кучей камней, сидел тролль с молотками в руках. Библиотекарь стоял возле — Чудакулли наклонился вперед — скелета рояля, установленного на пивные бочки.

Юноша, казалось, был парализован вниманием собравшихся.

— Привет... э-э... Анк-Морпорк... — неуверенно произнес он.

Эта долгая беседа, видимо, полностью его вымотала, и он начал играть.

Ритм был незамысловатым, на улице такой бы и не заметили, но затем последовала серия потрясающих аккордов, и... и Чудакулли вдруг понял, что аккорды ни за чем не следовали, потому что ритм никуда не исчезал. Но это невозможно! На гитаре так не играют!

Гном выдувал какие-то звуки из своей трубы. Библиотекарь опустил руки и явно наобум пробежался пальцами по клавишам.

Такого грохота Чудакулли слышать еще не приходилось.

А потом... потом... грохот перестал быть грохотом.

Это было похоже на ту чепуху о белом свете, которую постоянно несли молодые волшебники с факультета высокоэнергетической магии. Они говорили, что если смешать все цвета, то в результате получится белый, —

полная чушь, по мнению Чудакулли, потому что каждый дурак знает: если смешать все оказавшиеся под рукой цвета, то получится зелено-коричневая грязь, даже отдаленно не напоминающая белый цвет. Но теперь он смутно начинал понимать, что они имели в виду.

Вся эта музыкальная грязь вдруг выстроилась, лишилась шума, и внутри ее возникла новая музыка.

Гребень декана задрожал.

Толпа пришла в движение.

Чудакулли внезапно почувствовал, что его нога притоптывает, и тут же наступил на нее второй ногой.

Волшебники подпрыгивали на стульях и выбрасывали в воздух почему-то только два пальца.

Чудакулли наклонился к казначею и что-то крикнул ему в ухо.

— Что? — не понял казначей.

— Я говорю, все сошли с ума, кроме тебя и меня!

— Что?

— Эта музыка!

— Да! Грандиозно! — Казначей замахал тощими лапками.

— Впрочем, по поводу тебя я не совсем уверен!

Чудакулли откинулся на спинку стула и достал чудометр. Стрелка дрожала как сумасшедшая, словно прибор не мог точно определить, есть ли в зале волшебство или нет.

Аркканцлер резко ткнул казначея локтем в бок.

— Это не волшебство! Это нечто совсем иное!

— Ты абсолютно прав!

Чудакулли вдруг показалось, что они говорят на разных языках.

— Я имею в виду, это слишком!

— О да!

Чудакулли тяжело вдохнул.

— Тебе не пора принять пилюлю из сушеных лягушек?

Из рояля повалил дым. Пальцы библиотекаря бегали по клавишам, как Казанунда по женскому монастырю.

Чудакулли обвел взглядом зал. Он чувствовал себя страшно одиноким.

Впрочем, был еще кое-кто, кого музыка не захватила. Губошлеп встал. Следом за ним поднялись его коллеги.

А потом они достали какие-то шипастые дубинки. Чудакулли знал законы Гильдий, а за соблюдением законов нужно следить. Иначе вся система управления городом рухнет. Эта музыка совершенно точно была незаконной — если на свете вообще существует незаконная музыка, то вот

она. Тем не менее... аркканцлер закатал рукав и на всякий случай приготовил шаровую молнию.

Один из стражей Гильдии вдруг выронил дубинку и схватился за ногу. Второй закрутился на месте, словно получил удар по уху. На шляпе Губошлепа появилась вмятина, словно его треснули по голове.

Один слезящийся глаз Чудакулли все же сумел разглядеть, как зубная фея что было сил врезала Губошлепу по башке ручкой косы.

Аркканцлер был очень неглупым человеком, просто иногда он не успевал следить за событиями. Например, сейчас он никак не мог взять в толк, зачем зубной фее коса, — разве на зубах растет трава? Но потом молния вдруг обожгла ему пальцы, он сунул их в рот — и внезапно понял, что звучащая музыка обрела новое качество. Очень странное качество.

— О нет, — пробормотал он. Шаровая молния выпала у него из рук и подожгла башмаки казначея. — Она ведь *живая*.

Чудакулли схватил пивную кружку, одним глотком осушил ее и поставил мимо стола.

Клатчскую пустыню, в том числе и ту ее область, через которую шла пунктирная линия, ярко озаряла луна. Лунного света доставалось поровну обеим сторонам, но людей, подобных управляющему делами Гильдии Музыкантов, такое положение дел не устраивает.

Сержант пересек утоптаный песок плаца. Наконец он остановился, присел и, сунув в зубы сигару, чиркнул спичкой обо что-то, торчавшее из песка.

— ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, — произнесло что-то.

— Ну как, солдат, довольно? — спросил сержант.

— ДОВОЛЬНО ЧЕГО, СЕРЖАНТ?

— Два дня на солнце, без пищи, без воды... Ты, должно быть, обезумел от жажды, готов молить, чтобы тебя откопали, верно?

— ДА, ПРИЗНАТЬСЯ, ТУТ СКУЧНОВАТО.

— Скучновато?

— БОЮСЬ, ЧТО ДА.

— Скучновато?! Тут не скучают! Это же знаменитая Яма! Она должна быть ужасной физической и душевной пыткой! Через день ты должен превратиться в... — Сержант незаметно заглянул в шпаргалку на запястье. — В неистового безумца! Я весь день наблюдал за тобой! Но ты ни разу не застонал! Я не мог оставаться в своем... этом, как его, таком месте, где обычно сидишь с бумагами и всем прочим...

— В КАБИНЕТЕ.

— ...И спокойно работать, пока ты находишься здесь! Даже я не мог этого вынести!

Костлявый Билл поднял взгляд. Он понял, что пришло время проявить некоторую вежливость.

— МИЛОСЕРДИЯ... УМОЛЯЮ... — пробормотал он.

Сержант облегченно расслабился.

— А ЭТО ОБЫЧНО ПОМОГАЕТ ЛЮДЯМ ЗАБЫВАТЬ?

— Забывать? Да человек обо всем забывает, когда его сажают в... в эту, э-э...

— В ЯМУ.

— Да! Вот именно!

— СЕРЖАНТ, МОГУ Я ОБРАТИТЬСЯ К ТЕБЕ С НЕБОЛЬШОЙ ПРОСЬБОЙ?

— Да?

— ТЫ НЕ ПРОТИВ, ЕСЛИ Я ПОСИЖУ ЗДЕСЬ ЕЩЕ ПАРУ ДЕНЬКОВ?

Сержант открыл было рот, чтобы ответить, но тут из-за ближайшей дюны налетели д'рыги.

— Музыка? — переспросил патриций. — Ну-ка, расскажи поподробнее.

Он откинулся на спинку кресла и принял позу, подразумевающую внимательное слушание. Что-что, а слушать он умел. Патриций создавал своего рода ментальную дыру, жадно засасывающую в себя каждое слово. Человек готов был рассказать ему что угодно, лишь бы нарушить эту жуткую тишину.

Кроме того, верховный правитель Анк-Морпорка лорд Витинари любил музыку.

Вот вы, наверное, гадаете сейчас, какая музыка может понравиться такому человеку?

Возможно, высоко формализованная камерная музыка или громоподобная оперная.

Но на самом деле патрицию нравилась музыка, которую *не играли*. Как считал лично он, всяческие издевательства посредством высушенных кож, частей дохлых кошек и кусков металла в форме струн или труб — весь этот кошмар только разрушает музыку. Музыка должна оставаться на бумаге в виде точек и крючочков, нанесенных на аккуратные линии. Только в таком виде сохраняется ее первозданная чистота. А стоит к музыке прикоснуться человеку, ее сразу отравляет гниль. Куда лучше сидеть в тихой комнате и

читать нотные листы, когда от разума композитора тебя отделяют лишь чернила на бумаге. При одной мысли о том, что музыку играют какие-то жирные, потные типы, люди с волосами в ушах, как слюна капает с их подбородков... одно это способно вызвать содрогание. Впрочем, содрогался патриций несильно, так как никогда не доходил в проявлении своих чувств до крайности.

— И что потом?

— А потом он начал петь, вашчество, — ответил лицензированный нищий и неформальный информатор Хромоногий Майкл. — Песню об огромных огненных, этих... яйцах.

Патриций удивленно поднял бровь.

— Что-что?

— По-моему, там о чем-то таком шла речь. Слова я толком разобрать не успел, потому что рояль взорвался.

— О? Полагаю, это несколько нарушило ход событий?

— Нет, обезьяна продолжала играть на том, что осталось, а люди повскакивали со своих мест, принялись орать, подпрыгивать и топтать ногами, словно нашествие тараканов случилось.

— Ты сказал, что во время этой музыки пострадали люди из Гильдии Музыкантов?

— О да, вашчество. Причем совершенно странным образом. Они побелели как простыня. По крайней мере... — Хромоногий Майкл, вероятно, вспомнил о состоянии собственного постельного белья. — Как некоторые простыни.

Слушая нищего, патриций пробежал взглядом принесенные доклады. Вечер выдался крайне необычным. Бесчинства в «Барабане»... в этом ничего необычного не было, хотя, судя по всему, вчерашний дебош нельзя было назвать типичным, кроме того, он никогда не слышал о *танцующих* волшебниках. Ему показалось, что он узнает симптомы. Ну а если сбудется еще одно опасение...

— А скажи-ка мне, Майкл, как реагировал на происходящее господин Достабль?

— Что, вашчество?

— Вроде бы я задал тебе достаточно простой вопрос.

Вопрос: «Но я же не говорил, что там был старина Достабль, как вы об этом узнали?» — яростно стучался в гортань Хромоногого Майкла, но, к счастью, нищий дважды, трижды и четырежды подумал насчет разумности задавания вопросов патрицию.

— Он просто сидел и смотрел, вашчество. С открытым ртом. А потом

подпрыгнул и убежал.

— Понятно, ничего себе. Благодарю тебя, Хромоногий Майкл. Можешь быть свободным.

Нищий не уходил.

— Старикашка Рон говорил, вашчество иногда платит за информацию.

— Правда? Он действительно так сказал? Очень интересно. — Витинари сделал какую-то пометку на полях доклада. — Спасибо.

— Э...

— Не смею задерживать.

— Э... да, конечно. Да хранят вас боги, вашчество, — сказал Хромоногий Майкл и спасся бегством.

Когда шаги нищего стихли, патриций подошел к окну, заложил руки за спину и вздохнул.

Наверное, где-то на свете есть города, правителям которых приходится беспокоиться только о всяких мелочах... о нашествиях варваров, к примеру, о вовремя сданном годовом отчете, об извержениях вулканов. В этих городах не живут люди, которые открывают дверь действительности и метафорически произносят: «Привет, заходите, очень рад вас видеть. Какой замечательный у вас топор. Кстати, не могу ли я позаимствовать у вас денег, раз уж вы заглянули?»

О происшествии с господином Хонгом знают все. Но только в общих чертах. А вот *что именно* с ним произошло — не известно никому.

Ну что за город... Каждую весну приходится выводить реку из берегов, чтобы потушить очередной пожар. Примерно раз в месяц взрывается Гильдия Алхимиков.

Он вернулся к столу и что-то записал. Похоже на то, что вскоре кое-кого придется убить.

Потом патриций взял третью часть «Прелюдии соль-мажор» Фондельсона и углубился в чтение.

Сьюзен свернула в переулок, где некоторое время назад оставила Бинки. Рядом с лошадьёю на мостовой валялось с полдюжины мужчин, стонавших и сжимавших руками некие части тела. Сьюзен не обратила на них внимания. Любой человек, попытавшийся украсть лошадь Смерти, быстро узнавал, что на самом деле значит выражение «адская боль». Бинки отличалась точностью ударов — боль концентрировалась в очень небольшом и весьма личном месте.

— Это музыка его играла, а не наоборот, — сказала Сьюзен. — Помоему, он даже не касался струн.

— ПИСК.

Сьюзен потеряла ладонь. У Губошлепа оказалась неожиданно крепкая голова.

— Могу я убить *это*, не убивая его самого?

— ПИСК.

— Не стоит даже пробовать, — перевел ворон. — Он живет только благодаря музыке.

— Но деду... но он сказал, что в итоге музыка его и убьет!

— Вселенная велика и прекрасна, это точно, — согласился ворон.

— ПИСК.

— Но... послушай, если музыка — паразит или нечто вроде, — сказала Сьюзен, когда Бинки начала подниматься в небо, — зачем ей убивать своего хозяина?

— ПИСК.

— Он сказал, что вот тут ты его поймала. Он не знает, — ответил ворон. — Я сойду над Щеботаном, хорошо?

— Да что такого в этом парне? — недоумевала Сьюзен. — Музыка использует его — *но для чего?*

— Двадцать семь долларов! — воскликнул Чудакулли. — Двадцать семь долларов за то, чтобы вас отпустили! И этот сержант все время *ухмылялся!* Волшебники *арестованы!*

Он прошагал вдоль строя упавших духом волшебников.

— Вы вообще слышали, чтобы Стражу в «Барабан» *вызывали?* Что, по-вашему, вы там творили?

— Мамбл-мамбл-мамбл, — пробормотал декан, уставившись в пол.

— Не понял?

— Мамбл-мамбл-мытанцевали-мамбл.

— Танцевали, — не повышая голоса, повторил Чудакулли и зашагал вдоль строя. — И это вы называете танцами? Всю эту свалку и броски через плечо? Эти кувырки по всему залу? Даже тролли (ничего не имею против троллей, на самом деле отличные ребята, просто отличные) не ведут себя так, но вы же считаетесь *волшебниками!* Людям полагается смотреть на вас снизу вверх — и вовсе не потому, что вы, кувыряясь, пролетаете над их головами. Эй, руноложец, не думай, что я не заметил твоего выступления. Честно говоря, выглядело омерзительно. Бедному казначею пришлось даже прилечь отдохнуть. Танцы — это... хороводы, понимаете? Майские деревья и все такое, здоровая кадриль, балы там всякие... Во время танца не размахивают людьми, как боевым топором гнома (кстати,

вот она, настоящая соль земли, всегда об этом говорил). Я внятно излагаю?

— Мамбл-мамбл-мамбл-мамбл-новсетакделали-мамбл, — пробормотал декан, упорно не поднимая взгляда.

— Вот уж не думал, что придется отдавать такой приказ волшебникам старше восемнадцати лет... — покачал головой Чудакулли. — Но начиная с этого самого момента и вплоть до особого распоряжения всем вам запрещается покидать территорию Университета!

Нельзя сказать, что этот запрет был таким уж жестоким наказанием. Волшебники с недоверием относятся к воздуху, который не побыл в помещении хотя бы один день. Большую часть своих жизней волшебники проводят, курсируя между личными покоем и обеденным столом. Но сейчас все они испытали странное чувство...

— Мамбл-мамбл-непонимаюпочему-мамбл, — пробормотал декан.

Потом, значительно позже, когда музыка уже умрет, декан скажет, что скорее всего им двигало то, что на самом деле он никогда не был молодым — вернее, не был молодым, будучи вместе с тем достаточно взрослым, чтобы осознавать свою молодость. Подобно большинству волшебников, он поступил в Университет в столь раннем возрасте, что остроконечная шляпа то и дело падала ему на глаза. Ну а после обучения... после он стал волшебником.

Его снова посетило чувство, будто в своей жизни он пропустил нечто очень важное. И он осознал это всего пару дней назад. Не понял, правда, что именно он пропустил. Ему вдруг отчаянно захотелось что-то совершить. Хотя непонятно, что именно. Но свершить как можно быстрее. Ему хотелось... он чувствовал себя жителем тундры, который как-то утром проснулся с непреодолимым желанием покататься на водных лыжах. Нет, он не будет сидеть взаперти, пока в воздухе витает эта чудесная музыка...

— Мамбл-мамбл-мамбл-янебудусидетьвзаперти-мамбл.

Его охватили неизведанные эмоции. Он не станет повиноваться! Он отрицает все! Включая закон всемирного тяготения. И он не будет аккуратно складывать одежду, перед тем как лечь спать! Чудакулли, конечно, скажет: «О, да у нас тут мятеж?! Ну и против чего же мы протестуем?» И тогда он ответит... произнесет яркую, запоминающуюся речь! Да, именно так он и поступит! Он скажет ему...

Но аркканцлер уже ушел.

— Мамбл-мамбл-мамбл, — вызывающе пробормотал декан, известный в узких кругах бунтарь.

Сквозь жуткий шум пробился едва слышный стук. Утес осторожно

приоткрыл дверь.

— Это я, Гибискус. Вот ваше пиво. Пейте и выматывайтесь!

— Но как? Как нам отсюда уйти? — поинтересовался Золто. — Стоит нам высунуть нос, как они начинают требовать еще!

Гибискус пожал плечами:

— Мне плевать. Но вы должны мне доллар за пиво и еще двадцать пять за сломанную мебель и...

Утес закрыл дверь.

— Я могу поговорить с ним, — предложил Золто.

— Мы и так на мели, — возразил Бадди.

Они переглянулись.

— Но, — продолжал Бадди, — толпа нас любит. По-моему, мы имели успех.

Утес откусил горлышко у бутылки с пивом и вылил содержимое себе на голову^[17].

— Ты лучше скажи нам, — откликнулся Золто, — что такое ты вытворял на сцене?

— У-ук.

— И откуда, — добавил Утес, раздавив бутылку в ладони, — мы знали, что именно нам нужно играть?

— У-ук.

— И еще, — сказал Золто, — что за чушь ты пел?

— Э-э...

— «Кончай топтаться на моих новых синих башмаках»? — припомнил Утес.

— У-ук.

— «Клевая девица госпожа Поли»? — спросил Золто.

— Э-э...

— «Сто Гелитские Кружева»? — поинтересовался Утес.

— У-ук?

— Это такие тонкие кружева, которые плетут в Сто Гелите, — пояснил Золто и бросил исподлобья взгляд на Бадди.

— И кстати, что такое «хелло, бэйби»?

— Э-э...

— Ты поосторожнее с выражениями... Кое-кто может принять это на свой счет.

— Не знаю. Просто эти слова оказались здесь, — попытался объяснить Бадди. — Они были частью музыки, ну я и...

— И двигался ты как-то... смешно. Как будто, у тебя со штанами что-

то случилось, — не успокаивался Золто. — Я не слишком хорошо разбираюсь в людях, но некоторые зрительницы смотрели на тебя так, как гном смотрит на девушку, отцу которой принадлежат большой рудник и несколько богатых жил.

— Ага, — подхватил Утес. — Или когда тролль думает: «Ты только посмотри, ну и формация у этой...»

— Ты уверен, что в тебе нет эльфийской крови? — спросил Золто. — Пару раз мне показалось, что ты ведешь себя как-то... по-эльфийски.

— *Я сам не знаю, что происходит!* — воскликнул Бадди.

Гитара застонала. Все оглянулись на нее.

— Нужно взять ее, — предложил Утес, — и выбросить в реку. Все, кто «за», скажите «Да». Или «У-ук».

Молчание. Никто не спешил привести приговор в исполнение.

— Но... — неуверенно произнес Золто. — Но ведь мы им действительно нравимся.

Они немного подумали над этим.

— И не могу сказать, что это мне... неприятно, — наконец отозвался Бадди.

— Должен признать... стольких поклонников у меня еще не было, — кивнул Утес.

— У-ук.

— Но раз мы такие здоровские, то почему еще не богатые? — поинтересовался Золто.

— Потому что договариваешься ты, — откликнулся Утес. — А если нам еще придется за мебель платить, скоро я буду есть через соломинку.

— Ты хочешь сказать, я не умею договариваться?! — Золто вскочил на ноги.

— В трубу ты дуешь неплохо, но финансовым гением тебя назвать трудно.

— Ха, хотел бы я посмотреть...

Раздался стук в дверь. Утес вздохнул.

— Это снова Гибискус. Дайте-ка мне зеркало, попытаюсь выбить с другой стороны.

Бадди открыл дверь. Утес угадал, это был Гибискус, но за ним стоял невысокий человек в длинном балахоне и с широкой улыбкой на лице.

— А, — сказал он, улыбаясь. — Ты — Бадди, верно?

— Э... да.

А потом мужчина, казалось, не сделав ни единого движения, оказался в комнате и захлопнул дверь прямо перед лицом владельца «Барабана».

— Меня зовут Достабль, — представился он, все так же широко улыбаясь. — С.Р.Б.Н. Достабль. Смею предположить, вы обо мне слышали.

— У-ук!

— Я разговариваю не с тобой, а с этими ребятами.

— Нет, — ответил Бадди. — Вроде не слышали.

Улыбка человечка стала еще шире.

— По-моему, ребята, у вас возникли неприятности, — продолжил Достабль. — Сломанная мебель и все такое...

— Нам даже не заплатят, — пожаловался Утес, свирепо глядя на Золто.

— Ну, — развел руками Достабль, — в этом я смогу вам помочь. Я — прирожденный бизнесмен. Занимаюсь бизнесом. А вы, как вижу, музыканты. Играете музыку. Вам не следует занимать свои светлые головы мыслями о деньгах. Это мешает творческому процессу. Как насчет того, чтобы предоставить все переговоры мне?

— Ха! — хмыкнул Золто, все еще помнивший оскорбления по поводу своей деловой хватки. — А что ты умеешь?

— Для начала, — сказал Достабль, — я могу устроить, чтобы с вами сполна рассчитались за сегодняшнее выступление.

— А как же мебель? — спросил Бадди.

— Ее ломают здесь каждый вечер, — небрежно заметил Достабль. — Гибискус просто решил отыгаться на вас. С ним я договорюсь. Скажу по секрету, вам следует опасаться подобных людей.

Он наклонился ближе, широкая улыбка светилась на его лице. Если бы Достабль улыбнулся еще шире, верхняя часть головы просто свалилась бы на пол.

— Ребята, — сказал он, — этот город — настоящие джунгли.

— Если с нами рассчитаются, я ему поверю, — заявил Золто.

— Вот так просто? — удивился Утес.

— Я верю всем, кто дает мне деньги.

Бадди бросил взгляд на стол. Непонятно почему, но он чувствовал, что, если бы они сейчас совершали ошибку, гитара должна была бы как-то отреагировать, может, крайне неблагозвучно взвыть, но она лишь тихонько мурлыкала какой-то мотивчик.

— Ну, хорошо, — кивнул Утес. — Я согласен. Мне надоело выбивать себе зубы.

— Договорились, — ответил Бадди.

— Отлично! Грандиозно! Вместе мы сделаем отличную музыку, по крайней мере вы, ребята!

Достабль достал лист бумаги и карандаш. В глазах у Себя-Режу

возбужденно ревел лев.

А высоко над Овцепикскими горами Сьюзен перелетала на Бинки через облачную грядку.

— Как он может так *говорить?! —* воскликнула она. — Сам вертит человеческими жизнями как хочет, а потом рассуждает о каком-то там долге!

В Гильдии Музыкантов были зажжены все свечи.

Горлышко бутылки с джином выбивало звучную дробь о край стакана. Наконец Губошлеп с глухим стуком поставил бутылку на стол.

— Кто-нибудь знает, что это за типы? — спросил господин Клеть, когда Губошлепу удалось-таки со второй попытки взять стакан. — Должен же *хоть кто-то* их знать!

— О мальчишке ничего не известно, — откликнулся Губошлеп. — Прежде его никто не видел. А... а... тролль, сам знаешь, по Анк-Морпорку их целые стаи шатаются, да и кроме того...

— Одним из них вполне определенно был университетский библиотекарь, — сообщил Герберт Туес по кличке Господин Клавесин, библиотекарь Гильдии Музыкантов.

— Его, пожалуй, лучше пока не трогать, — сказал Клеть.

Остальные согласно кивнули. Кому захочется связываться с библиотекарем, когда можно поколотить кого-нибудь размером поменьше?

— А что гном?

— Да, кстати, что гном?

— По некоторым данным, это Золто Золтссон, живет где-то на Федрской улице...

Клеть недовольно заворчал.

— *Немедленно* пошли туда ребят. Пусть они им растолкуют, кто в этом городе главная скрипка. Хат-хат-хат!

«Рок-Группа» поспешно удалялась в ночь, оставив позади шум и гам «Залатанного Барабана».

— Какой приятный человек, не правда ли? — спросил Золто. — Не только рассчитался с нами за концерт, но и проявил такой интерес, что добавил двадцать монет из своего кармана!

— Кажется, — возразил Утес, — он сказал, что дает нам эти двадцать долларов *под проценты*.

— Ай, это одно и то же. А еще он сказал, что обеспечит нас работой.

Ты контракт читал?

— А ты?

— Там очень мелкий шрифт, — пожал плечами Золто и тут же повеселел. — Зато его много. Должно быть, хороший контракт, раз в нем столько всяких слов.

— А библиотекарь сбежал, — вставил Бадди. — Сначала долго-долго у-укал, а потом сбежал.

— Ха! — ухмыльнулся Золто. — Попомните мои слова, он еще жалеть об этом будет! Вот спросят его, ну, как оно было, — и что он ответит? «Я расстался с ними до того, как они стали знаменитыми»?

— А по-моему, он ответит только «у-ук».

— Как бы то ни было, рояль придется чинить.

— Ага, — согласился Утес. — Но я знаю одного парня, он собирает всякие замысловатые штуки из спичек. Он его починит.

В «Садах Карри» два доллара превратились в две порции кормы барашка и виндалу из уранинита, а также в бутылку вина, настолько химического, что его могли пить даже тролли.

— А еще, — сказал Золто, когда они расположились за столиком в ожидании заказа, — нам нужно подыскать себе другое место для ночлега.

— Но что плохого в твоей комнате?

— Сквозняки, — ответил Золто. — Видите ли, в двери появилась дыра, напоминающая по форме пианино.

— Конечно, ты же сам ее и прорубил.

— Ну и что?

— А домовладелец возражать не будет?

— Конечно, будет. Зачем еще нужны домовладельцы? Ничего, ребята, мы на подъеме. Нутром чую.

— А мне казалось, ты такой счастливый потому, что нам заплатили, — усмехнулся Бадди.

— Конечно. Но я буду еще счастливее, если мне заплатят много.

Гитара едва слышно мурлыкала. Бадди взял ее и тронул струну.

Золто выронил нож.

— Она звучит точь-в-точь как пианино! — воскликнул он.

— По-моему, она может звучать как любой инструмент, — пожал плечами Бадди. — А теперь она узнала, как звучит пианино.

— Волшебство, — покачал головой Утес.

— Конечно волшебство, — согласился Золто. — А я о чем вам говорил? Станный старинный инструмент, найденный в пыльной старой лавке в темную грозовую ночь...

— Никакой грозы тогда не было, — перебил его Утес.

— Но она могла быть... Ладно, ладно, но дождик-то накрапывал! И было в этой ночи что-то особенное. Готов поспорить, если мы вернемся туда, лавки на месте не окажется. Вот вам доказательство! У любого спроси, все знают, что предметы, приобретенные в лавках, которые на следующий же день исчезают, являются таинственными орудиями самой Судьбы. И Судьба нам улыбается... Может быть.

— Что-то она с нами явно делает, — признал Утес. — Надеюсь, это улыбка.

— И господин Достабль пообещал, что завтра мы будем выступать в особенном месте, действительно особенном.

— Это хорошо, — сказал Бадди. — Мы *должны* играть.

— А люди должны слушать нашу музыку.

— Конечно. — Утес выглядел несколько озадаченным. — Хорошо. Согласен. Именно этого мы и хотим. А еще — немножко денег.

— Господин Достабль нам поможет, — уверил его Золто, слишком поглощенный своими мыслями, чтобы заметить странные нотки в голосе Бадди. — Должно быть, он очень успешен в своих делах. У него офис на Саторской площади, а это может себе позволить только настоящий воротила.

Наступал новый день.

Однако он еще не успел наступить до конца, когда Чудакулли стрелой пронесся по покрытым росой университетским лужайкам и яростно забарабанил в дверь факультета высокоэнергетической магии.

Обычно он обходил это место стороной. Вовсе не потому, что не понимал, чем именно занимаются там молодые волшебники, — просто аркканцлер не без оснований подозревал, что они сами этого не понимают. Казалось, наибольшее удовольствие они получали от ниспровержения всяческих истин. За обедом они только и говорили о своих очередных достижениях: «Ого! Мы только что опровергли теорию Мозгового о невесомости чара! Поразительно!» Словно этой беспардонной выходкой стоило гордиться...

А еще они постоянно намекали на возможность расщепления самой мелкой магической частицы — чара. Вот этого аркканцлер вообще не мог понять. Ну разлетятся осколки чара по всем углам. Какая от этого польза? Вселенная и так достаточно нестабильна, чтобы ее еще на прочность испытывать.

Дверь приоткрылась.

— А, это ты, аркканцлер.

Чудакулли просунул в щель башмак и отжал дверь немного шире.

— Доброе утро, Думминг, рад видеть тебя в добром здравии в столь ранний час.

Самый молодой преподаватель Университета Думминг Тупс прищурился от яркого света.

— Что, уже утро? — удивился он.

Чудакулли протиснулся в помещение факультета высокоэнергетической магии. С точки зрения всякого придерживающегося традиций волшебника, обстановка тут была несколько необычной. Здесь не было ни черепов, ни заплывших воском свечей. Комната выглядела как лаборатория алхимика, приземлившаяся после очередного взрыва в мастерской кузнеца.

И мантия Думминга тоже оставляла желать лучшего. Длина была правильной, но цвет! Выцветший серо-зеленый! Плюс множество карманов и непонятных рукоятей, а капюшон оторочен кроличьим мехом. Где блески, где старые добрые мистические символы? Только расплывшееся пятно от протекшей ручки.

— Ты последнее время никуда не выходил? — осведомился Чудакулли.

— Что? Нет. А должен был? Этот прибор, Увеличитель, все мое время отнимает. Я тебе его как-то демонстрировал...^[18]

— Да, да, помню, — произнес Чудакулли, озираясь. — А здесь еще кто-нибудь работает?

— Ну... я работаю, а еще Тез Кошмарный, Сказз... и Чокнутый Дронго, кажется...

Чудакулли мигнул.

— Кто-кто? — спросил он, а потом из глубин памяти на поверхность всплыл ужасный ответ. Только существа определенного вида могли носить такие имена. — Это что, *студенты*?

— Гм... да. — Думминг отступил на шаг. — Но им же можно. То есть, аркканцлер, это же университет и...

Чудакулли почесал за ухом. Конечно, Думминг был прав. Эти чертовы студенты вечно под ногами путаются, шагу некуда ступить. Лично он всячески избегал встреч с ними, насколько это было возможно; так же поступали и другие преподаватели, предпочитавшие спастись бегством или отсиживаться за закрытыми дверями кабинетов. Профессор современного руносложения, например, прятался в шкафу, чтобы не вести занятия.

— Позови-ка их, — приказал Чудакулли. — Кажется, я лишился всего

преподавательского состава.

— Но что это даст, аркканцлер? — вежливо спросил Думминг Тупс.

— Даст что?

— Простите?

Они непонимающе уставились друг на друга. Два разума, столкнувшись на узкой улочке, остановились и стали ждать, кто первым включит задний ход.

— Профессора, — первым не выдержал Чудакулли. — Декан и все остальные. Окончательно сбрендили. Всю ночь бренчали на гитарах. А декан сшил себе мантию из кожи.

— Ну, кожа очень практичный и функциональный материал...

— Вот он ее и практикует, — мрачно заявил Чудакулли.

(...Декан отошел в сторону. Манекен он позаимствовал у домоправительницы, госпожи Герпес.

В фасон, возникший в его воспаленном воображении, он внес некоторые изменения. Во-первых, любой волшебник по своей природе не способен носить одежду, которая не доходит ему по крайней мере до лодыжек, поэтому кожи ушло много. Зато для заклепок места хоть отбавляй.

Сначала он сделал слово «ДЕКАН».

Смотрелось оно как-то куце. Чуть подумав, он добавил «РАЖДЕН, ШТОБ», а дальше оставил пустое место, потому что сам не был уверен, для чего именно он был рожден. «РАЖДЕН, ШТОБ ЖРАТЬ» не звучало.

После некоторых раздумий он написал: «ЖИВИ ВСЛАСТЯХ, УМРИ МОЛО МЫД». Тут он допустил ошибку. Перевернул материал, чтобы пробить дырки под заклепки, и перепутал направление, в котором нужно было двигаться.

Впрочем, направление тут неважно, главное ведь движение. Именно об этом говорит музыка, в которой звучит глас Рока...)

— ...Профессор современного руносложения стучит в своей комнате в барабаны, все остальные обзавелись гитарами, но это еще ничего, ты бы посмотрел, что сотворил казначей со своей мантией! — продолжал Чудакулли. — А библиотекарь бродит повсюду и что-то напевает, и никто не обращает внимания на мои слова!

Он оглядел студентов. Нельзя сказать, что это зрелище успокаивало. И дело было не только во внешнем виде студентов. Весь высший состав Университета свихнулся на какой-то странной музыке, а эти люди

добровольно торчали взаперти потому, что работали.

— И чем же вы здесь занимаетесь? — спросил он. — Вот ты... как тебя зовут?

Студент, на которого указал острый палец Чудакулли, смущенно поежился.

— Э-э... Гм... Чокнутый Дронго, — ответил он, судорожно сжимая в руках поля шляпы.

— Чокнутый. Дронго, — повторил Чудакулли. — Именно так тебя и зовут? Именно этот ярлычок нашит на всех твоих майках?

— Гм... Нет, аркканцлер.

— Итак, на самом деле тебя зовут?...

— Адриан Турнепс, аркканцлер.

— Почему же ты называешь себя Чокнутым Дронго, господин Турнепс?

— Гм... ну...

— Однажды он выпил целую пинту шэнди, — подсказал Думминг, у которого хватило совести слегка смутиться.

Чудакулли посмотрел на него ничего не выражающим взглядом. «Ладно, другого выхода все равно нет...»

— Ну, хорошо, ребята, — устало промолвил он. — Посмотрим, что вы скажете вот на это...

Он достал из-под мантии пивную кружку, вынесенную из «Залатанного Барабана» и закрытую картонной подставкой. Подставку держала крепко примотанная веревка.

— Что там, аркканцлер? — спросил Думминг Тупс.

— Немного музыки, парень.

— Музыка? Но музыку... ее нельзя поймать.

— Как бы мне хотелось стать таким умником, как ты, знающим ответы на все вопросы, — отрезал Чудакулли. — Вон та большая колба подойдет... Эй, ты, Чокнутый Адриан, сними с нее крышку и будь готов закрыть ее, как только я скажу. Готов, Чокнутый Адриан?... Начали!

Чудакулли быстро открыл отозвавшуюся сердитым аккордом кружку и перевернул ее над колбой. Чокнутый Дронго-Адриан, до смерти запуганный аркканцлером, тут же захлопнул крышку.

А потом они услышали его — настойчивый ритм, отскакивающий от стеклянных стенок.

Студенты дружно уставились на колбу.

Внутри колбы что-то двигалось. Что-то неопределенное.

— Поймал ее вчера вечером в «Барабане».

— Но это невозможно! — возразил Тупс. — Музыку нельзя поймать.

— А это что перед тобой, юноша? Ожившее пиво?

— И она со вчерашнего вечера сидела в кружке? — спросил Тупс.

— Да.

— Но это невозможно!

Думминг выглядел совершенно удрученным. Есть люди, которые с рождения верят, что все-все тайны вселенной могут быть раскрыты.

Чудакулли ободряюще похлопал его по плечу.

— Ну-ну, быть волшебником не так легко, правда? — сказал он.

Некоторое время Тупс смотрел на кружку, а потом решительно сжал губы.

— Хорошо! Мы с этим разберемся! Должно быть, тут дело в частоте! Не иначе! Тез Кошмарный, тащи хрустальный шар! Сказз, разыщи моток стальной проволоки! Мы докажем, что это все частота!

«Рок-Группа» провела ночь на постоялом дворе для одиноких мужчин, что в переулке рядом с Тусклой улицей. Этот факт наверняка заинтересовал бы четырех вышибал из Гильдии Музыкантов, которые всю ночь тупо просидели возле дыры, напоминавшей по форме пианино, в доме на Федрской улице.

Кипя от ярости, Сьюзен шагала по комнатам Смерти. Легкий страх только усиливал бурлящий внутри гнев.

Что за упаднические мысли? Неужели можно довольствоваться тем, что являешься олицетворением слепой силы? Нет, тут все нужно менять...

Ее отец пытался начать эти самые перемены. Но, честно говоря, ему несколько мешала сентиментальность.

Титул герцога ему присвоила Кели, королева Сто Лата. «Герцог» означает «военачальник», но отец Сьюзен никогда ни с кем не сражался. Всю свою жизнь он мотался по равнине Сто, от одного жалкого городишки к другому, и вел дипломатические беседы, пытался убедить одних людей поговорить с другими. Насколько было известно Сьюзен, он не убил ни одного человека, хотя, быть может, заговорил до смерти нескольких политиков. Не слишком-то подходящая работа для военачальника. Да, стоит признать, мелких, личных войн стало меньше, чем раньше, но... вряд ли этой заслугой можно гордиться. Разве это масштаб?

Она прошла по комнате с жизнеизмерителями. Даже те часы, что стояли на самых верхних полках, вздрагивали от ее тяжелой поступи.

Она будет спасать жизни. Хороших людей следует пощадить, плохие

могут умирать молодыми. Это, кроме того, позволит сохранить равновесие. Она ему покажет. А что касается ответственности... люди всегда стремятся к переменам. В конце концов, это — основа человеческой природы.

Сьюзен открыла еще одну дверь и вошла в библиотеку.

Это помещение было даже больше, чем комната с жизнеизмерителями. Книжные шкафы уходили вверх подобно утесам, потолок был затянут дымкой.

«Конечно, — сказала она себе, — наивным было бы полагать, что ты сможешь пройти по миру, размахивая косой на манер волшебной палочки, и всего за одну ночь изменить его к лучшему. Потребуется время. Начать нужно с малого и развить успех».

Она протянула руку.

— Я вовсе не собираюсь говорить громким, гулким голосом. Лично я считаю это ненужной драмой и вообще довольно глупым. Мне всего-навсего нужна книга Диона Селина. Большое спасибо.

Библиотека вокруг нее продолжала трудиться. Миллионы книг писали сами себя, издавая легкий, похожий на тараканий, шорох.

Она вспомнила, как сидела у него на коленях, вернее, на подушке, положенной на его колени, потому что сидеть на самих коленях было невозможно. Как смотрела на костяной палец, следовавший за появлявшимися на странице буквами. Она училась читать собственную жизнь...

— Я жду, — многозначительно произнесла Сьюзен.

А потом сжала кулаки.

— ДИОН СЕЛИН.

Перед ней мгновенно появилась книга. Она едва успела поймать ее, прежде чем та упала на пол.

— Спасибо.

Сьюзен быстро перелистала страницы его жизни, пока не дошла до самой последней. После чего торопливо вернулась на несколько страниц назад и увидела смерть в «Барабане», аккуратно записанную и документально зафиксированную. Все было здесь — и все было неправдой. Он не умер. Книга лгала. Или — наверное, это будет наиболее точным описанием происходившего — книга говорила правду, а лгала действительность.

Самым важным было то, что с момента смерти Диона книга писала музыку. Страница за страницей были покрыты аккуратными нотными знаками. Прямо на глазах у Сьюзен на следующей строке появился скрипичный ключ.

Какие цели преследовала музыка? Почему спасла ему жизнь?

Это она, Сьюзен, должна была его спасти. Уверенность засела в ее сознании стальной балкой.

Поступить так было абсолютно необходимо. Она никогда с ним не встречалась, не обменялась ни словом, он был самым обычным человеком, однако именно его она должна была спасти.

Дедушка сказал, что так поступать не следует. Да что он знает о жизни? Он ведь никогда и *не жил*.

Блерт Фендер был гитарных дел мастером. Работа была тихой и приносила ему удовлетворение. На изготовление инструмента ему и его помощнику Гиббссону требовалось порядка пяти дней, если, конечно, они работали с хорошей, выдержанной древесиной. Блерт очень добросовестно относился к своему роду занятий, и всю жизнь он посвятил гитарам, и только гитарам. На которых, кстати, очень неплохо играл.

Вообще, он считал, что существуют гитаристы трех категорий. Во-первых, это те, кого он считал настоящими музыкантами, играющие в Опере или в небольших частных оркестрах. Потом — исполнители всяких народных песенок, которые совсем не умели играть, но это было неважно, потому что петь они тоже не умели. И наконец, трубадуры и прочие загорелые, обветренные типы, которые считали гитару (так же как и розу в зубах, коробку шоколадных конфет или расположенную в стратегически важном месте пару носков) одним из видов оружия в вечной борьбе полов. Из гитары они могли извлечь разве что пару-другую аккордов, зато были регулярными покупателями. Когда при появлении разъяренного мужа любовник выпрыгивает из окна, меньше всего он думает о принесенном с собой музыкальном инструменте.

Блерту казалось, что он видел музыкантов всех категорий.

Впрочем, этим утром он продал несколько инструментов волшебникам, что было достаточно необычно. Некоторые из них приобрели даже самоучитель для игры на гитаре, составленный Блертом.

Звякнул колокольчик.

— Слушаю... — Фендер поднял глаза на потенциального покупателя и, приложив гигантское умственное усилие, добавил: — Господин?

Дело было не только в кожаной куртке. И не в манжетах с заклепками. И не в огромном мече. Ни при чем был и шлем с длинными шипами. Дело было в коже, заклепках, мече и шлеме. Вряд ли данный покупатель относится к первой или второй категории, решил про себя Блерт.

Человек в нерешительности застыл, судорожно сжимая и разжимая

пальцы. К диалогу он явно не был готов.

— Это гитарная лавка? — наконец спросил он.

Блерт оглядел товар, висевший на стенах и потолке.

— Э... да, — пожал плечами он.

— Я бы купил одну.

Что же касается третьей категории, человек выглядел одним из тех типов, которые даже до простого «здравствуйте» не снисходят, не говоря уж о всяких конфетах и розах.

— Э-э... — Блерт схватил первую попавшуюся под руку гитару и протянул ее покупателю. — Таковую?

— Мне нужен инструмент который играет: «Блам-Блам-блажгла-БЛАМ-бламммм-оооииииеее!» Понятно?

Блерт опустил взгляд на гитару.

— Вряд ли она так умеет, — признался он.

Две огромные ладони с черными ногтями вырвали инструмент из его рук.

— Э-э... господин, ты ее неправильно дер...

— Зеркало есть?

— Э-э... нет...

Одна волосатая лапа взметнулась вверх и резко опустилась на струны.

Следующие десять секунд были, пожалуй, самыми ужасными во всей профессиональной жизни Блерта. Нельзя так поступать с беззащитным музыкальным инструментом. Представьте себе, вот вы выращиваете жеребенка, кормите его, ухаживаете за ним, заплетаете пестрые ленточки в его гриву и хвост, выгуливаете на полянке с маргаритками, по которой прыгают зайчики, а потом вдруг видите, как первый же наездник охаживает его плеткой и что есть сил вонзает в его бока шпоры.

Странный тип даже не играл, а словно что-то искал. Разумеется, он ничего не нашел, но когда стих последний якобы аккорд, на лице его появилось выражение, свидетельствующее о решимости продолжить поиски.

— Хорошо, сколько я должен?

Гитара продавалась за пятнадцать долларов, но музыкальная душа Блерта восстала.

— Двадцать пять долларов, — рявкнул он.

— Гм... согласен. Этого хватит?

Из какого-то потайного кармана он достал небольшой рубин.

— У меня нет сдачи!

Музыкальная душа Блерта все еще протестовала, но тут вмешался

разум бизнесмена и выкрутил ему руки.

— Но я добавлю самоучитель, ремень и пару медиаторов, хорошо? В самоучителе есть картинки, куда нужно ставить пальцы, и все такое прочее.

— Договорились.

Варвар наконец вышел из лавки. Блерт уставился на рубин.

Зазвенел колокольчик. Он поднял взгляд.

На сей раз чуть легче. Заклепок на куртке меньше, и всего два шипа на шлеме.

— Только не говори, что ты хочешь купить гитару.

— Хочу. Ту, что делает вот так: «Вувиииоооу-ууиииоооууунгнгнгнг».

Блерт затравленно огляделся по сторонам.

— Ага, нашел, — сказал он и взял ближайший инструмент. — Не знаю насчет «вувиииоооуууиии», но вот мой самоучитель, ремень, пара медиаторов. Вся эта радость — тридцать долларов. И знаешь, что еще: я совершенно бесплатно ее тебе настрою. По рукам?

— Э... да. Зеркало есть?

Зазвенел колокольчик.

А потом еще раз.

Спустя час Блерт устало прислонился к дверному косяку. На лице его блуждала идиотская улыбка, а руками он поддерживал пояс, чтобы штаны не спадали под весом денег.

— Гиббссон?

— Слушаю, босс?

— Помнишь гитары, что ты сделал, когда еще учился?

— Которые, по твоим словам, звучат так, словно кошка пытается погадить с защитой задницей?

— Ты их выбросил?

— Нет, босс. Решил сохранить, чтобы хорошенько над собой посмеяться лет этак через пять, когда научусь делать настоящие инструменты.

Блерт вытер пот со лба. Из платка вывалилось несколько мелких золотых монет.

— А куда ты их положил? Так, мне просто интересно.

— Сунул в сарай, босс. Вместе с той дерьмовой древесиной, от которой, как ты сказал, пользы столько же, как от русалки в хоре.

— Тащи гитары сюда, понял? И ту древесину.

— Но ты же велел...

— И захвати пилу. А потом сгоняй за двумя галлонами черной краски и блестками.

— Блестками, босс?

— Купишь их в одежной лавке госпожи Космополит. И спроси, нет ли у нее блестящих анкских камней и какого-нибудь модного материала для ремней. Да... и не одолжит ли она нам самое большое зеркало?...

Блерт снова подтянул штаны.

— Потом сходи в доки и найми тролля. Вели ему встать на углу, и если еще хоть кто-нибудь войдет сюда и попытается сыграть... — Он с трудом припомнил название. — «Стремянку В Облака», так, кажется, она называется... Так вот, пусть он оторвет ему голову.

— Без предупреждения? — спросил Гиббссон.

— Это и будет предупреждением.

Прошел еще час.

Чудакулли стало скучно, и он послал Теза Кошмарного на кухню за закусками. Тупс и двое других студентов суеились вокруг колбы с хрустальными шарами и проволокой. А потом...

Между двумя гвоздями, вбитыми в верстак, была натянута проволока. Она вдруг задрожала в каком-то необычном ритме, разом потеряв отчетливые очертания.

В воздухе над ней повисли изогнутые зеленые линии.

— Что это? — удивился Чудакулли.

— Так выглядит звук, — сообщил Думминг.

— Звук выглядит? — переспросил Чудакулли. — Ага, понимаю... Никогда не видал, чтобы звук так выглядел. Вот, оказывается, зачем вам нужна магия, парни! Чтобы смотреть на звук? Послушайте, на кухне есть превосходные сыры, может, пойдем послушаем, как они пахнут?

Думминг вздохнул.

— Так выглядел бы звук, если бы твои уши были глазами, — объяснил он.

— Правда? — развеселился Чудакулли. — Удивительно!

— Он очень сложный, — продолжил Тупс. — С расстояния — простой, а вблизи — очень сложный. Как будто он...

— Живой, — твердо закончил за него Чудакулли.

— Э-э...

Это был студент, которого называли Сказзом. Весил он приблизительно семь стоунов, и у него была самая интересная прическа из всех, что доводилось видеть Чудакулли: челка до плеч вокруг всей головы. Только по кончику носа мир мог определить, в какую сторону смотрит Сказз. Если бы у него на шее вдруг появился нарыв, все решили бы, что он

ходит задом наперед.

— Да, господин Сказз? — отозвался Чудакулли.

— Э... Кажется, я где-то читал об этом.

— Поразительно. Как тебе это удалось?

— В Овцепикских горах живут такие Слушающие монахи. Они утверждают, будто бы у вселенной есть фоновый шум. Словно эхо, порожденное неким звуком.

— Судя по всему, в этом есть смысл. Когда на свет появляется сама вселенная, должно так бабахнуть, что...

— Этот звук не обязательно должен быть громким, — перебил Тупс. — Скорее, он должен быть везде. Я читал эту книжку. Ее написал старый Риктор Жестянщик. Там говорится, что монахи посвятили себя слушанию этого звука. Который никогда не стихает.

— Вот именно, он очень громким должен быть, — возразил Чудакулли. — Если ветер дует не с той стороны, ты даже колокола Гильдии Наемных Убийц не услышишь. А этому звуку пришлось такие расстояния одолеть — ого-го!

— Все немножко иначе. Просто в те времена «везде» находилось в одном месте, — сказал Тупс.

Чудакулли посмотрел на него так, как человек смотрит на фокусника, только что доставшего у него из уха яйцо.

— Везде — в одном месте?

— Ага.

— А где было все остальное?

— Там же.

— Там же?

— Ага.

— Сплющилось до таких маленьких размеров?

В поведении Чудакулли появились вполне определенные симптомы. Если бы он был вулканом, жители близлежащих деревень уже бросились бы на поиски подходящей девственницы.

— Ха-ха, на самом деле можно сказать, что сплющилось до больших размеров, — ответил Тупс, который никогда не отличался осторожностью. — Дело в том, что, до того как появилась вселенная, пространства не существовало, — таким образом, все, что было, было везде.

— В том же везде, где мы сейчас находимся?

— Да.

— Хорошо, продолжай.

— Риктор утверждает, что, по его мнению, сначала был звук. Один мощный сложный аккорд.

Самый обширный и сложный звук из всех когда-либо существовавших. Настолько сложный, что его нельзя воспроизвести внутри вселенной, как нельзя открыть ящик ломом, который находится внутри ящика. Великий аккорд, который на самом деле определил существование всего сущего. Положил начало музыке, так сказать.

— Типа «та-да-а-а»? — уточнил Чудакулли.

— Возможно.

— А я думал, что вселенная возникла из-за того, что какой-то бог отрезал у другого брачный прибор и сделал из него вселенную. Эта теория всегда казалась мне наиболее простой. Ну, то есть такой поворот событий несложно себе представить.

— Э-э...

— А теперь ты говоришь мне, что кто-то подул в огромную дуду и бац — мы появились?

— Не уверен насчет *кого-то*.

— Шум сам по себе не появляется, это я знаю точно, — поднял палец Чудакулли.

Удостоверившись в том, что здравый смысл все же восторжествовал, он несколько успокоился и ободряюще похлопал Тупса по спине.

— Ничего, паренек, не смущайся, просто над твоей теорией надо еще поработать, — сказал он. — Старина Риктор несколько заблуждался. Он считал, что всем правят цифры.

— Но, аркканцлер, — не сдавался Тупс, — у вселенной есть свой ритм. День и ночь, свет и тьма, жизнь и смерть.

— Куриный суп и гренки, — добавил Чудакулли.

— Ну, не каждая метафора выдерживает пристальное рассмотрение.

Раздался стук в дверь. Вошел Тез Кошмарный с подносом в руках. За ним следовала домоправительница госпожа Герпес.

У Чудакулли отвисла челюсть.

Госпожа Герпес сделала реверанс.

— Доброе утро, вяша честь.

Ее «конский хвост» подпрыгнул, зашуршали накрахмаленные юбки.

Челюсть Чудакулли слегка поднялась, но лишь затем, чтобы он смог выдать:

— Что ты *сделала* со своими...

— Прошу прощения, госпожа Герпес, — вмешался Тупс. — Я хотел бы узнать вот что... Кто-нибудь из преподавателей уже завтракал?

— Тьочное наблюдение, господин Думминг, — жеманно отозвалась госпожа Герпес. Ее непостижимо полная грудь призывно качнулась под свитером. — Никто из господ волшебников не пришел в зал, поэтому я распорядилась поднять подносы в их комнаты. Вьот.

Чудакулли опустил взгляд. Он и не подозревал, что у госпожи Герпес есть ноги. Конечно, теоретически женщина должна на чем-то передвигаться, но...

Из-под огромного гриба юбок торчали пухлые коленки. Ниже начинались белые гольфики.

— Твои волосы... — произнес он хриплым голосом.

— Штьо-нибудь не так? — спросила госпожа Герпес.

— Все в порядке, в полном порядке, — торопливо отреагировал Тупс. — Большое спасибо.

Наконец дверь за домоправительницей закрылась.

— Она щелкала пальцами, как ты и говорил, — сказал Тупс.

— Не только щелкала и не только пальцами, — пробормотал Чудакулли, которого била дрожь.

— А ты обратил внимание на ее туфли?

— По-моему, примерно на этом уровне мои глаза закрылись. Думаю, это был очень мудрый поступок.

— В общем, если эта музыка действительно живая, — подвел итог Тупс, — то она очень, очень заразна.

Дальнейшие события имели место в каретном сарае, принадлежавшем отцу Крэша, но они являлись лишь эхом событий, происходивших по всему городу.

Крэш получил свое имя вовсе не от родителей — он его сам себе выбрал. Неурожденный Крэш был сыном богатого торговца сеном и пищевыми продуктами, но презирал отца за то, что тот был мертв от шеи и выше, интересовался только материальными вещами, был лишен воображения и давал ему на карманные расходы каких-то три жалких доллара в неделю.

Отец Крэша непредусмотрительно оставил лошадей в каретном сарае, и сейчас они жались по углам, безуспешно пытаясь пробить копытами стены.

— Кажется, почти получилось, — похвастался Крэш.

С потолка сыпалась пыль. Древооточцы в страхе разбегались в поисках лучшего дома.

— Не, тот музон, что мы слышали в «Барабане», был совсем

другим, — попытался покритиковать его Джимбо. — Как-то все было... как-то... типа не так.

Джимбо был лучшим другом Крэша и страстно хотел принадлежать к избранным.

— Но для начала совсем неплохо, — возразил Крэш. — Итак, ты и Нодди будете на гитарах. А ты, Падла... ты будешь играть на барабанах.

— Но я не умею, — развел руками Падла, которого действительно так звали.

— *Никто* не умеет играть на барабанах, — терпеливо объяснил Крэш. — Тут и знать-то нечего. Просто колоти по ним палками, делов-то!

— Да, а что, если я, типа, промахнусь?

— А ты сядь поближе. Вот так, — сказал Крэш и отодвинулся. — Ну а теперь... самое важное, *действительно* важное... как мы назовемся?

Утес огляделся.

— Кажется, мы осмотрели все дома, и будь я проклят, если хоть на одном из них есть вывеска с именем «Достабль».

Бадди кивнул. Большую часть Саторской площади занимал фасад Университета, но оставалось немного места и для других зданий. Зданий с бронзовыми табличками у дверей, всем своим видом говоривших, что даже вытирание ног о данный коверик дорогого стоит.

— Привет, ребята.

Они обернулись. Достабль радостно улыбался им из-за лотка с всевозможными сосисками и булочками. Рядом стояли два мешка.

— Извини за опоздание, — сказал Золто. — Никак не могли найти твой офис.

Достабль широко раскинул руки.

— Вот он, мой офис! — экспансивно воскликнул он. — Вся Саторская площадь! Тысячи квадратных футов! Превосходные коммуникации! Проходное место! А ну-ка, примерьте. — Он открыл один из мешков. — Размеры пришлось брать наугад.

Футболки были черными, из дешевого хлопка. Размер одной из них был XXXL.

— «Рок-Группа», — медленно прочитал надпись Утес. — Это — мы, да?

— А зачем они нам? — не понял Золто. — Мы и так знаем, кто мы такие.

— Реклама, — объяснил Достабль. — В общем, доверьтесь мне. — Он сунул в рот коричневый цилиндр и поджег его. — Сегодня вечером

наденьте то, что я вам принес. Я договорился о выступлении!

— Правда? — не поверил Бадди.

— Как и обещал.

— Ты нас только спросил, не хотим ли мы поиграть в отличном месте, — возразил Золто. — А мы ответили, что хотим.

— А там есть ливрея? — спросил Утес. Достабль начал заново:

— Огромный зал, масса публики! А кроме того, вы получите... — Он оглядел их открытые, доверчивые лица. — Десять долларов, а это больше ставки Гильдии! Ну, что скажете?

Лицо Золто расплылось в широченной улыбке.

— Каждый?

Достабль еще раз оценивающе оглядел их.

— Э-э... нет, — ответил он. — Десять долларов на всех. Подумайте сами, нужно ведь, чтобы вас заметили.

— Опять это слово, — простонал Утес. — Гильдия Музыкантов нас тоже заметит.

— Но не там, — уверил Достабль. — Гарантирую.

— Да где же это? — не выдержал Золто.

— Готовы к приятным новостям?

Музыканты дружно кивнули. Достабль просиял и выдохнул облако жирного дыма.

— В «Каверне»!

А ритм все продолжался... И, разумеется, мутировал...

Гортлик и Молотурк были песенниками и полноправными членами Гильдии Музыкантов. Они прославились тем, что сочиняли гномьи песни на все случаи жизни.

Некоторые уверяют, будто бы сочинять гномьи песни совсем не сложно, главное — знать, как пишется слово «золото», но этот подход слишком циничен. Большинство гномьих песен^[19] состоят из единственного слова «золото», но ведь есть еще интонация. В гномьем языке имеются тысячи слов, которые означают «золото», но используются только в исключительных случаях, например когда гномы видят золото, им не принадлежащее. У Гортлика и Молотурка была небольшая комнатка на аллее Латунных Шлемов. Там за наковальней они и сочинили все свои самые популярные песни для сопровождения горных работ.

— Горт?

— М-м?

— Что ты скажешь вот на это?

Молотурк откашлялся:

Я подлый и крутой, и я подлый и крутой, и
Я подлый и крутой, и я подлый и крутой, и
Я с друзьями подвалю к тебе,
Угрожающе повернув шляпы козырьками назад!
Йо!

Гортлик задумчиво пожевал конец рукоятки своего композиторского молотка.

— А хороший ритм, — признал он, — но над текстом надо еще поработать.

— Имеешь в виду — вставить побольше «золото, золото, золото»?

— Ага. Как думаешь ее назвать?

— Э-э... Крыс-музыкой...

— Почему?

Молотурк выглядел несколько озадаченным.

— Не знаю, — пожал плечами он. — Просто пришла в голову такая мысль, и все.

Гортлик согласно кивнул. Гномы были норным народом. Он знал, что им нравится, а что нет.

— Настоящая музыка должна отдавать норным запахом, мы — люди нор, мы вместе!

— Успокойтесь, успокойтесь, — сказал Достабль. — Это лучшее место в Анк-Морпорке. Не вижу, в чем проблема...

— В «Каверне»! — завопил Золто. — Ею владеет тролль Хризопраз, вот в чем проблема!

— Говорят, он — крестный отец всей Брекчии, — сказал Утес.

— Ну-ну, это еще не доказано...

— Сложно что-то доказать, если в твоей голове пробили дыру и засунули в нее твои же ноги!

— Не стоит относиться к нему с таким предубеждением только потому, что он — тролль.

— Я сам тролль! Поэтому я могу относиться к троллям с предубеждением, понял? Хризопраз тот еще бугор! Говорят, когда нашли банду Де Бриза, ни у кого не было зубов...

— Что это за «Каверна»? — встрял Бадди.
— Троллье заведение, — ответил Утес. — А еще говорят...
— Все будет чудесно! — воскликнул Достабль. — Не понимаю, чего так волноваться?!

— К тому же там притон азартных игр!^[20]
— Зато Гильдия Музыкантов туда носа не сунет, — напомнил Достабль. — Это ради вашего же блага.
— И ты будешь рассказывать, что мне на благо, а что — нет? — заорал Золто. — Это я и сам знаю! Ради собственного блага я не должен соваться в притон, где кишмя кишат тролли!

— В «Барабане» в тебя бросались топорами, — резонно заметил Достабль.
— Да, но только для хохмы. И они не целились.
— Как бы там ни было, — сказал Утес, — туда ходят только тролли и всякие глупые юнцы, которые думают, что это круто — выпить в тролльем баре. Настоящей публики там не будет.
Достабль постучал пальцем по переносице.
— Вы играете, — ответил он, — а я обеспечиваю публику. Это — моя работа.
— В тамошние двери я не пролезу! — привел Золто еще один довод.
— Но там огромные двери, — возразил Достабль.
— А для меня они слишком малы, потому что, если вы попытаетесь меня туда затащить, придется тащить и всю улицу, так крепко я в нее вцеплюсь!
— Проявите хоть немного благоразумия...
— Нет! — заорал Золто. — И я кричу за нас троих!

Гитара взвыла.
Бадди быстро схватил ее и сыграл пару аккордов, которые, похоже, ее успокоили.
— А мне кажется, — сказал он, — ей эта затея... нравится.
— Ей нравится... — пробормотал Золто, немного придя в себя. — Ну и ну! Тебе известно, что делают с забредшими в «Каверну» гномами?
— Нам нужны деньги, и я думаю, что хуже, чем поступила бы с нами Гильдия Музыкантов, играй мы в каком другом месте, с нами никто не поступит, — пожал плечами Бадди. — Кроме того, мы *должны* играть.
Они уставились друг на друга.
— Значит, договорились, — довольно сказал Достабль, выпустив пару дымовых колец. — А сейчас, ребята, вам стоит найти местечко поспокойнее, где вы проведете остаток дня и отдохнете.

— Тут ты прав, — согласился Утес. — Никогда не думал, что придется все время таскать эти камни...

Достабль поднял палец.

— Я и об этом позаботился. Вы не должны растрачивать свой талант на переноску тяжестей, сказал я себе и нанял помощника. Очень дешевого, всего за доллар в день. Его плату я удержу из вашего гонорара, так что волноваться не о чем. Познакомьтесь с Асфальтом.

— С кем? — не понял Бадди.

— Это я, — отозвался один из мешков рядом с Достаблем.

Мешок приоткрылся и оказался совсем не мешком, а... какой-то сплюсненной... ходячей кучей...

У Бадди на глаза аж слезы навернулись. Асфальт выглядел настоящим троллем, за исключением того, что ростом был ниже гнома. Ниже — но не меньше. Недостаток роста Асфальт сполна компенсировал шириной и запахом.

— А почему, — спросил Утес, — он такой маленький?

— На меня сел слон, — мрачновато произнес Асфальт.

Золто громко высморкался.

— Только сел?

Асфальт уже был облачен в футболку с надписью «Рок-Группа». Она туго натягивалась на его широкой груди и волочилась по земле.

— Асфальт будет о вас заботиться, — сказал Достабль. — Он знает о шоу-бизнесе буквально все.

— Со мной вам нечего бояться, — широко улыбнулся Асфальт. — Со всеми работал, везде был, всем занимался.

— Можно пойти в Палисадники, — предложил Утес. — Когда в Университете выходной, там никого не бывает.

— Отлично, — поддержал Достабль. — Ну а мне еще многое нужно организовать. Увидимся вечером. В «Каверне». Ровно в семь.

Он быстро удалился.

— Знаешь, что мне показалось в нем самым странным? — спросил Золто.

— Что?

— Что он курил эту свою сосиску.

Асфальт схватил мешок Утеса и легко забросил его на плечо.

— Пошли, босс.

— На тебя сел слон? — уточнил Бадди, пока они шли по площади.

— Ага. В цирке, — ответил Асфальт. — Я убирал за ними навоз.

— Поэтому ты и стал таким?

— Неа. Таким я стал, после того как слон сел на меня четыре раза, — объяснил низкий плоский тролль. — Сам не знаю, и что это ему в голову взбрело. Я стоял себе спокойненько, убирал за ним, потом вдруг раз — и все потемнело, а потом еще раз — и потемнело, а потом...

— Я бы после первого же раза смотался, — заметил Золто.

— Не-а, — ответил Асфальт с довольной улыбкой. — Не мог я так поступить. Шоу-бизнес — это мое призвание.

Тупс уставился на сколоченное ими устройство.

— Я сам ничего не понимаю, — признался он. — Но, похоже... мы можем поймать ее струнами, а потом заставить струны играть музыку снова. Это как иконограф, только для звука.

Струну они поместили в резонирующий ящик. Он снова и снова проиграл одни и те же двенадцать тактов.

— Музыкальный ящик! — воскликнул Чудакулли. — Ну и ну!

— Вот бы музыканты поиграли перед множеством таких струн, — задумчиво произнес Тупс. — Может быть, нам удалось бы поймать музыку?

— Но для чего? — удивился Чудакулли. — Ради всего плоского, зачем?

— Ну... Если музыку можно будет посадить в ящики, отпадет необходимость в музыкантах.

Чудакулли замялся. Эту идею следовало хорошенько обдумать. Мир без музыкантов обладал определенной привлекательностью. Всех без исключения музыкантов аркканцлер считал нечесаными голодранцами. Очень негигиеничными.

Наконец Чудакулли неохотно покачал головой.

— Только не эту музыку, — сказал он. — Мы должны остановить ее, а не размножить.

— А что в ней плохого? — не понял Тупс.

— Она... Ты что, сам не видишь? Она заставляет людей вести себя странно. Делает из них грубиянов. Они перестают слушать что им говорят. Им хоть кол на голове теши. Это неправильно, так быть не должно. Кроме того... вспомни о господине Хонге.

— Определенно тут присутствует нечто необычное, — признал Тупс. — А нельзя ли получить еще образцы этой музыки? Для исследовательских целей, разумеется.

Чудакулли пожал плечами:

— Декан выведет нас на нее.

— Ничего себе, — прошептал Бадди в огромной, отзывавшейся эхом пустоте. — Неудивительно, что его называли каверной. Это помещение огромно!

— Тут я чувствую себя настоящим гномом, — сказал Золто.

Асфальт просеменил к сцене.

— Раз-два, раз-два, — сказал он. — Раз. Раз. Раз-два, раз-два...

— Три, — подсказал Бадди.

Асфальт с несколько удрученным видом замолчал.

— Просто проверял, понимаете, просто проверял... проверял, — пробормотал он. — Проверял это, как его...

— Публики будет мало, — покачал головой Бадди.

— Или много. — Золто пнул стоявший у сцены ящик. — Посмотри-ка сюда.

Он развернул плакат. Остальные подошли ближе.

— О, да, здесь мы нарисованы, — удивился Утес. — Кто-то нас нарисовал.

— Выглядим круто, — заметил Золто.

— Бадди выглядит особенно хорошо, — сказал Асфальт. — Когда вот так размахивает гитарой.

— А зачем все эти молнии? — спросил Бадди.

— Я никогда не выглядел таким злым, даже когда злился, — проговорил Золто.

— «Новое Звучание, У Каторова Нет Скончания», — прочитал Утес, наморщив лоб от напряжения.

— «Рок-Группа», — продолжил Золто.

— О нет, — простонал он. — Тут говорится, что мы здесь выступим и все такое прочее. Мы покойники.

— «Буть Здесь Или Аставайся Квадратной Штукой», — прочитал Утес. — Я не понимаю...

— Здесь целая куча этих листов, — сказал Золто. — Слушайте, это же *афиши*. И знаете, что это значит? Он их развесил повсюду. В общем, когда Гильдия до нас доберется...

— Музыка свободна, — ответил Бадди. — Она должна быть свободной.

— Что? — воскликнул Золто. — Только не в *этом* гномьем городе!

— Музыка свободна по своей природе, — настаивал Бадди. — Люди не должны платить за то, чтобы играть музыку.

— Правильно! Паренек прав! Я всегда так говорил! Разве я так не

говорил? Говорил, причем именно так.

Из тени кулис появился Достабль. С ним был тролль — Хризопраз, догадался Бадди. К его удивлению, особыми размерами или, скажем, угловатостью тролль не отличался. Напротив, он выглядел гладким и блестящим, как галька на берегу. И ни следа лишайника.

К тому же он был ОДЕТ. Ношение всяких тряпок, за исключением униформы или рабочей одежды, троллями не поощрялась. Обычно они обходились набедренной повязкой, закрывавшей то, что нужно было закрыть, и все. Но Хризопраз был одет в костюм. Который на нем явно не сидел, на первый взгляд из-за плохого покроя. На самом же деле костюм был пошит очень искусно, просто все тролли без исключения даже без одежды выглядят скверно скроенными.

Приехав в Анк-Морпорок, Хризопраз быстро усвоил основные жизненные правила. Начал он с главного: бить людей по голове — это бандитизм, но платить другим, чтобы они били людей вместо тебя, — это нормальный бизнес.

— Ребята, — сказал Достабль, — очень рад представить вам Хризопраза. Моего хорошего друга. Мы давно друг друга знаем. Верно, Хриз?

— Именно.

Хризопраз наградил Достабля теплой дружеской улыбкой. Так акула улыбается треске, с которой ее пока что устраивает плыть в одном направлении. Игра кремниевых мышц на щеках говорила, что настанет день, когда кое-кто сильно пожалеет о том, что называл его Хризом.

— Господин Себя-Режу заявляет, что вы, ребята, являетесь лучшим открытием с тех пор, как кто-то додумался продавать уже нарезанный хлеб, — сказал тролль. — Вы тут всем довольны?

Они молча кивнули. Люди предпочитали не разговаривать с Хризопразом дольше необходимого, чтобы случайно не обидеть его. Причем то, что Хризопраз обиделся, люди понимали не сразу. Они понимали это гораздо позже, когда в каком-нибудь темном переулке за их спинами вдруг раздавался чей-то мрачный голос: «Господин Хризопраз *очень расстроен*».

— Ступайте в примерную, отдохните, — продолжил тролль. — Если захотите что-нибудь съесть или выпить, только скажите.

Пальцы его были унизаны бриллиантовыми перстнями. Утес таращился на них во все глаза.

Примерная находилась рядом с туалетом и была заставлена пивными бочками. Золто прислонился к двери.

— Мне не нужны никакие деньги, — пробормотал он. — Только бы живым уйти...

— Еео о ешпокоитша... — невнятно зашепелявил Утес.

— Ты пытаешься говорить с закрытым ртом, Утес, — произнес Бадди.

— Я сказал, тебе-то что беспокоиться, за твои зубы никто и гроша не даст, — отозвался тролль.

Кто-то постучал в дверь. Утес быстро закрыл рот ладонью, но это оказался всего лишь Асфальт с подносом в руках.

Он принес три вида пива. Он принес даже бутерброды с копчеными крысами с хрустящей корочкой и отрезанными хвостами. А еще на подносе стояла чаша с превосходным антрацитным коксом, посыпанным пеплом.

— Жуй хорошенько, — посоветовал Золто, когда Утес взял чашу. — Может, в последний раз зубами работаешь...

— А вдруг все пройдет нормально, и мы спокойненько пойдем домой? — с надеждой промолвил Утес.

Бадди пробежался пальцами по струнам. Все даже есть перестали, когда музыка заполнила комнату.

— Волшебство... — покачал головой Утес.

— Не волнуйтесь, ребята, — успокоил их Асфальт. — Если возникнут проблемы, по зубам получите не вы.

Бадди резко перестал играть.

— А кто? — осведомился он.

— Самое странное, — продолжил низенький тролль, — что все вдруг стали играть эту вашу музыку Рока. Господин Достабль подписал на концерт еще одну группу. Типа, для разогрева публики.

— Какую?

— «Безумство» называется.

— И где они сейчас? — спросил Утес.

— Ну, как бы вам сказать... Вы знаете, почему *ваша* гримерная находится *рядом* с туалетом?

Спрятавшись за потрепанным занавесом «Каверны», Крэш пытался настроить гитару. Этот достаточно простой процесс осложнялся некоторыми непредвиденными обстоятельствами. Во-первых, Блерт понял, чего на самом деле хотят покупатели, и, предварительно попросив у предков прощения, начал уделять больше внимания приклеиванию к гитаре всяких блестящих штучек, нежели работе над функциональными частями инструмента. Иначе говоря, он просто вбил в гриф дюжину гвоздей и привязал к ним струны. Впрочем, это было не такой уж большой

проблемой, так как Крэш обладал музыкальным талантом заложенной ноздри.

Юноша посмотрел на Джимбо, Нодди и Падлу. Джимбо, ныне бас-гитарист (Блерт, истерически хохоча, взял доску побольше и натянул на нее проволоку для оград), неуверенно поднял руку.

— В чем дело, Джимбо?

— Одна струна порвалась.

— Ну, у тебя же остались еще четыре.

— Ага, но я, э-э, не знаю, как на них играть.

— Но как играть на четырех, ты тоже не знал, значит, проблем стало меньше.

Падла выглянул из-за занавеса.

— Крэш?

— Да?

— Там, типа, сотни людей. Сотни! У многих гитары. Они, типа, размахивают ими!

«Безумство» прислушалось к шуму, царящему по ту сторону занавеса. У Крэша было не слишком много мозговых клеток, и мысли в результате ходили крайне странными маршрутами, но даже у него возникли смутные подозрения, что звучание, которого удалось добиться «Безумству», несколько отличается от действительно хорошего звучания, которое он слышал вчера вечером в «Барабане». Тогда ему хотелось радостно вопить и плясать, а от своего звучания ему хотелось громко взвыть и, честно говоря, надеть барабан Падлы на голову его владельца.

Нодди посмотрел в щель между занавесками.

— Ого, толпа волш... кажется, это волшебники сидят в первом ряду. Я... почти уверен, что это волшебники, но...

— Ты что, не можешь узнать волшебника, тупица? — ухмыльнулся Крэш. — Все просто: если у человека остроконечная шляпа, значит, он как пить дать волшебник.

— У одного из них... остроконечные волосы... — пробормотал Нодди.

Остальные члены «Безумства» прильнули к щели.

— Похоже на... рог единорога, только из волос...

— А что такое написано у него на спине? — спросил Джимбо.

— «РАЖДЕН, ШТОБ РУНИТЬ», — ответил Крэш, который читал быстрее всех и почти не шевелил губами.

— А этот тощий напялил расклешенный балахон, — сказал Нодди.

— Должно быть, застарелый любитель.

— А еще, у всех у них гитары! Думаешь, они пришли на нас

посмотреть?

— А на кого еще?

— Разношерстная подобралась публика, — сказал Джимбо.

— Точно, — согласился Падла. — Разно... А что это значит?

— Это значит... значит... типа, дурная.

— Ага. Такой она и выглядит.

Крэш решительно кивнул.

— Пора выходить, — сказал он. — Ну что, парни, покажем им настоящую музыку Рока!

Асфальт, Утес и Золто сидели в углу гримерной, даже сюда доносился шум собравшейся в зале публики.

— Почему он молчит? — прошептал Асфальт.

— Не знаю, — ответил Золто.

Прижав к груди гитару, Бадди смотрел в пустоту. Иногда он похлопывал по ней в такт приходящим в голову мыслям.

— С ним такое бывает, — сказал Утес. — Усядется и таращится в пространство...

— Эй, что они там кричат? — насторожился Золто. — Прислушайтесь.

Сквозь шум проступил некий ритм.

— Что-то вроде «Рок, Рок, Рок», — наконец определил Утес.

Распахнулась дверь, и в нее наполовину вбежал, наполовину упал Достабль.

— Вы должны выйти! — заорал он. — Немедленно!

— Но я думал, эти ребята из «Безумия»... — начал было Золто.

— Даже не спрашивайте, — перебил его Достабль. — Пошли! Иначе там все разнесут!

Асфальт поднял камни.

— Хорошо, — сказал он.

— Нет, — сказал Бадди.

— В чем дело? — спросил Достабль. — Нервишки?

— Нет. Музыка должна быть бесплатной и свободной, как воздух и небо.

Золто завертел головой. В голосе Бадди звучали странные гармоника.

— Конечно, абсолютно согласен, вот и я говорю, — быстро проговорил Достабль. — Гильдия...

Бадди распрямил ноги и встал.

— Насколько я понимаю, людям пришлось заплатить, чтобы попасть сюда?

Золто кинул взгляд на других музыкантов. Казалось, никто ничего не замечал, но окончания слов Бадди звенели, как туго натянутые струны.

— А, ты об этом, — махнул рукой Достабль. — Ну разумеется. Я же должен возместить расходы. Ваш гонорар... износ пола... освещение сцены, отопление... амортизация...

Рев толпы стал громче. Теперь его сопровождал дружный топот ног.

Достабль судорожно сглотнул. Лицо его обреченно вытянулось, так, словно он готовился пойти на самую великую в своей жизни жертву.

— Наверное... я... может, повысится... ну, скажем... на доллар, — произнес он. Каждое слово с боем пробивалось наружу из сейфа его души.

— Мы выйдем на сцену при одном-единственном условии. Мы выступим еще раз, — сказал Бадди.

Золто с подозрением посмотрел на гитару.

— Что? Да *нет* проблем. Я все... — начал было Достабль.

— И бесплатно.

— Бесплатно?! — Отчаянный крик вырвался прежде, чем Достабль успел сжать зубы, но торговец тут же взял себя в руки. — Вам что, не нужна оплата? Конечно, раз вы так...

— Я имею в виду, — с каменным лицом перебил его Бадди, — если мы не возьмем денег за выступление, значит, и людям не придется платить за то, чтобы нас послушать. И нас смогут услышать все.

— То есть вы хотите играть бесплатно?

— Да!

— Но где тут выгода?

Бутылка из-под пива заплясала по столу и упала на пол. В дверях появился тролль, или, по крайней мере, его часть. Вряд ли ему удалось бы проникнуть в комнатку, не выломав дверную коробку, но, судя по его виду, он вполне готов был пожертвовать дверью.

— Господин Хризопраз интересуется, что происходит? — прорычал он.

— Э... — начал Достабль.

— Господин Хризопраз не любит ждать...

— Хорошо! — заорал Достабль. — Бесплатно. Но я без ножа себя режу. Понимаете?

Бадди коснулся струн. Казалось, сам воздух заискрился от раздавшегося звука.

— Пошли, — едва слышно сказал он.

— Я знаю этот город, — бормотал Достабль, пока они шагали к вибрировавшей сцене. — На халаву примчатся тысячи...

«Но собравшиеся захотят есть», — прозвенел в его голове голос.

«И захотят пить».

«И наверняка захотят купить футболки с иконографией „Рок-Группы“...»

Лицо Достабля постепенно расплылось в улыбке.

— *Бесплатный* фестиваль! — воскликнул он. — Точно! Это наш общественный долг. Музыка должна быть бесплатной. А сосиски в булочке должны стоить по доллару, плюс горчица. Может, по доллару с половиной. И при этом я себя без ножа режу.

Рядом с кулисами шум, издаваемый разгоряченными зрителями, обрел плотность кирпичной стены.

— А их там много, — заметил Золто. — Честно говоря, ни разу не приходилось выступать перед такой толпой!

Под аккомпанемент бурных аплодисментов и свиста Асфальт неторопливо раскладывал по сцене камни Утеса.

Золто поднял глаза на Бадди. Тот ни разу не выпустил из рук гитару. Вообще-то, гномы не склонны к самоанализу, но Золто вдруг ощутил непреодолимое желание оказаться как можно дальше отсюда, в какой-нибудь пещере.

— Удачи вам, ребята, — услышал он за спиной чей-то подавленный голос.

Джимбо перебинтовывал руку Крэша.

— Э, спасибо, — кивнул Золто. — Что это с вами случилось?

— В нас кое-чем швырнули, — ответил Крэш.

— Чем?

— Кажется, Нодди.

Видимая часть лица Крэша расплылась в чудовищном оскале.

— Но мы сделали это, йес! — воскликнул он. — Мы играли настоящую музыку Рока! А как Джимбо разбил свою гитару!

— Разбил гитару?

— Ага, — с гордостью настоящего артиста подтвердил Джимбо. — О голову Падлы.

Бадди стоял с закрытыми глазами. Утесу показалось, что паренька окружает едва заметное свечение, похожее на неплотный туман, по которому пробегают искорки.

Иногда Бадди был вылитый эльф.

Асфальт поспешил убратся со сцены.

— Отлично, все готово, — объявил он.

Все повернулись к Бадди.

Он по-прежнему стоял с закрытыми глазами, как будто заснул на ногах.

— Нам... пора выходить на сцену? — спросил Золто.

— Да, — кивнул Утес. — Пора. Э... Бадди?

Глаза Бадди резко открылись.

— Пора вжарить, — сказал он.

До этого шум казался Утесу очень громким, но, когда они вышли на сцену, он словно получил удар дубиной по голове.

Золто взял трубу. Утес сел и нащупал молотки.

Бадди вышел в центр сцены и, к глубочайшему изумлению Утеса, устоял на свои ноги.

Крики начали стихать.

Пока не стихли окончательно. Огромный зал заполнился тишиной сотен людей, затаивших дыхание.

Пальцы Бадди коснулись струн.

Он взял три простых аккорда.

И поднял взгляд.

— Привет, Анк-Морпорк!

Утес почувствовал, как музыка струится по его позвоночнику. Она захватывала и увлекала в тоннель из огня, искр и возбуждения. Он опустил молотки. И это была настоящая музыка Рока.

Чтобы музыка не мешала, С.Р.Б.Н. Достабль выбрался на улицу. Он закурил сигару, вытащил из кармана просроченный счет на черствые булочки и принялся лихорадочно писать.

«Так, посмотрим... организовать все нужно где-нибудь на улице, чтобы не платить за аренду... допустим, десять тысяч человек, одна сосиска в булочке по полтора доллара каждая, нет, скажем, по доллар семьдесят пять, горчица, это еще десять пенсов, десять тысяч футболок с „Рок-Группой“ по пять долларов за штуку, нет, пусть будет по десять... приплюсуем плату за аренду ларьков другими торговцами, ведь людей, которым нравится музыка Рока, можно убедить купить *все, что угодно...*»

По улице приближался звук неторопливо переступающих копыт, однако Достабль не замечал ничего вокруг, пока не раздался женский голос:

— Как я могу туда попасть?

— Без вариантов. Все билеты проданы, — ответил Достабль, даже не обернувшись.

«За какие-то плакаты с „Рок-Группой“ люди с радостью отдавали по

три доллара, а Мел мог нашлепать сотню за...»

Он поднял голову. На него с абсолютно безразличным видом взидала лошадь, великолепная белая лошадь.

Достабль огляделся.

— Э-э, а где твоя хозяйка?

Вход в зал якобы охраняли два тролля. Сьюзен их даже не заметила. А они не заметили ее.

Сидевший в зале Думминг Тупс огляделся и осторожно открыл деревянную коробку.

Натянутые внутри струны моментально задрожали.

— Тут что-то не так! — закричал он в ухо Чудакулли. — Это не соответствует законам звука!

— А может, это и не законы вовсе?! — прокричал в ответ Чудакулли. Сидевшие всего в футе от него люди уже ничего не слышали. — Может, это всего лишь указания?!

— Нет! Законы должны быть!

Чудакулли увидел, как обезумевший от восторга декан пытается вскарабкаться на сцену. Огромная ступня Асфальта тяжело опустилась на его пальцы.

— Точный удар, — похвалил аркканцлер.

Какое-то покалывание в районе загривка заставило его оглянуться.

Несмотря на то что «Каверна» была битком набита, в зале вдруг образовалось свободное место. Люди жались друг к другу, но свободный круг словно окружала стена.

Центр круга занимала девушка, которую аркканцлер видел раньше, в «Барабане». Она шла по залу, изящно поддерживая платье.

У Чудакулли заслезились глаза.

Он шагнул вперед и сосредоточился. Проблема людей состоит в том, что их внимание постоянно рассеяно. В этот круг мог войти любой, главное было заставить свои органы чувств подсказать, где этот круг находится. Внутри звук был слегка приглушенным.

Он похлопал девушку по плечу. Она испуганно вздрогнула и обернулась.

— Добрый вечер, — поздоровался Чудакулли, оглядев ее с головы до ног. — Позволь представиться: Наверн Чудакулли, аркканцлер Незримого Университета. И не могу не поинтересоваться: кто ты такая?

— Э... — Казалось, девушка запаниковала, но только на мгновение. —

Ну... наверное, с официальной точки зрения я — Смерть.

— С официальной точки зрения?

— Да, но сейчас я не на работе.

— Рад это слышать.

Со стороны сцены раздался жуткий вопль — это Асфальт метнул профессора современного руносложения в разразившуюся бурными овациями толпу.

— Не могу сказать, что часто встречался со Смертью, — признался Чудакулли. — Но, насколько помню, во-первых, это был он, а во-вторых, он был крайне костляв.

— Это мой дедушка.

— Ага. Правда? Я и не подозревал, что он... — Чудакулли вовремя остановился. — Так-так-так, подумать только. Твой дедушка? Семейный бизнес, да?

— Замолчи, человек, — оборвала его Сьюзен. — И не смей говорить со мной таким снисходительным тоном. Видишь его? — Она указала на Бадди, в данный момент игравшего соло. — Очень скоро ему суждено умереть. А причиной тому будет... глупость. Ты можешь что-нибудь изменить? А нет, так проваливай!

Чудакулли бросил взгляд на сцену, но когда снова посмотрел на Сьюзен, то обнаружил, что девушка опять исчезла. Приложив невероятные усилия воли, он вроде бы рассмотрел ее у выхода, однако Сьюзен знала, что ее пытаются увидеть, так что шансов у Чудакулли не было.

Первым в гримерную вошел Асфальт. Было что-то печальное в пустой гримерной. Она чем-то напоминала брошенные панталоны. Она многое повидала. Возможно, была свидетелем взрывов восторга, проявления целого букета человеческих страстей. А сейчас не осталось ничего, кроме запаха.

Плоский тролль бросил мешок с камнями на пол и откусил горлышки у пары бутылок пива.

Затем вошел Утес. Он сделал несколько шагов и ничком рухнул на пол всеми частями тела одновременно. Золто перешагнул через него и устроился на пивной бочке.

Он посмотрел на бутылки с пивом. Снял шлем. Вылил в него пиво. И позволил своей голове упасть туда.

Вошел Бадди. Сел в углу и прислонился к стене.

Потом вошел Достабль.

— Ну что я могу сказать? Что я могу сказать?

— Только нас не спрашивайте, — пробормотал Утес с уровня пола. — Нам-то откуда знать?

— Было просто *грандиозно!* — воскликнул Достабль. — А что с гномом? Он тонет?

Золто протянул руку, не глядя отбил горлышко у очередной бутылки пива и вылил содержимое себе на затылок.

— Господин Достабль? — позвал Утес.

— Да?

— Думаю, нам надо поговорить. Только группе. Если ты не против.

Достабль оглядел музыкантов. Бадди уставился в стену. Золто пускал пузыри. Утес валялся на полу.

— Ладненько, — сказал он и весело добавил: — Бадди? Бесплатное выступление — это *превосходная* идея. Я немедленно займусь организацией, и вы выступите, как только вернетесь с гастролей. Да, отлично. Что ж, я пожалуй...

Он было повернулся, чтобы выйти, но наткнулся на внезапно возникшую перед ним руку Утеса.

— Гастроли? Какие гастроли?

Достабль отступил на шаг.

— Так, по некоторым городам. Щеботан, Псевдополис, Сто Лат... — Он оглядел музыкантов. — Вы что, не хотите?

— Поговорим об этом позже, — сказал Утес.

Он вытолкнул Достабля за дверь и захлопнул ее. С бороды Золто капало пиво.

— Гастроли? Еще три *таких* вечера?

— Но в чем проблемы? — удивился Асфальт. — Было здорово! Все орали и аплодировали. Вы выступали два часа! Я все ноги отбил, скидывая зрителей со сцены! Никогда не чувствовал себя настолько...

Он замолчал.

— Вот именно, — кивнул Утес. — Я тоже. Я вышел на сцену и сел, не понимая, что мы будем делать, а потом Бадди заиграл на своей... на этой штуковине, и я начал выбивать: «*Бам-Бам-ча-ча-БАМ-бам*». Я сам не понимал что играю. *Это* просто приходило в голову и спускалось в руки.

— Ага, — поддержал его Золто. — Полностью с тобой согласен. Я извлекал из трубы звуки, которые никогда туда не клал.

— На нормальную музыку это было совсем не похоже, — продолжал Утес. — Совсем. Не мы играли, а на нас играли.

— Ты ведь давно работаешь в шоу-бизнесе, верно? — спросил Золто у Асфальта.

— Ага. Был, делал, все видел.

— А ты когда-нибудь сталкивался с такой публикой?

— Я видел, как бросали цветы и аплодировали в Опере...

— Ха! Всего-навсего цветы? Какая-то девушка швырнула на сцену свои... свою одежду!

— Вот именно! Они зацепились за мое ухо!

— Помню, как-то в клубе «Скунс», что на Пивоварной улице, госпожа ВаВа Вум представила свой Танец Перьев... Так вот, когда на ней осталось последнее перышко, вся толпа так и бросилась к сцене...

— Прямо как сегодня, да?

— Нет, — признался тролль. — Должен сказать, что никогда не видел таких... голодных зрителей. Когда выступала госпожа ВаВа Вум, голод тоже чувствовался, но... на сцену никто свое белье не бросал. Обычно это она бросала его со сцены.

— И знаете, что странно? — просил Утес. — Нас в этой комнате четверо, а говорят только трое.

Бадди поднял голову.

— Главное — это музыка, — сказал он.

— Это — не музыка, — возразил Золто. — Музыка так с людьми не поступает. Они не должны чувствовать себя пропущенными через мясорубку. Я так вспотел, что, боюсь, через несколько дней придется менять майку. — Он почесал нос. — Кроме того, я смотрел на публику и думал: «Все они заплатили деньги, чтобы сюда попасть». Народу было куда больше, чем на десять долларов.

Асфальт показал им клочок бумаги.

— Нашел билет на полу, — сказал он.

Золто внимательно изучил его.

— Доллар пятьдесят? — воскликнул он. — Шестьсот человек по доллар пятьдесят каждый? Это... это же четыреста долларов!

— Девятьсот, — пробормотал Бадди все тем же безжизненным голосом, — но деньги тут ни при чем.

— Это деньги ни при чем? И ты такое говоришь? Какой же ты после этого музыкант?

Откуда-то все еще доносился рев толпы.

— После сегодняшнего концерта ты хочешь снова вернуться в подвалы и выступать для полудюжины зрителей? — спросил Бадди. — Золто, кто был самым знаменитым трубочом?

— Брат Рукисила, — моментально ответил гном. — Все это знают. Он спер золото с алтаря храма Оффлера, сделал из него трубу и играл

волшебную музыку, пока боги не поймали его и не оторвали ему...

— Вот именно, — перебил его Бадди. — Но если ты сейчас выйдешь и спросишь у людей, кто самый знаменитый трубач, кого они вспомнят? Какого-то сильнорукого воришку или Золто Золтссона?

— Они... — Золто замялся.

— Вот именно, — продолжал Бадди. — Подумай об этом. Музыканту нужно, чтобы его слушали. Ты уже не можешь остановиться. Мы не можем остановиться.

Золто погрозил пальцем гитаре.

— Все дело в ней, — сказал он. — Она слишком опасна.

— Я могу с ней справиться!

— Да, но чем это все закончится?

— Главное не то, чем закончится, — ответил Бадди, — а то, с чего начать.

— Звучит как-то по-эльфийски.

Снова распахнулась дверь.

— Э... — проблеял Достабль. — Ребята, если вы сейчас не вернетесь на сцену и не сыграете еще что-нибудь, мы все окажемся в глубоком коричневом...

— Я не могу играть, — отрезал Золто. — От нехватки денег у меня дыхание перехватило.

— Но я же обещал вам целых десять долларов! — воскликнул Достабль.

— Каждому, — сказал Утес.

Достабль, который вообще-то не ожидал отделаться меньше, чем сотней, отчаянно замахал руками.

— И это ваша благодарность? Хотите, чтобы я себя без ножа зарезал?

— Если хочешь, мы тебе поможем, — предложил Утес.

— Хорошо, хорошо. Тридцать долларов, — поспешил согласиться Достабль. — Но мне придется лишиться себя вечерней чашки чая.

Утес взглянул на Золто, который все еще переваривал фразу о самом знаменитом в мире трубаче.

— Среди зрителей было много гномов и троллей, — сказал Утес.

— Может, сыграем «Пещера глубока, гора высока»? — предложил Золто.

— Нет, — покачал головой Бадди.

— Но что тогда?

— Я что-нибудь придумаю.

Публика наконец вывалилась на улицу. Волшебники, столпившись вокруг декана, щелкали пальцами.

— Йе-йе-йе-йе... — пел обезумевший от счастья декан.

— Уже полночь! — воскликнул профессор современного руносложения и щелкнул пальцами. — А мне все равно! Чем займемся?

— Может, устроим тусню? — предложил декан.

— Может, что бы это ни было, — согласился заведующий кафедрой беспредметных изысканий. — К тому же ужин мы все равно пропустили.

— Пропустили ужин? — переспросил главный философ. — Ого! Вот что делает с людьми музыка Рока! Нам на все наплевать!

— Нет, я хотел сказать... — Декан замолчал. Он сам не понимал, что хотел сказать. — В общем, до Университета далеко. Думаю, мы можем зайти куда-нибудь, выпить кофейку.

— И съесть пару пончиков, — добавил профессор современного руносложения.

— А я бы не отказался от кусочка яблочного пирога, — сказал главный философ.

— Или торта, — добавил заведующий кафедрой.

— Кофе! — воскликнул декан. — О да! Идем в кофейню. И это правильно.

— А что такое кофейня? — удивился главный философ.

— Это то же самое, что кофейня? — спросил профессор современного руносложения.

Желудки настойчивым бурчанием напомнили волшебникам о пропущенном ужине.

Декан еще раз осмотрел свою новую блестящую кожаную мантию. Все без исключения признали, что он был очень крут. А особенно все восхищались надписью «РАЖДЕН, ШТОБ РУНИТЬ». И прическа удалась на славу. Он уже подумывал о том, чтобы сбрить бороду, оставив только узкие полоски по скулам, потому что это казалось ему правильным. А кофе... да, кофе тоже правильно. Он очень гармонично вписывается в происходящее.

А еще была музыка. Она была здесь. Была всюду.

Но было и еще что-то. Вернее, чего-то не хватало. Он не понимал, чего именно, знал только, что поймет сразу, как только это увидит.

В переулке за «Каверной» было очень темно, и только человек с очень острым зрением разглядел бы четыре прижавшиеся к стене фигуры.

А тусклый блеск украшений на одежде подсказал бы знающему

человеку, что перед ним — элитные войска Гильдии Музыкантов, Гармоничные Подпевалы Гришема Фрорда. В отличие от других людей, которых, как правило, нанимал господин Клеть, эти были не лишены музыкальных способностей.

Кроме того, они посмотрели выступление группы.

— Ду-воп, э, ду-воп, э, ду-воп, — пропел тощий.

— Бу-бу-бу-бу, — откликнулся высокий. В такого рода группах всегда есть тощий и высокий типы.

— Клеть был прав. Если они и дальше будут собирать такие толпы, все остальные музыканты останутся не у дел, — сказал Гришем.

— О да, — согласился бас.

— Когда они выйдут из этой двери... — Еще три ножа бесшумно выскользнули из ножен. — ...В общем, делайте все, как я.

Они услышали шаги, спускающиеся по лестнице. Гришем кивнул.

— И раз, и два, и раз, два, тр...

— ГОСПОДА?

Они резко обернулись.

И увидели темную фигуру со светящейся косой в руках.

Сьюзен одарила их жуткой улыбкой.

— НУ ЧТО, НАЧНЕМ С САМОГО ВЫСОКОГО?

— О не-е-ет, — простонал бас.

Асфальт отодвинул засов и вышел в ночь.

— Эй, что это было? — воскликнул он.

— Ты о чем? — спросил Достабль.

— Мне показалось, я слышал, как кто-то улепetyвает со всех ног...

Троль шагнул вперед. Раздался звон. Он наклонился и поднял что-то с земли.

— И они потеряли вот это.

— Так, какая-то безделушка, — громко произнес Достабль. — Пошли, ребята. Сегодня вам не придется возвращаться в ночлежку. Сегодня вы ночуете в «Гритце»!

— Это тролля гостиница? — недоверчиво спросил Золто.

— Она просто принадлежит троллям, — раздраженно отмахнулся Достабль.

— Ребята, я был там однажды, когда еще выступал в кабаре! — воскликнул Утес. — У них там такое есть! Вода течет из кранов почти в каждой комнате. Переговорная трубка, в которую можно проорать заказ на кухню, и парни в самых настоящих ботинках доставят еду прямо вам в

номер! Все дела!

— В общем, наслаждайтесь! — улыбнулся Достабль. — Вы можете себе это позволить!

— А потом начнутся гастроли? — резко отозвался Золто. — Их мы тоже можем себе позволить?

— Не волнуйтесь, я все устрою, — великодушно сказал Достабль. — Завтра вы выезжаете в Псевдополис, это займет два дня, потом возвращаетесь через Сто Лат и Щеботан, как раз успеете приехать к среде, к Фестивалю. Нет, какая все-таки превосходная идея! Поработать на благо общества! Знаете, я всегда работал на благо общества. Это очень выгодно... полезно... для общества. В общем, пока вы будете в отъезде, я все организую, договорились? А потом... — Одной рукой он обнял Бадди за плечи, другой — Золто за голову. — Генуя! Клатч! Гершеба! Химера! Очудноземье! Может, даже Противовесный континент, говорят, его снова откроют, причем очень скоро! Неограниченные возможности для нужных людей! Благодаря вашей музыке и моему безупречному деловому чутью мир станет нашим моллюском! А теперь следуйте за Асфальтом. Лучшие номера, для вас ничего не жалко. Спите спокойно и не волнуйтесь о счете...

— Спасибо, — буркнул Золто.

— ...Оплатите его утром.

«Рок-Группа» зашагала в сторону лучшей в городе гостиницы.

Достабль услышал, как Утес спросил:

— А что такое моллюск?

— Это две пластины из карбоната кальция с соленым, скользким, по вкусу напоминающим рыбу комком между ними.

— Наверное, вкусно. Эту штуку, ну, ту, что между ними, — ее ведь есть не обязательно?

Когда группа ушла, Достабль внимательно осмотрел отобранный у Асфальта нож. Рукоятка была украшена блестками.

Да, будет лучше, если парни на несколько дней исчезнут из города.

Смерть Крыс, прятavшийся на выступе водосточной трубы, что-то пропищал себе под нос.

Чудакулли медленно вышел из «Каверны». Лишь кучи использованных билетов на ступеньках напоминали о двух часах очень громкой музыки.

Он чувствовал себя человеком, только что посмотревшим увлекательнейшую игру, в правилах которой он так и не разобрался. Например, этот паренек пел... как же называлась та песня? «Мы тебя

отрокуем». Что бы это значило? Хотя декан именно так и выглядел, словно его кто-то как следует «отроковал». И все остальные зрители вели себя так, как будто точно знали, что это значит. А потом, насколько он помнил, последовала песня про то, что не стоит наступать на чужие башмаки. Достаточно разумный совет — кто захочет, чтобы у него на ногах топтались? Но почему, почему песня об этом произвела на публику такой эффект?

Что же касается той загадочной девушки...

Прижимая коробку к груди, рысцой подбежал Тупс.

— Мне удалось поймать почти все, аркканцлер! — радостно закричал он.

Но Чудакулли смотрел мимо него. На Достабля, появившегося с лотком нераспроданных футболок «Рок-Группы» в руках.

— Да, да, чудесно, господин Думминг... заткнисьзаткнисьзаткнись... — откликнулся он. — Просто превосходно, пошли домой.

— Добрый вечер, аркканцлер, — поздоровался Достабль.

— Ба, Себя-Режу, привет, не знал, что ты здесь.

— А что это у вас в коробке?

— Так, ничего, ерунда всякая...

— Напротив, это поразительно! — воскликнул Тупс, которого в данный переполнял щедрый энтузиазм истинного исследователя и идиота. — Мы можем ловить — ай-ай-ай!

— Ну и ну, какой же я неуклюжий, — сказал Чудакулли, когда молодой волшебник запрыгал на одной ноге. — Давай я заберу у тебя этот *абсолютно ненужный* прибор...

Но коробка выскользнула из рук Тупса и упала на землю прежде, чем Чудакулли удалось ее подхватить. Крышка отскочила...

...И в ночь полилась музыка.

— Как вам такое удалось? — изумился Достабль. — Это какое-нибудь волшебство?

— Музыка позволила себя поймать, чтобы мы могли слушать ее снова и снова, — отозвался Тупс. — По-моему, аркканцлер, ты специально наступил мне на ногу!

— Слушать снова и снова? — переспросил Достабль. — Просто открыв коробку?

— Да, — сказал Тупс.

— Нет, — сказал Чудакулли.

— Да, — стоял на своем Тупс. — Я же показывал, аркканцлер. Или ты

не помнишь?

— Ничего не помню.

— А любая коробка подойдет? — спросил Достабль хриплым от предчувствия денег голосом.

— Да, нужно только натянуть внутри струну, чтобы музыке было где жить и — ой-ой-ой!

— У тебя какие-то очень опасные мышечные спазмы, — забеспокоился Чудакулли. — Пошли, господин Думминг, не будем отнимать драгоценное время у господина Достабля.

— А вы его и не отнимаете, — заверил Достабль. — Значит, говорите, коробки, полные музыки?

— Коробку мы забираем с собой! — рявкнул Чудакулли. — Это часть важного магического эксперимента!

Он подтолкнул Тупса, но, видимо, чересчур сильно, потому что молодой волшебник согнулся в три погибели.

— Куда ты так торопишься? — прохрипел он. — И чего ты меня все время бьешь?

— Господин Думминг, я знаю тебя как человека, пытающегося осмыслить вселенную. Но существует очень важное правило: никогда не давайте обезьяне ключи от банановой плантации. Иногда стоит задуматься о возможных неприятностях... О нет!

Он отпустил Тупса и небрежно махнул рукой:

— Ну, что ты на это скажешь, молодой человек? Какие-нибудь теории имеются?

Что-то золотисто-коричневое, очень неприятного вида, вытекало на улицу из открытой двери какой-то лавки. Прямо на глазах у волшебников со звоном разбилось стекло, и коричневая жижа потекла из второй двери.

Чудакулли решительно шагнул вперед, зачерпнул целую пригоршню непонятной субстанции и проворно отскочил, прежде чем жижа успела поглотить его башмаки. Он поднес руку к носу и приняхался.

— Что, смертельно опасные испражнения Подземельных Измерений? — спросил Тупс.

— Вряд ли, — ответил Чудакулли. — Судя по запаху, это кофе.

— Кофе?

— Или пена с запахом кофе. И почему-то меня преследуют смутные подозрения, что во всем этом замешаны волшебники.

Из жижи восстала покрытая коричневыми пузырями фигура.

— Стой, кто идет? — рявкнул Чудакулли.

— О да! Кто-нибудь запомнил номер той телеги? Еще один пончик,

будьте любезны! — весело протараторила фигура и плюхнулась обратно в пену.

— Судя по голосу, это был казначей, — определил Чудакулли. — Пошли, парень. Это всего лишь пузыри.

Он смело вошел в пену.

После минутного замешательства Тупс понял, что на карту поставлена честь молодых волшебников, и последовал за аркканцлером.

И почти сразу наткнулся на кого-то в пузырьчатом тумане.

— Э... привет?

— Кто это?

— Это я, Думминг. Я пришел вас спасти.

— Хорошо. И куда мне идти?

— Э...

Из глубины кофейного облака донеслись неясные взрывы и хлопки. Тупс заморгал. Уровень пены постепенно начал падать.

На поверхности, подобно бревнам в пересыхающем озере, показались остроконечные шляпы.

Рассыпая брызги кофе, подошел Чудакулли.

— Здесь имела место какая-то исключительная глупость, — сказал он, — и я подожду, пока декан сознается.

— Не понимаю, с чего ты взял, что виноват именно я, — пробормотал один из столбов кофейного цвета.

— А кто?

— Декан сказал, что кофе должен быть с пенкой, — сообщила куча пены, очертаниями напоминавшая главного философа. — Он произнес простое заклинание, тогда-то нас и накрыло.

— Значит, это все-таки был ты, декан.

— Да, не буду возражать, но на самом деле виновато странное стечение обстоятельств, — несколько раздраженно произнес декан.

— Убирайтесь отсюда, все! — приказал Чудакулли. — Сию минуту возвращайтесь в Университет.

— Почему ты вечно меня во всем винишь? Только потому, что иногда я действительно ви...

Пена еще немного осела, явив сначала шлем, а потом пару глаз.

— Прошу прощения, — раздался откуда-то из-под пузырей гневный голос. — Но кто будет расплачиваться? С вас четыре доллара, большое спасибо.

— Все деньги у казначея, — быстро произнес Чудакулли.

— Были, — возразил главный философ. — Но он купил семнадцать

пончиков.

— С сахаром? — вскипел Чудакулли. — И вы разрешили ему есть сахар? Знаете же, что ему ни в коем случае нельзя сахар, он себя потом *странно* ведет. Госпожа Герпес обещала подать заявление об уходе, если мы еще раз подпустим его к сахару. — Он повел коричневых волшебников к сломанной двери лавки. — Все в порядке, дружище, — сказал он владельцу кофейни. — Мы — волшебники. Завтра утром я пришлю деньги.

— Ха, и ты считаешь, я тебе поверю? — воскликнул гном.

Ночь выдалась длинной и тяжелой. Повернувшись, Чудакулли взмахнул рукой. Раздался треск октаринового пламени, и на каменной стене выжглись слова: «Я ДЛЖН ТБЕ 4 ДОЛАРА».

— Конечно поверю, нет проблем. — Гном нырнул обратно в пену.

— Не думаю, что госпожа Герпес будет нас ругать, — заметил профессор современного руносложения, пока они, хлюпая туфлями, шли по ночным улицам. — Я видел ее и еще нескольких служанок на... э-э... концерте. Ну, девчонок с кухни. Молли, Полли и... э-э... Долли. Они... э-э... кричали.

— Музыка не показалась мне настолько плохой, — заметил Чудакулли.

— Нет... э-э... не как от боли, — поправился профессор современного руносложения и густо покраснел. — Они закричали, когда тот парень принялся вилять бедрами. Вот так...

— Что-то он больно походил на эльфа, — с подозрением припомнил Чудакулли.

— А еще... э-э... кажется, она бросила на сцену что-то из своего... э-э... белья.

Услышав это, замолчал даже Чудакулли. Каждый волшебник вдруг погрузился в глубоко личные мысли.

— Кто, госпожа Герпес? — спросил заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— Да.

— Что, свои...

— Думаю... э-э... да.

Чудакулли довелось как-то раз узреть сушившееся на веревке белье госпожи Герпес. Он и представить себе не мог, что в мире существует так много розовой резинки для белья.

— Что, действительно свои?... — спросил словно откуда-то издалека декан.

— Я практически уверен.

— Это был опасный трюк, — быстро произнес Чудакулли. — Кто-то

мог получить тяжелую травму. Значит, так, всем немедленно вернуться в Университет и принять холодную ванну.

— *Действительно* свои?... — не унимался заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

Образ белья госпожи Герпес наотрез отказывался покидать уютные головы волшебников.

— Займитесь наконец делом и найдите казначея! — рывкнул Чудакулли. — И знаете что? Завтра утром я с удовольствием вызвал бы вас к руководству Университета — если бы вы не были этим самым руководством...

Старикашка Рон, профессиональный маньяк и один из самых трудолюбивых нищих Анк-Морпорка, подслеповато вгляделся в полумрак. У лорда Витинари было превосходное ночное зрение. И, к сожалению, очень острое обоняние.

— Ну, а что потом? — спросил он, стараясь дышать в сторону, — несмотря на то что сам Старикашка Рон был горбатым карликом, его запах, казалось, заполнял весь окружающий мир.

На самом деле Старикашка Рон был *физическим* шизофреником. Был Старикашка Рон, и был *запах* Старикашки Рона, который за долгие годы развился настолько, что стал отдельной личностью. Каждый человек обладает каким-то запахом, который сохраняется некоторое время после его ухода, но запах Старикашки Рона обладал способностью появляться за несколько минут до самого нищего, чтобы расположиться поудобнее и спокойно дожидаться хозяина. Этот запах эволюционировал в нечто настолько поразительное, что человеческий нос, будучи не в состоянии его воспринимать, мгновенно самозатыкался, спасая организм от жуткого отравления. Люди узнавали о приближении Старикашки Рона по тому, что у них в ушах начинала плавиться сера.

— Проклятье, проклятье, не той стороной, а я *им* говорил, разрази их гром...

Патриций терпеливо ждал момента, когда блуждающий ум Старикашки Рона в очередной раз наткнется на его язык.

— ...Шпионили за мной при помощи магии, я же говорил им, бобовый суп... А потом все начали танцевать, понимаешь, а потом два волшебника стояли на улице, музыку можно поймать в коробку, говорит один, а господин Достабль заинтересовался, но тут взорвалась кофейня, после чего все вернулись в Университет... разрази их гром, будто я не знаю!

— Кофейня взорвалась?

— Кофейная пена забрызгала все вокруг, ваш-честь... разрази...

— Да, да, последнюю часть я уже слышал, — нетерпеливо помахал рукой патриций. — И это все, что ты хотел мне сказать?

— Ну... разрази...

Старикашка Рон почувствовал ледяной взгляд патриция и сразу взял себя в руки. Даже пребывая в своем весьма индивидуальном благоразумии, нищий понимал, когда не стоит испытывать свое порядком поношенное счастье. Его Запах бродил по комнате, читал документы и рассматривал картины.

— Говорят, он сводит с ума всех женщин. — Нищий наклонился ближе. Патриций отодвинулся. — Говорят, когда он задергал бедрами... госпожа Герпес бросила свои... как их там... на сцену, во как!

Патриций удивленно поднял бровь.

— Как их там?

— Ну, вы понимаете... — Старикашка Рон замахал руками.

— Пару наволочек? Два мешка с мукой? Какие-то очень просторные шта... О, понимаю. Ничего себе. Жертв не было?

— Не знаю, вашчесть. Но кое-что Старикашка Рон знает наверняка.

— Да?

— Гм... Хромоногий Майкл сказал, вашчесть иногда платит за информацию...

— Да, про это я тоже слышал. Интересно, и откуда берутся такие слухи? — как бы про себя спросил патриций, вставая и открывая окно. — Наверное, стоит принять меры.

Старикашка Рон еще раз напомнил себе, что он, возможно, безумен, но не безрассуден.

— У меня еще вот это есть, вашчесть. — Из отвратительных глубин своего поношенного огромного балахона он вытянул какой-то лист. — Тут все-все написано, вашчесть.

Это был плакат, напечатанный яркими простыми цветами. Плакат был явно недавний, но пребывание за пазухой Старикашки Рона даже в течение одного-двух часов очень сильно сказалось на его физическом... и моральном состоянии. Патриций взял пинцет и аккуратно развернул плакат.

— Это изображение музыкантов, — объяснил Старикашка Рон. — И надпись. А здесь еще одна надпись, смотрите. Господин Достабль и тролль Мел печатают эти штуки, но я их выследил. «А ну, дайте-ка и мне штучку, — говорю, — а то как дыхну!» Видели бы вы их...

— Не сомневаюсь, они тебя сразу послушались, — пробормотал патриций.

Он зажег свечу и внимательно изучил плакат. Рядом со Старикашкой Роном пламя свечей отдавало синим.

— «Бесплатежный Фестиваль Музыки Рока»?

— Это в смысле, что ни за что не надо платить, — объяснил Старикашка Рон. — Разрази их гром, разрази...

— Состоится в Гад-парке. В следующую среду. Так-так-так. Общественное открытое место. Интересно, много будет народу?

— Толпа, вашчество. Знали б вы, сколько народу так и не смогло пробиться в «Каверну»!

— А что, эти парни в самом деле так выглядят? — спросил лорд Витинари. — Они всегда так хмурятся?

— Сколько я их видел, они всегда потели, — откликнулся Старикашка Рон.

— «Буть Здесь Или Астайся Квадратной Штукой», — прочитал патриций. — Это какое-то оккультное зашифрованное послание?

— Не могу знать, вашчество, — пожал плечами Старикашка Рон. — Когда я испытываю жажду, мои мозги работают так медленно...

— «Они Вне Достягаемости! Суперлуны Плоского Мира!», — торжественным тоном прочитал лорд Витинари. — О, извини меня, извини. Сейчас я попрошу, чтобы тебе принесли что-нибудь холодненькое, освежающее...

Старикашка Рон закашлялся. Предложение патриция прозвучало вполне искренне, но почему-то жажда сразу прошла.

— Что ж, не смею тебя задерживать. Большое спасибо, — поблагодарил лорд Витинари.

— Э...

— Да?

— Э... Ничего...

Пока Старикашка Рон, изрытая поток проклятий, спускался по лестнице, патриций задумчиво смотрел на стену и стучал карандашом по плакату.

Каждый раз карандаш точно попадал в слово «Бесплатежный».

Наконец лорд Витинари протянул руку и позвонил в маленький колокольчик. Дверь приоткрылась, показалась голова молодого писца.

— Стукпостук, — сказал лорд Витинари, — пойди и передай главе Гильдии Музыкантов, что он хочет со мной поговорить.

— Э... Господин Клеть уже находится в приемной, ваша светлость.

— А нет ли у него в руках какого-нибудь плаката?

— Есть, ваша светлость.

— И он очень сердит?

— Именно так, ваша светлость. По поводу какого-то фестиваля. Он настаивает на том, чтобы вы его запретили.

— Ничего себе.

— А еще он требует, чтобы вы приняли его немедленно.

— Ага. Тогда пускай посидит минут двадцать, а потом приглашай.

— Слушаюсь, ваша светлость. Он постоянно твердит о том, что хочет узнать, какие меры вы предпринимаете.

— Хорошо. Я задам ему этот же вопрос.

Патриций откинулся на спинку кресла. *Si non confectus, non reficiat*. Не сломано — не чини. Девиз рода Витинари. Все получится, если не нарушать ход событий.

Он взял пачку нотных листов и стал слушать «Прелюдию к ноктюрну на вариации Бубблы» Салами.

Спустя некоторое время он поднял голову.

— Тебя я тоже не смею более задерживать, — резко сказал он.

Запах поспешно удалился.

— ПИСК!

— Не занудничай! Я всего лишь немножко напугала их. Какой смысл во власти, если ею нельзя пользоваться?

Смерть Крыс закрыл нос лапками. С крысами все *гораздо* проще^[21].

С.Р.Б.Н. Достабль тоже не спал. По ночам он обычно встречался с Мелом. Мел был крупным троллем, но на солнце быстро высыхал и начинал расслаиваться.

Другие тролли смотрели на Мела свысока, поскольку он принадлежал к осадочному роду и был, таким образом, троллем очень низкого происхождения. Впрочем, он не обращал на это внимания. По натуре своей Мел был очень дружелюбным троллем.

В основном он работал на людей, которым требовалось что-нибудь необычное, но очень быстро, и в карманах у которых звенели деньги. Предлагаемая ему сейчас работа была достаточно необычной.

— Просто коробки? — уточнил он.

— С крышками, — сказал Достабль. — Такие же, как сделал я. И внутри должна быть натянута проволока.

Другие задали бы вопрос «Зачем?» или «Для чего?», но Мел зарабатывал деньги не на информации. Он взял коробку и покрутил ее в руках.

— Сколько? — спросил он.

— Десять. Для начала, — ответил Достабль. — Потом, думаю, потребуется больше. Гораздо больше.

— Десять — это сколько?

Достабль растопырил пальцы.

— Два доллара, — отозвался Мел.

— Хочешь, чтобы я себя без ножа зарезал?

— Два доллара.

— Доллар за каждую из этих и по доллару пятьдесят за следующую партию.

— Два доллара.

— Ну, хорошо, хорошо. Два доллара за каждую. То есть десять долларов за все, правильно?

— Правильно.

— И это я себя без ножа режу.

Мел отбросил коробку в сторону. Она запрыгала по полу, и от нее отвалилась крышка.

Некоторое время спустя в мастерскую в поисках чего-нибудь съедобного забежал серо-бурого цвета пес неопределенной масти. Увидев раскрытую коробку, пес сел и некоторое время таращился внутрь.

Потом помотал головой и, ощущая себя немножко идиотом, затрусил прочь.

Городские часы пробили два часа ночи, когда Чудакулли наконец добрался до Университета и забарабанил в дверь факультета высокоэнергетической магии. Он поддерживал заснувшего прямо на ногах Думминга Тупса.

Чудакулли не отличался быстрой сообразительностью, зато был настойчив.

Наконец открылась дверь, из щели высунулись волосы Сказза.

— Ты стоишь ко мне лицом? — спросил Чудакулли.

— Да, аркканцлер.

— Тогда позволь нам войти, а то от росы все башмаки промокли.

Чудакулли втащил Тупса и огляделся.

— Хотел бы я знать, парни, и чего вы здесь так надрыгаетесь? — покачал головой он. — В молодости я не находил магию таким уж захватывающим занятием. Сходи принеси кофе для господина Думминга. А потом собери своих друзей.

Сказз умчался, и Чудакулли остался в полном одиночестве. Неподвижный Тупс не считался.

— М-да, и чем же они тут занимаются? — спросил у себя аркканцлер. Раньше ему даже не хотелось это выяснять.

Сказз работал у длинного стола, протянувшегося вдоль одной из стен.

Чудакулли почти сразу узнал деревянный диск, на котором двумя концентрическими окружностями были установлены продолговатые камни. На шарнирном рычаге, обеспечивающем вращение, стояла свеча. Это был походный компьютер друидов, портативный круг камней, который иногда называли «коленбуком». Казначей однажды заказал себе такой. На крышке ящика крупными буквами было написано: «Для Жрецов-Торопыг». Казначеем так и не удалось научиться работать на нем, и сейчас компьютер использовался в качестве дверной подпорки.

«Интересно, какое отношение к магии имеют эти устройства? — в который раз задумался Чудакулли. — В конце концов, этот круг не более чем календарь, а вполне приличный календарь можно купить за восемь пенсов...»

Гораздо более загадочным показалось ему переплетение стеклянных трубок рядом с компьютером. Именно с трубками и работал Сказз, о чем свидетельствовали запасные стеклянные загогулины и картонные карточки, разбросанные вокруг стула.

Трубки выглядели живыми.

Чудакулли наклонился вперед.

Они были полны муравьев.

Тысячи муравьев бегали по трубкам и замысловатым маленьким спиралям. В тишине комнаты был слышен непрекращающийся шорох их ножек.

На уровне глаз Чудакулли находилась прорезь. На клочке бумаге, приклеенном к стеклу, было написано слово «Ввод».

На столе лежала продолговатая карточка, по форме своей как раз подходящая к отверстию. В самой карточке были пробиты две круглые дырки, потом следовал какой-то узор из круглых дырок, затем еще две дырки. «2x2» — виднелась на ней карандашная надпись.

Чудакулли относился к типу людей, всегда готовых потянуть за рычаг, чтобы посмотреть что получится.

Он вставил карточку в предназначенную для нее прорезь...

Шорох мгновенно изменился. Муравьи деловито засновали по трубкам, некоторые, как ему показалось, принялись таскать яйца...

С глухим звуком из другого конца стеклянного лабиринта выпала карточка.

С четырьмя отверстиями.

Чудакулли тупо таращился на нее, когда сзади, потирая глаза, подошел Тупс.

— Это наш муравьиный считатор, — объяснил он.

— Дважды два — четыре, — хмыкнул Чудакулли. — Ну надо же, а я никогда и не подозревал об этом.

— Он не только это может.

— Хочешь сказать, муравьи умеют считать?

— Конечно нет. Отдельные муравьи — нет... Объяснить достаточно сложно... Понимаешь, отверстия на карточке закрывают определенные трубки, заставляют муравьев бежать по другим и... — Тупс глубоко вздохнул. — Мы надеемся добиться больших результатов.

— Но чего именно? — спросил Чудакулли.

— М-м... Это мы и пытаемся выяснить...

— Пытаетесь выяснить? Кто все это построил?

— Сказз.

— И теперь вы пытаетесь выяснить, что эта штука умеет?

— Ну, мы полагаем, что она способна выполнять достаточно сложные математические действия. Главное — поместить в нее нужное количество насекомых.

Муравьи по-прежнему носились по огромной прозрачной конструкции.

— Когда я был маленьким, у меня была такая штука, туда сажалась крыса или, там, мышь, — отступив перед непостижимым, сказал Чудакулли. — И она все время бегала по колесу. Всю ночь, без остановки. Это что-то похожее, да?

— В самом общем смысле, — осторожно заметил Тупс.

— А еще у меня была муравьиная ферма. — Мысли Чудакулли переместились в далекое прошлое. — Маленькие дьяволята никак не могли научиться делать прямые борозды... — Усилием воли он заставил себя собраться. — Ладно, хватит о всякой ерунде, давай, зови своих приятелей.

— Зачем?

— Небольшой сабантуйчик устроим.

— Разве мы не будем изучать музыку?

— Все в свое время, — нравоучительно поднял палец Чудакулли. — Сначала нам надо кое с кем переговорить.

— С кем?

— Секрет, — сказал Чудакулли. — Узнаешь, когда он появится. Или она.

Золто обвел взглядом апартаменты. Владельцы гостиницы только что отбыли, перед тем исполнив обычную показательную программу: вот это — окно, оно на самом деле открывается, это — насос, вода потечет, если покачать эту ручку, а это — мы, ждем, когда вы дадите нам денег.

— Ну, все, — подвел итог гном. — Докатились. Это называется накрыться железным шлемом. Мы весь вечер играли музыку Рока и в итоге получили *такой* номер?

— А по-моему, очень уютненько, — возразил Утес. — Понимаешь, тролли не придают особого значения всяким украшениям...

Золто посмотрел под ноги.

— Это — на полу, и это — мягкое, — заметил он. — Но было бы глупо с моей стороны подумать, что это ковер. Эй, кто-нибудь, принесите швабру. Нет, лопату, а потом уже швабру.

— А по мне, так сойдет, — сказал Бадди.

Он положил гитару и вытянулся на одном из деревянных горбылей, призванных заменять кровати.

— Утес, — позвал Золто, — надо поговорить.

Он указал толстым пальцем на дверь. Посовещаться они решили на лестничной площадке.

— Все хуже и хуже, — сказал Золто.

— Ага.

— Он не говорит ни слова, только на сцене.

— Ага.

— Ты когда-нибудь видел зомби?

— Я знаю одного голема. Господина Дорфла с Большой Мясницкой.

— А он из зомби?

— Вроде. У него в голове бумажка, на которой написано святое слово, сам видел.

— Да? Правда? А я покупал у него сосиски...

— Ну и что? При чем здесь зомби?

— ...По вкусу никогда не определишь, а я-то считал его хорошим сосисочных дел мастером...

— Зомби... — терпеливо повторил Утес.

— Что? А, да. Я имел в виду, Бадди ведет себя точь-в-точь как один из них. — Золто припомнил некоторых анк-морпоркских зомби. — По крайней мере, так, как полагается вести себя настоящему зомби.

— Я тебя понимаю.

— И мы оба знаем, почему он таким стал.

— Ага. Почему?

— Из-за гитары.

— А, из-за нее... Да.

— Когда мы на сцене, именно эта штука всем руководит...

В тишине комнаты гитара лежала рядом с кроватью Бадди, и ее струны дрожали в такт словам гнома...

— Ладно, что будем делать? — спросил Утес.

— Она сделана из дерева. Десять секунд работы топором, и нет проблемы.

— Не уверен. Это — не обычный инструмент.

— Когда мы познакомились, он был таким приятным парнем. Для человека, разумеется.

— Что будем делать? — повторил Утес. — Сомневаюсь, что нам удастся отобрать ее у него.

— Может, заставим его...

Гном замолчал. Его слова порождали какое-то странное, брнчащее эхо.

— Эта треклятая штуковина нас подслушивает! — прошипел он. — Пошли на улицу.

Они вышли на улицу.

— Не понимаю, как она может нас подслушивать? — удивился Утес. — Это же инструмент, и это его слушают...

— Струны слышат, — решительно заявил Золто. — Это — *не* обычный инструмент.

Утес пожал плечами:

— Есть только один способ все выяснить.

Утренний туман заполнил улицы. Окутывающее Незримый Университет фоновое магическое излучение принялось лепить из него причудливые фигуры. Зловещие тени скользили по мокрым булыжникам.

Двумя из них были Золто и Утес.

— Здесь, — сказал Золто. — Пришли.

Он уставился на глухую стену.

— Я так и знал! — завопил он. — Я ж говорил! Волшебство! Сколько раз мы слышали эту историю? Про таинственную лавку, которую никто никогда раньше не видел! Кто-нибудь туда заходит и покупает там ржавую безделушку, которая на самом деле, как потом выясняется...

— Золто...

— ...Какой-нибудь талисман или бутылка с джином, а потом, когда беда уже свалилась всем на головы, люди возвращаются, а лавки-то и...

— Золто...

— ...*Нет*, она уже исчезла, вернулась в то измерение, из которого появилась... Да, в чем дело?

— Ты стоишь на другой стороне улицы. Лавка вон там.

Золто еще раз осмотрел глухую стену, потом повернулся и перешел улицу.

— Гному тоже свойственно ошибаться, — заявил он.

— Ага.

— Но то, о чем я говорил, еще сбудется, вот увидишь.

Золто подергал за ручку и, к своему удивлению, увидел, что дверь не заперта.

— Уже два часа ночи! Ты видел такие музыкальные лавки, которые были бы открыты в два часа ночи?!

Золто чиркнул спичкой.

Они оказались прямо посреди кладбища пыльных музыкальных принадлежностей. Инструменты выглядели как стадо доисторических животных, застигнутых потопом и окаменевших.

— Что это такое? Вот это, похожее на змею? — шепотом спросил Утес.

— Инструмент такой, змеевик.

Золто чувствовал себя тут неудобно. Большую часть жизни он был музыкантом. Ему были отвратительны мертвые инструменты, а здесь были только такие. Они никому не принадлежали. Никто на них не играл. Они напоминали тела, из которых ушла жизнь, людей, лишенных души. Все, что когда-то в них было, безвозвратно ушло. Каждый из инструментов воплощал собой потерпевшего неудачу музыканта.

Между рядами фаготов они увидели пятно света. Старуха с шалью на плечах крепко спала в кресле-качалке, на ее коленях лежали клубки для вязания.

— Золто?

Золто испуганно подпрыгнул.

— Да?! Что?!

— Зачем мы здесь? Мы убедились, что лавка существует...

— А ну, лапы на стену, хулиганье!

Золто отчаянно заморгал, увидев перед своим носом наконечник арбалетной стрелы, и послушно поднял руки. Старуха перешла из состояния сна в положение для стрельбы, минуя все промежуточные фазы.

— Выше не могу, — сказал гном. — Э-э... Понимаешь, дверь была не заперта, вот мы и...

— Вот вы и решили обокрасть старую беззащитную женщину?

— Совсем нет, совсем нет, на самом деле мы...

— Я принадлежу к районному сообществу ведьм! Одно слово, и вы с одержимостью земноводного будете прыгать в поисках принцессы...

— По-моему, это зашло слишком далеко, — произнес Утес и, опустив руку, сжал огромной ладонью арбалет.

На пол посыпались обломки дерева.

— Мы абсолютно безобидны. Просто пришли поговорить об инструменте, который ты продала нашему приятелю на прошлой неделе.

— Вы из Стражи?

Золто поклонился.

— Нет, госпожа. Мы — музыканты.

— И что, я должна сразу успокоиться, да? О каком инструменте идет речь?

— О гитаре.

Старуха склонила голову набок и прищурилась.

— Назад я ее не приму. Сделка была честной и окончательной. К тому же инструмент был в прекрасном рабочем состоянии.

— Мы только хотели узнать, откуда эта гитара у тебя взялась.

— Ниоткуда, — огрызнулась старуха. — Она всегда была здесь. Эй, только попробуй в нее дунуть!

Золто едва не выронил флейту, которую вытащил из кучи мусора.

— ...И мы окажемся по колени в крысах, — закончила старуха. Она повернулась к Утесу и повторила: — Она всегда была здесь.

— На ней мелом была написана единица.

— Она всегда была здесь, — еще раз повторила старуха. — С того момента, как я приобрела лавку.

— А кто ее сюда принес?

— Откуда мне-то знать? Лично я имен никогда не спрашиваю. Людям это не нравится. Они предпочитают цифры.

Золто посмотрел на флейту. К ней был привязан желтый ярлык, на котором корявыми буквами было выведено число «431».

Он осмотрел полки за самодельным прилавком. Увидел на одной из них розовую витую раковину с номером, облизнул губы и протянул к ней руку.

— Перед тем как подуть в нее, приготовь девственницу для жертвоприношения, а также большой котел с плодами хлебного дерева и черепашьим мясом, — предупредила старуха.

Рядом с раковиной лежала труба, выглядевшая так, точно кто-то ее

совсем недавно надраил.

— А эта? — спросил Золто. — Может, она вызовет конец света, и на меня упадет небо?

— Гм, а откуда ты знаешь? — удивилась старуха.

Золто опустил руку, но тут его взгляд привлекло что-то еще.

— Ничего себе! — воскликнул он. — *Это все еще* здесь? Я чуть было не забыл...

— В чем дело? — спросил Утес и посмотрел туда, куда показывал Золто. — Это?

— Почему нет? У нас же есть деньги.

— В самом деле. Может пригодиться. Но помнишь, что сказал Бадди? Вряд ли нам удастся найти...

— Город большой. Если мы не найдем это в Анк-Морпорке, значит, не найдем нигде.

Золто поднял обломок барабанной палочки и задумчиво посмотрел на гонг, наполовину зарытый в груды пюпитров.

— Лично я бы не стала этого делать, — прокаркала старуха. — Если не хочешь, чтобы из земли выпрыгнули семьсот семьдесят семь воинов-скелетов.

Золто ткнул палочкой в сторону заинтересовавшего его инструмента.

— Мы возьмем вот это.

— Два доллара.

— Эй, а почему мы должны платить, это же не твое...

— Заплати, — с вздохом перебил Утес. — Только не вступай в переговоры.

Золто неохотно передал деньги, схватил поданный старухой мешок и выскочил на улицу.

— Занятные у тебя инструменты, — сказал Утес, глядя на гонг.

Старуха лишь пожала плечами.

— Мой друг несколько встревожен, потому что считает твою лавку одной из тех таинственных лавок, о которых говорится в народных легендах, — продолжал Утес. — Ну, слышала, наверное, сегодня — здесь, а завтра — непонятно где. Он искал твою лавку на другой стороне улицы, ха-ха!

— Какая глупость, — буркнула старуха как можно нелюбезнее, надеясь отбить у тролля всякую охоту к дальнейшему разговору.

Утес снова посмотрел на гонг, пожал плечами и последовал за Золто.

Старуха выждала, пока их шаги не стихли в тумане.

Потом открыла дверь и воровато посмотрела по сторонам. Количество

обнаруженной на улице пустоты соответствовало норме, она вернулась в лавку, подошла к прилавку и взялась за странного вида рычаг. На мгновение ее глаза полыхнули зеленым светом.

— В следующий раз собственную голову забуду, — проворчала она и потянула рычаг.

Заскрежетали невидимые механизмы. Лавка исчезла. И через мгновение появилась на другой стороне улицы.

Бадди лежал и смотрел в потолок.

Какой вкус у пищи? Он пытался вспомнить и не мог. Последние несколько дней он точно что-то ел, иначе быть не могло, но вкуса не помнил. Он не помнил почти ничего — кроме музыки. Голоса Золто и всех остальных звучали так, словно проходили сквозь толстую марлю.

Асфальт куда-то ушел.

Он рывком поднялся с жесткой постели и приблизился к окну.

Тени Анк-Морпорка были едва различимы в серых предрассветных сумерках. В открытое окно ворвался легкий ветерок.

Когда он обернулся, оказалось, что в центре комнаты стоит девушка.

Она приложила палец к губам.

— Даже не пытайся звать того мелкого тролля, — предупредила она. — Он ужинает внизу и не услышит. А если и услышит, то увидеть меня не сможет.

— Ты — моя муза? — радостно спросил Бадди.

Сьюзен нахмурилась.

— Кажется, я понимаю, кого ты имеешь в виду, — кивнула она. — Я видела картины. Их было восемь, а главная... гм... Канталупа. Эти музы якобы помогают людям. Эфебцы считают, что они вдохновляют музыкантов и художников, но муз не бы... — Она замолчала и честно призналась: — По крайней мере, я их пока не встречала. Меня зовут Сьюзен, и я здесь потому...

Она снова замолчала.

— Канталупа? — переспросил Бадди. — По-моему, ты что-то путаешь. Ее как-то по-другому звали.

— Какая разница?

— Как ты здесь оказалась?

— Я... послушай, будет лучше, если ты присядешь. Хорошо. Ну... ты же понимаешь, как бывает... Это как с музами... Люди считают, что некоторые люди олицетворяют явления и...

На растерянном лице Бадди отразилось нечто вроде понимания.

— Как Санта-Хрякус олицетворяет дух зимнего праздника?

— Примерно. Ну вот... Я занимаюсь примерно тем же бизнесом, — неловко закончила Сьюзен. — А чем именно я занимаюсь, не имеет значения.

— Ты хочешь сказать, что ты — не человек?

— Нет, я — человек. Но исполняю обязанности... кое-кого. Впрочем, можешь считать меня музой, так будет проще. И я пришла, чтобы предупредить тебя.

— Ты — муза музыки... как красиво звучит... муза музыки Рока?

— Не совсем, но... Эй, с тобой все в порядке?

— Не знаю.

— Ты выглядишь совсем разбитым. Послушай. Музыка опасна...

Бадди пожал плечами.

— Ты имеешь в виду Гильдию Музыкантов? Господин Достабль сказал, что об этом беспокоиться не стоит. Мы уезжаем из города на целых...

Сьюзен шагнула вперед и схватила гитару:

— Я имею виду вот это!

Струны задрожали и застонали под ее рукой.

— Не трогай!

— Она овладела тобой.

Сьюзен бросила гитару на кровать. Бадди быстро схватил инструмент и взял пару проверочных аккордов.

— Я знаю, что ты сейчас скажешь, — кивнул он. — Все вокруг это говорят. Эта парочка тоже считает ее злом. Только это не так!

— Возможно, она вовсе не зло. Но здесь и сейчас она не нужна.

— Я способен с ней справиться!

— Ошибаешься, это она справляется с тобой.

— Да кто ты такая, чтобы так со мной разговаривать? Я не намерен выслушивать поучения какой-то зубной фейки!

— Послушай, она тебя убьет. Я абсолютно уверена!

— То есть я должен перестать играть?

Некоторое время Сьюзен медлила с ответом.

— Не совсем так... потому что тогда...

— Я не намерен выслушивать поучения как жить от какой-то оккультной девчонки! Очень может быть, что тебя даже не существует! Так что можешь лететь обратно в свой волшебный замок, поняла?

Сьюзен даже лишилась дара речи. Она давно смирилась с безнадёжной тупостью человечества, особенно той его части, что ходит

вертикально и бреется по утрам, но она не могла не почувствовать себя глубоко оскорбленной. Никто не смеет разговаривать так со Смертью. По крайней мере, это длится очень недолго...

— Ну, хорошо, — промолвила наконец она и дотронулась до его руки. — Ты еще увидишь меня, и... и тебе это совсем не понравится! Потому что, позволь признаться, так уж получилось, что я...

Выражение ее лица вдруг изменилось. Она почувствовала, что падает назад, одновременно оставаясь на месте. Комната завращалась вокруг искаженного лица Бадди и провалилась во тьму.

А потом тьма взорвалась, и явился свет.

Мерцающий свет свечи.

Бадди провел рукой по пустому месту, где только что стояла Сьюзен.

— Ты еще здесь? Эй, куда ты подевалась? *Кто ты?*

Утес огляделся.

— Кажется, я что-то слышал, — пробормотал он. — Кстати, ты знаешь, что некоторые из тех инструментов были не совсем обы...

— Знаю, — перебил его Золто. — Жаль, не удалось воспользоваться той крысиной дудкой, я снова проголодался.

— Я имею в виду, они действительно были из ле...

— Да.

— Но они оказались в лавке подержанных музыкальных инструментов?

— А ты никогда не закладывал свои камни?

— Конечно закладывал, — кивнул Утес. — Все закладывают свои инструменты рано или поздно, сам знаешь. Иногда это единственный способ получить деньги на еду.

— Вот видишь, ты сам себе ответил. Так рано или поздно вынужден поступить каждый настоящий музыкант.

— Да, но эта штука, на которой Бадди... ну, то есть на ней был написан номер «один»...

— Да.

Золто поднял взгляд на указатель улицы.

— Улица Искусных Умельцев, — прочитал он. — Пришли. Даже в такое позднее время почти все мастерские должны быть открыты. — Он перебросил мешок, в нем что-то треснуло. — Ты будешь стучать в двери по этой стороне, а я — по той.

— Да, хорошо... но подумай, номер «один»! На той раковине стоял номер «пятьдесят два». Кому же принадлежала гитара?

— Не знаю, — ответил Золто и постучал в первую дверь, — но, надеюсь, бывший владелец за ней не вернется.

— Это и есть, — возвестил Чудакулли, — обряд АшкЭнте. Как видите, ничего сложного. Правда, нужно использовать свежие яйца.

Сьюзен заморгала.

На полу была нарисована окружность. Вокруг стояли странные неземные существа, которые, когда она несколько привела в порядок сознание, оказались обычными студентами.

— Кто вы такие? — закричала она. — Где я? Немедленно отпустите меня!

Она решительно подошла к линии и наткнулась на невидимую стену.

Студенты смотрели на нее так, как смотрят люди, слышавшие о существовании женщин, но ни разу не оказывавшиеся ни с одной из них настолько близко.

— Я требую, чтобы вы отпустили меня! — Она грозно посмотрела на Чудакулли. — Ты тот волшебник, которого я видела вчера вечером?

— Именно так, — подтвердил Чудакулли. — А это — обряд АшкЭнте. Он вызывает Смерть в круг, и он — в данном конкретном случае она — не может выйти из него, пока мы не позволим. В этой книге много чего всякого разного понаписано о призвании и изгнании, причем смешными длинными фразами, но на самом деле это всего лишь показуха. Попал в круг — из него не выберешься, вот и все правила. Должен сказать, что твой предшественник, ха, неплохая игра слов, относился к данному обряду с большим пониманием.

Сьюзен свирепо воззрилась на волшебника. Магический круг выделял разные штуки с пространством вокруг нее, и это казалось ей самым несправедливым из того, что с ней произошло.

— Зачем вы меня вызвали? — спросила она.

— Уже лучше. В большей степени соответствует сценарию, — похвалил Чудакулли. — Нам дозволяется задавать тебе вопросы, понимаешь? А ты должна отвечать. Честно.

— Ну?

— Присесть не желаешь? Выпить чего-нибудь?

— Нет.

— Как угодно. Эта новая музыка... расскажи нам о ней.

— И вы вызвали *СМЕРТЬ*, чтобы узнать о такой ерунде?

— Честно говоря, я не совсем уверен, кого именно мы вызвали, — признался Чудакулли. — Эта музыка — она действительно живая?

— Кажется... да.
— И она где-нибудь живет?
— По-моему, она жила в одном инструменте, но сейчас постоянно перемещается. Все? Можно идти?
— Нет. Ее можно убить?
— Не знаю.
— Она должна быть здесь?
— Что?
— Она должна быть здесь? — терпеливо повторил Чудакулли. — Ну, ее появление не случайно?

Сьюзен вдруг остро почувствовала свою значимость. Как она слышала, волшебники являются мудрейшими из мудрых, это подразумевалось самым словом «волшебник»^[22]. Но сейчас они спрашивали ее. Ее слушали. Глаза Сьюзен даже заблестели от уважения к себе.

— Я... так не думаю. Она появилась случайно. Этот мир для нее не подходит.

Чудакулли самодовольно улыбнулся.

— Вот и я тоже так считаю. Сразу сказал, здесь что-то не так. Эта музыка заставляет людей быть тем, чем они быть не могут. Но как мы можем ее остановить?

— Вряд ли это у вас получится. Заклинания против нее бессильны.

— Правильно. Музыка вообще не подчиняется волшебству. Но что-то должно ее останавливать. Тупс, покажи-ка свою коробку.

— Э... Вот.

Он открыл крышку. Комнату заполнила музыка, едва слышная, но все еще вполне различимая.

— словно паук в спичечном коробке, правда? — усмехнулся Чудакулли.

— Музыку такого рода нельзя воспроизвести при помощи обычной проволоки, натянутой в коробке, — возразила Сьюзен. — Это против законов природы.

Тупс явно почувствовал облегчение.

— А ведь я говорил! — воскликнул он. — Но тем не менее это происходит. Она сама того хочет.

Сьюзен долго разглядывала коробку. Потом улыбнулась, но веселья в ее улыбке не было.

— Она тревожит людей, — сказал Чудакулли. — И... вот, взгляни. — Он достал из глубин мантии свернутый лист бумаги и развернул его. —

Какой-то пацан пытался приклеить это на наши ворота. Какая наглость! Я, конечно, отобрал у него плакат, а ему самому посоветовал прыгать отсюда быстрее. — Чудакулли с довольным видом посмотрел на кончики своих пальцев. — М-да... Он, разумеется, придет в себя, но через пару деньков... Да, я отвлекся, здесь говорится о каком-то Фестивале Музыки Рока. На самом же деле, поверь моему опыту, все это закончится тем, что сюда прорвутся всякие Твари из других измерений. В этой части света такое часто случается.

— Прошу прощения, — произнес с подозрением Чокнутый Адриан. — Не хочу показаться назойливым, но это... Смерть или нет? Я видел картинки. Эта девчонка совсем не похожа.

— Мы провели обряд, — ответил Чудакулли, — и получили ее.

— Да, но мой отец ловит селедку, а в его сети попадает не только она, — весьма логично возразил Сказз.

— Эта девчонка может быть кем угодно, — поддержал своих товарищей Тез Кошмарный. — Я думал, Смерть гораздо выше ростом и костлявее.

— По-моему, эта девушка просто водит нас за нос, — сказал Сказз.

Сьюзен молча смотрела на них.

— У нее даже косы нет, — заметил Тез.

Сьюзен сосредоточилась. В ее руках появилась коса, кромка лезвия, отливающая синим цветом, издала звук, словно кто-то провел ногтем по стеклу.

Студенты резко выпрямились.

— Но я лично всегда считал, что настало время перемен, — быстро произнес Тез.

— Конечно. Давно пора дать девушкам возможность овладеть мужскими профессиями, — подхватил Сказз.

— Не смейте так разговаривать со мной!

— Разумеется, — торопливо забормотал Тупс. — Не вижу никаких особых причин, почему Смерть должна быть обязательно мужчиной. Женщина ничуть не хуже может справиться с этой работой.

— И у тебя неплохо получается, — заметил Чудакулли.

Он одобрительно улыбнулся Сьюзен.

Сьюзен сконцентрировала все внимание на нем. «Я — Смерть, — подумала она, — по крайней мере официально. Этот старый толстяк не имеет права мне приказывать. Сейчас я как следует гляну на него, и он поймет всю серьезность ситуации».

Она глянула.

— Да, госпожа, — спохватился Чудакулли, — не желаете ли позавтракать с нами?

«Залатанный Барабан» редко бывал закрыт. Около шести часов утра обычно наступало затишье, но Гибискус держал свое заведение открытым до тех пор, пока кому-нибудь хотелось выпить.

Кое-кто очень хотел выпить. Кто-то непонятный стоял у стойки бара, из него постоянно сыпался песок, и, насколько Гибискус разбирался в оружии, из него торчало несколько стрел клатчского производства.

Трактирщик наклонился вперед.

— Слушай, я тебя раньше здесь случаем не видел?

— Я ДОВОЛЬНО ЧАСТО СЮДА ЗАХАЖИВАЮ. БЫЛ, НАПРИМЕР, В ПРОШЛУЮ СРЕДУ.

— Ха! Неплохая была заварушка. Это когда зарезали беднягу Винса.

— ДА.

— Сам напросился, называл себя Винсентом Неуязвимым.

— ПРИЧЕМ, СОВЕРШЕННО НЕОПРАВДАННО.

— Стража посчитала это самоубийством.

Смерть кивнул. По анк-морпоркским стандартам человек, пришедший в «Залатанный Барабан» и назвавшийся там Винсентом Неуязвимым, полностью подходил под определение самоубийцы.

— В ЭТОМ ПОЙЛЕ ПЛАВАЮТ ОПАРЫШИ.

Трактирщик посмотрел, прищурившись.

— Это не опарыш, господин. Это — червь.

— А ЧТО, ЕСТЬ КАКАЯ-ТО РАЗНИЦА?

— Он должен там быть, господин. Напиток мексикальский. Червяка кладут специально, чтобы показать, насколько крепок напиток.

— ТО ЕСТЬ ДОСТАТОЧНО ЛИ ОН КРЕПОК, ЧТОБЫ В НЕМ УТОНУЛ ЧЕРВЯК?

Трактирщик задумчиво почесал в затылке. Об этом он как-то не подумал.

— Просто люди пьют такое, вот и все, — ответил он расплывчато.

Смерть взял бутылку и поднял ее на уровень, на котором обычно находятся глаза. Червяк одиноко болтался в мутной жидкости.

— НУ И НА ЧТО ЭТО ПОХОЖЕ? — спросил он.

— Ну, это типа...

— Я НЕ С ТОБОЙ РАЗГОВАРИВАЮ.

— Позавтракать? — переспросила Сьюзен. — Я хотела сказать —

ПОЗАВТРАКАТЬ?

— По-моему, уже пора, — кивнул аркканцлер. — Кроме того, я так давно не завтракал с очаровательной девушкой.

— Да ты ничуть не лучше других!

— Хорошо, «очаровательную» вычеркни, — спокойно произнес Чудакулли. — Но воробьи уже кашляют на деревьях, солнце выглядывает из-за стены, я чувствую запах готовящейся пищи, кроме того, позавтракать со Смертью выпадает возможность не каждому. Кстати, ты в шахматы случайно не играешь?

— Играю, причем отлично, — сказала все еще сбитая с толку Сьюзен.

— Я так и думал. Ну, ребята, вы продолжайте ковыряться во вселенной, а мы, пожалуй, пойдем. Сюда, госпожа.

— Но я не могу выйти из круга!

— Можешь, если я тебя приглашаю. Правила учтивости это допускают. Не знаю, известно ли тебе это понятие?

Он протянул ей руку. После секундного замешательства Сьюзен перешагнула через проведенную мелом линию, почувствовав лишь легкое покалывание.

Студенты поспешно отступили.

— Давайте, занимайтесь своими делами, — махнул рукой Чудакулли. — За мной, госпожа.

Сьюзен еще не приходилось испытывать силу мужского обаяния. У Чудакулли была масса обаяния — того самого типа, когда в глазах мужчины прыгают веселые искорки.

Она проследовала за ним по лужайкам в Главный зал.

Столы были накрыты, но никого за ними не было. Огромный буфет порос, как осенними грибами, медными супницами. За всем этим великолепием приглядывали три довольно молоденькие служанки.

— Обычно мы обслуживаем себя сами, — пояснил Чудакулли, поднимая крышку. — От официантов столько шума... Это что, шутка?

Он потыкал пальцем в содержимое супницы и подозвал ближайшую служанку.

— Ты которая из них? — спросил он. — Молли, Полли или Долли?

— Молли, ваше волшебничество, — ответила служанка, сделав книксен и слегка задрожав. — Что-нибудь не так?

— А-как-а-как-а-как, как-так-как-так-как-так, — пропели две другие служанки.

— Что случилось с копченой рыбой? Что это? Больше похоже на говяжью котлету в булочке. — Чудакулли грозно глянул на девушек.

— Госпожа Герпес давала какие-то указания повару, — испуганно ответила Молли. — Это...

— ...Ай-ай-ай-ай...

— ...Бургер.

— Без тебя знаю, — огрызнулся Чудакулли. — И скажи на милость, зачем ты соорудила у себя на голове этот улей? Ты похожа на спичку.

— Прошу прощения, господин, мы...

— Ты ходила на концерт музыки Рока?

— Да, господин.

— Ай-ай.

— А ты случаем ничего не бросала на сцену?

— Нет, господин!

— А где госпожа Герпес?

— Простудилась.

— Неудивительно, — буркнул Чудакулли и повернулся к Сьюзен. — Боюсь, нам придется обойтись жалкими бургерами.

— На завтрак я ем только мюсли, — ответила Сьюзен.

— Могу предложить кашу, — сказал Чудакулли. — Мы готовим ее для казначея, потому что только такая пища его не возбуждает. — Он поднял крышку с супницы. — Ну вот, старая добрая каша. Некоторые вещи неподвластны даже музыке Рока, и одна из них — это каша. Позволь я положу тебе половничек.

Они расположились за длинным столом напротив друг друга.

— Очень вкусно, не правда ли?

— Ты смеешься надо мной? — с подозрением спросила Сьюзен.

— Отнюдь. По собственному опыту знаю, что в сети для сельдей попадают в основном сельди. Но как смерти... как потенциальному клиенту мне хотелось бы узнать, почему Смерть из ходячей натомии, к которой мы все так привыкли, вдруг превратился в молоденькую девушку?

— Из натомии? — переспросила Сьюзен.

— Так называют скелет. Название, вероятно, произошло от слова «анатомия».

— Он — мой дедушка.

— А, да, ты говорила. И это соответствует истине?

— Наверное, звучит немного глупо?

Чудакулли покачал головой.

— Тебе бы занять мое место, хотя бы минут на пять, ты сразу поймешь, что такое глупость.

Он достал из кармана карандаш и осторожно снял верхнюю часть

лежавшей на тарелке булочки.

— Еще и сыр положили, — осуждающим тоном произнес он.

— Но он куда-то подевался, и вдруг я унаследовала все дела. А я ведь *не просила* об этом! Почему я? Я вовсе не хочу всю оставшуюся жизнь бродить по миру с этой дурацкой косой...

— М-да, в листовках по профориентации такая профессия не предусмотрена, — заметил Чудакулли.

— Вот именно.

— Но у тебя, видимо, нет выхода?

— Мы не знаем, где его искать. Альберт говорит, он был очень подавлен... Из-за чего-то, а из-за чего именно не говорит.

— Ну и ну, интересно, от чего может впасть в уныние сам Смерть?

— Альберт считает, что он может сотворить... какую-нибудь глупость.

— Гм, надеюсь, не *слишком* глупую глупость. Ты меня понимаешь? Хотя возможно ли такое? И как это будет называться? Самосмертоубийство? Или смертопокушение?

К величайшему изумлению Сьюзен, Чудакулли ободряюще похлопал ее по руке.

— Уверен, мы все будем спать спокойно, зная, что у тебя все под контролем, — сказал он.

— Но все настолько беспорядочно! Хорошие люди умирают по-глупому, плохие доживают до старости... все крайне неорганизованно. Бессмысленно. Справедливости нет. А этот юноша...

— Какой юноша?

Сьюзен с ужасом ощутила, что ее щеки заливаются краской.

— Обычный юноша, неважно... Он должен умереть, причем совершенно нелепо, а я собиралась его спасти, но его спасла *музыка*, и у него начались жуткие неприятности, а я все равно должна его спасти, только не понимаю *почему*.

— Музыка? — переспросил Чудакулли. — И этот юноша играет на странном инструменте, похожем на гитару?

— Да! А ты откуда знаешь?

Чудакулли вздохнул.

— Настоящий волшебник инстинктивно чувствует подобные вещи. — Он уныло поковырял свой бургер. — И салат зачем-то положили. И только тонкий ломтик маринованного огурчика.

Он бросил булку на тарелку.

Некая мысль, тщетно пытавшаяся достучаться до сознания Сьюзен, наконец не выдержала и пустила в ход сапоги.

— О мой бог! — воскликнула девушка.

— Какой именно? — вежливо поинтересовался Чудакулли.

— Как все просто! Она же сама позволяет, чтобы ее поймали! Она изменяет людей! Они хотят играть му... Мне нужно идти. — Сьюзен торопливо вскочила из-за стола. — Э-э... Большое спасибо за кашу.

— Ты ее даже не попробовала, — мягко заметил Чудакулли.

— Да, но... очень внимательно рассмотрела.

Сьюзен исчезла. Некоторое время спустя Чудакулли наклонился и провел рукой по тому месту, где находилась девушка, — так, на всякий случай. После чего достал из кармана мантии афишу Бесплатежного Фестиваля. Основную проблему составляли гигантские существа с щупальцами. Стоит собрать в одном месте более или менее приличное количество волшебства, как в другом месте вселенная тут же рвется, будто... будто носки декана, которые, как заметил Чудакулли, в последнее время стали весьма яркой расцветки. Он помахал рукой служанкам.

— Спасибо, Молли, Долли или Полли, — сказал он. — Можете *это* унести.

— Ай-ай-ай...

— Да, да, спасибо.

Чудакулли почувствовал себя несколько одиноким. Разговор с девушкой ему понравился. Наконец-то он встретил человека, который не был либо по жизни слегка чокнутым, либо полностью захваченным этой проклятой музыкой Рока, которую он, Чудакулли, совсем не понимал.

Он возвращался в свой кабинет, когда его внимание привлек стук молотка, доносившийся из комнаты декана. Дверь была приоткрыта.

Апартаменты старших волшебников были достаточно просторными и состояли из кабинета, мастерской и спальни. Декан обнаружился в мастерской — в маске из дымчатого стекла на лице и с молотком в руке. Он сосредоточенно трудился рядом с небольшим горном. Из-под молотка вылетали искры.

Чудакулли посчитал это хорошим знаком. Может, все это безумие, связанное с музыкой Рока, уже закончилось, и волшебники решили вернуться к привычным трудам?

— Все в порядке, декан? — спросил аркканцлер.

Декан поднял на лоб маску и кивнул.

— Почти закончил, аркканцлер, — сообщил он.

— Даже в коридоре слышно, как ты тут молотишь, — продолжал Чудакулли, поддерживая разговор.

— Работаю над карманами, — похвастался декан.

Чудакулли озадаченно нахмурился. Конечно, есть такие сложные заклинания, которые подразумевают использование огня и молотка, но к карманам они не имеют никакого отношения.

Декан с гордостью продемонстрировал ему свои штаны.

Строго говоря, они мало чем напоминали обычную одежду. Старшие волшебники имели вполне определенную фигуру: пятьдесят дюймов в поясе, длина ноги — двадцать пять дюймов, что сразу же наводит на мысли об одном типе, который сидел себе на стене и которого потом не сумели собрать даже с помощью всей королевской рати. Штаны были темно-синими.

— Ты колотил молотком по ним? — изумился Чудакулли. — Что, госпожа Герпес опять переборщила с крахмалом?

Он присмотрелся.

— Ты соединил штанины заклепками?

Декан просиял:

— Штанцы — что надо.

— Ты снова говоришь о музыке Рока? — с подозрением спросил Чудакулли.

— Они, типа, в самую масть.

— Что ж, для такой погоды это все ж лучше, чем плотная мантия, — согласился Чудакулли, — но... ты ж не собираешься надевать их прямо сейчас?

— А почему нет? — Декан сбросил мантию.

— Волшебники в штанах? Только не в моем Университете! Совсем обабились. Люди засмеют!

— Ты всегда препятствуешь мне, что бы я ни делал!

— И не разговаривай со мной таким тоном...

— Ха, ты все равно не слушаешь, что я говорю. Не понимаю, почему я не могу носить то, что хочу?

Чудакулли обвел взглядом комнату.

— В комнате полный бардак! — взревел он. — Немедленно наведи порядок!

— Не буду!

— Значит так, молодой человек, эту свою музыку Рока ты больше не услышишь!

Чудакулли захлопнул за собой дверь.

А потом с треском распахнул ее и добавил:

— И я, по-моему, не разрешал красить тут все в черный цвет!

Он захлопнул дверь. И распахнул ее.

— А еще, они тебе совсем не идут!

Декан выскочил в коридор, размахивая молотком.

— Говори что угодно, — заорал он, — история запомнит нас, а не каких-то там аркканцлеров!

Восемь часов утра. В это время пьяницы пытаются либо забыть, кто они такие, либо вспомнить, где живут. Посетители «Залатанного Барабана» склонились над стаканами и наблюдали за орангутаном, который играл в «Варваров-Захватчиков» и жутко орал всякий раз, когда проигрывал пенни.

На самом деле Гибискус хотел уже закрываться. С другой стороны, закрыться сейчас означало то же самое, что взорвать золотой рудник. Ему оставалось только следить за тем, чтобы чистые стаканы всегда были в наличии.

— Ну, как забывается? — участливо осведомился он.

— ПО-МОЕМУ, Я ЗАБЫЛ ТОЛЬКО ОДНО.

— Что именно? Ха, глупо спрашивать, раз ты это уже забыл...

— Я ЗАБЫЛ, ЧТО ЗНАЧИТ НАПИВАТЬСЯ.

Трактирщик посмотрел на выстроенные рядами стаканы. Здесь были бокалы для вина, стаканы для коктейлей, пивные кружки. Были глиняные кружки в виде веселых толстяков. Было даже ведро.

— Думаю, ты идешь верным курсом, — сказал он.

Незнакомец выбрал бокал посвежее и направился к машине «Варваров-Захватчиков».

Она представляла собой механизм крайне сложной и замысловатой конструкции. В большом корпусе из красного дерева подразумевалось наличие множества шестеренок и всяческих приводов, единственной функцией которых являлось перемещение по прямоугольному просцениуму шеренг грубо вырезанных варварских захватчиков. Игрок при помощи системы рычагов и блоков управлял небольшой самозарядной катапультой, перемещавшейся чуть ниже захватчиков. Катапульта метала вверх маленькие шарики. Захватчики в свою очередь отстреливались (при помощи храпового механизма) маленькими металлическими стрелами. Периодически звонил колокольчик, и конный захватчик нерешительно скакал по верхней части машины, забрасывая поле копьями. Вся конструкция непрерывно скрипела и грохотала — частично из-за самого механизма, частично из-за того, что орангутан яростно крутил обе рукоятки, скакал на педали «Огонь» и что было мочи вопил.

— Я бы давно убрал эту штуковину, — сказал трактирщик. — Но она пользуется успехом у посетителей, понимаешь?

— ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, У ОДНОГО ПОСЕТИТЕЛЯ.

— Ну, во всяком случае лучше это, чем фруктовая машина.

— ДА?

— Он сожрал все фрукты.

Со стороны «Варваров» донесся полный ярости крик.

Трактирщик вздохнул.

— Невозможно поверить, столько шума из-за какого-то пенни.

Примат бросил на стойку доллар и удалился с двумя полными пригоршнями монет. Если опустить в прорезь пенни, можно было опять дергать за большой рычаг. Словно по волшебству, все варвары восставали из мертвых и заново начинали свое неуклюжее вторжение.

— Он даже пытался их спойть, вылил в машину свою выпивку, — заметил трактирщик. — Возможно, это всего-навсего игра воображения, но мне кажется, что варвары шатаются сильнее, чем прежде.

Некоторое время Смерть наблюдал за игрой. Более унылого зрелища ему видеть не доводилось. Фигурки все равно дойдут до конца и исчезнут, так зачем в них стрелять?

Зачем?...

Он приветственно помахал бокалом собравшимся пьяницам.

— ВЫ, ВЫ! ВОТ ШТО... ВЫ ЗНАЕТЕ, ШТО ЭТО Т'КОЕ, ИМЕТЬ ПАМЯТЬ Н'СТОЛЬКО Х'РОШУЮ, ЧТО ТЫ ПОМНИШЬ ДАЖ' ТО, ЧТО ЕЩЕ НЕ ПРОИЗОШЛО? ТАК ВОТ. ЭТО... ЭТО — ОБО МНЕ. О ДА, ОБО МНЕ, ЛЮБИМОМ... КАК БУДТО... БУДТО, ЭТО... БУДУЩЕГО — НЕТУ! ДА! ТОЛЬКО ПРОШЛОЕ, К'ТОРОЕ ЕЩЕ НЕ НАСТУПИЛО. И... И... И... ТЫ ВСЕ Р'ВНО ДОЛЖ'Н ТАК ПОСТУПИТЬ. ЗНАЕШЬ, ЧТО БУДЕТ, А ДОЛЖ'Н!

Он обвел взглядом лица. Посетители «Барабана» привыкли к наваянным алкоголем проповедям, но только не к таким.

— ТЫ ВИДИШЬ, ВИДИШЬ, КАК ВСЕ, ЭТО... ВОЗВЫШАЕТСЯ, НУ, КАК АЙСБЕРГ, ТАМ, ВПЕРЕДИ, НО ПОДЕЛАТЬ... НЕ-Е, НИЧЕГОШЕНЬКИ НЕ МОЖЕШЬ. П'ТОМУ ШТО, ШТО ПОТОМУ... ЭТ' ЗАКОН. А ЗАКОН НАРУШАТЬ НИЗЯ... П'ТОМУ ШТО ОН — ЗАКОН.

ВИДИТЕ ЭТОТ СТАКАН? ВИДИТЕ? НУ, СТАКАН? ВО-ОТ, ЭТО КАК ПАМЯТЬ, 'ОТ ОНО КАК! ЕСЛИ НАЛИТЬ ЕЩЕ, ШТО-НИБУДЬ ВЫЛЬЕТСЯ, П'РАЛЬНО Г'РЮ? ФАКТ! У ВСЕХ ТАКАЯ ПАМЯТЬ. ЭТО ТО, ШТО УДЕРЖИВАЕТ ЛЮДЕЙ ОТ СУМС... СУМСШ... БЕЗУМИЯ. КРОМЕ МЕНЯ. БЕДНЫЙ Я, БЕДНЫЙ! Я ВЕДЬ ВСЕ-ВСЕ ПОМНЮ. СЛОВНО ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ВОТ ТОЛЬКО ШТО, ЗАВТРА. ВСЕ-ВСЕ...

Он посмотрел на стакан.

— СТРАННО, КАК ВСЕ КРУЖИТСЯ В ПАМЯТИ, ДА?

Такого впечатляющего коллапса трактир еще не видел. Высокий черный незнакомец падал навзничь медленно, как исполинское дерево. Никаких вам подгибаний коленей, никаких задеваний столов на пути к полу. Он просто перешел из вертикального положения в горизонтальное одним идеальным с точки зрения геометрии движением.

Некоторые люди заплотировали, когда он брякнулся на пол. Потом обшарили его карманы, вернее, попытались обшарить, так как никаких карманов не нашли. А после его сбросили в реку^[23].

В огромном кабинете Смерти горела одна-единственная свеча, горела, но короче не становилась.

Сьюзен отчаянно пролистывала книги.

Жизнь — не такая простая штука. Она это знала, потому что данное Знание было связано с работой. Да, есть простая жизнь, которую ведут простые живые существа, но эта жизнь... она... в общем, простая.

А есть и другие виды жизни. Жизни городов. Жизнь муравейников и пчелиных роев, более сложная, чем просто сумма жизней составных частей. Жизнь есть у миров. Жизнь богов зависит от веры верующих.

Вселенная, кружась, несется навстречу жизни. Жизнь — удивительно распространенный товар. То, что посложнее, получает такую же сложную жизнь — примерно так же, как что-то массивное получает обильную порцию тяготения. Вселенная обладает определенной склонностью к настороженности, а это подразумевает под собой некую жестокость, вплетенную в саму материю пространства-времени.

Возможно, и музыка может обрести жизнь — со временем. Жизнь не более чем привычка.

Люди часто говорят: «Никак не могу выбросить из головы эту треклятую мелодию».

Это не просто ритм, но ритм сердца.

Все живое склонно к размножению.

С.Р.Б.Н. Достабль любил вставать на рассвете, дабы не упустить возможность загнать червячка ранней пташке.

В углу мастерской Мела он поставил стол. В целом он не стремился иметь постоянный офис. Одной из положительных сторон было то, что так его легче было бы найти, а одной из отрицательных — то же самое. Но успех всякой коммерческой деятельности Достабля зависел от его способности найти клиентов, а не наоборот.

Тем утром его удалось отыскать достаточно большому количеству людей. И многие из них держали в руках гитары.

— Ну что? — спросил он у Асфальта, чья плоская голова едва возвышалась над самодельным письменным столом. — Все понятно? Два дня уйдет на дорогу в Псевдополис, там в «Бычачьей Яме» найдете господина Клопстока. И не забывайте брать чеки — на все, запомнил?

— Конечно, господин Достабль.

— Неплохая мысль, на время уехать из города...

— Да, господин Достабль.

— Я уже сказал, чтобы вы брали чеки?

— Да, господин Достабль. — Асфальт вздохнул.

— Тогда проваливай. — Достабль перестал обращать внимание на тролля и сделал знак рукой терпеливо ждавшей группе гномов. — Ладно, эй, вы, подойдите сюда. Что, жаждете стать настоящими лунами?

— Да, господин!

— Тогда послушайте, что я вам скажу...

Асфальт посмотрел на деньги. Вряд ли их хватит, чтобы кормить четверых в течение нескольких дней. А за его спиной продолжалось собеседование.

— Как вы будете называться?

— Э... так и будем, господин Достабль, — сказал главный гном.

— «Гномами»?

— Да, господин.

— Почему?

— Потому что мы — гномы, господин Достабль, — терпеливо объяснил главный гном.

— Нет, нет и еще раз нет. Не пойдет. Совсем не пойдет. У вас должно быть название... — Достабль помахал рукой в воздухе. — В котором должна звучать музыка Рока... Не просто «Гномы», а... Название должно быть... не знаю... более интересным.

— Но мы гномы, правда мы хотим прославиться везде, — сказал один из гномов.

— Везде... Везде... Модное название... И крутое... О! — воскликнул Достабль. — «Гномы Интернэшнл»! По-моему, очень неплохо. Ладно. Могу записать вас на среду в «Виноградную Горсть». И, конечно, вы выступите на Бесплатежном Фестивале. Естественно, вам ничего не заплатят, потому что фестиваль — бесплатный.

— Мы написали песню, — с надеждой в голосе произнес главный гном.

— Хорошо, хорошо... — Достабль что-то быстро записывал в блокнот.

— Она называется «Кучи».

— Отлично.

— Мы можем спеть...

Достабль поднял голову:

— Спеть? Я вообще ничего не успею, если буду слушать музыку. Свободны. Увидимся в среду. Следующий! Вы все тролли?

— Да.

На этот раз Достабль решил не спорить. Тролли гораздо больше гномов.

— Хорошо. Но писать вас будем через «у». «Трулли». Именно. Отлично звучит. «Залатанный Барабан», пятница. И Бесплатежный Фестиваль. Так?

— Мы сделали песню...

— Рад за вас. Следующий!

— Это мы, господин Достабль.

Достабль увидел перед собой Джимбо, Нодди, Крэша и Падлу.

— А вам в храбрости не откажешь, — признал он. — После вчерашнего-то вечера.

— Нас немного понесло, — понурился Крэш. — Но, может, ты дашь нам еще один шанс?

— Ты же сам говорил, что публика тащилась, — добавил Нодди.

— Я сказал, что публику тошнило, — поправил его Достабль. — Вы двое постоянно заглядывали в «Самомучитель Блерта Фендера».

— Мы изменили название, — сообщил Джимбо. — «Безумство» — это слишком идиотское название для группы, которая раздвигает границы музыкальной выразительности и когда-нибудь станет великой.

— Четверг, — кивнул Достабль.

— Теперь мы называемся «Засос», — сообщил Крэш.

Достабль смотрел на них долго и холодно. Травля медведей, издевательства над быками, собачьи бои и пытки баранов были недавно запрещены в Анк-Морпорке, правда, патриций разрешил неограниченное метание гнилых фруктов в любого, кого можно хотя бы заподозрить в принадлежности к бродячей труппе артистов. Возможно, это отличный ход для разогревания публики...

— Хорошо, — сказал он наконец. — Сыграете на Фестивале. А потом... потом посмотрим.

«В конце концов, — подумал он, — есть вероятность, что они выживут. Небольшая, но есть. Вот тогда и поговорим».

Какая-то фигура, медленно пошатываясь, выбралась из Анка на пристань у моста Призрения, где и остановилась. Грязь, стекая, постепенно образовала небольшую кучку вокруг ног фигуры.

Мост был довольно высоким. На нем даже стояли дома — по обеим сторонам дороги, которая в результате этого была очень узкой. Мосты считались крайне выгодными площадками для постройки домов, так как отпадала необходимость подвода канализации, к тому же источник воды совсем рядом.

В темноте под мостом искрился красный глаз костра. Фигура неверной походкой направилась к нему.

Темные силуэты, сидевшие у огня, повернулись и прищурились, пытаясь понять, кто это к ним пожаловал.

— Это крестьянская телега, — сказал Золто. — Меня не обманешь, я ее всегда узнаю, даже если она выкрашена в синий цвет. К тому же весьма раздолбанная телега.

— Это все, что вы можете себе позволить, — откликнулся Асфальт. — Кстати, я постелил свежую солому.

— Я думал, мы поедem в почтовой карете, — удивился Утес.

— Господин Достабль просил передать, что артистам вашего калибра не подобает пользоваться общественным транспортом, — пожал плечами Асфальт. — Кроме того, он предположил, что вы не захотите тратить.

— Ну, что скажешь, Бадди? — повернулся Золто к пареньку.

— Мне все равно, — безразлично произнес Бадди.

Золто и Утес переглянулись.

— Готов поспорить, ты мог бы добиться большего, если бы переговорил с господином Достаблем, — с надеждой в голосе произнес Золто.

— Колеса у нее есть? — поинтересовался Бадди. — Значит, сойдет.

Он забрался на телегу и сел на солому.

— Господин Достабль приготовил новые рубашки, — сообщил Асфальт в попытке разрядить безрадостную атмосферу. — Специально для гастролей. Смотрите, на спине перечислены все города, в которых вы выступите, правда здорово?

— Грандиозно, — восхитился Золто. — Когда Гильдия Музыкантов наконец свернет нам шеи, мы сможем увидеть, где уже побывали.

Асфальт щелкнул кнутом. Лошади не спеша тронулись — с явным намерением не изменять шага весь день и всем своим видом показывая, что

никакой идиот, намеревающийся использовать кнут по назначению, не заставит их передумать.

— Проклятье, проклятье! Взрослый человек. Разрази гром! В желтой мантии, как и сам. Десять тысяч лет! Гром и молния!

— ПРАВДА?

Смерть расслабился. У костра собралось с полдюжины людей. И все они были очень компанейскими. Бутылка передавалась из рук в руки. Вернее, половина жестяной банки. Смерть так и не смог понять, что там налито, как и то, что именно булькает в котелке над костром из ила и старых башмаков.

Они даже не поинтересовались, кто он...

Насколько он понял, имена тут были не в ходу. У них были... прозвища, типа Стремный Кен, Генри-Гроб и Старикашка Рон, которые в какой-то степени объясняли, кем эти люди являются сейчас, но не кем они были прежде.

Жестянка попала к нему в руки. Он тактично передал ее дальше и мирно лег на спину.

Люди без имен. Люди невидимые, как и он сам. Люди, для которых Смерть всегда был приемлемым вариантом. Здесь можно и задержаться...

— *Бесплатная музыка...* — пробурчал господин Клеть. — Бесплатная! Да какие идиоты согласятся играть бесплатно? Ты хоть шапку на землю положи, чтоб было куда бросать медяки. Иначе какой в этом смысл?

Он смотрел на разбросанные по столу бумаги так долго, что Губошлеп был вынужден вежливо прокашляться.

— Я тут подумал... — продолжил господин Клеть. — Этот противный Витинари... Он сказал, что Гильдии сами должны заботиться о соблюдении своих законов...

— Я слышал, они уезжают из города, — сообщил Губошлеп. — На гастроли. По провинциям, насколько мне известно. Там наши законы не действуют.

— Провинция... — задумчиво произнес господин Клеть. — Опасная местность.

— Именно, — согласился Губошлеп. — Один турнепс чего стоит.

Господин Клеть перевел взгляд на бухгалтерские книги Гильдии. Он вдруг осознал (и, надо сказать, не в первый раз), что слишком многие люди доверяют железу и стали, тогда как золото является одним из наиболее эффективных видов оружия.

— Господин Низз все еще является главой Гильдии Наемных Убийц? — спросил он.

Другие музыканты явно занервничали.

— Наемные убийцы? — переспросил Герберт Туес по кличке Господин Клавикорд. — Не слышал, чтобы когда-нибудь мы прибегали к их помощи. Это — дело нашей Гильдии. Тут нельзя вмешивать другую Гильдию.

— Согласен, — поддержал Губошлеп. — Что будет, если люди узнают, что мы использовали наемных убийц?

— В нашей Гильдии будет гораздо больше членов, — рассудительно заметил господин Клеть. — Вероятно, мы даже сможем повысить членские взносы. Хат-хат-хат.

— Погоди, погоди, — замахал руками Губошлеп. — Я совсем не против того, чтобы проучить людей, не желающих вступать в Гильдию. Это нормальная реакция. Но наемные убийцы...

— Что? — спросил господин Клеть.

— Они убивают людей за деньги.

— Ты хочешь, чтобы музыка стала бесплатной?

— Конечно нет...

— Помню, в прошлом месяце ты с увлечением прыгал на пальцах того уличного скрипача. Тогда ты не чистоплюйничал, — заметил господин Клеть.

— Ну, это же совсем не убийство, — возразил Губошлеп. — Он же потом сам ушел. Ну, уполз. К тому же он сможет заработать себе на жизнь. Конечно, руками ему не работать, но...

— А тот парень, который играл на свистульке? Который теперь посвистывает, только когда икает? Хат-хат-хат.

— Согласен, но это не совсем одно и то же...

— Ты знаешь гитарных дел мастера Фендера? — осведомился господин Клеть.

Губошлеп слегка опешил от внезапной смены темы.

— Мне сообщили, что он продает гитары так, будто завтрашний день никогда не наступит, — сказал господин Клеть. — Но что-то я не заметил увеличения числа членов Гильдии. А ты?

— Ну...

— Если в людские головы вобьют идею, что музыку можно слушать бесплатно, чем все это закончится?

Он посмотрел на двух других членов Гильдии Музыкантов.

— Не знаю, господин Клеть, — послушно сказал Туес.

— Вот именно. Патриций допустил в разговоре со мной *иронию*, — хмыкнул господин Клеть. — Больше я этого не потерплю. Пришло время наемных убийц.

— Я по-прежнему считаю, что людей убивать не следует, — упрямо гнул свое Губошлеп.

— Даже не желаю тебя слушать. Это — дело Гильдии.

— Да, *нашей* Гильдии...

— Вот именно! Так что заткнись. Хат! Хат! Хат!

Телега мирно гроыхала по дороге в Псевдополис, тянущейся между бескрайними капустными полями.

— Знаете, а я ведь уже бывал на гастролях, — признался Золто. — Когда играл со «Снори Снорикузенном и Его Бронзовыми Придурками». Каждую ночь — другая постель. Скоро начинаешь забывать, какой сегодня день недели.

— Кстати, какой сегодня день недели? — спросил Утес.

— Вот видишь! — воскликнул Золто. — А мы были в пути всего... сколько... три часа?

— Где остановимся на ночь? — поинтересовался Утес.

— В Скрате, — сказал Асфальт.

— Интересное местечко должно быть, судя по названию, — сказал Утес.

— Я бывал там, — откликнулся Асфальт. — Вместе с цирком. Городишко одной лошади.

Бадди посмотрел в сторону, но ничего заслуживающего внимания не увидел. Плодородная илистая долина Сто, может, и была бакалейной лавкой континента, но повергающей в трепет панорамой никак не являлась, если, конечно, вас не возбуждает вид пятидесяти трех сортов капусты и восьмидесяти одного сорта бобовых.

Примерно через одну милю следовали деревеньки, еще реже однообразность полей нарушали города. Городами они назывались только потому, что были больше деревень. Телега миновала пару таких городов. Две улицы крестом, одна таверна, одна семенная лавка, одна кузница, один извозчий двор с названием типа «ИЗВОЗЧИЙ ДВОР ДЖО», пара амбаров, три старика на лавочке у таверны и трое парней, слоняющихся у извозчийского двора и уверяющих друг друга, что скоро уедут прочь из этого треклятого городишки и еще покажут всему миру. Очень скоро. Практически в любой из ближайших дней.

— Что, напоминает о доме? — Утес толкнул Бадди локтем.

— А? Нет! Лламедос — это горы и долины. И дождь. И туман. И вечнозеленые деревья.

Бадди вздохнул.

— Полагаю, у тебя там был хороший дом? — спросил тролль.

— Обычная хижина, — пожал плечами Бадди. — Из земли и дерева. Вернее, грязи и дерева.

Он снова вздохнул.

— В дороге всегда так, — заметил Асфальт. — Меланхолия. Поговорить не с кем, только друг с другом, я знавал людей, которые просто сходили с у...

— Сколько мы уже едем? — перебил его Утес.

— Три часа десять минут, — ответил Золто.

Бадди вздохнул.

Смерть понял, что они — невидимы. Сам он привык быть невидимым. Это соответствовало его работе. Люди не видели его — а потом у них просто не оставалось выбора.

С другой стороны, он был антропоморфической сущностью, а, скажем, Старикашка Рон был человеком. По крайней мере, с формальной точки зрения.

Старикашка Рон зарабатывал на жизнь тем, что шел следом за людьми, пока они не давали ему деньги, чтобы он этого больше не делал. У него была собака, запах которой чудесно дополнял Запах самого Старикашки. Это был терьер серовато-коричневой масти с рваным ухом и отвратительными пятнами голой кожи. Он выпрашивал деньги, зажав в оставшихся зубах шляпу, и, поскольку люди часто дают животным то, чего никогда не дали бы своим собратам, вносил значительную лепту в заработки группы.

Генри-Гроб зарабатывал деньги тем, что никуда не ходил. Люди, организовавшие важные общественные события, посылали ему антиприглашения, к которым прикладывали небольшие суммы денег, чтобы он ни в коем случае туда не ходил. Они поступали так потому, что в противном случае Генри тайком проникал на всякие свадьбы или другие праздники и предлагал гостям полюбоваться на его обширную коллекцию кожных заболеваний. К тому же у него был кашель, который звучал почти материально.

И у него была доска, на которой мелом было написано: «За небольшую сумму я не буду провожать вас до дому. Кхе-кхе».

У Арнольда Косого не было ног, правда их отсутствие не являлось

главной из его тревог. Он хватал людей за коленки и спрашивал: «Пенни не разменяете?». Пришедшие в полное умственное замешательство прохожие неизменно ему что-нибудь подкидывали.

Еще у одного члена группы, которого звали Человеком-Уткой, на голове сидела самая настоящая утка. Но никто никогда не упоминал об этом. Никто не привлекал внимание к птице. Так, еще одна отличительная черта, подобная безногости Арнольда, независимости Запаха Старикашки Рона или вулканическому кашлю Генри. Но она почему-то беспокоила в остальном безмятежное сознание Смерти.

Он все никак не мог придумать, как бы начать разговор на эту тему.

«В КОНЦЕ КОНЦОВ, — думал он, — ОН НЕ МОЖЕТ ОБ ЭТОМ НЕ ЗНАТЬ. УТКА НА ГОЛОВЕ — ЭТО ТЕБЕ НЕ ПЫЛЬ НА КОСТЮМЕ...»

По общему негласному решению нищие стали называть Смерть господином Скребок. Почему — понять он не мог. С другой стороны, он находился среди людей, способных поддерживать с дверью долгий, вдумчивый разговор. Возможно, было вполне логичное основание назвать его так.

Днем нищие занимались тем, что незаметно ходили по улицам, а люди, их упорно не замечавшие, при встрече с ними быстро переходили на другую сторону улицы, иногда бросая монетки. Господин Скребок хорошо вписался в группу. Когда он просил милостыню, людям почему-то было трудно отказать.

В Скрате не было даже реки. Городок существовал только потому, что тут должно было что-то существовать.

В городе было две улицы в форме креста, одна таверна, одна семенная лавка, одна кузница, пара амбаров и извозничий двор, носивший оригинальное название «ИЗВОЗЧИЧИЙ ДВОР СЕТА».

Все было неподвижным. Даже мухи спали. Единственными обитателями улиц были длинные тени.

— Кажется, ты говорил, это город одной лошади, — припомнил Утес, когда телега покатила по изрытому колеями, покрытому лужами участку, который, вероятно, гордо назывался Городской площадью.

— Видимо, она сдохла, — сказал Асфальт.

Золто встал на телеге и широко раскинул руки.

— Приветствую тебя, Скрат! — заорал он.

Вывеска на извозничьем дворе рассталась с последним гвоздем и упала на землю, подняв клубы пыли.

— Жизнь на колесах, — сказал Золто, — особенно привлекает меня

тем, что постоянно встречаешься с приятными людьми и посещаешь всякие интересные места.

— Думаю, ночью он немного оживает, — оптимистично произнес Асфальт.

— Ага, — согласился Утес. — В это я могу поверить. Именно такой город может оживать ночью. Население именно такого города нужно зарыть в землю на перекрестке и вбить в эту братскую могилу осиновый кол.

— Кстати о еде... — встрепенулся Золто.

Они посмотрели на таверну. На потрескавшейся и облупившейся вывеске можно было разобрать слова: «Виселая Капуста».

— Сомневаюсь, — сказал Асфальт.

В тускло освещенной таверне в угрюмой тишине сидели люди. Путников обслуживал сам хозяин постоялого двора, всем своим видом показывавший, что желает им самой ужасной смерти, как только они покинут его заведение. Пиво по своему вкусу вполне соответствовало существующему положению дел.

Они расположились за одним столиком, спинами ощущая враждебные взгляды.

— Слышал я о таких городках, — прошептал Золто. — Приезжаешь в такой городишко с милым названием Дружба там, или Согласие, а на следующий день тебя подадут в виде жареных ребрышек.

— Только не меня, — откликнулся Утес. — Я слишком каменистый.

— Значит, будешь садом камней.

Золто обвел взглядом хмурые лица и приветственно поднял кружку.

— Капуста растет нормально? — громко поинтересовался он. — Видел, на полях она такая приятная, желтенькая. Созрела, наверное? Просто здорово, а?

— В этом году нашествие корневой мухи, — ответил кто-то из тени.

— Отлично, просто отлично. — Золто был гномом, а гномы не занимаются сельским хозяйством.

— Мы в Скрате цирки не любим, — сказал другой голос.

Глухой и низкий.

— А мы и не циркачи вовсе, — весело заявил Золто. — Мы — музыканты.

— Мы в Скрате не любим музыкантов, — отозвался тот же голос.

Казалось, фигур, маячащих в полумраке, резко прибавилось.

— Э-э... А что вы в Скрате любите? — спросил Асфальт.

— Ну, — сказал трактирщик, превратившийся в сгущавшихся

сумерках в едва различимый силуэт. — В это время года мы обычно жарим ребрышки у сада камней.

Бадди вздохнул.

Это был первый звук, который он издал с тех пор, как они приехали в город.

— Наверное, стоит показать, что мы играем, — предложил он.

В его голосе слышался мелодичный звон.

Прошло некоторое время.

Золто смотрел на дверную ручку и понимал, что это — дверная ручка. За нее берутся рукой. Но что потом?

— Дверная ручка, — сказал он на всякий случай. Вдруг поможет?

— С ней что-то делают, — подсказал Утес откуда-то с уровня пола.

Бадди наклонился над гномом и повернул ручку.

— Поразительно, — изумился Золто и ввалился в комнату.

Потом он поднялся на руках и осмотрелся.

— Что это?

— Владелец таверны сказал, мы можем переночевать здесь бесплатно, — пояснил Бадди.

— Какой бардак, — возмутился Золто. — Сию минуту принесите мне швабру и щетку.

Вошел с вещами Асфальт, в зубах он держал мешок с камнями Утеса. Он все бросил на пол.

— Просто поразительно, — покачал головой он. — Бадди, ты просто вошел в амбар и сказал, сказал... что же ты сказал?

— Устроим шоу прямо здесь, — повторил Бадди и устало опустился на соломенный матрас.

— Удивительно! Вся округа собралась!

Бадди смотрел на потолок и перебирал струны.

— А какое было жаркое! — воскликнул переполненный энтузиазмом Асфальт. — А соус!

— И мясо, — добавил Золто.

— И уголь, — пробормотал Утес черными губами.

— И кто бы мог подумать, — продолжил Золто, — что такое пиво можно сварить из цветной капусты.

— А какая на нем была пена, — согласился Утес.

— Я уж думал, не миновать нам беды, — признался Асфальт, вытряхивая из матраса клопов. — Пока вы не начали играть. До сих пор не понимаю, как вы заставили их плясать.

— Ага, — кивнул Бадди.

— А нам даже не заплатили, — пробормотал Золто.

Он откинулся на спину, и скоро раздался громкий храп, к которому примешивался легкий металлический звон от резонирующего шлема.

Когда все уснули, Бадди положил гитару на матрас, тихонько открыл дверь и вышел на ночную улицу.

Полная луна совсем не помешала бы. Впрочем, месяц тоже сойдет, но полная луна лучше. Однако на небе он увидел обычную, заурядную половину луны, которую никогда не изображали на романтических или оккультных картинах, хотя она-то и являлась наиболее магической фазой.

Пахло прокисшим пивом, гниющей капустой, углями для жаркого и отсутствием канализации.

Пока он стоял на сцене или, как сегодня, на положенной на кирпичи двери от амбара, все было чудесно. Все казалось ярким и разноцветным. В мозгу возникали раскаленные добела образы. Его тело было словно охвачено огнем, и, что особенно важно, ему казалось, что оно и *должно* быть охвачено огнем. Он чувствовал себя живым.

А потом он чувствовал себя мертвым.

Нет, мир не был лишен цветов, он видел их, но словно сквозь дымчатые очки Утеса. Звуки доносились словно сквозь вату. Жаркое, наверное, было превосходным, сомневаться в словах Золто причин не было, но Бадди оно показалось старой ветошью, не более.

Между двумя постройками скользнула тень...

С другой стороны, он — лучший. И он это знал. Гордыня, высокомерие были тут ни при чем, простая констатация факта. Он чувствовал, как музыка струится из него и проникает в публику...

— Это он, господин? — спросила одна из теней, приникшая к стене извозчичьего двора, когда Бадди проходил мимо.

— Да. Этого сделаем первым, а потом вернемся в таверну и покончим с остальными. И с огромным троллем тоже. Есть у троллей одно местечко на шее.

— Но Достабля с ними нет, господин.

— Странно, но это так. Его здесь нет.

— Жаль. Как-то раз я купил у него пирожок с мясом.

— Очень заманчиво, конечно, но за убийство Достабля нам не платили.

Наемные убийцы достали ножи с зачерненными лезвиями, чтобы не было видно предательского блеска.

— Если это так нужно, я могу дать два пенса, господин.

— Очень, очень заманчиво...

Когда шаги Бадди приблизились, старший убийца поплотнее прижался к стене.

Нож он держал на уровне пояса. Ни один человек, хоть немного разбирающийся в ножах, не наносит удар сверху, так обожаемый всеми иллюстраторами. Такой удар считается любительским и крайне неэффективным. Профессионал ведет удар снизу вверх, так как путь к сердцу человека лежит через его желудок.

Он отвел руку назад и напрягся... Перед глазами его вдруг появились песочные часы, излучавшие голубоватый свет.

— ЛОРД РОБЕРТ СИЛАЧИЯ, ЕСЛИ НЕ ОШИБАЮСЬ? — произнес голос у него над ухом. — ЭТО ТВОЯ ЖИЗНЬ.

Он прищурился. Да, все именно так — имя, выгравированное на стекле, невозможно было прочитать иначе. Он видел каждую песчинку, падающую в прошлое...

Лорд Роберт Силачия повернулся, взглянул на фигуру в капюшоне и бросился наутек.

Ученик опередил его на добрую сотню ярдов и все еще набирал скорость.

— Э-э? Кто там?

Сьюзен спрятала часы в платье и тряхнула волосами.

Появился Бадди.

— Ты?

— Я, — кивнула Сьюзен.

Бадди подошел ближе.

— Ты снова исчезнешь?

— Нет. Кстати, я только что спасла тебе жизнь.

Бадди оглядел пустынную улицу.

— От чего?

Сьюзен наклонилась и подняла зачерненный нож.

— От вот этого.

— Знаю, мы уже говорили на эту тему, но... кто ты такая? Ты моя фея-крестная?

— Я думала, ты взрослее, — хмыкнула Сьюзен и отступила на шаг. — И... более приятный. Больше я ничего сказать не могу. Ты даже видеть меня не должен. Я не имею права быть здесь. Как, впрочем, и ты...

— Ты опять о том же? Я должен перестать играть и так далее? — сердито спросил Бадди. — Так вот, я не перестану! Потому что я — музыкант! А кем я буду, если перестану играть? Нет, лучше умереть!

Неужели ты не понимаешь? Музыка — это моя жизнь!

Он подошел на несколько шагов ближе.

— Почему ты преследуешь меня? Ах да, Асфальт рассказывал о таких девушках...

— Что ты имеешь в виду под «такими девушками»?

— Они преследуют актеров и музыкантов, — пояснил Бадди, — из-за этого, гламура и всего прочего...

— Гламур? Это ты раздолбанную телегу и таверну, насквозь провонявшую капустой, гламуром называешь?

Бадди протянул к ней руки.

— Послушай, — произнес он настойчиво. — Со мной все в порядке. Я работаю, люди слушают меня... я не нуждаюсь в помощи. Понятно? У меня достаточно забот, так что уйди из моей жизни...

Послышались торопливые шаги, появился Асфальт, за которым примчались остальные члены группы.

— Гитара кричала, — сказал Асфальт. — С тобой все в порядке?

— У нее спроси, — буркнул Бадди. Все трое смотрели прямо на Сьюзен.

— У кого?

— Она стоит прямо перед вами.

Золто помахал короткой рукой, едва не задев Сьюзен.

— Все из-за этой капусты, — сказал Утес Асфальту.

Сьюзен бесшумно отошла на несколько шагов.

— Она здесь! Неужели вы не видите? А сейчас уходит!

— Конечно, конечно, — успокаивающе пробормотал Золто и взял Бадди за руку. — Она уходит, скатертью дорога, и тебе пора...

— А сейчас она садится на лошадь!

— Да, конечно, на большую черную лошадь.

— Лошадь белая, идиот!

На земле появились светящиеся отпечатки копыт, но буквально через мгновение исчезли.

— Все, ушла.

«Рок-Группа» тупо уставилась в ночь.

— О да, теперь я вижу, — сказал наконец Утес. — Конечно вижу. Вижу лошадь, которой здесь нет.

— Да, лошадь определенно была, но куда-то ускакала, — осторожно произнес Асфальт.

— Неужели никто ее не видел? — удивился Бадди, когда его нежно повели сквозь предрассветный туман обратно в таверну.

— Я слышал, что музыкантов, действительно хороших музыкантов, постоянно преследуют полуголые женщины. Их еще музами называют, — припомнил Золто.

— Типа Канталупы, — добавил Утес.

— Мы называем их несколько иначе, — сказал Асфальт и усмехнулся. — Когда я работал на «Балладиста Берти и Его Трубадурных Шакалов», за нами бродили толпы женщин...

— Подумать только, вот так и начинаются легенды... — перебил его Золто. — Пошли, мой мальчик, пошли.

— Она была, — упрямо твердил Бадди. — Была.

— Канталупа? — переспросил Асфальт. — Утес, ты уверен?

— Читал в какой-то книжке, — ответил тролль. — Канталупа. Вроде того. Во всяком случае, очень похоже.

— Она была, — сказал Бадди.

Ворон тихо похрапывал на черепе и считал мертвых овец.

Смерть Крыс влетел в окно по дуге, отскочил от оплившей свечи, но *пристолился* на все четыре лапы.

Ворон открыл один глаз.

— А, это ты...

Вдруг он почувствовал, как его ногу сжала костлявая лапка, и Смерть Крыс прыгнул с черепа и в вечность...

На следующий день снова потянулись бескрайние капустные поля, хотя пейзаж потихоньку все-таки начинал меняться.

— Эй, смотрите, как интересно! — воскликнул Золто.

— Что именно? — не понял Утес.

— Вон то бобовое поле.

Все смотрели на поле, пока оно не скрылось из виду.

— Хорошо, что нам дали столько еды, — сказал Асфальт. — Больше не придется есть одну капусту...

— Замолчи, — велел Золто и повернулся к Бадди, который сидел, подперев голову ладонями. — Приятель, выше нос, всего через пару часов мы будем в Псевдополисе.

— Хорошо, — сдержанно ответил Бадди.

Золто перебрался в переднюю часть телеги и притянул к себе Утеса.

— Заметил, как он притих? — прошептал он.

— Ага, как ты думаешь... эта штука... ну, сам знаешь... будет готова к нашему возвращению?

— В Анк-Морпорке можно сделать все, — твердо заявил Золто. — Я постучался в каждую дверь на улице Искусных Умельцев. Но двадцать пять долларов!..

— И ты жалуешься? Не твоим же зубом расплатились.

Троль и гном посмотрели на гитариста. Который смотрел на бескрайние поля.

— Она была, — пробормотал Бадди.

Перья, кружась, падали на землю.

— Грубиян ты, — ругался ворон, взмахивая крыльями. — Что, нельзя было просто попросить?

— ПИСК.

— Да, но мог бы сначала попросить, а потом...

Ворон взъерошил перья и оглядел ярко освещенную землю под темным небом.

— Тебе точно сюда? — спросил он. — Кстати, ты случаем Смертью Воронов не подрабатываешь?

— ПИСК.

— Внешний вид ничего не значит. Кстати, у тебя тоже острый нос. Так чего тебе тут понадобилось-то?

Смерть Крыс дернул его за крыло.

— Да лечу я, лечу!

Ворон посмотрел на гнома-садовника, который удил рыбу в декоративном пруду. Рыбы на самом деле были скелетами, что, впрочем, ничуть не мешало им наслаждаться жизнью — или чем они там еще наслаждались.

Ворон взмахнул крыльями и поспешил за Смертью Крыс.

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль задумчиво отступил.

Джимбо, Крэш, Нодди и Падла с надеждой воззрились на него.

— Э-э, господин Достабль, а зачем все эти коробки? — спросил Крэш.

— Ага, — поддержал товарища Падла.

Достабль осторожно установил на треногу десятую коробку.

— Вы когда-нибудь иконограф видели? — спросил он.

— Видели... — кивнул Джимбо. — Это, типа, такая штука, в которой сидит демон и рисует все, на что бы ты ее ни направил.

— Это примерно то же самое, только для звука, — сказал Достабль.

Джимбо, прищурившись, заглянул внутрь коробки.

— Типа, не вижу никакого демона, — удивился он.

— Потому что его там нет, — хмыкнул Достабль.

И, надо признаться, это его слегка беспокоило. Он предпочел бы, чтобы внутри сидел демон или была замешана магия, то есть чтобы имелось простое, доступное объяснение. Связываться с наукой ему совсем не хотелось.

— Значит, так... «Засос»... — начал было он.

— «Андеграундный Хлопок», — сказал Джимбо.

— Что?

— «Андеграундный Хлопок», — снова повторил Джимбо. — Так мы теперь называемся.

— А чем было плохо старое название? — не понял Достабль. — Вы не пробывали «Засосом» и двадцати четырех часов.

— Да, но мы решили, что такое название нас тормозит.

— Как оно может вас тормозить, если вы стоите на месте? — Достабль пожал плечами. — Хорошо, в общем, как бы вы там ни назывались, спойте свою лучшую песню, ну, перед этими коробками. Не сейчас... не сейчас... погодите минутку.

Достабль поспешно ретировался в самый дальний угол комнаты и натянул на уши шляпу.

— Можете начинать!

Несколько минут он провел в блаженной тишине, пока прекращение телодвижений группы не подсказало ему, что музыканты закончили исполнять то, что намеревались исполнить.

Затем он осмотрел коробки. Струны едва заметно дрожали, но не было даже намека на звук.

«Андеграундный Хлопок» в полном составе собрался вокруг него.

— Ну, господин Достабль, получилось? — спросил Джимбо.

Достабль покачал головой.

— У вас, ребята, нет того, что нужно, — сказал он.

— А что нужно-то, а, господин Достабль?

— Тут вы меня поймали, — признал Достабль и, посмотрев на их подавленные лица, добавил: — *Что-то* в вас все-таки есть, правда совсем немного.

— Но... но это ведь не значит, что мы не можем выступить на Бесплатном Фестивале? — спросил Крэш.

— Об этом не беспокойтесь, — доброжелательно улыбнулся Достабль.

— Большое спасибо, господин Достабль!

«Андеграундный Хлопок» вышла на улицу.

— Фестиваль уже совсем скоро. Надо что-то предпринять... —

задумчиво промолвил Крэш.

— Ты имеешь в виду... типа... научиться играть? — спросил Джимбо.

— Да нет! Музыка Рока просто случается с тобой, и все. Ты хоть всю жизнь на учебу потрать, ничего не добьешься, — сказал Крэш и огляделся. — Нет, я имею в виду, нам нужны более интересные костюмы. Нодди, ты позаботился о кожаных балахонах?

— Ну, типа, да.

— Что значит — типа?

— Типа кожи. Я сходил в сыромятню на Федрской улице, там есть кожа, только немного, это... вонючая...

— Хорошо, займемся этим вопросом сегодня же. Кстати, Падла, как насчет штанов из леопардовой шкуры? Мы же решили, что это будет круто.

На лице Падлы проступило выражение крайней озабоченности.

— Я, типа, их достал.

— Так, ты их либо достал, либо нет! — рявкнул Крэш.

— Достал, но они... типа... Понимаешь, подходящей лавки я не нашел, но помнишь, у нас на прошлой неделе гастролировал цирк? Я переговорил с одним типом в цилиндре, он согласился скинуть цену, и...

— Падла, — едва слышно произнес Крэш, — что ты купил?

— Ну, — проговорил вспотевший от возбуждения Падла, — типа леопардовых штанов, леопардовой куртки и леопардовой шляпы.

— Падла, — сказал Крэш с едва сдерживаемой угрозой, — ты случаем не купил леопарда?

— Ну, типа...

— Это конец...

— Всего за двадцать долларов. Просто даром, — с жаром запротестовал Падла. — Тот тип сказал, что с ним все в порядке. Почти.

— Почему же он решил от него избавиться? — недоверчиво спросил Крэш.

— Да он, типа, глухой. Не слышал дрессировщика.

— Не подходит.

— Но почему?! Штаны ведь, типа, и не должны ничего слышать!

— ПОДАЙТЕ МЕДЯЧОК, МОЛОДОЙ ГОСПОДИН.

— Отвали, дедуля, — небрежно бросил Крэш.

— УДАЧИ ТЕБЕ.

— Отец говорит, слишком много нищих развелось, — буркнул Крэш. — Пора бы Гильдии Попрошайек принять меры.

— Но все нищие обязаны состоять в Гильдии, — сказал Джимбо.

— Значит, не нужно принимать туда столько народа.

— Да, но это все ж лучше, чем если бы народ просто так слонялся по улицам.

Падла, у которого в отличие от остальных членов группы уходило значительно меньше умственных усилий на осмысление окружающего мира, уныло тащился позади всех. Как вдруг ощутил некоторое беспокойство, словно ступил на чью-то могилу.

— Тот попрошайка выглядел каким-то совсем тощим, вот-вот помрет, — пробормотал он.

Другие не обратили на Падлу никакого внимания, так как были заняты обычными спорами.

— А мне уже надоело быть «Андеграундным Хлопком», — вдруг заявил Джимбо. — Глупое название.

— Какое-то наивное, — подтвердил Падла и пошарил в кармане.

— Мне больше всего понравилось, когда мы были «Кого?», — сказал Нодди.

— Но мы были «Кого?» всего полчаса! — воскликнул Крэш^[24]. — Вчера, сразу после того, как побыли «Кляксами», но до того, как стали «Ледащим Баллоном», забыли?

Падла отыскал в кармане двухпенсовую монету и вернулся назад.

— Должно же существовать, типа, действительно хорошее название, — покачал головой Джимбо. — Готов поспорить, мы, типа, сразу пойдем: вот оно, название. Как только придумаем...

— Давно пора придумать название, о котором мы не будем спорить каждые пять минут, — согласился Крэш. — О каком успехе можно тут говорить, если люди не знают, кто мы такие.

— А господин Достабль считает иначе, — заметил Нодди.

— А любимая поговорка моего папаши: «Катящийся камень мхом не обрастает», — сказал Крэш.

— Вот, старик, держи, — промолвил отставший от своих товарищей Падла.

— СПАСИБО, — сказал благодарный Смерть. Падла поспешил присоединиться к друзьям, которые опять вернулись к обсуждению леопарда с неадекватным слухом.

— Падла, куда ты его дел? — спросил Крэш.

— Ну, в твоей спальне, типа, запер.

— Кстати, а как убивают леопардов? — поинтересовался Нодди.

— У меня есть идея, — мрачно произнес Крэш. — Пусть он подавится Падлой.

Часы в холле ворон окинул наметанным взглядом существа, умеющего оценить толково подобранный интерьер.

Как уже замечала Сьюзен, часы эти вовсе не были маленькими, скорее они были пространственно искаженными. Они выглядели небольшими, именно так с далекого расстояния смотрится крупный предмет, то есть мозг постоянно напоминал глазам, что они ошибаются. Впрочем, это впечатление сохранялось и на близком расстоянии. Часы были сделаны из какого-то потемневшего от времени дерева. У них был медленно качающийся маятник.

А вот стрелок не было.

— Впечатляет, — признался ворон. — Особенно коса на конце маятника. Приятный штришок. Очень готический. Смотришь на них и думаешь о...

— ПИСК!

— Ну, хорошо, уже лечу. — Ворон переместился на декоративный косяк, украшенный затейливой резьбой, преобладающим мотивом которой были черепа и кости.

— Идеальный вкус, — сказал он.

— ПИСК. ПИСК.

— Водопровод у каждого дурака имеется, — сказал ворон. — Кстати, интересный факт. Тебе известно, что туалет был назван в честь сэра Чарльза Твалета? Не многие об этом знают...

— ПИСК.

Смерть Крыс открыл огромную дверь на кухню. Дверь отворилась с пронзительным скрипом, но что-то в нем было неправильно. У слышавшего этот скрип создавалось впечатление, что некто, сделавший данную дверь, решил, что она согласно остальной обстановке просто обязана скрипеть, и добавил этот штрих уже после создания самой двери...

Альберт мыл посуду в фаянсовой раковине и смотрел в пустоту.

— А, — сказал он, — это ты. Кто это с тобой?

— Я — ворон, — несколько обеспокоенно заявил ворон. — Кстати, одна из самых умных птиц. Многие склоняются к мнению, что такой птицей является говорящий скворец, но...

— ПИСК!

Ворон взъерошил перья.

— Я здесь в качестве переводчика, — сообщил он.

— Он его нашел? — спросил Альберт.

Смерть Крыс что-то долго пищал.

— Везде смотрел, ни малейшего следа, — перевел ворон.

— Значит, он не хочет, чтобы его нашли, — заключил Альберт и вытер жир с тарелки, украшенной все теми же костями и черепами. — Мне это совсем не нравится.

— ПИСК.

— Крыса говорит, это еще не самое плохое, — перевел ворон. — Послушай лучше, что творит его внушка...

Смерть Крыс пищал, ворон переводил. Тарелка со звоном упала в раковину.

— Я так и *знал!* — закричал Альберт. — Она *спасла* его! Да она даже представления не имеет, что... Так! Придется *мне* со всем этим разбираться. Хозяин решил, что может так запросто улизнуть, да? Только не от старого Альберта! Ждите меня здесь!

По всему Псевдополису были развешаны афиши. Новости распространялись быстро, особенно если лошадей оплачивал С.Р.Б.Н. Достабль...

— Привет, Псевдополис!

Пришлось вызывать Городскую Стражу. Пришлось, выстроившись в цепочку, подавать ведра с водой из реки. А Асфальту пришлось взять дубину и встать у дверей гримерной Бадди.

Альберт стоял в спальне и лихорадочно расчесывал волосы перед осколком зеркала. Волосы были седыми. Причем таковыми они были достаточно давно, настолько давно, что своим цветом стали напоминать указательный палец заядлого курильщика.

— Это — мой долг, — бормотал он. — Да кем бы он был, если б не я?! Может, он, конечно, помнит будущее, но не так, как надо! О да, его волнуют вечные истины, но кто должен разбираться, когда все сказано и сделано?... Такие простофили, как я, вот кто.

Он посмотрел на свое отражение в зеркале.

— Вот именно!

Под кроватью Альберт хранил потрепанную обувную коробку. Он крайне осторожно достал ее и снял крышку. Коробка была наполовину заполнена ватой, в которой, словно редкое яйцо, лежал жизнеизмеритель.

На стекле было выгравировано имя: «Альберт Малих».

Песок внутри словно застыл. В верхней колбе его оставалось совсем немного.

Времени здесь не существовало.

Это было частью Соглашения. Он работал на Смерть, и время для него

останавливалось, пока он не возвращался в Мир.

Рядом с часами лежал клочок бумаги. В верхней части было написано число «91», но за ним следовали другие, все ниже и ниже: «73»... «68»... «37»... «19».

Девятнадцать!

Он совсем потерял голову. Позволил жизни утекать часами и минутами, в последнее время это случалось особенно часто. Проблемы с водопроводчиком. И покупки. Хозяин не любил ходить за покупками. Его очень неохотно обслуживали. Несколько раз Альберт устраивал себе выходные, потому что так приятно иногда почувствовать на лице лучи солнца (любого), ощутить ветер, капли дождя. Хозяин, конечно, сделал все, что мог, чтобы создать здесь подобие настоящего мира, но, честно говоря, у него ничего не получилось. И приличные овощи тут не росли. Они вроде бы созревали, но *на вкус* все равно были незрелыми.

У него оставалось всего девятнадцать дней в мире смертных. Ладно, этого более чем достаточно.

Альберт сунул жизнеизмеритель в карман, накинул пальто и спустился по лестнице.

— Ты, — сказал он, указав на Смерть Крыс, — неужели ты не нашел ни одной зацепки? *Что-то* должно быть. Соберись.

— ПИСК.

— Что он сказал?

— Он сказал, что, ему кажется, тут как-то замешан песок.

— Песок, — повторил Альберт. — Хорошо. Неплохое начало. Общем весь песок.

— ПИСК?

— Где бы хозяин ни появился, он производит на людей неизгладимое впечатление.

Утес проснулся от какого-то свиста. Потом он увидел силуэт Золто, размахивавшего кистью.

— Эй, гном, ты чем там занимаешься?

— Попросил Асфальта найти краску, — ответил Золто. — Это не комната, а позор какой-то.

Утес приподнялся на локтях и осмотрелся.

— И как называется цвет, в который ты выкрасил дверь?

— Нильский голубой.

— Приятный.

— Спасибо.

— И шторы неплохие.

Со скрипом распахнулась дверь. Вошел Асфальт с подносом в руке и пинком ловко закрыл дверь.

— О, извини.

— Ничего, я закрашу пятно, — отозвался Золто.

Асфальт, дрожа от возбуждения, опустил поднос на стол.

— Все только о вас и говорят! — воскликнул он. — А еще говорят, что все равно собирались строить новый театр. Я принес яичницу с беконом, яичницу с крысой, яичницу с коксом и... и... Что же я еще хотел сказать?... Да! Капитан Городской Стражи велел передать, что, если вы до рассвета не покинете город, он лично зароет вас в землю живьем. Я уже подогнал телегу к черному входу. Правда, женщины разрисовали ее губной помадой. Кстати, приятные занавесочки.

Все трое посмотрели на Бадди.

— Он даже не шевелился ни разу, — озабоченно промолвил Золто. — Сразу после выступления рухнул, будто выключили.

— А вчера неплохо так прыгал, — заметил Утес.

Бадди спокойно похрапывал.

— Когда вернемся, — сказал Золто, — нужно будет уехать куда-нибудь и отдохнуть.

— Именно, — согласился Утес. — Если мы вернемся живыми, я заброшу за спину свой мешок с камнями, пойду куда-нибудь далеко-далеко и остановлюсь, только когда кто-нибудь спросит: «Эй, а что такое ты тащишь на спине?» Это место и станет моим домом.

Асфальт выглянул в окно.

— Не могли бы вы есть побыстрее? — попросил он. — У дома уже собралась толпа людей в форме. И все они держат лопаты.

А в это время в Анк-Морпорке...

— Но мы же вас наняли! — изумился господин Клеть.

— Скорее, «пригласили», а не «наняли», — поправил лорд Низз, глава Гильдии Наемных Убийц. В глазах его читалось нескрываемое отвращение. — К сожалению, мы не можем более следовать условиям контракта.

— Они же простые *музыканты*! — завопил господин Клеть. — Неужели их настолько трудно убить?

— Мои коллеги несколько неохотно рассказывают о случившемся, — ответил лорд Низз. — Однако у них сложилось четкое впечатление, что клиенты в некотором роде защищены. Уверяю, остаток гонорара мы

вернем.

— Защищены... — тихо пробормотал господин Клеть, когда им наконец без ущерба для здоровья удалось выйти за ворота Гильдии Наемных Убийц.

— Я же рассказывал тебе, как было дело в «Барабане»... — пожал плечами Губошлеп.

— Это не более чем суеверия! — резко оборвал его господин Клеть и поднял взгляд на стену.

Прямо перед ним пестрели целые три афиши Бесплатежного Фестиваля.

— Видишь, ты считал, что наемные убийцы вполне справятся со своей задачей, даже за пределами города. А прав оказался я, — процедил господин Клеть.

— Это я так считал?! Да я никогда не...

— Без своих любимых портных и зеркал они ни на что не годятся.

Господин Клеть уставился на афишу.

— Бесплатежный... — буркнул он. — Кстати, ты всем сообщил, что любой участник Фестиваля автоматически вылетает из Гильдии?

— Конечно. Но, кажется, это мало кого беспокоит. То есть... они собираются вместе. И говорят, что если музыкантов больше, чем может принять Гильдия...

— Это — абсолютно бандитские правила! — завопил Клеть. — Они объединяются, чтобы навязать неприемлемые правила беззащитному городу!

— Беда в том, — продолжал Губошлеп, — что их много... И если они решат обратиться во дворец... Ты же знаешь патриция...

Клеть с мрачным видом кивнул. Гильдия оставалась могущественной, пока могла выступать от лица своих членов. Он представил себе, как сотни музыкантов устремятся во дворец. Сотни *не состоящих в гильдии* музыкантов...

Патриций был прагматиком. Он никогда не пытался исправить то, что работало. А то, что не работало, ломалось.

Оставалось надеяться лишь на то, что все слишком заняты этой треклятой музыкой, чтобы мыслить большими масштабами. А тем временем господин Клеть что-нибудь придумает.

А потом он вдруг вспомнил, что в деле замешан этот прощелыга Достабль.

Надеяться на то, что Достабль не задумается о чем-либо связанном с деньгами, — это как надеяться на то, что камни внезапно забудут о силе

тяготения.

— Привет! Альберт?

Сьюзен распахнула дверь. Огромная кухня была пуста.

— Альберт?

Она поискала на втором этаже. Там находилась ее комната, и было много всяких дверей, которые не открывались и не могли открыться, потому что двери и дверные коробки выглядели единым целым. Предположительно, у Смерти была собственная спальня, хотя все знали, что Смерть никогда не спит. Но, может, он там просто лежит и читает?

Она перепробовала почти все ручки, пока не нашла ту, что повернулась.

У Смерти действительно была спальня.

И, надо признать, многие детали ему удалось. Это естественно, ведь ему довелось побывать во многих спальнях. В центре комнаты площадью в акр стояла огромная кровать с пологом. Простыни, когда Сьюзен их потрогала, оказались твердыми как камень.

Еще здесь было зеркало в человеческий рост, рядом со шкафом. Она открыла дверцы, ожидая обнаружить там ряды черных мантий, но увидела только пару старых башмаков на нижней полке^[25].

Половину туалетного столика занимали таз и кувшин, украшенные узором из черепов и омег, другую половину — какие-то бутылочки и тюбики.

Она по очереди осмотрела их. Лосьон после бритья. Помада для волос. Освежитель дыхания. Пара украшенных серебром расчесок.

Грустное зрелище. Смерть выбрал эти предметы, очевидно посчитав, что именно они должны находиться на туалетном столике всякого уважающего себя мужчины, но не задал себе пару главных вопросов.

Наконец она нашла еще одну, узкую, лестницу.

— Альберт?

Сьюзен поднялась по ней до двери.

— Альберт? Эй, есть кто-нибудь дома?

Что ж, она спросила, значит, это никак не может считаться вторжением в личную жизнь... Сьюзен решительно распахнула дверь.

Комната оказалась маленькой. Действительно маленькой. Всего несколько предметов мебели и узкая кровать. Невысокий книжный шкаф с неинтересными, судя по всему, книжками. На полу валялся клочок бумаги, который, когда Сьюзен его подняла, оказался весь исписан цифрами, причем зачеркнутыми, кроме последней — «19».

Одной из книг оказалось «Пасобничество По Садоводию В Суровых Климатных Условиях».

Поняв, что дом пуст, Сьюзен спустилась в кабинет. В воздухе пахло Смертью.

Этот запах преследовал ее и в саду. Смерть мог создать что угодно, канализация — не в счет. А еще он не мог создать жизнь. Ее нужно добавлять, как дрожжи в тесто. Ведь без нее все выглядит опрятным и аккуратным, но скучным... скучным... скучным...

«Вот как, наверное, было, — подумала она. — А потом в один прекрасный день он удочерил мою мать. Ему стало любопытно».

Она двинулась по садовой дорожке.

«А когда родилась я, мама и папа увидели, что я чувствую себя здесь как дома, и так перепугались, что решили вырастить из меня... Сьюзен.

Неплохое имя для внучки самого Смерти... Нет, у такой девушки должны быть высокие скулы, прямые волосы, а ее имя должно складываться из всяких „кс“ и „вг“».

Вдруг она подошла к тому, что он когда-то сделал для нее. Своими руками. Руководствуясь основными принципами.

Качели. Обычные качели.

В пустыне между Клатчем и Гершебой стояла испепеляющая жара.

Воздух аж вибрировал от нее. Раздался легкий хлопок, и на дюне появился Альберт. На горизонте он увидел форт из глиняных кирпичей.

— Клатчский иностранный легион, — пробормотал он, чувствуя, как песок неумолимо просачивается в его башмаки.

С трудом двигаясь по вязкому песку, Альберт зашагал вперед. На плече у него сидел Смерть Крыс.

Наконец он постучал в дверь, из которой торчали несколько стрел. Какое-то время спустя открылось маленькое окошко.

— Что ты хочешь, оффенди? — донесся голос.

Альберт протянул картонку.

— Ты тут никого похожего не встречал? — спросил он.

Тишина.

— Тогда скажем так: не встречал ли ты в последнее время загадочного незнакомца, который наотрез отказывался бы говорить о своем прошлом?

— Это — Клатчский иностранный легион, оффенди. Тут люди о своем прошлом не рассказывают. Они приходят сюда, чтобы... чтобы...

— Забыть?

— Вот именно. Забыть. Да.

— А всякие загадочные новобранцы к вам в последний месяц не заходили?

— Возможно, и заходили. Не могу припомнить.

Окошко с треском захлопнулось. Альберт снова постучал в него. Окошко открылось.

— Да, что тебе нужно?

— Ты точно не помнишь?

— Помню что?

Альберт глубоко вздохнул.

— Я хочу видеть твоего командира!

Окошко закрылось. Окошко открылось.

— Извини. Оказывается, командир — это я. Кстати, ты слушаем не д'рыг и не гершебец?

— А сам ты не можешь это определить?

— Когда-то я... наверняка это мог. Точно уверен. Но сейчас... моя, эта, голова... она как... такая штука с дырками... в которой еще салат промывают... э-э...

Послышался скрежет отодвигаемых засовов, потом открылась дверь.

Перед ним стоял сержант — насколько Альберт разбирался в клатчских знаках отличия. И выглядел он так, как будто кроме всего прочего забыл поспать. Если он, конечно, вообще помнил, что такое сон.

Внутри форта Альберт увидел клатчских солдат, одни из которых сидели, а другие едва стояли на ногах. Многие были забинтованы. Часть солдат, которым сон уже никогда не понадобится, сидели прислоненными к стенам или валялись на песке.

— Что здесь произошло? — спросил Альберт таким начальственным тоном, что сержант даже отдал честь.

— Нападение д'рыгов, сэр! — отрапортовал он, слегка покачиваясь. — Сотни д'рыгов! Численный перевес составлял... какое число идет после девяти?... Там еще единица есть...

— Десять.

— Десять к одному, сэр.

— Вижу, вам удалось отбиться, — заметил Альберт.

— А... Да. Да. Но как... на самом деле все было очень сложно. Э... Капрал? Да, ты. Не ты, а рядом. С двумя нашивками.

— Я? — спросил низенький толстый солдат.

— Да. Расскажи, что произошло.

— А... Есть! Э-э... Эти гаденыши осыпали нас дождем из стрел... Э-э... В общем, было похоже, что нам конец. Но потом кто-то предложил

расставить мертвецов по стенам с копьями и арбалетами, чтобы гаденыши решили, что нас тут очень много...

— Не слишком оригинальная идея, — вставил сержант. — Использовалась сотни раз.

— Да, — несколько нерешительно подтвердил капрал. — Они тоже так подумали. А потом... потом... когда они ринулись вниз по дюнам и уже почти захватили нас, смеясь и вопя: «Ага, все тот же старый трюк!»... Кто-то вдруг крикнул: «Огонь!», и *мертвецы послушались*.

— Мертвецы?

— Я вступил в легион, чтобы... ну, понимаешь, когда с головой...

— Забыть? — подсказал Альберт.

— Вот именно. Забыть. И мне это неплохо удавалось. Но я никогда не забуду моего старого приятеля Толкача Малика, который хоть и был с ног до головы утыкан стрелами, но задавал неприятелю такого перцу... — сказал капрал. — По крайней мере, еще очень долго не забуду. Хотя, конечно, попытаюсь.

Альберт поднял взгляд на крепостные стены. На них никого не было.

— А потом кто-то построил мертвецов, — продолжил капрал, — и куда-то увел. Я пошел посмотреть, куда они делись, и увидел только могилы. Они сами вырыли их друг для друга...

— Но кто это был? Тот «кто-то», о котором ты постоянно говоришь? — спросил Альберт.

Солдаты посмотрели друг на друга.

— Мы как раз это обсуждали, — признался сержант. — Пытались вспомнить. Когда все это началось... он сидел в яме.

— Он был высоким? — уточнил Альберт.

— Может, и высоким. Очень может быть. — Капрал закивал. — Голос у него был точь-в-точь, как у очень высокого человека. — Он сам удивлялся произносимым словам.

— А как он выглядел?

— Ну, у него была... он был примерно... более или менее...

— Он выглядел... громким и глубоким? — спросил Альберт.

Кaprал облегченно улыбнулся.

— Точно, он самый. Рядовой... рядовой... рядовой... Костлявый... Костлявый... Не помню, как дальше...

— Зато я помню, когда он выходил из... — начал было сержант и раздраженно защелкал пальцами. — ...Такая штука, которая открывается и закрывается. Из дерева. С петлями и засовами. Ворота. Спасибо. Именно так... Когда он выходил из ворот, то сказал... Что он сказал, капрал?

— Он сказал: «НИКАК НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ».

Альберт окинул взглядом форт.

— Значит, он ушел?

— Кто?

— Человек, о котором вы мне рассказывали.

— О да. Кстати, оффенди, ты не знаешь, а кто это был? Я имею в виду... просто поразительно... такой боевой дух...

— Спросите у своих мертвецов, — ответил Альберт, который иногда мог быть очень язвительным. — Полагаю, он не сообщил, куда направляется?

— Кто направляется? Куда? — Лоб сержанта наморщился от напряжения.

— Ладно, забудь, — разрешил Альберт.

Он еще раз окинул взглядом маленький форт. Вероятно, для мировой истории не имело большого значения, выстоит ли он или нет и как именно пройдет по карте пунктирная линия. Но хозяин начал вмешиваться в ход событий...

«Иногда он пытается быть человеком, — подумал Альберт. — И ничего у него не получается».

— Так держать, сержант, — сказал он и ушел в пустыню.

Легионеры провожали его взглядами, пока он не скрылся за дюнами, после чего вернулись к наведению порядка в форте.

— Как думаешь, кто это был?

— Ты о ком?

— Ты с кем-то говорил...

— Я говорил?

— Что ты делал?

Альберт достиг гребня дюны. Отсюда пунктирная линия, предательски извивавшаяся по песку, была едва заметна.

— ПИСК.

— Оба пойдем, — решительно сказал Альберт.

Он достал из кармана исключительно грязный платок, завязал на всех четырех углах узлы и закрыл им голову.

— М-да, — с легкой неуверенностью сказал он. — Кажется, мы поступили не слишком разумно.

— ПИСК.

— Я имею в виду, так можно целую вечность гоняться за ним.

— ПИСК.

— Может, стоит подумать?

— ПИСК.

— Итак, допустим, ты оказался на Диске и чувствуешь себя очень странно. При этом ты можешь направиться куда угодно, абсолютно куда угодно... Куда бы ты направился?

— ПИСК?

— Куда угодно. Главное — чтобы там никто не помнил твоего имени.

Смерть Крыс окинул взглядом бескрайнюю, невыразительную, а кроме того, *иссушенную* пустыню.

— ПИСК.

— Знаешь, кажется, ты прав.

Это была яблоня.

«Он сделал для меня качели», — вспомнила Сьюзен.

Она сидела и смотрела на них.

Качели были достаточно замысловатыми и представляли собой конструкцию, создатель которой следовал основным принципам, не всегда их понимая. Как именно все протекало?

Несомненно, качели следует вешать на самую крепкую ветку.

А на самом деле, если безопасность превыше всего, их стоит закрепить на двух самых крепких ветках, по одной веревке на каждую ветку.

Так уж случилось, что ветки эти находились по разные стороны от ствола.

Но назад пути нет. В этом заключалась его логика. Только вперед, логичный шаг за логичным шагом.

В результате, чтобы качели могли качаться... он взял и вырезал прямо из середины дерева кусок ствола около шести футов. И дерево не погибло, наоборот, похоже, это ему пошло на пользу.

Тем не менее отсутствие центральной части ствола породило новую проблему, которая была решена установкой двух подпорок, которые поддерживали верхнюю часть дерева на нужной высоте от земли.

Она, помнится, очень смеялась. А он стоял рядом и не мог понять, в чем дело.

И тут она поняла, поняла все!

Смерть так... жил. Не осознавая до конца, что делает. Он просто поступал — зачастую неправильно. Взять, к примеру, ее мать: на него вдруг свалилась вполне взрослая девушка, а что с ней делать, он понятия не имел. Затем он пытался исправить ситуацию, но делал только хуже. Ее отец,

Ученик Смерти! А когда из этого тоже ничего не получалось, так как неправильность была заложена с самого начала, он снова пытался все исправить...

Он перевернул песочные часы.

Дальше — чистая арифметика.

Вскоре снова пришло время исполнять Обязанности.

— Привет... проклятье, Золто, скажи, где мы находимся... Сто Лат! Хэй!

Зрителей было еще больше. Потому что было больше времени для развешивания афиш, для того, чтобы слухи дошли досюда из Анк-Морпорка. Кроме того, как заметили музыканты, очень много людей последовали за ними из Псевдополиса.

В перерыве между песнями, буквально за мгновение до того, как люди залезли на спинки стульев, Утес наклонился к Золто.

— Видишь эту троллиху в первом ряду? — спросил он. — На пальцах которой прыгает Асфальт?

— Ту, что похожа на кучу породы?

— Она была в Псевдополисе, — сияя улыбкой, сообщил Утес. — Она не сводит с меня глаз!

— Так что ты теряешься, парень? — ободрил его Золто, выливая слюну из трубы. — Разбей ее каменное сердце.

— Думаешь, она одна из тех поклонниц, о которых рассказывал Асфальт?

— Возможно.

Прочие новости разносились с не меньшей скоростью. Утро застало их в очередном перекрашенном номере гостиницы и порадовало высочайшим указом королевы Кели о том, что под страхом пыток группа обязана покинуть город в течение одного часа. Пришлось быстренько собирать манатки.

Телега прыгала по булыжной дороге, что вела в Щеботан. Бадди лежал на спине и смотрел в небо.

Она не появилась. Во время обоих выступлений он внимательно рассматривал публику, но ее так и не увидел. Как-то раз он даже встал посреди ночи и отправился бродить по пустынным улицам — вдруг она его тоже ищет? Однако теперь он уже сомневался в ее существовании. Честно говоря, он и в своем-то существовании был не совсем уверен — если не брать то время, что он проводил на сцене.

Вполуха он слушал разговоры других музыкантов.

— Асфальт?

— Да, господин Золто?

— Утес и я не могли кое-чего не заметить.

— Да, господин Золто?

— Ты повсюду таскаешь за собой тяжелую кожаную сумку.

— Да, господин Золто.

— И сегодня утром, как мне кажется, она стала еще тяжелее.

— Да, господин Золто.

— У тебя в ней деньги?

— Да, господин Золто.

— Сколько?

— Э... Господин Достабль сказал, чтобы я не волновал вас пустыми разговорами о деньгах.

— А мы не против чуток поволноваться, — отозвался Утес.

— Вот именно, — подтвердил Золто. — Более того, мы *хотим* поволноваться.

— Э-э... — Асфальт нервно облизнул губы. Похоже, что Утес не намерен был отступить. — Около двух тысяч долларов, господин Золто.

Телега по-прежнему прыгала по булыжникам. Местность немного изменилась. Появились холмы, фермы стали меньше размерами.

— Две тысячи долларов, — наконец произнес Золто. — *Две тысячи долларов. Две тысячи долларов. Две тысячи долларов.*

— Что ты все время это повторяешь? — спросил Утес.

— У меня ни разу даже *возможности* не было произнести это вслух. Две тысячи долларов...

— Ты потише.

— ДВЕ ТЫСЯЧИ ДОЛЛАРОВ!

— Ш-ш-ш! — отчаянно зашипел Асфальт, когда вопль Золто эхом разнесся между холмами. — Кругом же разбойники!

Золто не сводил взгляда с сумки.

— Это ты *мне* говоришь?

— Я не имел в виду господина Достабля!

— Мы на дороге между Сто Латом и Щеботаном, — терпеливо объяснил Золто. — А не в Овцепикских горах. Здесь цивилизация, а там, где цивилизация, на дорогах не грабят. — Он мрачно посмотрел на сумку. — Тут ждут, когда ты вернешься в город. Ха! Да когда на этой дороге в последний раз кого-нибудь грабили?

— Кажется, в пятницу, — донесся чей-то голос из-за ближайшей скалы. — Прокля...

Лошади поднялись на дыбы и галопом рванули вперед. Асфальт щелкнул кнутом почти инстинктивно.

Они придержали лошадей только через несколько миль.

— Не говори ничего о деньгах, хорошо? — прошипел Асфальт.

— Я — профессиональный музыкант, — сказал Золто. — И всегда думаю о деньгах. До Щеботана еще далеко?

— Уже гораздо ближе, — ответил Асфальт. — Всего пара миль.

За следующей грядой холмов оказался город, стоящий на берегу залива.

У закрытых городских ворот толпились люди. Лучи полуденного солнца отражались от шлемов.

— Как называются эти длинные палки с топорами на концах? — спросил Асфальт.

— Алебарды, — просветил его Бадди.

— Что-то многовато алебард, — заметил Золто.

— Перестаньте, — сказал Утес. — Мы-то тут при чем? Мы — всего лишь музыканты.

— А еще я вижу людей в длинных мантиях и с золотыми цепями, — сообщил Асфальт.

— Магистрат, — узнал Золто.

— Помните всадника, который обогнал нас сегодня утром? — спросил Асфальт. — Может, новости уже и досюда дошли...

— Да, но не мы же разнесли тот театр! — воскликнул Утес.

— Ага. Вы всего лишь шесть раз выступили на бис, — хмыкнул Асфальт.

— И беспорядки на улицах устроили не мы.

— Уверен, эти типы с пиками все поймут.

— Может, они просто не хотят, чтобы мы перекрашивали их гостиницы? — задумался Утес. — Я же говорил, оранжевые шторы не подходят к желтым обоям.

Телега остановилась. Толстый мужчина в треуголке и отделанной мехом накидке крайне неприветливо оглядел музыкантов.

— Это вы — музыканты, более известные под названием «Рок-Группа»? — спросил он.

— А в чем проблема, начальник? — поинтересовался Асфальт.

— Я — мэр Щеботана. А согласно щеботанским законам, музыка Рока не может исполняться на территории города. Можете сами убедиться, вот он, наш закон...

Он взмахнул свитком. Золто ловко выхватил у него пергамент.

— Чернила даже еще не высохли, — заметил он.

— Музыка Рока представляет собой нарушение общественного порядка, признана вредной для здоровья и морали и вызывает неестественные движения тела у в остальном здорового народонаселения, — парировал мэр и забрал у Золто свиток.

— Ты хочешь сказать, мы не имеем права въезжать в Щеботан? — спросил Золто.

— Въезжайте сколько угодно, — развел руками мэр, — но играть вы тут не можете.

Бадди вскочил.

— Но мы *должны* играть! — воскликнул он и взмахнул гитарой.

Паренек сжал гриф и угрожающе занес над струнами дрожащую руку.

Золто в отчаянии закрутил головой. Утес и Асфальт закрыли уши ладонями.

— Ага, — довольно усмехнулся гном. — Вижу, пришла наконец моя очередь вести переговоры.

Он спустился с телеги.

— Полагаю, ты, ваша милость, еще не слышал о музыкальном налоге?

— О каком-таком музыкальном налоге? — произнесли Асфальт и мэр одновременно.

— Он введен совсем недавно, — продолжил Золто. — В связи с невероятной популярностью музыки Рока. Музыкальный налог, пятьдесят пенсов с билета. Насколько помню, в Сто Лате он составил около двухсот пятидесяти долларов. А в Анк-Морпорке — в два раза больше, конечно. Патриций его придумал.

— Правда? Очень похоже на Витинари, — согласился мэр и задумчиво потер подбородок. — Двести пятьдесят долларов, говоришь? В Сто Лате? Городишко-то совсем никакой.

Встревоженный стражник с перьями на шлеме отдал честь.

— Прошу прощения, ваша милость, но в послании из Сто Лата говорится...

— Замолчи, — раздраженно оборвал его мэр. — Я думаю.

Утес склонился к гному:

— Это подкуп?

— Налогообложение, — возразил Золто.

Стражник еще раз отдал честь.

— Но, ваша милость, стражники...

— Капитан! — рявкнул мэр, не сводя задумчивого взгляда с Золто. — Это — большая политика! Так что заткнись!

— Еще и политика? — удивился Утес.

— А в качестве изъявления доброй воли, — вкрадчиво промолвил Золто, — мы предлагаем выплатить этот налог до выступления, а не после. Ну, что скажешь?

Мэр смотрел на них в полном изумлении, так как не мог представить себе, что у каких-то музыкантов могут быть такие деньги.

— Ваша милость, в послании говорится...

— Двести пятьдесят долларов, — повторил Золто.

— Ваша милость...

— Капитан, — произнес мэр, явно приняв некое решение, — тебе прекрасно известно, что жители Сто Лата не совсем нормальны. В конце концов, это всего лишь музыка. Я же говорил, что послание сразу показалось мне странным. Какой вред может причинить музыка? Кроме того, эти молодые лю... гм, тролли, гном и человек определенно пользуются успехом.

Судя по всему, последнее обстоятельство сыграло в колебаниях мэра решающую роль. Мелкими жуликами они быть не могли, ну кому может понравиться *мелкий жулик*?

— Да, но Псевдопо...

— А, они... Высокомерная толпа. Что плохого в музыке? — Он так и пожирал Золто глазами. — Особенно если она идет на пользу обществу. Пропусти их, капитан.

Сьюзен запрыгнула в седло.

Она знала это место. Даже была там однажды. Вдоль дороги установили новую ограду, но легче от этого не стало.

И время она тоже знала.

Именно после случившегося этот изгиб называли Поворотом Мертвеца.

— Привет, Щеботан!

Бадди взял аккорд и встал в свою фирменную позу. Его окружало едва заметное белое сияние, похожее на блеск дешевых бус.

— А! А-а-а! *И-и-и-и!*

Приветственные крики превратились в уже знакомую стену звука.

«Я думал, что нас убьют люди, которым мы не нравимся, — подумал Золто. — А теперь мне кажется, мы погибнем от рук людей, которые нас обожают...»

Он осторожно огляделся. Вдоль стен стояли стражники, капитан у них был не дурак... «Надеюсь, Асфальт подогнал телегу туда, куда я его

просил».

Он посмотрел на сверкающего в свете рампы Бадди.

«Пара выступлений на бис, потом вниз по черной лестнице и прочь отсюда», — подумал Золто.

Кожаная сумка была прикована цепью к ноге Утеса. Любому попытавшемуся ее украсть придется утянуть с собой и барабанщика, весившего целую тонну.

«Я даже не знаю, что мы будем играть, — подумал Золто. — И никогда не знал. Просто дую в трубу... и все. Это неправильно... Что-то тут не так».

Бадди взмахнул рукой на манер дискобола, и аккорд буквально прыгнул в уши зрителей.

Прежде чем музыка Рока заполнила его душу, Золто успел подумать: «Я умру. Это — часть музыки. Причем умру очень скоро. Я чувствую это. Каждый день. Смерть все ближе...»

Он снова взглянул на Бадди. Тот осматривал зал, словно искал кого-то в вопившей толпе.

Они сыграли «Музыку, Которая Трясет». Они сыграли «Туман Над Капустой». Они сыграли «Стремянку В Облака». (И сотни людей в зале поклялись, что утром же пойдут и купят гитары.)

Они играли с сердцем и особенно с душой.

Выбраться из зала им удалось только после девятого выступления на бис. Толпа все еще топала ногами, требуя музыки, когда они через окно в туалете спустились в переулок.

Асфальт высыпал содержимое мешка в кожаную сумку.

— Еще семьсот долларов! — объявил он, помогая музыкантам забраться на телегу.

— Отлично, — одобрил Золто. — А мы получаем всего по десять долларов.

— Скажи об этом господину Достаблю, — предложил Асфальт, когда лошади зацокали копытами, направляясь к городским воротам.

— Обязательно.

— Это неважно, — промолвил Бадди. — Иногда нужно работать ради денег, а иногда — ради представления.

— Ха! Ну уж нет, пусть другие ради этого работают!

Золто пошарил под сиденьем. Асфальт догадался поставить туда два ящика пива.

— Фестиваль — уже завтра, слышите, ребята? — проворчал Утес.

Они миновали арку ворот. Даже здесь был слышен топот тысяч и

тысяч ног.

— А после него мы заключим новый контракт, — кивнул гном. — Со множеством нулей.

— Нули есть и сейчас, — сказал Утес.

— Да, но цифр перед ними нет. Эй, Бадди!

Они обернулись. Бадди спал, прижав к груди гитару.

— Погас как свеча, — хмуро промолвил Золто. И отвернулся.

Дорога уходила вдаль, бледная под светом звезд.

— Ты говорил, что хочешь просто играть, — вспомнил Утес. — Говорил, что слава тебе не нужна. Ну, а что ты скажешь сейчас, когда куча золота лежит под твоими ногами, а девушки бросают к твоим ногам кольчуги?

— Придется с этим мириться.

— Вот разбогатею и куплю себе карьер, — мечтательно произнес тролль.

— Да?

— Да. В форме сердца.

Темная ночь накануне грозы. Карета без лошадей, проломив хлипкую, по сути дела бесполезную, ограду, падает с обрыва. Кувыряясь в воздухе, она достигает далекого дна ущелья — пересохшего русла реки, — где и рассыпается на части.

Вспыхивает вытекшее из каретных фонарей масло, раздается взрыв, и из клубов едкого дыма — трагедия тоже подчиняется законам жанра — выкатывается горящее колесо.

Самым странным было то, что Сьюзен не испытала при этом абсолютно никаких чувств. Она могла печально созерцать происходящее — потому что в таких обстоятельствах печаль уместна. Она знала, кто находится в карете. Но это уже произошло. И она ничего не могла сделать, чтобы это предотвратить, потому что, если бы она это предотвратила, ничего бы не произошло. Поэтому она просто смотрела, как все произошло. И ничего не предприняла. И это произошло. (Слишком много «произошло», но что поделать, если так все происходило?)

Она чувствовала, как логика ситуации устанавливается на место, подобно огромным свинцовым блокам.

Возможно, где-то этого *не случилось*. Возможно, карету занесло в другую сторону, возможно, под колесо попал нужный камень, возможно, карета вообще поехала по другой дороге, возможно, кучер вовремя вспомнил о резком повороте. Но такие возможности существуют только

при условии существования данной ситуации.

И это было не просто знание. Это знание пришло из разума очень, очень древнего.

«Иногда единственное, что ты можешь сделать для людей, — это поприусутствовать».

Она отвела Бинки в тень под скалой и стала ждать. Через пару минут она услышала звук падающих камней, и по незаметной, почти отвесной тропинке, ведущей из пересохшего русла реки, поднялся всадник.

Бинки раздула ноздри. Парапсихология не может объяснить то странное чувство, которое возникает, когда ты вдруг сталкиваешься лицом к лицу с самим собой^[26].

Смерть слез с лошади, оперся на косу и уставился на русло реки, проходившее далеко внизу.

«Он же мог что-нибудь сделать!» — подумала она.

Мог ли?

Смерть выпрямился, но не обернулся.

— ДА. Я МОГ ЧТО-НИБУДЬ СДЕЛАТЬ.

— Как... как ты узнал, что я здесь?...

Смерть раздраженно махнул рукой.

— Я ПОМНЮ ТЕБЯ, А ТЕПЕРЬ ПОСТАРАЙСЯ ПОНЯТЬ. ТВОИ РОДИТЕЛИ ЗНАЛИ, ЧТО ЭТО ДОЛЖНО БЫЛО ПРОИЗОЙТИ. ЧТО-ТО ГДЕ-ТО ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОЛЖНО ПРОИЗОЙТИ. ДУМАЕШЬ, Я НЕ ГОВОРИЛ С НИМИ? НО Я НЕ МОГУ ДАРИТЬ ЖИЗНЬ. Я МОГУ ТОЛЬКО... ПРЕДОСТАВЛЯТЬ ОТСРОЧКУ. НЕИЗМЕННОСТЬ. ТОЛЬКО ЛЮДИ СПОСОБНЫ ДАРИТЬ ЖИЗНЬ. А ОНИ ХОТЕЛИ ОСТАТЬСЯ ЛЮДЬМИ, ОНИ НЕ ЖЕЛАЛИ БЕССМЕРТИЯ. ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ, ОНИ УМЕРЛИ МГНОВЕННО. МГНОВЕННО.

«Я должна спросить, — подумала Сьюзен. — Обязана произнести эти слова, иначе *перестану* быть человеком».

— А я... я могу вернуться в прошлое и спасти их?... — Только легкая дрожь в ее голосе говорила о том, что это вопрос.

— СПАСТИ? РАДИ ЧЕГО? РАДИ ЖИЗНИ, КОТОРАЯ ИССЯКЛА? КОНЕЦ НЕИЗБЕЖЕН. Я ЗНАЮ. ИНОГДА Я ДУМАЛ ИНАЧЕ. НО... КТО Я БЕЗ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ? ДОЛЖЕН БЫТЬ КАКОЙ-ТО ЗАКОН.

Не оглядываясь, он вскочил в седло и пришпорил Бинки, направив ее прямо в пропасть.

Рядом с извозничьим двором на Федрской улице лежала копна сена. Она вдруг раздулась, и кто-то глухо выругался.

Долей секунды позже в элеваторе рядом со скотным двором кто-то закашлялся и тоже выругался, но уже более крепко.

А еще немного позже гнилые доски пола в старой лавке кормов на Короткой улице взлетели в воздух, и на сей раз бранное слово долго блуждало эхом среди мешков с комбикормом.

— Тупой грызун! — взревел Альберт, вытряхивая зерно из уха.

— ПИСК.

— Я так и думал. Но какого я размера, по-твоему?

Альберт смахнул с пальто солому и муку и подошел к окну.

— Ага, — сказал он. — А не заглянуть ли нам в «Залатанный Барабан»?

В кармане Альберта песок возобновил свое прерванное путешествие из будущего в прошлое.

Гибискус Дунельм решил закрыть таверну на часок-другой, чтобы прибраться. Процесс уборки был достаточно простым. Во-первых, он и его работники собирали неразбитые стаканы и кружки. Это длилось очень недолго. Потом наступало время бесцельных поисков оружия, которое можно было выгодно продать, а также быстрого обшаривания карманов посетителей, не способных возражать в силу того, что они (посетители, разумеется) были пьяными, мертвыми или и теми и другими. Потом в сторону сдвигалась мебель, и все остававшееся на полу выметалось через заднюю дверь в широкие коричневые объятия реки Анк, на поверхности которой все это скапливалось и постепенно тонуло.

Гибискус закрыл на засов огромную входную дверь...

Но она не закрывалась. Опустив взгляд, он увидел чей-то башмак.

— Мы закрыты, — сказал он.

— Нет.

Дверь распахнулась, и в зал вошел Альберт.

— Ты это лицо когда-нибудь видел? — грозно спросил он и сунул под нос Дунельму картонку.

Такое поведение было грубейшим нарушением всех правил приличия. Дунельм просто не выжил бы, если бы всем подряд рассказывал, кого он где видел. Дунельм мог всю ночь разносить выпивку и не увидеть ни единого лица.

— Не-а, — ответил он, даже не посмотрев на картонку.

— Ты должен мне помочь, — сказал Альберт. — Иначе случится нечто ужасное.

— Отвали!

Альберт пинком ноги захлопнул дверь.

— А я пытался быть вежливым... — процедил он.

Смерть Крыс, сидевший на его плече, подозрительно принюхивался.

Буквально через мгновение подбородок Гибискуса был прижат к грубым доскам одного из столов.

— Я точно знаю, что он сюда заходил, — сообщил Альберт, который даже не запыхался. — Потому что все сюда заходят, рано или поздно. Посмотри-ка еще раз. Только повнимательнее.

— Это же карта Каро, — невнятно пробурчал Гибискус. — Это — Смерть!

— Вот именно. На белой лошади. Его невозможно не заметить. Правда, он мог выглядеть по-другому.

— Слушай, я тебя не понимаю, — сказал трактирщик, пытаясь вырваться из железной хватки Альберта. — Ты спрашиваешь, не видел ли я кого-нибудь *не* похожего на него?

— Он вел себя странно. Более странно, чем остальные. — Альберт задумался на мгновение. — И много пил, если я не ошибаюсь. Он всегда очень много пьет.

— Знаешь, мы все-таки в Анк-Морпорке...

— Не наглей, иначе рассержусь.

— То есть это у тебя мирное состояние?

— Я сейчас немного взволнован. Но если хочешь, могу рассердиться.

— Был здесь один... несколько дней назад. Не помню точно, как он выглядел...

— Ага, он.

— Выпил все, что было, «Варвары-Захватчики» ему очень не понравились, в конце он рухнул как подкошенный, а потом...

— Что? Что потом?

— Не помню. Мы просто выбросили его.

— Через заднюю дверь?

— Да.

— Но там же река.

— Ну, большинству людей удастся оттуда выбраться, прежде чем они начинают тонуть.

— ПИСК, — встрял Смерть Крыс.

— Он что-нибудь говорил? — спросил Альберт, не обращая внимания на крысу.

— Молол что-то... Говорил, что якобы все помнит... даже по пьянке не может забыть. А еще... нес какую-то чушь о дверных ручках и...

неприятном солнечном свете.

— Солнечном свете?

— Вроде да.

Гибискус почувствовал, что его руку отпустили. Он выждал еще пару секунд, потом тихонько обернулся.

И никого не увидел.

Гибискус наклонился и осторожно посмотрел под столами.

Альберт вышел на предрассветную улицу и, покопавшись в кармане, достал свою коробку. Открыл ее, взглянул на жизнеизмеритель и быстро захлопнул крышку.

— Итак, — сказал он, — что дальше?

— ПИСК!

— Что?

Как раз в этот самый момент он получил удар по затылку.

Удар не был рассчитан на то, чтобы убить. Тимо Лазиман из Гильдии Воров знал, что происходит с ворами, убившими кого-нибудь. К ним для короткой беседы наедине приходили люди из Гильдии Наемных Убийц. И беседа была действительно очень короткой — на самом деле они говорили одно-единственное слово: «Прощай».

Он хотел просто оглушить старика, чтобы обшарить его карманы.

И никак не ожидал, что тело упадет с таким звуком. Это был звук разбившегося стекла, но с неприятными обертонами, которые продолжали отзываться эхом в голове Тимо, хотя давно должны были затихнуть.

Какая-то мелкая тварь, прыгнув с тела, вцепилась воришке прямо в лицо. Две костяные лапки схватили его за уши, а не менее костяной лоб резко опустил. Тимо заорал во всю глотку и бросился прочь.

Смерть Крыс перекувырнулся в воздухе, упал на землю и подбежал к Альберту. Он хлопал его по щекам, пинал, даже, будучи в полном отчаянии, укусил за нос.

Потом, схватив Альберта за воротник, Смерть Крыс попытался вытащить старика из канавы, но услышал, как предостерегающе звякнуло стекло.

Пустые глазницы воззрились на закрытую дверь «Барабана». Окостеневшие усики встали дыбом.

Через мгновение Гибискус открыл дверь, стук был поистине ужасным.

— Что, не видишь? Мы за...

Что-то проскользнуло между его ног, остановилось на мгновение, чтобы цапнуть трактирщика за лодыжку, а затем, отчаянно пригнувшись к

полу, помчалось в сторону черного хода.

Это место называлось Гад-парком не потому, что в округе жили сплошные нехорошие люди, а потому, что когда-то существовала такая мера площади — гад, — равняющаяся участку земли, которую мог вспахать человек при помощи трех с половиной волов в крайне дождливый четверг. Размер парка точно соответствовал такому участку, а жители Анк-Морпорка помимо денег свято чтили традиции.

Кроме того, здесь были деревья, трава и даже озеро с самыми настоящими рыбками. Благодаря причудливому историческому зигзагу парк считался сравнительно безопасным местом. Людей в Гад-парке грабили очень редко. Грабители, как и все остальные, нуждаются в безопасном местечке, где можно спокойно принять солнечную ванну и передохнуть. Поэтому парк считался нейтральной территорией.

И он уже заполнялся людьми, хотя смотреть еще было не на что, кроме как на рабочих, торопливо сколачивавших огромную сцену недалеко от озера. Участок земли за сценой был огорожен дешевой мешковиной, приколоченной к столбам. Некоторые особенно любопытные зрители пытались проникнуть за ограду, но стараниями помощников Хризопраза моментально оказывались в озере.

Среди других репетирующих музыкантов особенно выделялась группа Крэша. Частично потому, что Крэш лежал на траве голой спиной вверх, а Джимбо смазывал его раны йодом.

— Я думал, ты шутишь, — проворчал он.

— Типа, я же сказал, он — в твоей спальне, — пожал плечами Падла.

— Как я теперь буду играть на гитаре? — спросил Крэш.

— Ты все равно не умеешь на ней играть, — заметил Нодди.

— Да ты на руку мою посмотри.

Все посмотрели на его руку. Обработав раны, мать Джимбо надела на нее перчатку. Впрочем, царапины были неглубокими, даже самый тупой леопард не горит желанием долго находиться в обществе человека, который наваливается на него и пытается раздеть.

— Перчатка, — произнес Крэш ужасным голосом. — Кто-нибудь слышал о том, чтобы серьезный музыкант носил перчатку? Как я буду играть на гитаре?

— А как ты вообще смог бы на ней играть?

— Не понимаю, — вздохнул Крэш, — и зачем я с вами связался? Вы сдерживаете мое развитие как музыканта. Я уже начинаю подумывать о том, чтобы бросить вас и организовать собственную группу.

— Не получится, — откликнулся Джимбо. — Потому что хуже нас тебе не найти. Давайте честно признаем, мы — полное дерьмо.

Он высказал до сей поры замалчиваемое, но разделяемое всеми мнение. Другие музыканты, честно говоря, играли скверно. Но не более того. Некоторые даже обладали определенным талантом, остальные же просто не умели играть. Но у них не было барабанщика, который не мог попасть по барабанам, не было бас-гитариста с чувством ритма, как у дорожной аварии. Они давно выбрали себе название, пусть лишенное воображения, типа «Большой Тролль и Еще Тролли» или «Гномы В Натуре», но они знали, кем *являются*.

— А как насчет такого названия: «Мы — дерьмовая группа»? — спросил Нодди, сунув руки в карманы.

— Возможно, мы — полное дерьмо, — возразил Крэш. — Но настоящее дерьмо от музыки Рока.

— Так-так, — сказал Достабль, отодвинув в сторону занавес из мешковины. — Скоро начнется. А вы что здесь делаете?

— Мы — в программе, господин Достабль, — кротко произнес Крэш.

— Как вы могли оказаться в программе, если я не знаю вашего названия? — Достабль раздраженно ткнул пальцем в одну из афиш. — Здесь есть ваше название?

— Вероятно, мы относимся к категории «*И Воспоможествовательные Труппы*»? — предположил Нодди.

— А что стряслось с твоей рукой? — спросил Достабль.

— Штаны укусили, — ответил Крэш и свирепо посмотрел на Падлу. — Правда, господин Достабль, дай нам еще один шанс.

— Посмотрим, — загадочно произнес Достабль и удалился.

У него было слишком хорошее настроение для споров. Сосиски шли нарасхват, но они покрывали лишь незначительную часть расходов. Были и другие способы зарабатывать деньги на музыке Рока, о которых он раньше даже не подозревал... а С.Р.Б.Н. Достабль думал о деньгах постоянно. Например, футболки, сшитые из хлопка настолько дешевого, что при сильном свете они становились невидимыми и бесследно растворялись при стирке. Он продал уже шестьсот штук! По пять долларов каждую! А у клатчского оптовика он купил их по доллару за десяток и заплатил Мелу по полдоллара за печать.

А Мел, проявив не присущую троллю смекалку, даже напечатал свои футболки с надписью:

«Мел Ки

Поносная улица, 12

Уделаем Все»

И люди их покупали, платили деньги за рекламу мастерской Мела. Раньше Достабль не мог и мечтать о таком. Овцы сами себя стригли. Столь неожиданный поворот в коммерческой практике следовало использовать по полной программе.

Он уже продал эту идею мастеру Каблуччи с улицы Новых Сапожников^[27], и больше сотни футболок с его рекламой тоже были проданы, что намного превысило обычные объемы продаж того товара, которым торговал сам мастер. Люди покупали футболки только потому, что на них что-то было написано!

Достабль делал деньги. Тысячи долларов в день! Сотни музыкальных ловушек были установлены вдоль сцены, чтобы поймать волшебный голос Бадди. Если и дальше так пойдет, всего через несколько миллиардов лет у него будет такое богатство, о котором он никогда и не мечтал!

Да здравствует музыка Рока!

Лишь одно облачко омрачало счастье Достабля.

Фестиваль должен был начаться в полдень. Достабль намеревался сначала выпустить на сцену великое множество мелких плохеньких групп — то есть всех остальных участников, — а закончить праздник «Рок-Группой». А музыканты опаздывали. Ничего, бывает, что тут волноваться?

Но они опаздывали, и Достабль волновался.

Крошечная темная фигурка рыскала по берегам Анка с такой скоростью, что за ней практически невозможно было уследить. Опустив нос к земле, она выделяла отчаянные зигзаги.

Люди ее не видели. Зато видели крыс. Черные, коричневые и серые тела вылезали из складов, из-под причалов и, прыгая друг через друга, неслись куда глаза глядят.

Сток сена вспучился и родил Золто.

Гном покатился по земле и застонал. На поле падал мелкий морозящий дождик. Гном с трудом поднялся, оглядел бескрайние поля и на мгновение скрылся за оградой.

Появившись снова, он стал осматривать стог, пока не нашел место, показавшееся ему подозрительным, после чего принялся охаживать вспученность башмаками с металлическими носами.

— Ой!

— До-бемоль, — узнал Золто. — Доброе утро, Утес. Здравствуй, мир! Не-ет, кажется, такая бурная жизнь не для меня. Капуста, скверное пиво,

несвежие крысы...

Утес выбрался из стога.

— Видимо, вчера перебрал перебродившего хлорида аммония, — пробурчал он. — Моя голова еще на плечах?

— Да.

— Жаль.

Они за ноги вытащили из стога Асфальта и щедрыми пинками привели его в чувство.

— Ты — наш администратор, — сказал Золто. — Ты должен следить, чтобы с нами все было в порядке.

— А я чем занимаюсь? — пробормотал Асфальт. — Это же не я вас пинаю, а наоборот. Где Бадди?

Они обошли стог и проверили все подозрительные места, но не нашли ничего, кроме мокрого сена.

Бадди они обнаружили неподалеку, на небольшом пригорке, поросшем гнущимися под ветром кустами остролиста. Паренек просто сидел, положив гитару на колени, влажные волосы липли к его лицу.

Он спал, несмотря на то что промок до нитки.

Капли дождя с мелодичным звоном падали на струны гитары.

— Какой-то он странный, — сказал Асфальт.

— Вовсе нет, — возразил Золто. — Просто одержим непреодолимым влечением, которое ведет его по темным тропам.

— Я и говорю, странный.

Дождь стал стихать. Утес взглянул на небо.

— Солнце уже высоко, — заметил он.

— О нет! — воскликнул Асфальт. — Сколько времени мы спали?

— Столько же, сколько бодрствовали, — ответил Утес.

— Уже почти полдень. Где я оставил лошадей? Кто-нибудь видел телегу? Да разбудите же его!

Через несколько минут они уже отправились в путь.

— Знаете, — промолвил Утес, — вчера вечером мы так быстро смылись, что я даже не успел заметить, была она в зале или нет.

— А как, кстати, ее зовут? — спросил Золто.

— Не знаю, — пожал плечами тролль.

— Вот она, настоящая любовь, — восхитился Золто.

— Неужели в твоей душе нет ни капли романтики? — огрызнулся Утес.

— Какой романтики? Их взгляды пересеклись в многолюдной толпе? — уточнил Золто. — Нет, такого во мне нет...

Бадди наклонился и похлопал их по плечам.

— Заткнитесь, — сказал он низким, без всякого намека на юмор голосом.

— Да мы просто шутим.

— Не надо.

Асфальт, почувствовав явный недостаток дружелюбия, сосредоточился на дороге.

— Думаю, вам не терпится выступить на Фестивале, а? — спросил он какое-то время спустя.

Никто ничего не ответил.

— Думаю, огромная будет толпа, — сказал он.

Тишину нарушали только цокот копыт и гроыхание телеги. Они уже углубились в горы, дорога шла по краю пропасти, по дну которой текла река — правда, только в самое дождливое время года. Местность была мрачной. И Асфальт почувствовал, что с каждой минутой она становится еще более мрачной.

— Думаю, вы хорошо повеселитесь, — сказал он.

— Асфальт? — окликнул Золто.

— Да?

— Следи за дорогой.

Аркканцлер на ходу полировал свой посох. Посох был хорошим, все шесть волшебных футов длиной. Впрочем, к волшебству аркканцлер прибегал редко. Он из личного опыта знал, что любое существо, с которым не удалось разделаться ударами шестифутовой дубовой палки, скорее всего окажется невосприимчивым и к магии тоже.

— Э-э, аркканцлер, тебе не кажется, что старшие волшебники обидятся? Может, их все-таки стоило позвать? — спросил Думминг, едва за ним поспевая.

— Боюсь, как раз из-за них, учитывая их нынешнее состояние, то, что может произойти... — Он попытался подыскать нужное выражение, но вынужден был остановиться на следующем: — ...Произойдет только хуже. Я настоял на том, чтобы они остались в Университете.

— А как насчет Дронго и прочих? — не сдавался Думминг.

— А они нам помогут, если вдруг случится разрыв чудотворного пространства в особо больших пропорциях? — в ответ спросил Чудакулли. — Я сейчас вспоминаю бедного господина Хонга. Он стоял и раскладывал на блюде двойную порцию трески с бобовым пюре, как вдруг...

— Ба-бах? — догадался Думминг.

— Ба-бах? — переспросил Чудакулли, с трудом пробираясь сквозь толпу. — Скорее «А-а-а-а-э-э-ой-ой-ой-хрусь-хрусь-хрусь-хрясь». А потом нам на головы посыпалась сушеная еда. Вот скажи, Чокнутый Адриан и его друзья помогут, если с неба вдруг посыплется чипсы?

— Гм, вероятно, нет, аркканцлер.

— Правильно. Люди сразу начинают вопить и бегать кругами, а это еще никогда никому не помогало. Полный карман заклинаний и хорошо заряженный посох выручают в девяти случаях из десяти.

— В девяти из десяти?

— Именно, — подтвердил Чудакулли.

— И много раз ты прибегал к их помощи?

— Так... Был господин Хонг... Потом эта штука в шкафу казначея... Дракон, его ты помнишь... — Чудакулли шевелил губами и загибал пальцы. — Пока девять раз.

— И всегда помогало?

— Абсолютно! Никаких причин для беспокойства нет. Дорогу! Волшебники идут!

Городские ворота были открыты. Телега, нырнув в арку, загрохотала по городским улицам.

— Нужно заехать в одно место, — наклонившись к Асфальту, прошептал Золто.

— Но мы опаздываем, — возразил Асфальт.

— Много времени это не займет. Езжай на улицу Искусных Умельцев.

— Но она же на другом берегу реки!

— Это очень важно. Надо кое-что забрать.

На улицах было многолюдно. В этом не было ничего необычного, за исключением того, что сейчас все люди шли в одном направлении.

— А ты спрячься где-нибудь сзади, — повернулся Золто к Бадди. — Нам совсем не нужно, чтобы девушки принялись рвать с тебя одежду. Эй, Бадди!

Бадди снова уснул.

— Лично я... — начал было Утес.

— На тебе только набедренная повязка, — перебил его Золто.

— Но ее ведь тоже можно сорвать!

Телега катилась по узким улочкам, пока не выехала на улицу Искусных Умельцев.

Это была улица маленьких лавочек. На этой улице можно было

сделать, отремонтировать, изготовить, скопировать или подделать абсолютно все. За каждой дверью пылала печь, в каждом дворе дымили плавильни. Рядом с оружейниками трудились мастера по изготовлению замысловатых яиц с часовым механизмом. Плотники работали бок о бок с резчиками слоновой кости, которые вырезали фигурки настолько тонкие, что в качестве пилок приходилось использовать покрытые бронзой кузнечьи ножки. По крайней мере один мастер из четырех изготавливал инструменты, которыми пользовались трое других. Мастерские не просто примыкали друг к другу, они налезали одна на другую. Если столяр получал заказ на изготовление большого стола, он искренне надеялся на доброе отношение и понимание соседей. Он работал на одном конце стола, а другой в качестве верстака использовали два ювелира и гончар. Были мастерские, в которых утром вы делаете заказ и снимаете мерки, а в полдень уже получаете готовый кольчужный костюм плюс дополнительные штаны в придачу.

Телега остановилась у ничем не примечательной лавочки, Золто спрыгнул с телеги и скрылся внутри.

Асфальт услышал следующий разговор:

— Ты все сделал?

— Конечно, господин. Как и обещал.

— А играть она будет? Я же говорил, надо две недели сидеть в шкуре вола под водопадом, прежде чем хотя бы прикоснуться к инструменту.

— Послушай, господин. Тех денег, что ты мне платишь, хватит только на то, чтобы провести пять минут под душем, положив на голову кусок замши. И только попробуй сказать, что она не годится для народной музыки.

Раздался приятный звук, который, казалось, на некоторое время повис в воздухе, прежде чем уличный шум поглотил его.

— Мы говорили о двадцати долларах, верно?

— Нет, это вы говорили о двадцати долларах, а я говорил о двадцати пяти.

— погоди минутку.

Золто вышел на улицу и кивнул Утесу.

— Давай, выплевывай.

Утес заворчал, однако все же сунул пальцы в рот.

— Это еще что такое? — донесся из мастерской возглас искусного умельца.

— Коренной зуб, стоит не меньше...

— Сгодится.

Наконец появился Золто с мешком, который положил под сиденье.
— Все отлично, — сказал он. — Поехали в парк.

Они въехали в одни из задних ворот. Вернее, попытались въехать, потому что дорогу им тут же преградили двое троллей, покрытых благородной мраморной патиной, по которой можно было сразу узнать головорезов Хризопраза. Бригадиров у троллей не было. Большинство троллей недостаточно умны, чтобы руководить кем-то еще.

— Вход только для групп, — сказала одна из глыб.

— Вот именно, — подтвердила другая.

— А мы и есть «Группа», — обрадовался Асфальт.

— Которая? — спросил первый тролль. — У меня тут список.

— Вот именно.

— Мы — «Рок-Группа», — сказал Золто.

— Ха, хорош врать. Их мы видели. У них есть парень, который весь светится, а еще он играет на гитаре, которая делает так...

Вауауауауммммм-ииии-гнгнгн.

— Вот именно.

Аккорд яростно закрутился вокруг телеги. Бадди стоял, взяв гитару наизготовку.

— Вау, — восхитился первый тролль. — Клево! — Он пошарил под набедренной повязкой и выудил мятый клочок бумаги. — А не мог бы ты написать здесь свое имя. Мой сын Глина, он просто не поверит, что я видел самого...

— Хорошо, конечно, — устало произнес Бадди. — Давай сюда.

— Это не для меня, для моего мальчика, для Глины, — повторял тролль, подпрыгивая от волнения.

— Как пишется его имя? Через два «н»?

— Какая разница? Он все равно не умеет читать!

— Послушайте, — сказал Золто, когда телега в конце концов подъехала сзади к сцене. — Кто-то уже играет. Я же говорил, что мы...

К ним подскочил Достабль.

— Где вы были? Скоро ваш выход! Сразу же после... «Лапы вниз». Как все прошло? Асфальт, иди-ка сюда.

Он отвел плоского тролля в сторону.

— Деньги привез? — спросил он.

— Около трех тыся...

— Не так громко!

— Я говорю шепотом, господин Достабль.

Достабль воровато оглянулся. Настоящий житель Анк-Морпорка услышит слово «тысяча» на любом расстоянии, как бы тихо вы это ни произнесли. Более того, настоящий гражданин Анк-Морпорка услышит вас, стоит вам только *подумать* о таких деньгах.

— Глаз с них не спускай, понял? Я принесу еще до конца дня. Отдам Хризопразу его семь сотен, а остальные будут чистой приб... — Он почувствовал на себе взгляд маленьких глазок Асфальта. — Конечно, следует учитывать амортизацию оборудования... накладные расходы... расходы на рекламу... исследования рынка... сосиски... горчицу. Крупно повезет, если сведу концы с концами. Я режу себя без ножа.

— Конечно, господин Достабль. — Асфальт выглянул на сцену. — А кто сейчас выступает, господин Достабль?

— «И-ты».

— Что-что?

— Группа такая, только пишется она «&Ы». — Достабль немного успокоился и достал сигару. — Не спрашивай у меня почему. По-моему, настоящие музыканты должны назваться как-нибудь типа «Блонди и Его Весельчаки-Трубадуры». Ну, как тебе то, что играет? Хорошая группа или опять дрянь?

— А ты сам что, не можешь определить?

— *Это* я музыкой не называю, — важно промолвил Достабль. — Вот когда я был молодым, у нас была настоящая музыка, с настоящими словами. Типа: «Вот кто-то с горочки скатился, наверно, милый мой напился».

Асфальт снова посмотрел на «&Ы».

— Ну, ритм у них есть, под него вполне можно плясать. Но в них нет ничего особенного. То есть люди просто смотрят на них, и все. А когда выступает «Рок-Группа», они уже ничего не видят.

— Ты прав, пожалуй, — согласился Достабль и оглянулся на сцену.

Между свечами стояли музыкальные ловушки.

— Пойди и скажи им, чтоб готовились. Кажется, у этой группы кончились идеи.

— Гм, Бадди?

Он оторвал взгляд от гитары. Другие музыканты настраивали свои инструменты, но ему, как он понял, этого не требовалось. Он и не мог ее настроить. Колки не крутились.

— В чем дело?

— Гм, — повторил Золто и махнул рукой Утесу, который, глупо

улыбаясь, достал из-за спины мешок.

— Это... мы тут подумали... то есть все вместе... — нерешительно начал Золто. — Мы видели, как ты переживал, ты сказал, что починить ее невозможно, но в этом городе есть люди, способные на все, и мы начали расспрашивать, мы же видели, сколько она для тебя значила, в общем, на улице Искусных умельцев нашелся человек, который взялся ее сделать, хоть это и стоило Утесу очередного зуба, в общем, вот она, ведь ты был прав, мы на самой вершине только благодаря тебе, и мы знаем, что она значит для тебя, так что это своего рода благодарственный подарок, ну, что стоишь, *отдавай же!*

Утес, который опустил руки, когда вступительное слово гнома слишком затянулось, протянул мешок озадаченному Бадди.

Между двумя занавесками из мешковины просунулась голова Асфальта.

— Ребята, нам пора на сцену, — сказал он. — Пошли!

Бадди положил на пол гитару, открыл мешок и стал вынимать из него куски бумажной обертки.

— Она даже настроена, — услужливо подсказал Золто.

На землю упал последний кусок обертки, и арфа ярко засверкала на солнце.

— Эти умельцы творят настоящие чудеса. Берут обычный клей... и вот, — сказал Золто. — То есть ты сам говорил, что в Лламедосе не осталось ни одного мастера, а здесь, в Анк-Морпорке, можно сделать почти все.

— Ребята! — В щели снова появилась голова Асфальта. — Господин Достабль говорит, что вы должны выходить, зрители уже начали бросать всякие штуки!

— Я не больно-то разбираюсь в струнных инструментах, — пожал плечами Золто. — Но я провел по ней пальцами. Звучит... очень приятно.

— Я... я просто не знаю, что и сказать, — пробормотал Бадди.

Скандирование походило на удары гигантского молота.

— Я... выиграл ее, — улыбнулся Бадди, погружаясь в свой маленький уютный мирок из воспоминаний. — Благодаря песне. Про одного паренька по имени Джонни. Работал над ней всю зиму. Она о доме... понимаете? И о том, как тяжело покидать его. О деревьях и траве. Жюри очень понравилась эта песня. Мне даже сказали, что лет через пятьдесят я, возможно, научусь понимать музыку.

Он прижал арфу к груди.

Достабль с трудом пробился к Асфальту сквозь толпу музыкантов.

— Ну? Где они?

— Сидят и разговаривают, господин Достабль.

— Ты толпу слышишь? — спросил Достабль. — Они требуют музыку Рока! И если они ее не получают... в общем, пусть лучше получают, понял? Нет ничего плохого в том, чтобы немножко подождать, но... *Я хочу, чтобы они вышли на сцену немедленно!*

Бадди смотрел на свои пальцы. Потом поднял бледное лицо и поглядел на слонявшихся неподалеку музыкантов.

— Эй, ты... с гитарой... — хрипло произнес он.

— Я?

— Дай-ка ее мне!

Все начинающие анк-морпоркские музыканты относились к «Рок-Группе» с благоговейным трепетом. Гитарист протянул Бадди свой инструмент с таким выражением на лице, словно к нему с просьбой снизошел святой.

Бадди внимательно осмотрел инструмент. Это было одно из лучших творений господина Фендера.

Бадди взял аккорд.

Гитара звучала так, словно струны ее были сделаны из свинца.

— Так, ребята, в чем проблема? — осведомился подскочивший Достабль. — Шесть тысяч ушей ждут, когда же их наконец заполнят музыкой, а вы тут торчите?

Бадди вернул гитару музыканту и повесил на шею свою собственную. Затем взял несколько нот, которые, казалось, засверкали в воздухе разноцветными искорками.

— Но на этой я играть могу, — удивился он. — Да, могу.

— Хорошо, отлично, так иди и играй, — поторопил его Достабль.

— Эй, кто-нибудь, дайте мне гитару!

Музыканты, отталкивая друг друга, кинулись к Бадди со своими инструментами. Он взял пару из них на выбор и попробовал что-нибудь сыграть. Звук был не просто фальшивым. Назвать его фальшивым было бы высшей похвалой.

Путем нанесения очень сильных ударов по головам конкурентов делегация Гильдии Музыкантов расчистила для себя место у самой сцены.

Господин Клеть со злостью во взгляде воззрился на подмостки.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Обычная чепуха. Все то

же самое. Ничего, кроме шума. Что в нем хорошего?

— Мы еще не слышали главной группы, — ответил Губошлеп, который уже дважды чуть не затопал в ритм ногами. — Э-э... А нам точно стоит...

— Мы имеем на это полное право, — перебил его Клеть и оглядел ревушую толпу. — Там какой-то мужик торгует сосисками. Кто-нибудь хочет? Сосиску? — Члены Гильдии дружно закивали. — Сосиску? Так. Нам три со...

Публика аплодировала. Причем совсем не так, как аплодирует нормальная публика — когда аплодисменты появляются в одном месте, а потом распространяются по всему залу. Здесь аплодировали все одновременно, так же одновременно все открывали рты и орали.

На сцене появился Утес. Он расположился за своими камнями и бросил полный отчаяния взгляд за кулисы.

Вышел Золто и прищурился от яркого света.

Этого оказалось достаточно, чтобы толпа взвыла еще громче. Гном повернулся и сказал что-то, но его слова невозможно было разобрать из-за воплей. Потом он замолк, видимо чувствуя себя несколько неловко, и аплодисменты постепенно стихли.

Пошатываясь, словно его кто-то подталкивал, на сцене появился Бадди.

До этого момента господин Клеть считал, что толпа вопит очень громко, но только сейчас он понял, что это было всего лишь одобрительным бормотанием.

Рев все не стихал и не стихал, а юноша просто стоял на сцене, опустив голову.

— Но он же ничего не делает! — прокричал Клеть в ухо Губошлепу. — Они аплодируют и орут, потому что он ничего не делает?!

— Не знаю! — прокричал в ответ Губошлеп. Со всех сторон их окружали потные, орущие, голодные лица. Делегация Гильдии Музыкантов ощущала себя сборищем атеистов, случайно забредших на святое причастие.

Аплодисменты не стихали, а когда Бадди поднял руки к гитаре, они даже усилились.

— Он *ничего* не делает! — завопил Клеть.

— Тут наши законы бессильны, — проревел в ответ Губошлеп. — Его пока не в чем обвинять, музыки-то никакой нет!

Бадди поднял голову.

Его взгляд был настолько внимательным, что Клеть даже вытянул

шею, чтобы понять, на что так уставился этот пацан.

И ничего не увидел. Кроме пустого места справа от сцены.

Повсюду люди тесно жались друг к другу, но там, совсем рядом со сценой, оставался свободным клочок зеленой травы, который и приковал к себе внимание Бадди.

— А! А-а-а! И-и-и-и!..

Клеть зажал уши ладонями, голова его раскалывалась от грохота аплодисментов.

А потом постепенно, слой за слоем, аплодисменты стихли. Они превратились в тишину тысяч и тысяч людей, которая, по мнению Губошлепа, была куда более опасна.

Золто бросил взгляд на Утеса. Троль ответил ему жуткой гримасой.

Бадди по-прежнему стоял и смотрел на публику.

«Если он не заиграет, — подумал Золто, — нам всем конец».

— Телега готова? — прошипел он незаметно подскочившему Асфальту.

— Да, господин Золто.

— Лошадям овса задал?

— Как было приказано, господин Золто.

— Отлично.

Тишина была бархатной. Она походила на тишину в кабинете патриция, на тишину в святых местах и глубоких каньонах. Такая тишина пробуждает в людях непреодолимое желание закричать, запеть или проорать свое имя. Эта была тишина, которая требовала: «Заполни меня». В темноте кто-то кашлянул.

Асфальт услышал, как из-за кулис кто-то прошипел его имя. Крайне неохотно он прошагал в темноту, из которой его отчаянно манил Достабль.

— Та сумка, ну, ты понимаешь? — прошептал Достабль.

— Да, господин Достабль. Я положил ее...

Достабль протянул ему два маленьких, но очень тяжелых мешочка.

— Добавь туда вот это и будь готов к скорому отъезду.

— Хорошо, господин Достабль, потому что господин Золто сказал...

— Иди немедленно!

Золто огляделся.

«Если бросить трубу и шлем, скинуть кольчугу, — подумал он, — может, удастся выбраться отсюда живым? Что он делает?»

Бадди положил гитару на пол и ушел за кулисы. Вернулся он прежде, чем публика поняла, что именно происходит. И вернулся он с арфой.

И встал лицом к зрителям.

Золто, который находился ближе к нему, разобрал тихий шепот:

— Только один раз. Ладно? Ну пожалуйста. Всего один раз! А потом я сделаю все, что захочешь, обещаю. Я заплачу тебе.

Гитара ответила ему едва слышными аккордами.

— Я прошу тебя, понимаешь? Еще один аккорд.

— Всего один раз.

Бадди улыбнулся пустому месту рядом со сценой и начал играть.

Каждая нота была звонкой, как колокольчик, и простой, как солнечный свет, поэтому призма сознания расщепляла ее на миллионы цветов.

У Золто отвисла челюсть. А потом в его голове развернулась музыка. Но это была вовсе не музыка Рока, хотя вошла она в те же двери. Поток нот вызывал воспоминания о руднике, где он родился, о хлебе, который мама готовила на наковальне, о том, как он понял, что к нему пришла первая любовь^[28]. Он вспомнил свою жизнь в пещерах Медной горы, перед тем как город позвал его, и ему отчаянно захотелось вернуться домой. Он и не подозревал, что какой-то человек может пробудить такие чувства в гноме.

Утес отложил молотки. Те же самые ноты проникали в его изъеденные коррозией уши, превращаясь там в отзвуки каменоломен, в эхо, гуляющее над вересковыми пустошами. И когда музыка словно дымом заволокла его сознание, он пообещал себе, что после концерта вернется к старушке матери и никогда больше не оставит ее.

Господин Достабль вдруг почувствовал, что к нему в голову лезут странные и тревожные мысли. Они были связаны с вещами, которые нельзя продать и за которые не надо платить.

Профессор современного руносложения постучал по хрустальному шару.

— Звук какой-то слабый, — сказал он.

— Отойди, а то мне ничего не видно, — рявкнул декан.

Профессор современного руносложения сел. Все уставились на маленькое изображение.

— А где музыка Рока? — удивился казначей.

— Заткнись, — велел декан и громко высморкался.

Музыка была грустной. Но она размахивала этой грустью как боевым знаменем. Она говорила, что вселенная сделала все возможное, а ты все еще жив.

Декан, который был чувствительным, как мягкий воск, вдруг задумался: а не научиться ли ему играть на губной гармошке?

Последняя нота стихла.

Аплодисментов не было. Зрители немного расслабились, каждый из них потихоньку вернулся из любимого уголка воспоминаний. Кто-то шептал: «Да, так оно и есть» или «Мы вместе, брат». Многие сморкались, часто на соседей.

А потом, как бывает всегда, на них обрушилась реальность.

Золто услышал, как Бадди едва слышно произнес:

— Спасибо.

Гном чуть наклонился к Бадди и уголком рта прошептал:

— Что это было?

Бадди словно проснулся.

— Что? А... Эта песня называется «Джонни Би Гуд». Она тебе понравилась?

— В ней есть... отзвук настоящих нор, — признал Золто. — Определенно есть.

Утес кивнул. Только в том случае, если ты находишься далеко от родного рудника или горы, если ты живешь среди чужих тебе людей, если у тебя внутри осталось только щемящее небытие, — только в этом случае ты можешь по-настоящему петь про жизнь. И, разумеется, про норы.

— Она смотрит на нас, — прошептал Бадди.

— Невидимая девушка? — спросил Золто, оглянувшись на траву.

— Да.

— Ага, конечно, теперь я совершенно определенно ее не вижу. Ну и ладно. А сейчас, если ты не начнешь играть музыку Рока, мы все умрем.

Бадди взял гитару. Струны задрожали под его пальцами. Он чувствовал себя окрыленным. Ему позволили сыграть *это* перед всеми. Что будет дальше, не важно.

— Считайте, вы *ничего* не слышали. А вот сейчас... — сказал он.

И топнул ногой.

— Раз, два, раз, два, три, четыре...

Золто успел угадать мелодию, прежде чем музыка накрыла его с головой. Буквально минуту назад он слышал то же самое. Но теперь мелодия изменилась.

Думминг смотрел в коробку.

— Аркканцлер, кажется, нам удалось это поймать. Правда, не знаю,

что именно...

Чудакулли кивнул и окинул взглядом зрителей. Они слушали, широко раскрыв рты. Арфа очистила их души, а теперь гитара накоротко замыкала их позвоночники.

А еще он увидел пустое место рядом со сценой.

Чудакулли закрыл один глаз ладонью и прищурился так, что на другой глаз навернулись слезы. И довольно улыбнулся.

Но, повернувшись в сторону делегации Гильдии Музыкантов, Чудакулли вдруг с ужасом увидел, что Губошлеп потихоньку поднимает арбалет. Делал он это явно неохотно, но его в спину подталкивал господин Клеть.

Чудакулли поднял палец и сделал вид, что почесывает щеку.

Даже музыка не смогла заглушить звон разорвавшейся тетивы и последовавший затем вопль управляющего делами Гильдии, когда конец тетивы рассек ему ухо. Честно говоря, такой выход из положения аркканцлеру даже в голову не пришел.

— Вся беда в том, что мы, волшебники, дедовскими способами работаем, — ухмыльнулся Чудакулли. — Хат. Хат. Хат.

— Исключительно удачная мысль, — произнес казначей, наблюдая за пляшущими в хрустальном шаре крошечными фигурками. — Отличный способ за всем наблюдать. Может, посмотрим, что сейчас идет в Опере?

— А как насчет того, чтобы заглянуть в «Скунс», что на Пивоварной? — предложил главный философ.

— Зачем? — спросил казначей.

— Так просто, — быстро ответил главный философ. — Давно там не бывал. То есть с самого рождения, хе-хе. То есть вообще никогда, ну, вы меня понимаете? Игра слов такая...

— На самом деле, — сказал профессор современного руносложения, — так нельзя. Нельзя использовать магический кристалл не по назначению...

— А по-моему, лучше назначения не придумаешь, чем смотреть по нему музыку Рока, — удовлетворенно сказал декан.

Человек-Утка, Генри-Гроб, Арнольд Косой, Старикашка Рон, Запах Старикашки Рона и собака Старикашки Рона неторопливо прогуливались вдоль края толпы. Денек выдался урожайным. Денек всегда выдавался урожайным, когда Достабль торговал своими сосисками в толпе. Некоторую пищу люди не смогут проглотить даже под воздействием

музыки Рока. Даже горчица не способна заглушить определенные ароматы.

Арнольд собирал объедки и складывал их в корзинку на тележке. Суп под мостом будет сварен просто королевский.

Музыка обрушивалась на них гулким потоком, но они не обращали на нее никакого внимания. Музыка Рока имеет отношение к мечтам, а люди, живущие под мостом, ни о чем не мечтали.

Однако, когда над парком разнеслась другая музыка, которая брала каждого мужчину или женщину за руку и показывала им дорогу домой, они остановились.

Нищие стояли и слушали, широко раскрыв рты. Если бы нашелся хоть кто-нибудь, кого могли бы заинтересовать лица невидимых нищих, он, вероятно, отвернулся бы, скрывая навернувшиеся слезы...

Кроме господина Скребка. От него так просто не отвернуться.

Когда же группа заиграла музыку Рока, нищие вновь опустили на землю.

Все, кроме господина Скребка. Он просто стоял и смотрел.

Прозвучала последняя нота.

А потом, когда начало свой путь первое цунами аплодисментов, «Рок-Группа» убежала в темноту за сценой.

Достабль с довольным видом наблюдал за ними из-за кулис. Ему пришлось немного поволноваться, но потом все пошло своим чередом.

Кто-то подергал его за рукав.

— Куда они убегают, а, господин Достабль?

Достабль повернулся.

— Падла, если не ошибаюсь?

— Я — Крэш, господин Достабль.

— Видишь, Падла, они не дают публике то, что она хочет получить, — нравоучительно промолвил Достабль. — Это прием настоящего бизнесмена. Дождись, пока все до единого не завопят: «Дай! Дай! Дай!». А потом дай им желаемое. Учись, паренек. Когда публика затопает ногами от нетерпения, они вернутся. Превосходное чувство времени. Когда освоишь этот трюк, Падла...

— Крэш, господин Достабль.

— ...Тогда, может быть, научишься играть музыку Рока. Потому что музыка Рока, Падла...

— Крэш.

— ...Это не только музыка, — сказал Достабль, доставая из ушей ватные затычки. — Это еще много чего. Но не спрашивай меня, чего

именно.

Достабль закурил сигару. Пламя спички дрожало от грохота.

— Уже скоро, — сказал он. — В любую минуту. Сам увидишь.

В костре горели старые башмаки и комки ила. Серый силуэт обежал костер, тщательно принохиваясь.

— Гони, гони, гони!

— Господину Достаблю это совсем не понравится, — простонал Асфальт.

— Что ж, не повезло господину Достаблю, — сказал Золто, забрасывая Бадди на телегу. — А теперь я хочу увидеть искры, сыплющиеся из-под копыт, понимаешь меня?

— Гони в Щеботан, — пробормотал Бадди, когда телега загрохотала по мостовой.

Он сам не знал, почему именно в Щеботан. Просто этот город показался ему *правильным* местом назначения.

— По-моему, не слишком удачная мысль, — сказал Золто. — Там, наверное, еще не забыли ту телегу, которую я утопил в бассейне.

— Гони в Щеботан!

— Господину Достаблю это определенно не понравится, — сказал Асфальт, когда телега вылетела на тракт.

— В... любую... минуту, — повторил Достабль.

— Я тоже так думаю, — согласился Крэш. — Потому что уже слышен топот ног.

Сквозь аплодисменты явно прорывался звук глухих, тяжелых ударов.

— Погоди, — сказал Достабль. — Они все рассчитали *точно*. Никаких проблем. Аргх!

— Сигару полагается вставлять в рот другим концом, господин Достабль, — подсказал Крэш.

Восковая луна освещала Щеботанский тракт.

— Как вы узнали, что я приготовил телегу? — спросил Золто, когда все немного отдышались.

— Я не знал, — признался Бадди.

— Но ты же первый бежал!

— Да!

— Почему?

— Просто... было... пора.

— А зачем тебе вдруг понадобилось в Щеботан? — поинтересовался Утес.

— Я... я ведь смогу купить там плавучий дом? — спросил Бадди. — Да, я давно хотел плавучий дом.

Золто бросил взгляд на гитару. Что-то было не так. Не может все так просто закончиться... Не могли они так просто уйти...

Он покачал головой. Они уже далеко от города, что может случиться?

— Господину Достаблю это совсем не понравится, — снова заныл Асфальт.

— Заткнись, а? — рявкнул Золто. — Ну что, что ему, по-твоему, не понравится?

— Во-первых... — протянул Асфальт. — И, наверное, в самых главных... Больше всего ему не понравится... что мы забрали все деньги...

Утес пошарил под сиденьем. Раздался глухой звон — так звенит золото, которого много и которое очень удобно устроилось.

Сцена содрогалась от топота тысяч и тысяч ног. Уже были слышны недовольные крики.

Достабль повернулся к Крэшу и ужасно осклабился.

— Слушай, мне пришла в голову *превосходная* мысль, — сказал он.

Крошечный силуэт бежал по улице, ведущей от реки. Впереди, в сумерках, мерцали огни сцены.

Аркканцлер толкнул локтем Думминга и взмахнул посохом.

— А теперь, — сказал он, — если в реальности возникнет внезапная прореха и из нее полезут ужасные вопящие Твари, мы обязаны будем... — Он почесал затылок. — Как там выражается декан? Надраить им уши?

— Гм, аркканцлер, декан выражается несколько покруче. Обычно он говорит о заднице, — поправил его Думминг.

Чудакулли уставился на пустую сцену.

— Кстати о задницах, — вспомнил он.

Четверо членов «Рок-Группы» смотрели на залитую лунным светом долину Сто. Первым заговорил Утес:

— Сколько?

— Чуть меньше пяти тысяч долларов...

— ПЯТИ ТЫСЯЧ ДОЛ...

Утес быстро зажал Золто рот огромной ладонью.

— И как так случилось? — спросил Утес, с трудом удерживая извивающегося гнома.

— ММФ ММФММФ М МФММФ!

— Я немного растерялся. И все перепутал, — развел руками Асфальт. — Извините.

— Пожалуй, убежать нам не удастся, — сказал Утес. — С такими деньгами нам даже в другой жизни не скрыться.

— Я честно пытался все рассказать, — простонал Асфальт. — А может... у нас получится их вернуть?

— ММФ ММФ ММФ?

— Каким образом?

— ММФ ММФ ММФ?

— Золто, — промолвил Утес как можно более рассудительным тоном. — Сейчас я уберу ладонь. И ты не будешь кричать. Понял?

— Ммф.

— Договорились.

— *ВЕРНУТЬ?* ПЯТЬ ТЫСЯЧ ДОЛ... ммфмм-фммф.

— Полагаю, часть денег по праву принадлежит нам, — пожал плечами Утес и сжал гнома еще сильнее.

— Ммф!

— Лично я ни разу не получал зарплату, — припомнил Асфальт.

— Поехали в Щеботан, — настойчиво заявил Бадди. — Там возьмем то, что... наше, а остальное пошлем Достаблю.

Утес задумчиво почесал подбородок свободной рукой.

— Часть денег принадлежит Хризопразу, — сообщил Асфальт. — Господин Достабль занял у него деньги на организацию Фестиваля.

— Вот от кого нам точно не скрыться, — покачал головой Утес. — Разве что мы доберемся до самого Края и бросимся оттуда вниз. Хотя и это вряд ли поможет...

— Но мы ведь можем... все объяснить, верно? — предположил Асфальт.

У них перед глазами возникла блестящая мраморная голова Хризопраза.

— Ммф.

— Нет.

— Тогда в Щеботан, — подвел итог Бадди.

Алмазные зубы Утеса ярко блестели в лунном свете.

— Мне показалось... — сказал тролль. — Показалось, будто я что-то

услышал... Словно сбруя зазвенела...

Нищие-невидимки потянулись прочь из парка. Запах Старикашки Рона ненадолго задержался, так как очень любил музыку. А господин Скребок по-прежнему стоял неподвижно.

— У нас почти двадцать сосисок, — сообщил Арнольд Косой.

Генри-Гроб закашлялся так, словно у кашля был собственный скелет.

— Разрази их гром! — воскликнул Старикашка Рон. — Придумали шпионить за мной лучами?!

Что-то пронеслось по натопанной тропинке к господину Скребку, взлетело по его балахону и схватилось обеими лапками за капюшон.

Раздался глухой стук от удара двух черепов.

Господин Скребок попятился.

— ПИСК!

Господин Скребок заморгал и сел на землю. Нищие уставились на крошечную фигурку, подпрыгивающую на булыжниках. Нищие сами были невидимыми по своей природе, поэтому замечали то, чего не видели другие люди или, как в случае с Старикашкой Роном, любой глаз.

— Это — крыса, — удивился Человек-Утка.

— Проклятье... — пробубнил Старикашка Рон.

Крыса бегала кругами на задних лапках и что-то громко пищала. Господин Скребок снова мигнул... а потом Смерть встал на ноги.

— Я ДОЛЖЕН ВАС ОСТАВИТЬ, — сказал он.

— ПИСК!

Смерть зашагал прочь, потом вдруг остановился и вернулся. Он показал костяным пальцем на Человека-Утку.

— ПОЧЕМУ ТЫ ПОСТОЯННО ХОДИШЬ С ЭТОЙ УТКОЙ НА ГОЛОВЕ?

— С какой уткой?

— ИЗВИНИ. ВСЕ НОРМАЛЬНО.

— Послушайте, что в этом плохого? — спросил Крэш и отчаянно замахал руками. — У нас все должно получиться. Обычная история, какая-нибудь луна заболит, и вместо нее на сцену выходишь ты, вот он, твой шанс... и публика начинает сходить с ума *по тебе*. Такое сплошь и рядом случается!

Джимбо, Нодди и Падла посмотрели из-за занавеса на столпотворение у сцены и неуверенно кивнули.

Конечно, именно так все и происходит, но...

— Можем попробовать исполнить «Анархию в Анк-Морпорке», — неуверенно предложил Джимбо.

— Это у нас еще не разу не получилось, — сказал Нодди.

— Ну и что в этом плохого?

— Ладно, думаю, можно попробовать.

— Превосходно! — воскликнул Крэш и вызывающе поднял гитару. — Мы сможем! Ради секса, наркотиков и музыки Рока!

Он почувствовал на себе недоверчивые взгляды.

— А ты не говорил, что пробовал наркотики, — осуждающим тоном произнес Джимбо.

— Если уж на то пошло, — добавил Нодди, — не припоминаю, чтобы ты нам рассказывал, что занимался...

— Одно из трех — не так уж и плохо! — завопил Крэш.

— Конечно, каких-то жалких тридцать три процента, но...

— Заткнитесь!

Люди топали ногами и насмешливо хлопали. Чудакулли, прищурившись, навел свой посох.

— Есть такой Святой Бобби, — сказал он. — Наверное, это от него пошло выражение «надраить задницу».

— Что-что?

— На самом деле он был ослом, — пояснил Чудакулли. — Много сотен лет назад Омнианская церковь произвела его в сан епископа за то, что он всю жизнь таскал на себе какого-то там святого. И после смерти этому ослу поставили памятник. Особо трепетно верующие относятся к задней части памятника, потому что именно за эту часть животного держался святой, перед тем как отойти в иной мир. Говорят, если к ней прикоснешься, на тебя снизойдет благодать. Это к ослиному-то заду?! Как бы там ни было, задница памятника аж блестит, так ее отполировали. Наверное, отсюда и пошло выражение «надраить задницу»...

— Нет... нет... нет, аркканцлер, — помотал головой Думминг. — Вообще-то, это выражение обычно употребляют в армии. И не «надраить», а «надрать»...

— Интересно, а как определить, где у Тварей задницы? — продолжал Чудакулли. — У этих Тварей из Подземельных Измерений отовсюду торчат руки-ноги.

— Не знаю, аркканцлер, — устало произнес Думминг.

— В общем, мы начистим те их части, которые попадутся под руку...

Смерть догнал крысу только у Бронзового моста.

Никто не побеспокоил Альберта. Свалившись в канаву, он стал почти таким же невидимым, как, скажем, Генри-Гроб.

Смерть засучил рукав, его рука проникла сквозь пальто Альберта, будто сквозь туман.

— СТАРЫЙ ДУРАК. ВЕЧНО ТАСКАЕТ ЕГО С СОБОЙ, — пробормотал он. — ОН ЧТО, ДУМАЕТ, Я ЕГО УКРАДУ, ЧТО ЛИ?

Он поднял руку с осколком стекла. На нем блестела щепотка песка.

— ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ СЕКУНДЫ, — сказал Смерть и передал осколок Смерти Крыс. — НАЙДИ ЧТО-НИБУДЬ, КУДА ЭТО МОЖНО ПОМЕСТИТЬ. ТОЛЬКО НЕ РАССЫПЬ.

Смерть выпрямился и осмотрел мир.

Потом он услышал звон прыгавшей по булыжнику бутылки из-под пива, которую волок из «Залатанного Барабана» Смерть Крыс.

В ней несколько беспорядочно болтались тридцать четыре секунды песка.

Смерть поднял своего слугу на ноги. Время для Альберта остановилось. Его взгляд затуманился, часовой механизм тела работал на холостом ходу. Альберт висел на руке хозяина, как дешевый костюм.

Смерть выхватил бутылку и слегка ее наклонил. Жизнь едва заметно заструилась.

— ГДЕ МОЯ ВНУЧКА? — спросил он. — ТЫ ДОЛЖЕН МНЕ СКАЗАТЬ. ИНАЧЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ СТРАШНОЕ...

Альберт открыл глаза.

— Она пытается спасти того мальчика, хозяин! Она не понимает смысла Обязанностей...

Смерть привел бутылку в вертикальное положение. Альберт замер на полуслове.

— ЗАТО МЫ ЕГО ПОНИМАЕМ, — с горечью в голосе произнес Смерть. — ТЫ И Я.

Он кивнул Смерти Крыс.

— ПОЗАБОТЬСЯ О НЕМ.

Смерть щелкнул пальцами.

Ничего не произошло — не считая щелчка.

— Э... ДОСТАТОЧНО НЕЛОВКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. У НЕЕ ЧАСТЬ МОЕЙ СИЛЫ. КАЖЕТСЯ, Я ВРЕМЕННО НЕ СПОСОБЕН... Э-Э...

Смерть Крыс с готовностью пискнул.

— НЕТ. ПОЗАБОТЬСЯ О НЕМ. Я ЗНАЮ, КУДА ОНИ НАПРАВЛЯЮТСЯ. ИСТОРИЯ РАЗВИВАЕТСЯ ЦИКЛАМИ.

Смерть посмотрел на возвышающиеся над крышами башни Незримого Университета.

— ЕСТЬ В ЭТОМ ГОРОДЕ ЛОШАДЬ, КОТОРАЯ КАК РАЗ МНЕ ПОДОЙДЕТ...

— Погоди. Кто-то появился... — Чудакулли посмотрел на сцену. — Кто это?

Думминг тоже посмотрел на сцену.

— По-моему... люди, аркканцлер.

Толпа перестала топтать ногами, воцарилась зловещая тишина, словно говорившая: «Ну, если это опять какое-то дерьмо...»

Крэш шагнул вперед с широкой и абсолютно идиотской улыбкой на лице.

— Может быть, — согласился Чудакулли и добавил с надеждой: — Но вот увидишь, сейчас они развалятся пополам, и из них ка-а-ак полезут всякие ужасные Твари...

Крэш поднял гитару и попытался взять аккорд.

— Подумать только! — воскликнул Чудакулли.

— Аркканцлер?

— Звук точь-в-точь такой, как если бы кошка попыталась погадить с зашитой задницей.

Думминг был просто в ужасе.

— Аркканцлер, ты хочешь сказать, что когда-то заши...

— Конечно нет, но звук был бы именно таким. Уверен в этом.

Толпа замерла, не зная, как реагировать на последнее событие.

— Привет, Анк-Морпорк! — закричал Крэш и кивнул Падле, который попал по барабанам всего со второй попытки.

«И Воспоможествовательные Труппы» начали исполнение первого и, как оказалось, последнего своего номера. Вернее, трех номеров одновременно. Крэш пытался изобразить «Анархию в Анк-Морпорке», Джимбо застыл, потому что не видел себя в зеркале и вообще мог играть одну-единственную страницу из «Самомучителя Блерта Фендера» (да и та была содержанием), а Нодди запутался пальцами в струнах.

По мнению же Падлы, названия песен должны были интересовать кого угодно, но только не его. Он сосредоточился на ритме. Многим людям вовсе не приходится так напрягаться, но в случае с Падлой даже простой хлопок в ладоши требовал от него небывалой концентрации сознания. Падла в поте лица стучал в своем маленьком замкнутом мирке и поэтому не заметил, как зрители поднялись, словно прокисший суп, и накатились на

сцену.

Сержант Колон и капрал Шноббс мирно несли службу у Противовращательных ворот, по-товарищески делили самокрутку и слушали далекий рев Фестиваля.

— Похоже, вечер удался, — сказал сержант Колон.

— Именно так, сержант.

— Похоже, там беспорядки.

— Повезло, что мы не там, сержант.

Они услышали цокот копыт приближавшейся к воротам лошади. Всадник с трудом держался в седле. Когда же он подъехал поближе, стражники увидели искаженное лицо С.Р.Б.Н. Достабля, который сидел на лошади с грациозностью мешка с картошкой.

— Телега здесь не проезжала? — резко осведомился он.

— Какая именно, Достабль? — поинтересовался сержант Колон.

— Что значит, какая именно?

— Было две телеги, — ответил сержант. — Одна с парой троллей, а на второй ехал господин Клеть, ну, знаешь, из Гильдии Музыкантов...

— О нет!

Достабль прищипорил лошадь и ускакал в ночь.

— Что это с ним? — удивился Шнобби.

— Должно быть, кто-нибудь из этих задолжал ему пенни, — ответил сержант Колон и оперся на пикку.

Потом они услышали цокот копыт еще одной лошади. Стражники едва успели прижаться к стене, когда она пронеслась мимо.

Лошадь была белая и огромная. Мантия всадника развевалась на ветру, как и его волосы. Налетел порыв ветра, и лошадь с всадником скрылись на равнине.

Шнобби долго смотрел им вслед.

— Это была она, — сказал он наконец.

— Кто?

— Сьюзен Смерть.

Свет в кристалле сузился до точки и погас.

— Ну вот, даром истратили трехдневный запас магии, — недовольно пробурчал главный философ.

— Ни единый чар не пропал даром, — возразил заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— Живой концерт лучше, — заметил профессор современного

руносложения. — Очень не хватает пота, который на тебя капает.

— А мне показалось, что только толпа начала заводиться, как все и закончилось, — сказал заведующий. — Я думал...

Волшебники оцепенели от жуткого крика, потрясшего здание. В нем было что-то животное, но одновременно и каменное, металлическое, зазубренное, как пила.

Наконец профессор современного руносложения нашел в себе силы прошептать:

— Такой ужасающий, леденящий кровь, пронизывающий до мозга костей крик вовсе не значит, что произошло нечто кошмарное.

Волшебники осторожно выглянули в коридор.

— Он донесся откуда-то снизу, — сказал заведующий кафедрой беспредметных изысканий, направляясь к лестнице.

— Почему же ты идешь вверх?

— Потому что я не идиот.

— Но это может быть какая-нибудь ужасная Тварь!

— Правда? — заведующий побежал по лестнице еще быстрее.

— Хорошо. Поступай как хочешь. Это твое решение. Только не забудь, наверху живут студенты.

— А... э...

Заведующий кафедрой медленно спустился, с опаской поглядывая наверх.

— Послушайте, — сказал главный философ, — сюда невозможно проникнуть. Территория Университета защищена мощнейшими заклинаниями.

— Ты прав, — согласился профессор руносложения.

— Кроме того, мы ведь постоянно их усиливаем, что входит в наши обязанности, — продолжил философ.

— Э... да, конечно, усиливаем, — подтвердил профессор руносложения.

И тут звук раздался снова. В реве угадывался медленный пульсирующий ритм.

— Кажется, он доносится из библиотеки, — сказал главный философ.

— Кто-нибудь видел библиотекаря?

— Последнее время он постоянно возился с какими-то подозрительными штуками. Думаешь, он занялся чем-то оккультным?

— Это — Университет.

— Да, но я имел в виду что-нибудь еще более оккультное.

— Давайте держаться вместе.

- Я уже за кого-то держусь.
- Ведь если мы будем держаться вместе, кто на нас нападет?
- Ну, огромные страшные...
- Заткнись!

Декан открыл дверь в библиотеку. Там было тепло и тихо. Иногда раздавался шелест страниц, и нетерпеливо позвякивали цепи.

Серебряный свет струился в подвал с лестничной площадки. Из подвала периодически доносилось у-уканье.

- Кажется, он не сильно встревожен, — заметил казначей.

Волшебники крадучись спустились по лестнице. Дверью ошибиться было невозможно — из нее струился свет.

Волшебники вошли в подвал.

И затаили дыхание.

Оно стояло на возвышении в центре комнаты, озаренное светом свечей.

Это была воплощенная музыка Рока.

Высокая темная фигура вылетела из-за угла на Саторскую площадь и, продолжая набирать скорость, вбежала в ворота Незримого Университета.

Фигуру заметил только садовник Модо, который с довольным видом катил тачку с навозом по дорожке. День выдался удачным. Впрочем, для Модо почти все дни были удачными.

Он ничего не слышал о Фестивале. Не слышал о музыке Рока. Модо много о чем не слышал, потому что... не слушал. Ему нравился компост. А еще он любил розы, потому что им требовался компост.

По натуре своей он был абсолютно довольным жизнью гномом, который добился успеха в решении всех проблем ведения садоводства в чрезвычайно магическом климате. Его больше не беспокоили ни тля, ни белокрылка, ни всякие твари с щупальцами. Поддержание лужаек в надлежащем порядке представляет серьезную проблему, если по ним будут ползать всякие гадкие существа из других измерений.

Кто-то тяжело протопал по лужайке, оставив глубокие вмятины, и скрылся за дверью библиотеки.

- Вот те на, — расстроился Модо.

Волшебники снова задышали.

- Ничего себе, — сказал профессор современного руносложения.

- Опсихеть можно... — согласился главный философ.

- Вот что я называю музыкой Рока, — восхищенно произнес декан.

Он подошел ближе, всем своим видом напоминая скрягу, которого вдруг занесло в золотую шахту.

Свет отражался от черных и серебряных поверхностей, а и тех и других было предостаточно.

— Ничего себе, — как какое-то заклинание повторил профессор современного руносложения.

Чары рассеял казначей.

— По-моему, это мое зеркальце! С его помощью я выстригаю в носу волосы! — воскликнул он. — Готов поклясться, это оно!

Черное, разумеется, было черным, но серебряное серебром не являлось. Это были зеркала, блестящие жестянки, блески и проволоочки, которые библиотекарь где-то раздобыл и приладил на свое творение.

— ...Оно в такой маленькой серебряной рамочке... Почему оно приделано к этой двухколесной тележке? Два колеса, одно за другим? Как нелепо. Она просто упадет, можете мне поверить. А куда запрягать лошадь, позвольте спросить?

Главный философ ласково похлопал его по плечу.

— Казначей, — сказал он. — Совет одного волшебника другому, старина.

— Да? Что?

— Если *сию минуту* не заткнешься, декан тебя убьет.

На тележке стояли два колеса от телеги, одно за другим. Между ними было установлено седло, а перед седлом — труба с причудливым двойным изгибом, чтобы кто-либо сидящий в седле мог за нее ухватиться.

Конечно, вся конструкция была сделана из всякого мусора, и все же, особенно при мерцающем свете свечей, она обладала каким-то темным органичным качеством, не совсем жизнью, но чем-то динамичным и волнующим, напряженным и сильным, что заставляло декана дрожать. Она излучала нечто предполагающее, что одним только своим существованием и внешним видом она нарушает не менее девяти законов и двадцати трех указаний.

— Он влюбился? — спросил казначей.

— Нужно заставить ее двигаться! — завопил вдруг декан. — Она должна двигаться. Она для этого предназначена.

— Да, но что это такое? — спросил заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— Это шедевр! — воскликнул декан. — Триумф!

— У-ук?

— Может, ее надо толкать ногами? — прошептал главный философ.

Декан, думая о своем, лишь покачал головой.

— Мы ведь волшебники, верно? — спросил он. — Неужели мы не сможем заставить ее двигаться?

Он обошел конструкцию по кругу. Ветер от его усеянной заклепками кожаной мантии заставил пламя свечей колыхаться, и на стенах заплясали причудливые тени.

Главный философ прикусил губу.

— Я в этом совсем не уверен, — признался он. — Кажется, в ней и так уже хватает магии. Она действительно дышит... или это плод моего воображения?

Главный философ резко развернулся и погрозил пальцем библиотекарю.

— Это ты сделал?

— У-ук.

— Что он сказал?

— Он сказал, что не сделал, а только собрал, — перевел декан, не поворачиваясь.

— У-ук.

— Сейчас я на нее сяду, — сказал декан.

Волшебники почувствовали, как что-то утекает из их душ, а на пустое место приходит неуверенность.

— Послушай, старина, я бы этого делать не стал, — сказал главный философ. — А вдруг она как помчится...

— Плевать, — откликнулся декан, не спуская глаз с тележки.

— Я имею в виду, эта машина, она ж не из этого мира, — пояснил главный философ.

— Я прожил в этом мире больше семидесяти лет, — сказал декан, — и нахожу его крайне скучным.

Он вошел в круг и положил руку на седло. Седло задрожало.

— ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ.

На пороге подвала возникла высокая темная фигура. В несколько шагов она пересекла комнату и вошла в круг.

Костяная ладонь опустилась на плечо декана и вежливо, но настойчиво отодвинула его в сторону.

— БЛАГОДАРЮ...

Фигура вскочила в седло, схватилась за руль и повернулась к присутствующим.

В некоторых ситуациях нужно следовать сценарию...

В грудь декана уткнулся костяной палец.

— МНЕ НУЖНА ТВОЯ ОДЕЖДА.

Декан отступил на шаг.

— Что?

— ДАЙ МНЕ СВОЮ МАНТИЮ.

Декан крайне неохотно снял кожаную мантию и передал незнакомцу.

Одним движением Смерть облачился в нее. Так-то *лучше...*

— ТЕПЕРЬ ПОСМОТРИМ...

Синее пламя вспыхнуло на кончиках его пальцев и ломаными линиями побежало во все стороны, чтобы расцвести разрядами на каждом перышке и на каждой бусинке.

— Но мы же в подвале! — напомнил декан. — Это что, не имеет значения?

Смерть внимательно посмотрел на него.

— НЕТ.

Модо выпрямился, чтобы насладиться красотой клумбы, главное место на которой занимали самые превосходные черные розы, которые ему когда-либо удавалось вырастить. Чрезвычайно магический климат иногда шел на пользу растениям. Аромат роз висел в вечернем воздухе как благодарственные слова.

И тут клумба взорвалась.

Модо успел заметить только, как вспыхнуло пламя и что-то унеслось по дуге в ночное небо. А потом на него посыпался дождь из бусинок, перьев и нежных черных лепестков.

Модо покачал головой и отправился в сарай за лопатой.

— Сержант?

— Да, Шнобби?

— Взять, к примеру, зубы...

— Какие зубы?

— Которые у тебя во рту.

— А, понял, и что с ними?

— А как они соединяются там, сзади?

Сержант Колон ничего не ответил, пока не исследовал полость рта языком.

— И-и-э... — начал было он, потом прервался, распутал язык и повторил: — Интересное наблюдение, Шнобби.

Шнобби свернул самокрутку.

— Полагаю, сержант, ворота можно закрывать?

— Полагаю, да.

Приложив тщательно отмеренные, минимальные усилия, они закрыли огромные створки. Хотя в этом не было особой необходимости. Ключи были давным-давно потеряны. Даже вывеска со словами «Спасибо, Што Не Захватили Наш Горад» была едва видна.

— А теперь... — начал было Колон, но тут его внимание что-то привлекло. — Что это за свет? — удивился он. — И откуда доносится такой адский шум?

Синий свет плясал по стенам зданий в самом конце длинной улицы.

— Похоже на какое-то дикое животное, — заметил капрал Шноббс.

Свет превратился в два точечных ослепляющих луча.

Колон заслонил глаза ладонью.

— Смахивает на... лошадь или вроде того.

— Она мчится прямо на ворота!

Мучительный рев отражался от домов.

Капрал Шноббс прижался к стене. Сержант Колон, понимая, что должность «обвязывает», замахал руками.

— Не делай этого! Не надо!

А потом тяжело поднялся из грязи.

На землю мягко падали лепестки роз, перья и искры.

Прямо перед ним переливались синим светом края огромной дыры в воротах.

— Доски, наверное, совсем прогнили, — покачал головой он. — Надеюсь, нам не придется оплачивать ремонт ворот из собственного жалованья. Шнобби, ты случаем не заметил, кто это был? А, Шнобби?

— У него... была в зубах роза, сержант.

— Но ты сможешь его узнать, если увидишь снова?

Шнобби судорожно сглотнул.

— Откуда-то у меня такое чувство, сержант, — сказал он, — что мы с этим типом еще встретимся.

— Мне это не нравится, господин Золто! Совсем не нравится!

— Заткнись и рули!

— Но по такой дороге нельзя ехать быстро!

— Какая разница? Ты все равно ничего не видишь!

Телега прошла поворот на двух колесах. Повалил снег, мокрый и редкий, который таял, едва коснувшись земли.

— Но мы едем по горам! Рядом обрыв! Мы свалимся в пропасть!

— Предпочтешь, чтобы Хризопраз нас поймал?

— Но! Пошли!

Бадди и Утес судорожно цеплялись за борта мчавшейся в темноту телеги.

— За нами все еще гонятся? — прокричал Золто.

— Ничего не вижу! — ответил Утес. — Но, может, услышу, если ты остановишь телегу.

— Ага, а если ты услышишь их *совсем близко*?

— Но! Пошли!

— Может, стоит выбросить деньги за борт?

— ПЯТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ?!

Бадди попытался рассмотреть впереди хоть что-нибудь. Темнота обладала каким-то похожим на пропасть свойством, всего в нескольких футах от дороги в ней чувствовалась глубина.

Гитара тихонько наигрывала что-то под стук колес. Он поднял ее. Странно, но инструмент не замолкал ни на секунду, даже если крепко прижать струны обеими руками. Он уже пробовал.

Рядом лежала арфа. Ее струны не издавали ни звука.

— Это безумие! — закричал сидевший впереди Золто. — Придержи лошадей! Ты чуть нас не угробил!

Асфальт натянул вожжи. Телега сбавила скорость, лошади пошли шагом.

— Так-то лучше...

Гитара завизжала. Звук был настолько высоким, что словно иглами вонзался в уши. Лошади испуганно вздрогнули и понесли.

— Держи!

— Держу!

Золто развернулся, схватившись за сиденье.

— Немедленно выброси ее!

Бадди схватил гитару за гриф, встал и занес руку, чтобы выкинуть инструмент в пропасть. Но вдруг остановился.

— Бросай!

Утес попытался отобрать у него гитару.

— Нет!

Бадди взмахнул гитарой над головой и случайно врезал троллю по подбородку, сбив Утеса с ног.

— Нет!

— *Золто, придержи лошадей...*

Их обогнала белая лошадь. Темная фигура в мантии с капюшоном наклонилась в седле и схватила вожжи.

Телега налетела на камень и на мгновение взлетела в воздух, прежде чем с грохотом упасть обратно на дорогу. Асфальт услышал, как сломались столбы, когда телега столкнулась с оградой, увидел, как лопнули постромки, почувствовал, как телега развернулась...

...И остановилась.

Следующие мгновения были настолько богаты событиями, что Золто решил, будто бы виденное дальше ему просто померещилось. Он никогда никому не рассказывал, что ему показалось, будто телега и застряла на краю обрыва в неуверенном равновесии, и одновременно свалилась вниз на камни...

Золто открыл глаза. Видение преследовало его как кошмарный сон. Когда телегу развернуло, его бросило назад, и сейчас он лежал на заднем бортике.

И смотрел прямо в пропасть. За спиной затрещало дерево.

Кто-то держал его за ногу.

— Кто это? — спросил он шепотом, побоявшись, что более громкие слова нарушат хлипкое равновесие.

— Это я, Асфальт. А кто держит за ногу меня?

— Я, — ответил Утес. — Золто, ты за что там держишься?

— Да так... схватил что-то, — невразумительно ответил Золто.

Телега снова затрещала.

— За золото? — спросил Асфальт. — Признайся. Ты держишься за золото?

— Безумный гном! — закричал Утес. — Отпусти его, или мы все погибнем!

— Отпустить пять тысяч долларов равносильно смерти, — логично отозвался Золто.

— Дурак! Оно слишком тяжелое! Ты не сможешь втащить его!

Асфальт попытался нащупать более надежную опору. Телега качнулась.

— Скорее оно утащит тебя, — пробормотал он.

— А кто держит Бадди? — спросил Утес, когда телега осела еще на один дюйм.

Все замолчали, пытаясь сосчитать собственные конечности и понять, кто кого держит.

— Мне... кажется... он свалился в пропасть, — сказал наконец Золто.

Прозвучали четыре громких аккорда.

Бадди висел на заднем колесе, болтая ногами над пропастью, и

дергался в такт восьминотному соло, которое музыка исполняла на его душе.

Никогда не стариться. Никогда не умирать. Остаться жить вечно в этом последнем раскаленном добела моменте под рев толпы. Когда каждая нота как удар сердца. Вспыхнуть луной на небе.

Ты никогда не состаришься. И никто не скажет, что ты умер.

Такие условия. Ты навсегда останешься величайшим музыкантом в истории.

Живи быстро. Умри молодым.

Музыка дергала его душу.

Бадди медленно поднял ноги и коснулся ими скалы. Он собрался с духом, закрыл глаза и начал разжимать пальцы.

Его плеча коснулась чья-то рука.

— Нет!

Бадди открыл глаза.

Повернул голову и увидел на фоне телеги лицо Сьюзен.

— Что?... — пробормотал он, не находя от удивления слов.

Он разжал пальцы одной руки и неловко сбросил с плеча ремень гитары. Струны взвыли, когда он схватил инструмент за гриф и швырнул в темноту.

Но в этот самый момент пальцы его другой руки соскользнули с холодного колеса, и Бадди полетел в пропасть.

Стремительно мелькнуло белое пятно, и он тяжело плюхнулся на что-то бархатное, пахнувшее лошадиным потом.

Сьюзен поддержала его свободной рукой и направила Бинки сквозь мокрый снег вверх.

Лошадь опустилась обратно на дорогу. Бадди плюхнулся в грязь и приподнялся на локтях.

— Ты?

— Я, — ответила Сьюзен.

Она достала из чехла косу. Лезвие мгновенно ожило. Снежинки падали на него и разделялись на половинки, даже не замедляя скорости падения.

— Может, займемся твоими друзьями?

В воздухе чувствовалось напряжение, словно весь мир сконцентрировал свое внимание в одной точке. Смерть посмотрел в будущее.

— ПРОКЛЯТЬЕ.

Машина разваливалась. Библиотекарь сделал все, что мог, но кости и

дерево не могли выдержать такого напряжения. Перья и бусинки улетали прочь и, дымясь, падали на дорогу. Когда машина почти в горизонтальном положении вписалась в поворот, колесо распрощалось с осью и запрыгало по земле, роняя спицы.

Впрочем, это не имело особого значения. Место потерянных деталей занимало нечто похожее на душу.

Если взять блестящую машину и направить на нее свет, чтобы появились отражения и блики, *а потом убрать машину, но оставить свет...*

Оставался только лошадиный череп. Только он и дымящееся заднее колесо, бешено вращающееся в вилке из мерцающего света.

Это нечто промчалось мимо Достабля. Лошадь встала на дыбы, сбросила седока в канаву и рванула прочь.

Смерть привык двигаться быстро. Теоретически он был везде. Самый быстрый способ передвижения — это уже находиться там, где нужно.

Но он никогда не двигался так быстро и одновременно так медленно. На крутых поворотах его колесо проносилось всего в нескольких дюймах от земли.

Телега снова качнулась. Теперь и Утес смотрел в темную пропасть.

Кто-то коснулся его плеча.

— ХВАТАЙСЯ, ТОЛЬКО НЕ ПРИКАСАЙСЯ К ЛЕЗВИЮ!

Над ними склонился Бадди.

— Золто, если ты отпустишь сумку, я тебя...

— И не подумаю!

— На саване нет карманов, Золто.

— Значит, у тебя плохой портной.

В итоге Бадди нащупал чью-то свободную ногу и потянул. Один за другим музыканты выбрались на дорогу. И устали на Сьюзен.

— Белая лошадь, — сказал Асфальт. — Черная мантия. Коса. Гм.

— Вы ее тоже видите? — удивился Бадди.

— И надеюсь, нам об этом не придется жалеть, — пробормотал Утес.

Сьюзен подняла жизнеизмеритель и критическим взглядом посмотрела на песок внутри.

— Полагаю, договариваться о чем-либо уже поздно? — спросил Золто.

— Я просто смотрю, живы вы или нет, — пояснила Сьюзен.

— Я лично, кажется, жив, — сказал Золто.

— Надежда умирает последней.

Услышав громкий треск, все обернулись. Телега наконец соскользнула

в пропасть. На полпути она задела за каменный выступ, а потом рухнула на далекое дно ущелья, рассыпавшись на части. Вспыхнуло вытекшее из каретных фонарей масло, раздался взрыв, и из клубов едкого дыма выкатилось горящее колесо.

— Мы могли бы быть в этой телеге, — покачал головой Утес.

— Думаешь, сейчас мы в лучшем положении? — спросил Золто.

— Конечно. Мы ведь не погибли в горящих обломках.

— Да, но у этой вот девушки несколько... оккультный вид.

— Я не против. Всегда предпочитал оккультное хорошо прожаренному.

Бадди повернулся к Сьюзен.

— Кажется... я все поняла, — сказала она. — Музыка... исказила историю. В *нашей* истории ее быть не должно. Ты не помнишь, откуда она взялась?

— Из лавки в Анк-Морпорке, — ответил Утес.

— Из таинственной древней лавки?

— Не более таинственной, чем все в этом городе. Там...

— А вы еще раз заходили в нее? Она была на том же месте? На том же самом?

— Да, — сказал Утес.

— Нет, — сказал Золто.

— И там было много интересных товаров, о которых вам хотелось узнать побольше?

— Да! — воскликнули Золто и Утес одновременно.

— Ага, — кивнула Сьюзен. — Значит, эта лавка все-таки была из *тех* самых.

— Я сразу сказал, какая-то она странная! — воскликнул Золто. — Разве я вам не говорил? Так прямо и сказал. Жуткая лавчонка, всякие иллюминаты от таких просто без ума...

— Иллюминаты — это такие светлячки? — уточнил Асфальт.

Утес поднял ладонь.

— Снег прекратился, — заметил он.

— Я бросил эту штуку в пропасть, — сказал Бадди. — Она... она мне больше не нужна. Наверное, она разбилась.

— Вряд ли, — откликнулась Сьюзен. — Все не так...

— Эти облака... тоже понравились бы иллюминатам, — сообщил Золто, посмотрев на небо.

— А что в них такого привлекательного для светлячков? — не понял Асфальт.

И тут они почувствовали.... словно стены, окружавшие мир, исчезли. Воздух загудел от напряжения.

— Ну, что теперь? — спросил Асфальт, когда все инстинктивно прижались друг к другу.

— Это ты нам скажи, — огрызнулся Золто. — Ты же везде был, все видел.

Воздух озарился белым светом.

А потом воздух стал самым светом, белым, как лунный, и мощным, как солнечный. И появился звук, похожий на рев миллионов голосов.

И все они сказали:

«Позвольте представиться. Я — музыка».

Губошлеп зажег фонари.

— Да шевелись ты! — закричал господин Клеть. — Нужно *поймать* их. Хат. Хат. Хат.

— Зачем? Они ж и сами уехали... — проворчал Губошлеп, садясь в телегу. Господин Клеть моментально огрел хлыстом лошадей. — Ну, то есть они покинули город. А это главное.

— Нет! Ты же их видел! Они... *душа* всех наших бед. Мы не можем позволить им уйти!

Губошлеп отвел взгляд. Ему в голову в который уже раз пришла мысль, что оркестр разумности, дирижирует которым господин Клеть, играет далеко не в полном составе и что сам господин Клеть относится к категории людей, возвращающих свое безумие на почве полного хладнокровия и логики. Сам Губошлеп, несмотря на то что не испытывал особого отвращения к исполнению фокстрота на пальцах или фанданго на головах, никого не убивал — по крайней мере, умышленно. Он подозревал, что где-то внутри его все-таки есть душа, пусть с дырами и рваными краями, и лелеял надежду, что настанет день, когда бог Рег подыщет ему теплое местечко в своем небесном ансамбле. А вот убийце получить такое место будет значительно труднее. Убийцы выше альта не поднимаются.

— Может, отпустим их с миром? — предложил Губошлеп. — Они уже не вернутся...

— Заткнись!

— Но какой смысл...

Лошади встали на дыбы. Телега закачалась. Что-то пронеслось мимо нее и скрылось в темноте, оставив за собой полосу синего огня, который померцал немного и погас.

Смерть понимал, что рано или поздно ему надо будет остановиться. И до него постепенно начало доходить, что в словарном запасе этой странной конструкции нет таких понятий, как «Снизить скорость» или «Безопасное движение».

По самой своей природе эта машина не могла снизить скорость — ни при каких обстоятельствах, кроме драматическо-катастрофических.

В этом и была беда музыки Рока. Она любила все делать по-своему.

Нос машины угрожающе пошел вверх, скорость по-прежнему росла...

Абсолютная тьма заполнила вселенную.

— Это ты, Утес? — спросил голос.

— Ага.

— Отлично. А это я, Золто.

— Ага. Голос похож.

— Асфальт?

— Я здесь.

— Бадди?

— Золто?

— А... гм... та дамочка в черном?

— Да?

— Госпожа, ты случаем не знаешь, где мы очутились?

Земли под ними не было, но у Сьюзен не возникло ощущения, что она летит. Она просто стояла. И факт, что стоять было не на чем, не имел особого значения. Она не падала потому, что падать было некуда — или неоткуда.

География никогда особо не интересовала ее, но Сьюзен сильно сомневалась, что это место можно найти в каком-нибудь атласе.

— Я не знаю, где находятся наши *тела*, — осторожно ответила она.

— Превосходно, — услышала она голос Золто. — Правда? Я здесь, а мое тело — неизвестно где. А как насчет моих денег?

Послышались чьи-то шаги, где-то далеко, в темноте. Они приближались, медленно и неукротимо. А потом все стихло.

И раздался голос:

— Раз. Раз. Раз. Два. Раз. Два.

Шаги удалились.

Потом раздался другой голос:

— Раз, два, три, четыре...

И вселенная возникла.

Было бы неправильно назвать это сильным «ба-бахом». Это

подразумевало бы наличие только шума, а шум может создать только еще больший шум и космос, заполненный беспорядочными частицами.

Материя, вероятно, возникла в хаотичном виде, но причиной всему был аккорд. Первичный мощный аккорд. Все выплеснулось в едином порыве, содержащем внутри (в виде своего рода обратных окаменелостей) все, что должно было существовать.

И в этом разраставшемся облаке металась взад-вперед самая первая необузданная живая музыка.

У нее была форма. У нее была скорость. У нее был такт. У нее был ритм, под который хотелось танцевать.

И все танцевало.

«И я никогда не умру», — произнес голос внутри головы Сьюзен.

— Часть тебя присутствует во всем живом, — громко сказала она.

«Да. Я — ритм сердца. Я — ритм разума».

Вокруг нее по-прежнему никого не было. Мимо струился лишь свет.

— Но он выбросил гитару.

«Я хотела, чтобы он жил для меня».

— Ты хотела, чтобы он умер для тебя! Среди обломков телеги!

«Какая разница? Он бы все равно умер. Но умереть ради музыки...

Люди всегда будут помнить песни, которые ему так и не удалось спеть. И они будут самыми великими песнями в истории.

Вмести всю свою жизнь в одно мгновение. А потом живи вечно».

— Верни нас назад!

«А я вас никуда и не забирала».

Сьюзен заморгала. Они по-прежнему стояли на дороге. Воздух мерцал, потрескивал и был заполнен мокрым снегом.

Она повернулась и посмотрела на искаженное ужасом лицо Бадди.

— Пора идти...

Он поднял руку. Она была прозрачной.

Утес почти исчез. Золто отчаянно цеплялся за сумку с деньгами, но пальцы проскальзывали сквозь материю. Лицо его искажал ужас от грядущего Смерти или, того хуже, бедности.

— Он выбросил тебя! — закричала Сьюзен. — Так нечестно!

По дороге неслось пятно ослепительного синего света. Никакая телега не могла двигаться так быстро. Был слышен рев, который походил на крик разъяренного верблюда, увидевшего перед собой два «кирпича».

Пятно достигло поворота, тормознуло, налетело на камень и взлетело над пропастью.

Времени хватило только на то, чтобы глухой голос произнес:

— ВОТ ПРО...

...И на другой стороне ущелья расцвел яркий круг пламени.

Отскочив от скалы, кости полетели вниз, на дно пересохшей реки, где и упокоились.

Сьюзен резко развернулась, готовая нанести удар косой. Но музыка была в самом воздухе. Удар пришелся бы в пустоту.

Можно сказать вселенной: «Это нечестно». И услышать в ответ: «Правда? Что ж, извини».

Можно спасти людские жизни. Мгновенно перенестись в нужное место. Но потом что-то просто щелкнет пальцами и скажет: «Нет, так не пойдет. Пусть будет так. Позвольте объяснить вам, как должно быть. Как на самом деле творится легенда».

Сьюзен попыталась взять Бадди за руку. Она чувствовала ее, но только в виде холодного воздуха.

— Ты слышишь меня? — попыталась перекричать она победоносные аккорды.

Он кивнул.

— Это... похоже на легенду! Так должно случиться! И я ничего не могу поделать. Мне не убить музыку!

Она подбежала к краю обрыва. Телега уже догорала. И они были *там*, в огне...

— Я не могу ничего сделать. Так *нечестно!*

Она замолотила по воздуху кулаками.

— *ДЕДУШКА!*

Голубое пламя судорожно металось по пересохшему руслу.

Сустав пальца вдруг дернулся и покатился по камням, пока к другой, более крупной кости.

Потом к ним присоединилась третья.

В полутьме что-то загремело, и по руслу запрыгали разного размера белые косточки, а потом в небо устремилась вся кисть с вытянутым указательным пальцем.

Затем послышались другие звуки, более глухие, и по мокрым камням кувыркком покатались другие кости, уже более крупные.

— Я хотела как лучше! — кричала Сьюзен. — Зачем быть Смертью, если постоянно приходится соблюдать какие-то идиотские правила?

— ВЕРНИ ИХ.

Сьюзен изумленно повернулась. На ее глазах кость большого пальца ноги нырнула под мантию Смерти, занимая свое место.

Смерть шагнул вперед, одним движением вырвал из рук Сьюзен косу, взмахнул ею над головой и опустил на камень. Лезвие разлетелось.

Он наклонился и поднял осколок, который засверкал на его ладони, как крошечная звездочка синего льда.

— ЭТО НЕ ПРОСЬБА.

Снег затанцевал, когда заговорила музыка:

«Ты не можешь меня убить».

Смерть достал из-под мантии гитару. Она была раздавлена, но это не имело значения. Очертания ее то вспыхивали, то гасли, струны тускло светились.

Смерть встал в позу, за которую Крэш, не задумываясь, отдал бы жизнь, и поднял руку. В его руке блестел осколок. Если бы свет был способен издавать звуки, он сказал бы «дзинь».

«Он хотел быть величайшим в мире музыкантом. Закон следует соблюдать. У каждого человека своя судьба».

На сей раз Смерть не улыбнулся.

Он опустил руку на струны.

Звука не было. Наоборот, — звук прекратился, шуму пришел конец — только сейчас Сьюзен поняла, что все это время их окружал какой-то гул. И этот гул был раньше. Он был вокруг нее всю жизнь. Такого рода шум не слышишь, пока он вдруг не исчезнет.

Струны замерли.

Существуют миллионы аккордов. Существуют миллионы чисел. Но все забывают о нуле. Но без нуля числа — не более чем арифметика. Без пустого аккорда музыка — не более чем шум.

Смерть сыграл пустой аккорд.

Ритм замедлился и стал ослабевать. Вселенная продолжала вращаться, атомы двигались по своим орбитам. Но скоро это вращение прекратится, танцоры оглядятся по сторонам и задумаются: а что дальше?

«Еще не время! Сыграй что-нибудь другое!»

— НЕ УМЕЮ.

Смерть кивнул на Бадди.

— ЗАТО УМЕЕТ ОН.

Он бросил гитару Бадди, и она пролетела сквозь его бесплотное тело.

Сьюзен подбежала, подняла гитару и протянула ее Бадди.

— Ты должен взять ее! Должен сыграть! Ты должен снова начать

музыку!

Она стала отчаянно бить по струнам. Бадди содрогнулся от ужаса.

— Пожалуйста! — закричала она. — Не исчезай!

Музыка вопила в ее голове.

Бадди наконец удалось взять гитару, но смотрел он на инструмент так, словно видел его первый раз в жизни.

— А что будет, если он не станет играть? — спросил Золто.

— Вы все умрете!

— А ПОТОМ, — добавил Смерть, — УМРЕТ МУЗЫКА. И ТАНЕЦ ОСТАНОВИТСЯ. *ВЕСЬ* ТАНЕЦ.

Призрак гнома вежливо откашлялся.

— А нам заплатят за это выступление? — спросил он.

— ВЫ ПОЛУЧИТЕ ВСЮ ВСЕЛЕННУЮ.

— А бесплатное пиво?

Бадди прижал гитару и посмотрел на Сьюзен.

Потом поднял руку и заиграл.

Простой аккорд пронесся по ущелью и тут же вернулся назад, сопровождаемый странными гармониками.

— СПАСИБО, — сказал Смерть и взял у него гитару.

А потом резко повернулся и разбил ее о камни. Струны лопнули, и *что-то* полетело вверх, к снегу и звездам.

Смерть с довольным видом посмотрел на обломки у себя в руках.

— ВОТ ЭТО ДОСТОЙНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ МУЗЫКИ.

И он щелкнул пальцами.

Над Анк-Морпорком вставала луна.

Гад-парк опустел. Серебристый свет озарял обломки сцены, мусор и недоеденные сосиски, отмечавшие места, где совсем недавно стояли зрители. Кое-где поблескивали обломки музыкальных ловушек.

Спустя какое-то время одна из грязевых куч села и принялась отплевываться грязью.

— Крэш? Джимбо? Падла? — позвала она.

— Это ты, Нодди? — откликнулась жалкая фигурка, висевшая на одной из оставшихся балок сцены.

Грязевая куча вытряхнула грязь из ушей.

— Да! А где Падла?

— Кажется, его бросили в озеро.

— А Крэш жив?

Из-под горы мусора раздался стон.

— А жаль, — с чувством произнес Нодди.

Из темноты с хлопаньем появилась еще одна фигура.

Крэш наполовину выполз, наполовину выпал из мусора.

— Фам шледует прижнать, — прошепелявил он — во время выступления ему досталось гитарой по зубам, — что это была наштающаяся мужика Ро...

— Конечно, — подтвердил Джимбо и сполз с балки. — Но в следующий раз обходитесь без меня, лучше я попробую секс и наркотики.

— Папа сказал, что, типа, убьет меня, если я буду принимать наркотики, — сообщил Нодди.

— Да у тебя и так нет мозгов, чтобы еще наркотики принимать... — сказал Джимбо.

— А твои мозги сейчас окажутся на этой вот дубине...

— Кстати, болеутоляющее не помешало бы... — задумчиво проговорил Джимбо.

Рядом с озером зашевелилась куча тряпья.

— Аркканцлер?

— Да, господин Тупс?

— Кажется, кто-то наступил на мою шляпу.

— Ну и что?

— Она на моей голове.

Чудакулли сел и потянулся.

— Вставай, парень. Пора домой. И лично я с музыкой завязываю. Пусть ею всякие херцы занимаются.

Телега грохотала по извилистой горной дороге. Господин Клеть стоял на козлах и отчаянно охаживал кнутом лошадей.

Губошлеп с трудом поднялся на ноги. Край обрыва был настолько близко, что он мог заглянуть прямо в темную пропасть.

— Хватит, с меня довольно! — закричал он и попытался выхватить кнут.

— Перестань. Так мы их никогда не поймем! — завопил господин Клеть.

— Ну и что? Какая разница? Мне *понравилась* их музыка!

Клеть обернулся. Его лицо застыло в ужасной маске.

— Предатель!

Ручка кнута ударила Губошлепа в живот. Он попятился назад, попытался схватиться за борт и выпал из телеги.

Однако ему удалось-таки ухватиться одной рукой за что-то, что в темноте он принял за тонкую ветку. Болтаясь над пропастью, он нащупал ногами выступ в скале, зацепился второй рукой за поваленный столб ограды...

Он успел заметить, что телега поехала прямо, в то время как дорога делала резкий поворот.

Губошлеп закрыл глаза и не открывал их, пока не стих последний вопль и последний треск. Когда же он их открыл, то увидел, как по дну каньона катится горящее колесо.

— Вот это да, — покачал головой он. — Повезло мне, что под руку подвернулась... ве...

Его взгляд пополз вверх. И еще вверх.

— О ДА, ТЕБЕ ОЧЕНЬ ПОВЕЗЛО.

Господин Клеть сел и оглядел обломки телеги. Вокруг бушевал огонь. И как он умудрился остаться целым и невредимым после такого полета?... Тут он увидел, как сквозь пламя к нему направляется фигура в черной мантии.

В подобные вещи господин Клеть никогда не верил. Честно говоря, он вообще *ни во что* не верил. Но если бы он во что-то и верил, то уж всяко не в такую... мелюзгу.

Он опустил взгляд на то, что раньше было его телом, и обнаружил, что способен видеть сквозь себя землю. Он медленно исчезал.

— Вот те на! — воскликнул господин Клеть. — Хат. Хат. Хат.

Фигура улыбнулась и взмахнула крошечной косой.

— СН. СН. СН.

Прошло немало времени, прежде чем люди спустились в каньон и разгребли обломки телеги. Обломков было немного.

Среди углей были найдены человеческие кости. Предположения высказывались самые разные: что погибший был каким-то музыкантом... или что какой-то музыкант сбежал из города... или вообще произошло что-то совсем другое... Впрочем, какая разница, ведь мертвого не воскресишь?...

И никто не обратил внимания на прочий мусор. Вообще, на дне высохшей реки можно найти много чего. Здесь, допустим, валялся лошадиный череп, окруженный какими-то перьями и бусинками. Рядом лежали обломки гитары, разбитой, как яичная скорлупа. Правда, что за птичка могла вылупиться из такого яйца?

Сьюзен открыла глаза. Она почувствовала ветер на лице. Почувствовала руки вокруг себя, которые держали ее и одновременно сжимали поводья белой лошади.

Она наклонилась вперед. Далеко внизу неслись облака.

— Ну, хорошо, — сказала она, — а дальше что будет?

Смерть ответил не сразу.

— ОБЫЧНО ИСТОРИЯ РАЗВИВАЕТСЯ ДАЛЬШЕ ТАК, СЛОВНО НИЧЕГО И НЕ ПРОИСХОДИЛО. ОНА САМА СЕБЯ ЛЕЧИТ. ПЕРЕПИСЫВАЕТ, ЧТО ЛИ? ПРАВДА, КОЕ-КАКИЕ НЕУВЯЗКИ ВСЕ РАВНО БУДУТ ИМЕТЬ МЕСТО... У КОГО-ТО ОСТАНУТСЯ СМУТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О КАКОМ-ТО КОНЦЕРТЕ В КАКОМ-ТО ПАРКЕ. НО ЭТО НЕ СТРАШНО. ВЕДЬ НА САМОМ ДЕЛЕ НИЧЕГО НЕ БЫЛО.

— Но ведь это *было*!

— И ВМЕСТЕ С ТЕМ НЕ БЫЛО.

Сьюзен посмотрела на темную землю. Иногда внизу мелькали огоньки отдельных домов и деревенок, там люди жили своей жизнью и даже не подозревали, что летает у них над головами. Честно говоря, она им несколько завидовала.

— Но... — нерешительно промолвила она. — Но что тогда... я спрашиваю только в качестве примера... что тогда случилось с «Рок-Группой»?

— О... ИХ МОГЛО КУДА УГОДНО ЗАБРОСИТЬ. — Смерть внимательно поглядел на затылок Сьюзен. — ВЗЯТЬ, ОПЯТЬ ЖЕ В КАЧЕСТВЕ ПРИМЕРА, ТОГО ЮНОШУ. ВОЗМОЖНО, ОН УШЕЛ ИЗ БОЛЬШОГО ГОРОДА, НАПРАВИЛСЯ КУДА-ТО ЕЩЕ. ПОДЫСКАЛ РАБОТУ, ЧТОБЫ СВОДИТЬ КОНЦЫ С КОНЦАМИ. А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ЖДАЛ ПОДХОДЯЩЕГО СЛУЧАЯ. И ВСЕГО ДОБИЛСЯ САМ.

— Но той ночью, в «Барабане», он должен был умереть!

— НЕТ. ВЕДЬ ОН ТУДА НЕ ПРИХОДИЛ.

— Ты способен такое устроить? Его жизнь — она должна была закончиться! Ты же говорил, что не можешь дарить жизнь!

— Я — НЕТ. А ТЫ МОЖЕШЬ.

— Что ты имеешь в виду?

— ЖИЗНЬЮ МОЖНО ПОДЕЛИТЬСЯ.

— Но он... исчез. Скорее всего, я больше никогда его не увижу.

— ТЫ ПРИТВОРЯЕШЬСЯ. ТЫ ЖЕ САМА ЗНАЕШЬ, ЧТО УВИДИШЬ.

— Но...

— И ВСЕГДА ЭТО ЗНАЛА, ТЫ ПОМНИШЬ ВСЕ. КАК И Я. НО ТЫ — ЧЕЛОВЕК, И ТВОЯ ПАМЯТЬ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПОДЧИНЯТЬСЯ ТЕБЕ — ДЛЯ ТВОЕГО ЖЕ БЛАГА. НО КОЕ-ЧТО ВСЕ ЖЕ ПРОСАЧИВАЕТСЯ. ЧЕРЕЗ СНЫ, ЧЕРЕЗ ПРЕДЧУВСТВИЯ, ВИДЕНИЯ. НЕКОТОРЫЕ ТЕНИ НАСТОЛЬКО ДЛИННЫ, ЧТО ПОЯВЛЯЮТСЯ РАНЬШЕ СВЕТА.

— Кажется, я ничего не понимаю.

— НЕУДИВИТЕЛЬНО, ДЕНЬ БЫЛ ТЯЖЕЛЫЙ.

Под ними снова побежали облака.

— Дедушка?

— А?

— Ты насовсем вернулся?

— ВЕРОЯТНО. СТОЛЬКО ДЕЛ НАКОПИЛОСЬ...

— Значит, я могу больше не заниматься... Обязанностями? Кажется, у меня не слишком хорошо получалось...

— СОГЛАСЕН.

— Но ты только что нарушил много законов...

— ВОЗМОЖНО. ИНОГДА ОНИ НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ПОЖЕЛАНИЯ.

— Однако мои родители все равно умерли.

— Я НЕ МОГ ДАТЬ ИМ БОЛЬШЕ ЖИЗНИ. Я МОГ ЛИШЬ ПОДАРИТЬ ИМ БЕССМЕРТИЕ. ОНИ РЕШИЛИ, ЧТО ОНО ТОГО НЕ СТОИТ.

— Кажется... я понимаю, что они имели в виду.

— Я ВСЕГДА БУДУ РАД ВИДЕТЬ ТЕБЯ У СЕБЯ.

— Спасибо.

— ЭТО ТВОЙ ДОМ. ЕСЛИ ЗАХОЧЕШЬ.

— Правда?

— Я НЕ БУДУ ТРОГАТЬ ТВОЮ КОМНАТУ.

— Спасибо.

— В СМЫСЛЕ УБИРАТЬ.

— Извини.

— В НЕЙ ДАЖЕ ПОЛА НЕ ВИДНО. МОГЛА БЫ ХОТЬ НЕМНОГО ПРИБРАТЬСЯ.

— Извини.

Внизу мелькнули огни Щеботана. Бинки мягко опустилась на землю.

Сьюзен посмотрела на темные здания школы.

— Значит... я... все время находилась здесь? — спросила она.

— ДА. ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНИХ НЕСКОЛЬКИХ ДНЕЙ БЫЛА... ДРУГОЙ. ТЫ НЕПЛОХО СДАЛА ЭКЗАМЕНЫ.

— Правда? А кто их сдавал?

— ТЫ ЖЕ И СДАВАЛА.

— О. — Сьюзен пожала плечами. — А какую оценку я получила по логике?

— ПЯТЕРКУ.

— Перестань, я всегда получала пять с плюсом!

— НАДО БЫЛО ЛУЧШЕ УЧИТЬ.

Смерть вскочил в седло.

— Подожди, — остановила его Сьюзен.

Она знала, что просто обязана об этом спросить.

— ДА.

— А как же... ну, ты говорил, что изменение судьбы отдельного человека равносильно изменению судьбы всего мира?

— ИНОГДА МИР НУЖДАЕТСЯ В ПЕРЕМЕНАХ.

— О... Э... Дедушка?

— ДА?

— Э... качели. Те, что в саду. Я хочу сказать... они были очень хорошими. Хорошими качелями.

— ПРАВДА?

— Я была слишком молода, чтобы понять это.

— ТЕБЕ ОНИ РЕАЛЬНО ПОНРАВИЛИСЬ?

— У них есть... свой стиль. Сомневаюсь, что у кого-либо еще были такие качели.

— СПАСИБО.

— Но... это ничего не меняет, понимаешь? Мир по-прежнему полон глупцов. Люди совсем не используют свои мозги. Не хотят думать правильно.

— КАК ТЫ?

— По крайней мере, я пытаюсь. Например... если я находилась здесь все эти дни, кто сейчас лежит в моей постели?

— ДУМАЮ, КАК РАЗ СЕЙЧАС ТЫ ВЫШЛА ПОГУЛЯТЬ ПОД ЛУНОЙ.

— Значит, все в порядке.

Смерть закашлялся.

— ГМ...

— Прости?

— ЗНАЮ, ЭТО ПРОСТО СМЕШНО...

— Что?

— ГМ... ТЫ НЕ БУДЕШЬ ПРОТИВ ПОЦЕЛОВАТЬ СВОЕГО

ДЕДУШКУ НА ПРОЩАНИЕ?

Сьюзен молча смотрела на него.

Голубой огонь в глазницах Смерти медленно угасал, и свет, угасая, казалось, втягивал ее взгляд в глазницы и в темноту за ними...

...Которой не было конца, она продолжалась и продолжалась. И ее невозможно было описать словами. *Вечность* — это ведь людская придумка. Название сразу дает размеры, пусть даже невероятно огромные. Тогда как эта темнота была тем, что осталось, когда вечность умыла руки. И в ней жил Смерть. Один.

Она встала на цыпочки, пригнула к себе его голову и поцеловала в макушку. Макушка была гладкой и белой, как бильярдный шар.

Сьюзен отвернулась и, чтобы скрыть смущение, воззрилась на едва различимые в темноте здания.

— Надеюсь, я не забыла оставить окно открытым.

Да чего беспокоиться?... Будет как будет. Она должна знать, даже если потом будет злиться на себя за то, что спросила.

— Послушай, люди, с которыми я встречалась... как ты думаешь, я когда-нибудь увижусь с...

Сьюзен обернулась, но за ее спиной уже никого не было. Только следы от копыт таяли на булыжниках.

Окно было закрыто. Пришлось войти в дверь и подняться по темной лестнице.

— Сьюзен!

Сьюзен почувствовала, что начинает исчезать — по привычке. И заставила себя остановиться. В этом не было необходимости. На самом деле это никогда не было нужно.

В конце коридора в круге света она разглядела фигуру.

— Да, госпожа Ноно?

Директриса смотрела на нее так пристально, словно Сьюзен вот-вот должна была исчезнуть.

— С вами все в порядке, госпожа Ноно?

Старшая преподавательница наконец взяла себя в руки.

— Ты разве не знаешь, что уже полночь? А ты не в постели! Как не стыдно! И это никак не назовешь школьной формой!

Сьюзен опустила взгляд. Трудно учесть все мелочи. Она по-прежнему была в черном платье с кружевами.

— Да, — согласилась она, — вы правы. — И широко улыбнулась госпоже Ноно.

— Понимаешь, существуют школьные правила... — продолжала

выговаривать госпожа Ноно, но уже менее уверенным тоном.

Сьюзен похлопала ее по руке.

— Но зачастую это не более чем пожелания. А вы как думаете, Эвлалия?

Госпожа Ноно открыла рот. Госпожа Ноно закрыла рот. И Сьюзен вдруг поняла, что она довольно невысокого роста. У нее была высокая осанка, высокий голос и высокая манера поведения, она была высокой во всех отношениях, кроме роста. Самым удивительным было то, что ей удавалось скрывать это от других людей.

— Впрочем, мне пора в постель, — сказала Сьюзен, мозг ее бурлил от притока адреналина. — Кстати, вам тоже. Не стоит в столь поздний час бродить по продуваемым насквозь коридорам, особенно в вашем возрасте, — а, как вы думаете? Завтра — последний день. Вы же не хотите выглядеть усталой, когда приедут родители.

— Э... да. Конечно. Спасибо, Сьюзен.

Сьюзен еще раз улыбнулась директрисе и направилась в спальню, где разделась в темноте и нырнула под одеяло.

Тишину в комнате нарушали только посапывание девятирех девушек и похожий на звук камнепада храп спящей принцессы Нефриты.

А потом Сьюзен услышала, как какая-то девочка заплакала — тихонько, так чтобы никто ее не услышал. И плакала она довольно долго. Столько всего предстояло наверстать...

Высоко в небе над Плоским миром парил Смерть. Услышав этот плач, он кивнул. Можно выбрать бессмертие, можно выбрать человечность.

Но выбор каждый делает сам.

Был последний день семестра, и, соответственно, везде царила неразбериха. Некоторые девочки уезжали раньше других, постоянным потоком прибывали родители самого разного происхождения, так что ни о каких занятиях не могло быть и речи. В такой день допускается некоторое несоблюдение школьных правил.

Сьюзен, Глория и принцесса Нефрита направились к цветочным часам. Без четверти маргаритка.

Сьюзен чувствовала себя опустошенной и вместе с тем натянутой как струна. Казалось, что вот-вот с ее кончиков пальцев посыплются искры.

Глория принесла пакет вяленой рыбы, купленной в лавочке на улице Трех Роз. Пакет испускал запах горячего уксуса и густого холестерина.

— Папа говорит, я должна вернуться домой и выйти замуж за какого-

то тролля, — сообщила Нефрита. — Эй, если есть хорошие рыбные кости, я с удовольствием съем.

— А ты его знаешь? — спросила Сьюзен.

— Нет, но папа говорит, что гора у него просто огромная.

— Я бы на твоём месте не соглашалась, — прошамкала Глория сквозь полный рот рыбы. — В конце концов, мы живём в век Летучей Мыши. Я бы сказала «нет». Верно, Сьюзен?

— Что? — не поняла Сьюзен, задумавшаяся о своём, а потом, когда ей все повторили, кивнула: — Конечно, я бы сначала взглянула на него. Может, он окажется очень милым. А гору ты получишь в качестве премии.

— Да, это очень логично. А твой папа случайно не прислал его изображение? — спросила Глория.

— Прислал, — ответила Нефрита.

— Ну и что?

— Гм... Ну, он не лишен привлекательных расселинок и трещинок, — задумчиво проговорила Нефрита. — А ещё у него есть ледник, который, как говорит папа, не тает даже самым жарким летом.

Глория одобрительно кивнула.

— Судя по всему, приятный парень.

— Но мне всегда нравился Отрог из соседней долины. А папа его просто ненавидит. Но он много работает, копит деньги и уже накопил на собственный мост.

Глория вздохнула.

— Иногда так тяжело быть женщиной, — сказала она и подтолкнула локтем Сьюзен. — Хочешь рыбки?

— Я не голодна, спасибо.

— Очень хорошая. Не с душком, как обычно.

— Нет, спасибо.

Глория снова толкнула её локтем.

— Может, хочешь сама сходить за рыбкой? — спросила она и как-то хитро улыбнулась под бородой.

— С чего вдруг?

— Туда уже многие девчонки сбегали сегодня, — сообщила Глория и наклонилась поближе. — Там работает новый парень. Красавчик, вылитый эльфис.

Что-то дернулось и зазвенело внутри Сьюзен. Она встала.

— Вот что он имел в виду! Вот что ещё не произошло!

— Что? Кто? — не поняла Глория.

— Лавка на улице Трёх Роз?

— Да.

Дверь в дом волшебника оказалась открытой. Сам волшебник вынес на улицу кресло-качалку и тихонько дремал на солнышке.

Ворон сидел на его шляпе. Сьюзен подошла к грозно посмотрела на птицу.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

— Кар-кар, — откликнулся ворон и взъерошил перья.

— Хорошо, — кивнула Сьюзен.

Она зашагала дальше, понимая, что краснеет.

— Ха! — хмыкнул кто-то за ее спиной, но она предпочла не оборачиваться.

Что-то быстро промелькнуло в сточной канаве.

— СН. СН. СН, — произнес кто-то, прячущийся за оберткой из-под рыбы.

— Ага, очень смешно.

Сьюзен решительно шагала по улице. А потом она побежала.

Смерть улыбнулся, отодвинул в сторону увеличительное стекло и отвернулся от модели Плоского мира. Альберт внимательно наблюдал за ним.

— ПРОСТО ПРОВЕРЯЛ, — сказал Смерть.

— Конечно, хозяин, — согласился Альберт. — Я оседлал Бинки.

— ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО Я ПРОСТО ПРОВЕРЯЛ?

— Не сомневаюсь, хозяин.

— КАК ТЫ СЕБЯ ЧУВСТВУЕШЬ?

— Отлично, хозяин.

— БУТЫЛКА У ТЕБЯ?

— Да, хозяин. — Она стояла на полке в спальне Альберта.

Слуга проводил Смерть во двор, помог подняться в седло и подал косу.

— НУ, МНЕ ПОРА, — сказал Смерть.

— Нужно так нужно, хозяин.

— И ПЕРЕСТАНЬ УХМЫЛЯТЬСЯ.

— Конечно, хозяин.

Смерть выехал за ворота, но неожиданно для себя самого направил лошадь к тропинке, ведущей в сад.

В саду Смерть остановился перед одним из деревьев и долго-долго смотрел на него.

— А МНЕ КАЖЕТСЯ, ОЧЕНЬ ЛОГИЧНОЕ РЕШЕНИЕ, — наконец

пожал плечами он и дернул поводья.

Бинки послушно развернулась и рысью унесла его в мир смертных.

Перед ним раскинулись земли и города Плоского мира. Синий свет горел на лезвии косы.

Вдруг Смерть почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Он поднял голову и в ответ воззрился на вселенную, которая наблюдала за ним с удивленным интересом.

Голос, который способен был расслышать только он, спросил:

— Что, малыш-Смерть, решил немного побунтовать? Но против чего?

Смерть задумался. Может, кто-то и мог так сразу ответить на этот вопрос... но только не он.

Поэтому Смерть решил вообще ничего не говорить.

Он направил лошадь туда, где ждали его человеческие жизни. Приятно сознавать, что ты *нужен* людям.

А где-то далеко-далеко, в совсем другом мире, кто-то нерешительно взял в руки музыкальный инструмент, откликнувшийся эхом на ритм его души.

Она никогда не умрет.

Она здесь, чтобы быть.

notes

Примечания

1

А все из-за каких-то мелких квантов.

Кстати, достаточно редко рассматривается вопрос о том, где именно у Медузы росли змеи. Допустим, волосы под мышками, постоянно откусывающие горлышко у флакона с дезодорантом, способны доставить массу неудобств.

3

Капуста.

4

Капуста.

Любое существо, питающееся капустой и не волнующееся по поводу полного отсутствия друзей.

До прискорбного случая с топором Глория была капитаном школьной баскетбольной команды. Гномы не отличаются высоким ростом, но при необходимости способны развивать невообразимое ускорение. Игроки противоположной команды переживали настоящий шок при виде Глории, взмывающей к баскетбольному кольцу.

Или кристаллами метана. Или актиниями. Принцип один и тот же. В любом случае очень скоро эти часы оказываются погребенными под местными эквивалентами пивных банок и упаковок от гамбургеров.

Согласно некой деревенской легенде, расхожей в тех районах, где свиньи составляют неотъемлемую часть местной экономики, Санта-Хрякус (он же Дед Кабан) — мифическое существо, которое в канун Ночи Всех Пустых проезжает от дома к дому на дурацких санях, запряженных четверкой здоровенных диких кабанов с бивнями, вопит «Хо-хо-хо!» и раздает подарки в виде сосисок, кровяных колбас, требухи и ветчины детям, которые в прошлом году хорошо себя вели. Те дети, которые вели себя плохо, получают по мешку окровавленных костей (по этой незначительной детали можно судить, что данная сказка ориентирована прежде всего на запугивание озорников).

Как утверждают специалисты, легенда о Санта-Хрякусе берет начало в истории о местном короле, который зимней ночью случайно (согласно его утверждениям) проходил мимо дома, где жили три молодые девицы, и услышал, как они рыдают, потому что у них совсем нет еды, чтобы отпраздновать середину зимы. Король пожалел их и швырнул в окно приличную связку колбас (Что явилось причиной сотрясения мозга у одной из девушек, но это совсем не повод портить хорошую легенду).

Волшебники не признают балов. Очевидно, у них это слово вызывает какие-то неприятные ассоциации. Но раз в год они устраивают Волшебную вечерину, на которую могут приходить все, кто хочет, и это мероприятие является одним из наиболее значительных событий в светской жизни Анк-Морпорка. Библиотекарь, например, каждый раз с нетерпением ожидает этого дня, запасаясь устрашающими количествами бриолина.

Кроме Незримого Университета однажды, но то были шалости студентов.

В действительности самым маленьким помещением Незримого Университета была кладовая для швабр на четвертом этаже, а казначей имел в виду обычный сортир. Профессор эзотерических наук придерживался собственной теории, состоявшей в том, что самые хорошие книги, по крайней мере самые смешные (Книги с комиксами о забавных коровах и собачках и с фразами типа: «Увидев утку, Элмер сразу понял, что день не задался»), имеют тенденцию накапливаться в сортирах, но у людей не хватает времени их читать, *и они даже не понимают, как книги там оказываются*. Его тщательные исследования данной проблемы приводили к жестоким запорам и длинным очередям у дверей туалета каждое утро.

Тем более что с неприятелем оно ничего особенного сделать не могло.

Он был волшебником. А что такое для волшебника старый как мир удар «от трех бортов в лузу»? Ничего оригинального. О нет, самым красивым ударом аркканцлера был «от борта в чайку, в затылок казначея, который шел по коридору В ПРОШЛЫЙ ВТОРНИК (небольшое завихрение во времени), и замысловатый рикошет от потолка». Шар прошел буквально на волосок от лузы, но менее эффектным удар от этого не стал.

И это соответствует действительности. Природа способна приспособиться к чему угодно. В реке действительно ЖИЛИ рыбы, представляющие собой нечто среднее между мягкокожим крабом и промышленным пылесосом и взрывающиеся в обычной чистой воде. Что используется в качестве наживки для такого рода рыб — уже совсем другой вопрос, главное, что эти существа были РЫБАМИ, а настоящий спортсмен, каковым и был Чудакулли, не придает значения вкусу добычи.

И весьма неудачная. На самом деле глухота не мешает композиторам слышать музыку. Она всего-навсего мешает им услышать фальшь.

И дело было не во вкусе сосисок. Большинство подобных продуктов отвратительны на вкус, но Достаблю удалось создать сосиски, полностью лишенные вкуса. Это было сверхъестественно. Вне зависимости от количества горчицы, кетчупа и соленых огурчиков сосиски все равно оставались безвкусными. Таких результатов не удавалось достичь даже сосискам, которые продают полночным пьяницам в Хельсинки.

Троллье пиво представляет собой растворенный в спирте сульфид аммония и по вкусу напоминает забродившие аккумуляторы.

Думминг много недель полировал линзы, выдувал из стекла всякие сложные штуки, и наконец ему удалось создать прибор, показывающий, что в одной капле воды из Анка живет огромное количество крошечных существ. Но аркканцлер мимоходом заглянул в линзу и заявил, что жидкость, в которой существует такая жизнь, не может быть вредной для здоровья.

Ну, хорошо, хорошо — ВСЕ гномьи песни. Кроме знаменитой «Хай-хо».

Азартные игры троллей значительно проще даже австралийских. Одной из самых популярных является игра под названием «брось монетку», которая заключается в подбрасывании монеты и заключении пари на то, упадет она или нет.

В истории Анк-Морпорка крысы сыграли немалую роль. Незадолго до прихода к власти патриция случилось ужасное нашествие крыс на город, и в качестве метода борьбы городской совет предложил выплачивать по двадцать пенсов за каждый крысиный хвост. На неделю или две количество крыс действительно снизилось, но потом люди с крысиными хвостами стали выстраиваться в огромные очереди, городская казна опустела, а все только и делали, что гонялись за крысами. Которые по-прежнему кишмя кишели повсюду. Лорд Витинари внимательно выслушал объяснение проблемы и решил ее одной-единственной памятной фразой, которая много говорила о нем самом, о глупости идеи с вознаграждением и о врожденных инстинктах истинных анк-морпоркцев. «Обложите налогом крысиные фермы», — сказал патриций.

От старинного «wys-ars», буквально: «тот, кто очень остро все чувствует».

Или, по крайней мере, НА реку.

Зато крайне ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ полчаса.

Старые башмаки есть в любом шкафу. Если бы, скажем, у РУСАЛКИ был шкаф, в нем тоже стояла бы пара старых башмаков.

Хотя, честно говоря, люди переживают это чувство постоянно.

«КАБЛУЧЧИ, Падметки Режем На Хаду, ПРАЧУСТВУЙТЕ НАШИ ГВОЗДИ».

У него даже сохранился тот самородок.